

2269487 Майкл Крайтон

ЧЕЛОВЕК-ТЕРМИНАЛ

МАЙКЛ КРАЙТОН

**Американский фантаст, золотое перо Голливуда !!!
Автор сценария самого кассового фильма 1993 года
"ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА"**

МАЙКЛ
КРАЙТОН

**ЧЕЛОВЕК-
ТЕРМИНАЛ**

**ШТАММ
«АНДРОМЕДА»**

КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕНАС
1994

МАЙКЛ
КРАЙТОН

SVENAS

ББК 84.4 США
К78

Первый роман известного американского фантаста поднимает проблемы моральной ответственности ученых за результаты производимых ими секретных экспериментов. Моделируется ситуация, когда объект экспериментов выходит из-под контроля. Во втором романе рисуется фантастическая, но вполне правдоподобная картина заражения нашей планеты внеземным бактериальным штаммом.

Перевод с английского

Художник *В. Ф. Лазарев*

К 47030040100—000 Без объявл.
СВЕНАС—94

ISBN 5-85722-063-7

© Составление. Издательство
«СВЕНАС», 1994
Художественное оформление,
иллюстрации. В. Ф. Лазарев,

ЧЕЛОВЕК- ТЕРМИНАЛ

РОМАН

Подготовка к эксперименту

! В полдень они спустились в приемный покой и сели на скамейку возле распашных дверей, что вели на больничную автостоянку. Эллис нервничал и был рассеян. Моррис, напротив, выглядел умиротворенным. Он сосал леденец, а обертку от конфеты засунул в карман своего белого халата. Им хорошо была видна залитая солнечным светом стоянка, большая надпись: «Приемный покой» и рядом надпись поменьше: «Парковка только для автомобилей клиники». Издали послышалась сирена.

— Может, это он? — спросил Моррис.

Эллис взглянул на часы:

— Вряд ли. Слишком рано.

Они сидели, прислушиваясь к приближающемуся вою сирены. Эллис снял очки и протер их кончиком галстука. Медсестра из приемного покоя (ее имени Моррис не знал) подошла к ним и спросила:

— В регистратуру?

Эллис взглянул на нее краешком глаза.

— Нет, мы заберем его прямо отсюда, — сказал Моррис. — Его медицинская карта здесь у вас?

— Наверное, — проронила сестра и ушла с недовольным видом.

Моррис сказал:

— Она ничего не имела в виду, только то, что спросила.

— А мне кажется, вся эта чертова клиника знает, — ответил Эллис.

— Ну, подобные вещи трудно сохранить в тайне.

Звуки сирены стали совсем близкими.

В окно они увидели, как машина «скорой помощи» остановилась у крыльца. Два санитары распахнули двери и вытащили носилки с тучной пожилой женщиной. Она тяжело дышала, издавая горлом низкие клокочущие звуки.

«В пульманологию привезли»,— подумал Моррис, наблюдая, как женщину заносят в больницу.

— Надеюсь, он в хорошем состоянии,— сказал Эллис.

— Кто?

— Бенсон.

— А почему ему не быть в хорошем состоянии?

— Ну, эти парни могли над ним немного поработать.

Эллис сумрачно уставился в окно.

«Он определенно сегодня в дурном настроении»,— подумал Моррис. Он знал, каким бывает Эллис, когда волнуется,— они провели вместе достаточно операций, и Моррис успел изучить поведение своего старшего коллеги в подобных случаях: нервозность, раздражительность перед операцией, а потом полное, немного даже ленивое спокойствие во время операции.

— Ну какого же черта он не едет? — сказал Эллис, вновь посмотрев на часы.

Чтобы переменить тему, Моррис спросил:

— У нас все готово к полчетвертого?

На 3.30 в отделении нейропсихирургии, или, как сокращенно называли в клинике, НПХ, был назначен симпозиум, на котором Бенсона должны представить врачебному персоналу клиники.

— Насколько я знаю, Росс сделает доклад,— ответил Эллис.— Господи, лишь бы Бенсон был в кондиции!

Мягкий голос произнес в громкоговоритель: «Доктор Эллис, доктор Джон Эллис, позвоните по телефону 22-34. Доктор Эллис, телефон 22-34».

— Проклятие,— пробормотал Эллис, подымаясь к телефону.

Моррис знал, что это значило: 22-34 был внутренним телефоном вивария. Звонок оттуда скорее всего означал, что с подопытными обезьянами случилось что-то неладное. В прошлом месяце Эллис оперировал по три обезьяны еженедельно — просто чтобы поддержать форму, свою и персонала.

Он глядел, как Эллис направляется через весь холл к висящему на стене телефону. Эллис шел, слегка прихрамывая,— результат перенесенной в детстве травмы,

при которой пострадал один из нервов его правой ноги.

Моррис часто размышлял, повлияла ли эта травма впоследствии на принятое Эллисом решение стать нейрохирургом. Конечно, Эллис по натуре был человеком, призванным устранять дефекты, что-либо исправлять. Он обычно так и говорил пациентам: «Мы вас исправим». Сам же он, похоже, дефектов имел больше, чем в среднем положено человеку: хромота, преждевременное почти полное облысение, слабое зрение и, как следствие, очки с толстыми стеклами в тяжелой оправе.

Из-за этой его уязвимости люди мирились с присущей ему раздражительностью. А возможно, что раздражительность была результатом многолетней работы хирургом. Моррис, не имея столь продолжительного хирургического стажа, не мог сказать наверняка. Он глядел в окно на освещенную солнцем стоянку.

Начиналось послеобеденное время посещений.

Приезжающие к больным родственники парковали на стоянке машины, выходя из них, бросали взгляды в сторону клиники. Лица многих были обеспокоены: люди обычно опасаются больницы. Моррис отметил, что многие приехавшие хорошо загорели. В Лос-Анджелесе стояла теплая солнечная весна, и только он был бледный, почти как его белые брюки и халат, которые ежедневно носил. «Надо почаще бывать на воздухе,— подумал он.— И непременно начать обедать на свежем воздухе». Конечно, он играет в теннис, но это обычно происходит по вечерам.

Вернулся Эллис.

— Дерьмо,— сказал он.— Этель сорвала свои шины.

— Как это случилось?

Этель была молоденькая макака-резус, которой вчера сделали операцию на головном мозге. Операция прошла великолепно, и Этель была очень спокойна, что, впрочем, свойственно макакам-резус.

— Не знаю,— ответил Эллис.— Очевидно, орудовала свободной рукой. Как бы то ни было, с одной стороны все содрано до костей.

— Провода она тоже оторвала?

— Не знаю. Я сейчас иду туда наложить ей швы по новой. Вы тут без меня управитесь?

— Конечно.

— С полицейскими поладите? — спросил Эллис.— Впрочем, я не думаю, что с ними будет проблема.

— Я тоже надеюсь, что не будет.

— По возможности сразу же направьте Бенсона в

седьмую,— сказал Эллис.— Затем позовите Росс. Я постараюсь обернуться побыстрее.— Он взглянул на часы.— Если Этель будет смирной, пожалуй, за сорок минут управлюсь.

— Желаю удачи,— сказал Моррис.

Эллис кисло улыбнулся и ушел в виварий.

Как только он удалился, сестра из приемного покоя подошла снова.

— Что с ним? — спросила она.

— Просто немножко нервничает,— ответил Моррис.

— Еще бы,— сказала сестра. Она помолчала, затем подошла к раскрытому окну.

Моррис задумчиво смотрел на сестру.

Он проработал в клинике достаточно, чтобы распознавать неуловимые постороннему нюансы субординации. Он начинал интерном, не имея никакого положения вообще. Большинство медсестер знали о медицине больше, чем он сам, и не очень-то стеснялись его. Если они уставали, то и не думали скрывать это.

Со временем, когда он стал врачом отделения хирургии, отношение сестер стало более почтительным.

А когда он стал старшим врачом и положение его выглядело достаточно прочным, лишь немногие сестры обращались к нему по имени.

Наконец его перевели в отделение нейрохирургии, он стал старшим сотрудником, и официальность в обращении к нему являлась оттенком его нового статуса.

Но сейчас было нечто другое: сестра, высунувшаяся из окна прямо перед ним, вела себя так с ним потому, что он как бы излучал важность предстоящего. Потому что все в клинике знали, что должно было произойти.

Выглядывая из окна, медсестра сказала:

— Ну, он приехал.

Моррис поднялся и выглянул наружу. Синий полицейский автомобиль въехал в больничный двор, развернулся и задним ходом начал сдавать к крыльцу приемного покоя.

— Хорошо,— сказал он,— позвоните на восьмой этаж, скажите, что мы на подходе.

— Хорошо, доктор.

Сестра удалилась.

Два санитары из приемного покоя распахнули входные двери. Они ничего не знали о Бенсоне. Один из них спросил Морриса:

— Вы этого поджидаете?

— Да.

— Будете оформлять через приемное отделение?

— Нет, напрямую.

Санитары кивнули, наблюдая, как полицейский-водитель отпирал дверь фургона. Из него вылезли, шурясь от солнца, еще двое полицейских. Затем показался Бенсон, и Моррис в который раз поразился его внешности: низкого роста, толстенький, кроткий человек тридцати четырех лет, постоянно казавшийся чем-то смущенным.

Он стоял возле фургона, с наручниками на запястьях, и озираясь по сторонам.

Увидев Морриса, поздоровался с ним и, смутившись, отвернулся.

Один из полицейских спросил:

— Вы тут главный?

— Да. Я — доктор Моррис.

Полицейский жестом указал в сторону клиники:

— Показывайте, куда идти, доктор.

Моррис сказал:

— Снимите только, пожалуйста, с него наручники.

Бенсон бросил украдкой взгляд на доктора.

— Ну что же, — полицейские обменялись взглядами, — на этот счет у нас никаких указаний нет.

Пока они снимали наручники, водитель-полицейский дал Моррису расписаться в реестре.

«Арестованный принят медицинским учреждением для лечения». Моррис расписался.

— И еще вот здесь, — сказал водитель.

Моррис расписался еще раз, смотря на Бенсона. Тот стоял спокойно, глядя перед собой и потирая запястья.

Безличность этого приема-сдаточного акта, формулировка в реестре, росписи — все это вызвало у Морриса ощущение, словно он получал посылку на почте. «Интересно, — подумал он, — чувствует ли нечто подобное сам Бенсон?»

— Все, — сказал водитель, — спасибо, док.

Моррис повел Бенсона и сопровождавших его двух полицейских внутрь здания. Санитары закрыли двери. Медсестра подкатила кресло-коляску, и Бенсон уселся в него.

Полицейских это немного смутило.

— Таковы больничные правила, — объяснил Моррис. Затем все направились к лифту.

Лифт остановился в вестибюле. С полдюжины посетителей ожидало его, чтобы подняться на верхние этажи, но, увидев Морриса, Бенсона в коляске и двух полицейских, они в смущении остановились.

— Пожалуйста, обождите следующего лифта,— попросил Моррис.

Двери закрылись, и они поехали дальше.

— Где доктор Эллис? — спросил Бенсон.— Я думал, что он будет здесь.

— Он пока в хирургии. Скоро придет.

— А доктор Росс?

— Ее вы увидите на презентации.

— На презентации,— усмехнулся Бенсон.

Полицейские обменялись подозрительными взглядами, но ничего не сказали. Лифт остановился на восьмом этаже. Это был этаж специальной хирургии, где проводились особо сложные и ответственные операции. В основном все эти операции носили характер исследований.

Они проследовали к посту дежурной сестры, отделенному от коридора стеклянной перегородкой. Весь этаж представлял собой пересечение двух взаимно перпендикулярных коридоров, и пост дежурной сестры находился как раз в самом стратегическом центре — на пересечении этих коридоров.

Дежурная сестра восприняла появление полицейских с молчаливым удивлением.

Моррис сказал:

— Это мистер Бенсон. Восемьсот десятая палата готова?

— Все готово,— ответила сестра и ободряюще улыбнулась Бенсону.

Бенсон слабо улыбнулся ей в ответ и перевел взгляд на панель компьютера в углу комнаты.

— У вас тут терминал?

— Да,— ответил Моррис.

— А где главный компьютер?

— В цокольном этаже.

— Этого здания?

— Да. Он потребляет много энергии, а силовые линии подведены к этому зданию.

Бенсон кивнул. Морриса его вопросы не удивили. Бенсон пытался отвлечься от мыслей о предстоящей операции, и в конце концов, он ведь был специалистом по компьютерам.

Сестра подала Моррису медицинскую карту Бенсона. Карта была в обычной голубой обложке из полиэтилена, с печатью исследовательского отдела. Но, кроме этого, на обложке была красная полоса, что указывало на принадлежность к отделу нейрохирургии, желтая полоса — знак интенсивной терапии — и белая полоса, которую да-

же Моррис вряд ли когда видел на медицинских картах пациентов. Белая полоса означала особую секретность предстоящей операции.

— Это моя карта? — спросил Бенсон, пока его катили в восемьсот десятую палату.

Полицейские следовали немного сзади.

— Да.

— Меня всегда занимало, что там написано.

— В основном это всяческая медицинская писанина, труднодоступная непосвященному.

На самом же деле записи там были вполне читаемые, в основном это были компьютерные распечатки различных тестов.

Они прошли к восемьсот десятой палате. Прежде чем войти, один из полицейских зашел в комнату и прикрыл за собой дверь. Его напарник остался снаружи.

— Это всего лишь меры предосторожности, — пояснил он.

Бенсон взглянул на Морриса.

— Как они заботятся обо мне, — сказал он, — мне это даже льстит.

Полицейский, бывший в комнате, вышел и сказал, что всё в порядке.

Моррис вкатил Бенсона в комнату. Она была просторной, с окнами на южную сторону, так что днем в ней бывало солнечно.

Бенсон огляделся и одобрительно кивнул.

Моррис сказал:

— Это одна из наших самых лучших палат.

— Я теперь могу встать?

— Да, конечно.

Бенсон поднялся с коляски и сел на кровать. Попробовал, хорошо ли пружинит матрац. Понажимал на кнопки, которыми регулировался наклон кровати, посмотрел механизм управления, расположенный под кроватью.

Моррис подошел к окну и приспустил жалюзи.

— Простенько, — сказал Бенсон.

— Что?

— Да этот кроватный механизм. Исключительно прост. По существу тут должна бы быть обратная связь, чтобы компенсировать движение пациента... — голос Бенсона слегка дрожал.

Он открыл двери туалета, заглянул туда, затем в ванную.

Моррис подумал, что обычно пациенты ведут себя не

так. В основном это люди, боящиеся больницы, Бенсон же ведет себя, как если бы он выбирал номер в гостинице.

— Это мне подходит,— заявил Бенсон и засмеялся. Он уселся на кровать, посмотрел на Морриса, затем на полицейского.— А они тоже здесь будут?

— Пожалуй, вы могли бы подождать в коридоре,— сказал Моррис.

Полицейские кивнули и вышли, закрыв за собой дверь.

— Я имею в виду,— пояснил Бенсон,— будут ли они здесь все время?

— Да, конечно.

— Все время?

— Да. До тех пор пока с вас не будут сняты обвинения.

Бенсон нахмурился.

— Да, припоминаю... ему сильно плохо?

— Вы поставили ему синяк под глазом и сломали бедро.

— Но он в порядке?

— Да. В порядке.

— Я вообще-то ничего этого не помню,— сказал Бенсон.— У меня повреждена память.

— Я это знаю.

— Но я рад, что он в порядке.

Моррис кивнул.

— У вас есть с собой какие-нибудь вещи? Пижама или что-нибудь в этом роде?

— Нет,— сказал Бенсон.— Но мне могут принести.

— Хорошо. Пока вам дадут больничную одежду.

Моррис вышел из палаты.

Один из полицейских раздобыл стул и сидел на нем возле двери, а другой стоял неподалеку.

Моррис раскрыл свой блокнот.

— Вам не лишне будет знать дальнейший распорядок,— сказал он.— В ближайшие часы служащая приемного отделения займется с Бенсоном финансовой стороной лечения, ему предстоит подписать соответствующие документы. Затем, в полчетвертого, его ждут внизу для хирургического осмотра. Это займет где-то около двадцати минут. Вечером ему побреют голову, а операция назначена на завтра, на шесть часов утра. Есть ли у вас вопросы?

— Не принесут ли нам поесть? — спросил один из полицейских.

— Я дам распоряжение сестре. Вы будете охранять вдвоем или по очереди?

— По очереди. Мы будем дежурить восьмичасовыми сменами.

— Хорошо,— сказал Моррис.— Сестрам я скажу. Было бы хорошо, если бы вы ставили их в известность, кто из вас когда дежурит. У них принято знать, кто находится на этаже.

Полицейские кивнули в знак согласия. Затем, после недолгого молчания, один из них спросил:

— А что с ним вообще-то такое?

— У него одна из форм эпилепсии.

— Я видел парня, которого он избил,— сказал полицейский.— Большой сильный малый, такие обычно водителями грузовиков работают. И чтобы вот такой смог его отделать...

— Во время припадков он становится неистовым.

Полицейский с сомнением покачал головой.

— А что это за операция, которую ему сделают?

— Это операция на головном мозге. Операция такого рода у нас называется процедурой третьей степени.

Моррис не стал вдаваться в дальнейшие разъяснения. Полицейские все равно не поймут. «А даже если и поймут,— подумал он,— то все равно не поверят».

2 Летучки, на которых в присутствии всего врачебного состава клиники обсуждались нестандартные случаи, обычно проводились по четвергам в девять часов утра. Впрочем, весь персонал собрать обычно не удавалось. Но сегодня амфитеатр клиники был переполнен. Множество незагорелых людей в белых халатах устремило свои взгляды на доктора Эллиса, который поправил очки на носу и начал говорить:

— Как вам, наверное, известно, завтра в отделении НПХ будет проведено то, что мы называем процедурой третьей степени. На человеке.

В зале стояла тишина. Джанет Росс наблюдала за происходящим с галерки, невдалеке от двери. Отсутствие какой бы то ни было реакции на сообщение Эллиса показалось ей странным. Хотя сказанное вряд ли для кого-то было сюрпризом и все в клинике знали, что нейропсихирургия уже давно поджидает подходящего пациента.

— Должен вас просить воздержаться от вопросов пациенту, когда он будет сюда доставлен,— продолжал

Эллис. — Это очень чувствительный человек, к тому же с поврежденной психикой. Сообщение сделает лечащий психиатр, доктор Росс. Прошу.

Выходя на центр зала, Джанет Росс на какой-то миг почувствовала неуверенность. Она была высокой и исключительно привлекательной, какими бывают длинноногие, загорелые блондинки. Сама себя она считала слишком ширококостной и угловатой, частенько жалея, что ей не хватает женственности. Но в то же время она знала, что производит впечатление, и в тридцать лет, после более чем десяти лет работы в традиционно мужской области медицины, она научилась использовать свои внешние данные.

Сделав вздох, она начала доклад в той быстрой, профессиональной манере, которая была принята на подобных совещаниях:

— Гарольд Франклин Бенсон, тридцать четыре года, разведен, специалист по компьютерам. Жалоб на здоровье не имел, пока не попал два года назад в автокатастрофу в Санта-Монике. Некоторое время после аварии оставался в бессознательном состоянии. Был доставлен в местную больницу, откуда после осмотра был выпущен на следующий день в хорошем самочувствии. Спустя шесть месяцев после этого стал испытывать то, что он сам называет «заскоками».

Аудитория внимательно слушала, не отрывая глаз от Джанет Росс.

— Эти «заскоки» длились несколько минут и случались примерно раз в месяц. Очень часто им предшествовало ощущение специфических, неприятных запахов. Часто «заскоки» происходили после употребления спиртного. Пациент обратился к своему лечащему врачу, который объяснил происходящее переутомлением на работе и посоветовал сократить употребление спиртного. Бенсон послушался совета, но лучше ему не стало.

Год назад, то есть через год после аварии, он понял, что «заскоки» становятся более частыми и продолжительными. Нередко он приходил в себя в совершенно незнакомых для себя местах. В некоторых случаях у него были ссадины и синяки, порванная одежда, и это навело на мысль, что он дрался. Однако, что именно он делал в бессознательном состоянии, он не помнит.

Многие в зале закивали головами. Подобные вещи были им знакомы. То, что рассказала доктор Росс, было типичным проявлением психомоторной эпилепсии.

— Друзья пациента,— продолжала Росс,— говорили ему о различных его поступках, совершенных в состоянии припадка, но к их словам он не прислушался. Постепенно с ним перестало общаться большинство его прежних товарищей. Примерно в это же время, год назад, он сделал то, что назвал фундаментальным открытием в своей области. Бенсон — компьютерный специалист, занимающийся проблемами искусственного интеллекта. В ходе своих работ он пришел к выводу, что машины соревнуются с человеком и в ближайшем будущем установят свое мировое господство.

В зале послышался шепот. Сказанное заинтересовало многих, особенно психиатров. Ей было видно, как доктор Мэнон, ее старый учитель, сидевший в верхнем ряду, подпирает голову руками. Мэнон был в курсе того, о чем она докладывала.

— Бенсон поделился своим открытием с оставшимися друзьями, но они посоветовали ему обратиться к психиатру. Это вконец ожесточило его. В прошлом году он окончательно приходит к выводу, что машины замышляют заговор против человечества с целью захвата власти.

Шесть месяцев тому назад пациента арестовывает полиция по подозрению в избиении одного авиамеханика. Бенсона освобождают за недостатком улик, но этот случай оказывает на него сильное впечатление, и он обращается к психиатру за помощью. Бенсон смутно подозревает, что это он зверски избил механика. Умом он не мог этого допустить, но тем не менее подозрения остались.

Четыре месяца тому назад на основании анамнеза — травма головы, приступы неистовства, предшествуемые ощущением странных запахов,— ему был поставлен предварительный диагноз: психомоторная эпилепсия. Как вы знаете, наше отделение сейчас принимает только пациентов с органически излечимыми бихевиоральными нарушениями.

Неврологические исследования дали нормальные результаты, электроэнцефалограмма также была абсолютно нормальной; активность головного мозга без патологий. Затем исследования были продублированы после употребления пациентом алкоголя, и тогда были обнаружены некоторые отклонения.

Исходя из этого, Бенсону был поставлен окончательный диагноз: психомоторная эпилепсия, то есть он был классифицирован как пациент первой степени.

Она помолчала, чтобы перевести дыхание и дать аудитории возможность переварить услышанное.

— Наш пациент — образованный человек, — продолжила Росс, — и ему объяснили, в чем состоит его заболевание. Ему сказали, что в результате автокатастрофы его мозг был поврежден и это привело к особой форме эпилепсии, характеризующейся «мысленными конвульсиями» — конвульсиями, происходящими не с телом, а с головным мозгом и приводящими пациента к совершению актов насилия. Ему сказали также, что такое заболевание встречается часто и поддается лечению. После этого было начато медикаментозное лечение.

Три месяца спустя Бенсона арестовывают по обвинению в совершении насилия.

Жертвой оказалась двадцатичетырехлетняя исполнительница стриптиза, впоследствии свои претензии к Бенсону она сняла. Клиника в это дело практически не вмешивалась.

В прошлом месяце был окончен медикаментозный курс, состоявший из морладона, П-амонобензадона и триамилина.

Состояние Бенсона не улучшилось — ни после применения этих лекарств в отдельности, ни в их комбинации. После чего его диагноз был изменен на эпилепсию второй степени — психомоторную эпилепсию, не поддающуюся медикаментозному воздействию. Ему была запланирована хирургическая операция — процедура третьей степени, которую мы сегодня и собрались обсудить.

Она сделала паузу.

— Прежде чем его сюда доставят, я добавлю, что вчера днем он совершил нападение на работника бензозаправки и сильно избил его. Поскольку операция назначена на завтра, мы уговорили полицию отпустить его под нашу ответственность.

В зале было тихо. Подождав мгновение, она пошла за Бенсоном.

Бенсон в своем кресле-коляске ожидал прямо за дверью амфитеатра. На нем был больничный халат в белую и голубую полоску. Увидев Росс, он заулыбался:

— Здравствуйте, доктор Росс.

— Здравствуйте, Гарри, — улыбнулась она в ответ. — Как самочувствие?

С ее стороны этот вопрос был всего лишь вежливостью: как доктор она прекрасно видела, как он себя чувствует. Бенсон был взволнован и испуган, над его верх-

ней губой блестя капельки пота, голова несколько втянута в плечи, он нервно теребил руки.

— Спасибо,— ответил Бенсон,— я чувствую себя прекрасно. А он пойдет тоже? — спросил Бенсон, кивая на полицейского.

Полицейский в замешательстве кивнул головой.

— Хорошо,— сказала Росс и открыла дверь.

Моррис вкатил Бенсона в зал, прямо к Эллису. Эллис подошел к Бенсону и поздоровался за руку. Затем Моррис развернул пациента лицом к аудитории, Росс села сбоку от кресла. Полицейский, стараясь не привлекать внимания, остался возле двери. Эллис стоял рядом с Бенсоном, который разглядывал рентгеновские снимки, прикрепленные к стене из матового стекла. Казалось, он понял, что это снимки его головного мозга. Эллис заметил это и выключил лампы, находящиеся за матовым стеклом. Снимки погрузились во мрак.

— Мы пригласили вас сюда, чтобы вы ответили на некоторые вопросы этих врачей,— Эллис жестом указал на людей в амфитеатре.— Это ведь, надеюсь, не затруднит вас?

Эллис задал вопрос как бы невзначай. Росс нахмурилась. Она много раз присутствовала на подобных симпозиумах, и неизменно пациента спрашивали, не действуют ли ему на нервы врачи, которые в это время во множестве пар глаз взирали на него со всех сторон. На прямой вопрос требовался прямой ответ, а пациенты обычно говорили, что все в порядке.

— Разумеется, это действует мне на нервы,— сказал Бенсон.— Такое на кого угодно действует.

Росс подавила улыбку. «Молодец»,— подумала она.

— Представьте,— продолжал Бенсон,— что вы машина и я выставил вас перед сборищем компьютерных специалистов, которые будут пытаться отыскать у вас неполадку и устранить ее. Как бы вы себя чувствовали?

Эллис был в замешательстве. Он провел рукой по своим редющим волосам и взглянул на Росс, незаметно покачавшую головой: нет. Сейчас было неуместно копаться в психике Бенсона.

— Я, наверное, тоже нервничал бы,— допустил Эллис.

— Но в таком случае,— сказал Бенсон,— что же вы хотите?

Эллис вынужден был проглотить это.

«Бенсон умышленно себя заводит»,— подумала Росс.— «Надо это прекратить».

— Но ведь все-таки я не машина,— сказал Эллис.

Росс поморщилась.

— Это как посмотреть,— возразил Бенсон.— Некоторые из ваших действий являются многократными и механическими. С точки зрения их программирования.

— Пожалуй,— сказала Росс, подымаясь,— мы можем перейти к вопросам.

Эллису это определению не понравилось, но он промолчал, Бенсон же успокоился.

Росс посмотрела в зал: один из сидевших на галерке поднял руку и спросил:

— Мистер Бенсон, расскажите подробнее о запахах, которые вы ощущаете перед началом приступа.

— Вряд ли смогу,— ответил Бенсон,— они слишком странные. Пахнет ужасно, но ни на что не похоже. Я имею в виду, что это запах, который не с чем сравнить.

— Но можно ли сравнить с каким-нибудь запахом хотя бы приблизительно?

Бенсон пожал плечами:

— Ну, разве что... смесь пороссячьего дерьма со скипидаром.

В зале взметнулась другая рука.

— Мистер Бенсон, эти провалы памяти у вас становятся более частыми. А становятся ли они длительнее?

— Да,— ответил Бенсон.— Теперь они длятся по нескольку часов.

— Как вы себя чувствуете, когда к вам возвращается память?

— До тошноты противно.

— А если конкретнее?

— Несколько раз я блевал. Это достаточно конкретно?

Росс нахмурилась. Она видела, что Бенсон опять рассердился.

— Есть ли еще вопросы? — спросила она, надеясь, что вопросов больше не будет.

В зале было тихо.

— Тогда,— сказал Эллис,— мы можем приступить к обсуждению технической стороны операции. Мистеру Бенсону это все объясняли, поэтому он может оставаться в зале или покинуть нас, как ему будет угодно.

Росс мысленно осудила поступок Эллиса: в нем говорила привычка хирурга демонстрировать всем и вся, что его пациент вовсе не возражает быть изрезанным и искромсанным.

Спрашивать, останется ли Бенсон в комнате, было нечестно.

— Я остаюсь,— сказал Бенсон.

— Хорошо,— сказал Эллис.

Он подошел к доске и принялся схематически рисовать головной мозг.

— На сегодняшний день,— начал объяснение Эллис,— понимание процесса заболевания следующее: в результате поражения части головного мозга эпилепсией образуется рубец, подобно рубцам в других органах, своего рода уплотнение тканей. Это место становится как бы фокусом для аномальных электрических разрядов. Оттуда во все стороны распространяются электрические волны, совсем как на поверхности пруда от брошенного камня.

Эллис нарисовал на схеме несколько концентрических окружностей, а в центре поставил точку.

— Эта электрическая рябь и провоцирует припадок. Аномалия в одной области мозга вызывает конвульсии, пену у рта, аномалии в других областях приводят к другим внешним проявлениям. Если аномалия находится в temporal lobe¹, как в случае мистера Бенсона, мы имеем так называемую психомоторную эпилепсию — конвульсию, но не тела, а мыслей. Странные мысли и зачастую буйное поведение, которому могут предшествовать необычные ощущения, например, странные запахи.

Бенсон внимательно слушал, кивая головой.

— Благодаря многочисленным исследованиям мы теперь знаем, что эти припадки можно предотвращать, подвергая часть здорового мозга электрошоку. Припадки начинаются медленно — от их зарождения до проявления в полную силу проходит несколько секунд, а иногда даже до полуминуты. Электрошок в самом начале припадка предотвратит его дальнейшее нарастание.

Эллис крест-накрест перечеркнул концентрические круги. Затем он нарисовал другой рисунок головы.

— Перед нами стоят две проблемы,— сказал он.— Первая: какую именно область непораженного мозга подвергать электрошоку? В принципе мы знаем, что это должна быть temporal lobe. Нам неизвестно точное место, но мы решим эту проблему путем имплантации множества электродов. Мистеру Бенсону будет имплантировано завтра сорок электродов.

Эллис нарисовал две идущие в мозг линии:

¹ Temporal lobe (лат.) — лобно-височная область мозга.—
Здесь и далее примечания переводчиков.

— Вторая проблема: как нам распознать начало приступа? Мы должны это знать для проведения электрошока. К счастью, для регистрации электрической активности мозга можно использовать те же электроды, что и для посылки тока. Кроме того, припадку предшествуют характерные изменения биоэлектрических импульсов мозга.

Эллис сделал паузу, взглянул на Бенсона, затем снова обратился к аудитории:

— Таким образом, мы имеем систему обратной связи — для распознавания начала приступа и для его подавления электрошоком используются одни и те же электроды. Управляется вся эта система компьютером. — Эллис начертил на схеме небольшой квадратик в области шеи. — Наш персонал разработал компьютер, который будет обрабатывать информацию с электродов и выдавать сигнал в виде тока при зарождении припадка. Этот компьютер не более почтовой марки и весит одну десятую унции. Он будет вживлен под кожу на шею пациента. — Эллис подрисовал на схеме к квадратiku компьютера прямые линии. — Мы собираемся запитывать наш компьютер от миниатюрной плутониевой батареи, размещаемой под кожей пациента в районе плеча. Это не причинит пациенту никаких беспокойств. Запаса энергии от источника хватит для постоянного использования в течение двадцати лет.

Он повернулся к Бенсону, который сидел сейчас с абсолютно безразличным выражением лица:

— У вас, мистер Бенсон, есть какие-либо замечания или вопросы?

Росс опять почувствовала раздражение: Эллис просто напрашивался на конфликт с пациентом.

— Нет, — сказал Бенсон, зевая. — Мне нечего сказать.

Когда Бенсона выкатили из зала, Росс последовала за ним. Сопровождать его было совсем не обязательно, но ее беспокоило состояние больного. Кроме того, она чувствовала себя немного виноватой из-за Эллиса.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Я думал, будет интересней.

— В каком смысле?

— Обсуждение было чисто медицинским. А я ожидал, что подход будет скорее философским.

— Мы же практики, — ответила Росс непринужденно, — и имеем дело с проблемами практическими.

Бенсон улыбнулся:

— Ньютон тоже был практиком. Что может быть более практичного, чем знать, когда яблоко упадет на землю?

— Вы в самом деле видите в этой проблеме философский аспект?

Бенсон кивнул. Сейчас он выглядел серьезным.

— Да,— сказал он.— Вижу. И вы тоже его видите, но притворяетесь, что нет.

Она стояла и смотрела вслед Бенсону, которого Моррис в сопровождении полицейского вез к лифту. Когда двери лифта закрывались, Бенсон помахал ей рукой. Затем она вернулась в амфитеатр.

— ...Разрабатывался десять лет,— продолжал свой доклад Эллис.— Первоначально для сердечных стимуляторов, для которых замена источников питания производилась ежегодно и требовала минимального хирургического вмешательства. Это было неудобно как врачам, так и пациентам. Атомный источник энергии абсолютно надежен и имеет большой срок действия. Нам придется заменить источник питания в 1990 году, если Бенсон тогда еще будет жив, и никак не раньше.

Когда Джанет Росс тихонько заходила в зал, как раз был задан вопрос: «А как определить, какой именно из сорока электродов может предотвратить припадок?»

— Мы имплантируем их все,— ответил Эллис,— и подсоединим к компьютеру. Но все они будут сутки находиться в выключенном состоянии. На другой день после операции мы по радио будем включать каждый из электродов поочередно и определим, который из них воздействует на пациента наиболее эффективно. Тем электродом и будет осуществляться стимуляция мозга.

Знакомый голос в задних рядах амфитеатра, прокашлявшись, произнес:

— Это все очень интересно с технической точки зрения, но, на мой взгляд, не затрагивает сути вопроса.

Росс взглянула: это был Мэнон, семидесятипятилетний психиатр, заслуженный профессор в отставке. Теперь он редко заходил в клинику. Он имел репутацию старого чудака, взгляды на медицину которого безнадежно устарели.

— Мне кажется,— продолжал Мэнон,— что Бенсон — психопат.

— Ну, это слишком сильно сказано,— ответил Эллис.

— Возможно. Но, по крайней мере, у него сильное расстройство рассудка. Меня беспокоят все эти его рассуждения насчет людей и машин.

— Расстройство рассудка — это часть его заболевания, — ответил Эллис. — Согласно недавним исследованиям, которые провел в Йельском университете Харли со своими сотрудниками, пятьдесят процентов эпилептиков имели сопутствующее расстройство рассудка, которое, кстати, не влияет на возникновение припадков.

— Допустим, — сказал Мэнон с легким оттенком нетерпения, — это составная часть заболевания, не влияющая на припадки. Но ваша операция устранил ее?

Джанет Росс почувствовала некоторое удовлетворение: Мэнон словно бы выразил ее собственные мысли.

— Нет, — ответил Эллис, — вряд ли.

— Иными словами, операция устранил припадки, но не остановит его болезнь.

— Нет, — повторил Эллис, — скорее всего нет.

— Если не возражаете, я сделаю небольшое выступление, — сказал Мэнон, спускаясь к трибуне. — Это на раз тот подход к проблеме, которого я опасаясь от наших нейрохирургов более всего. Я не имею в виду никого конкретно, это типично для всех медиков. К примеру, у вас в отделении — попытка к самоубийству, пациент решил уйти из жизни, принимавшийся лекарства. Наш подход — сделать ему промывание желудка, прочитать нравоучение и выписать домой. Это лечение, но едва ли это исцеление. Такой пациент вернется к нам рано или поздно. Промывание желудка помогает при передозировке лекарства, но оно не излечивает депрессию.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, но...

— Я мог бы также привести вам пример и из нашей практики — помните случай с Л.?

— Вряд ли случай с Л. сюда подходит, — раздраженно возразил Эллис.

— Мне кажется, подходит, — сказал Мэнон. И поскольку многие в зале выглядели удивленными, пояснил: — Л. был нашим пациентом несколько лет тому назад. Это был мужчина тридцати девяти лет с двухсторонним заболеванием почек.

Последняя стадия хронического гломерулонефрита. Он рассматривался как кандидат на почечную трансплантацию. Поскольку возможности трансплантации органов в клинике ограничены, пациентов для таких операций отбирают на заседании совета клиники. При обсуждении все психиатры горячо возражали против Л., поскольку он был психопатом. Он считал, что Солнце вращается вокруг Земли, и отказывался выходить из помещения засветло. Мы знали, что это не самый лучший

претендент на донорскую почку, но тем не менее операцию сделали ему. А через полгода он покончил жизнь самоубийством. Такой вот трагический исход. Но ведь весь вопрос был в том, что тысячи долларов и многочасовой труд, затраченный на операцию, могли пойти на пользу другому человеку.

Эллис расхаживал взад и вперед, припадая на больную ногу, что являлось, как знала Росс, своеобразной защитной реакцией. Обычно Эллис следил за своей хромотой, так что этот недостаток почти не был замечен. Но стоило Эллису устать, или рассердиться, или подвергнуться атаке, как хромота проявлялась отчетливо. Владелец ее как бы говорил: не нападай на меня, я же инвалид. Сам Эллис, конечно, вряд ли замечал это.

— Я понимаю ваши аргументы,— сказал Эллис.— В том виде, как вы их представили, их невозможно опровергнуть. Но давайте посмотрим на проблему с другой точки зрения. Совершенно верно, что нам вряд ли удастся вылечить Бенсона полностью. Но что будет, если мы не станем оперировать Бенсона? Пойдет это ему на пользу? Нет. Его припадки опасны для жизни — как для его собственной, так и для окружающих. Он уже в неладах с законом, а болезнь все ухудшается. Операция предотвратит припадки, и мы считаем, что уже это — значительная польза для пациента.

Мэнон непримиримо пожал плечами.

— Еще есть вопросы? — спросил Эллис.

Больше вопросов не было.

3 — Черт бы побрал,— пробормотал Эллис, вытирая лоб,— его разве чем-нибудь убедишь?

Вместе с Джанет Росс они шли в исследовательский корпус, находящийся за автомобильной стоянкой. День близился к вечеру, солнечный закат становился все бледней.

— Но его аргументы были обоснованны,— сказала Росс осторожно.

Эллис вздохнул:

— Я все забываю, что вы разделяете его точку зрения.

— А почему вы это забываете? — спросила она улыбаясь. Как психиатр отделения нейрохирургии, она была против оперирования Бенсона с самого начала.

— Видите ли,— сказал Эллис,— мы делаем то что можем. Конечно, вылечить его полностью было бы очень

здорово. Но это не в наших силах, мы можем ему только помочь. Так давайте поможем.

Дальше они шли молча. Говорить, по сути, было нечего. Свое мнение она высказывала Эллису уже много раз. Операция может Бенсону помочь, а возможно, и нет. Может сделать Бенсона еще хуже. Она была уверена, что и Эллис допускает такую возможность, но упорно ее игнорирует. По крайней мере, ей так казалось.

Вообще-то Эллис ей нравился не меньше других хирургов. Хирурги, в понимании Росс, должны быть решительными, целеустремленными людьми, мужчинами (почти всегда хирургами были мужчины, и она считала это немаловажным), готовыми выполнить то или иное действие. В этом плане Эллис был одним из лучших. Перед Бенсоном он осмотрительно отклонил несколько кандидатур, и Росс понимала, как трудно было ему, всей душой рвавшемуся сделать необычную операцию, решиться на подобные действия.

— Терпеть не могу все это,— сказал Эллис.

— Что именно?

— Политику. До чего прекрасно оперировать обезьян. Никакой политики вовсе.

— Но ведь вы хотите, чтобы Бенсон...

— Я готов,— перебил ее Эллис.— Мы все готовы. Нам надо сделать первый большой шаг, и сейчас самое время его сделать.— Он посмотрел на нее.— Почему у вас такой неуверенный вид?

— Потому что я сама не уверена,— ответила Росс.

Они подошли к корпусу. Эллис отправился обедать с Макферсоном. «На политический обед»,— как он раздраженно выразился, а Росс поехала лифтом на пятый этаж.

После десяти лет неуклонного расширения исследовательское отделение нейропсихиатрии занимало весь пятый этаж здания. В отличие от остальных этажей, окрашенных в холодный, мертвенно-белый цвет, в НПХ все сверкало от ярких красок. По замыслу это должно было прибавить пациентам радости и оптимизма, но на Росс это всегда оказывало обратный эффект. Подобный интерьер казался ей надуманным и фальшивым, словно это были ясли для умственно отсталых детей.

Выходя из лифта, она заглянула в приемную: одна стена ярко-голубая, остальные красные. Расцветка стен, как, впрочем, и все другое в нейропсихиатрии, была идеей Макферсона. «Удивительно,— подумала она,— до чего сильно сказываются на организации личные качест-

ва ее руководителя». Сам Макферсон зачастую казался воплощением юношеского задора и безграничного оптимизма. Но, конечно же, нельзя не быть оптимистом при планировании операций, подобных той, какую они собираются сделать Бенсону.

В отделении было тихо, дневной персонал уже разошелся по домам. Она прошла по коридору, минуя разноцветные двери с табличками.

В конце коридора была дверь с надписью: «Телекомп». Работа, проделываемая за этими дверями, была не менее сложна, чем сами названия, и все же это было всего лишь подготовительное крыло, то, что Макферсон именовал «Придатком».

«Придатку» обычно противостояло «Развитие» — исследовательская часть этажа с ее сложным оборудованием и не менее сложными исследовательскими программами, такими, как, например, «Джордж» и «Марта» или «Форма Кью».

Год назад Макферсон попросил Росс показать отделение группе репортеров, ведущих в своих газетах научные разделы.

Он выбрал ее потому, что, по его мнению, она была «такая глупышка». Слышать эти слова от него, обычно любезного и по-отечески заботливого, было забавно и до некоторой степени шокирующе.

Но ее шок был ничем по сравнению с тем шоком, который испытали репортеры. Она собиралась показать им оба крыла — и «Придаток», и «Развитие», но репортерам с лихвой хватило «Развития». После его осмотра газетчики были настолько взволнованы и перетружены психологически, что экскурсию пришлось прекратить.

Впоследствии она немало раздумывала об этой экскурсии. Репортеров трудно было чем-то удивить — научные новости, сенсации были их хлебом насущным. И тем не менее они буквально лишились дара речи от того, что им показали в отделении. Сама она не чувствовала никакого удивления — проработав в нейропсихиатрии три года, она постепенно привыкла ко всему, что здесь происходило. Соединение человека с машиной, комбинация электронного мозга с человеческим больше не казались ей чем-то из ряда вон выходящим. Это был всего лишь путь научного развития.

С другой стороны, она была против операции третьей стадии на Бенсоне. Была против с самого начала, считая Бенсона неподходящей кандидатурой для этого.

В конце коридора, перед дверью с табличкой: «Теле-

комп», она на секунду прислушалась к ровному и тихому стрекотанию принтеров, доносящемуся из-за двери. Услышав и человеческие голоса, она открыла дверь. «Телекомп» поистине был сердцем нейропсихирургии, это была большая комната, заполненная различным электронным оборудованием. Потолок и стены были из звуко-непропускаемого материала — пережиток прежних времен, когда периферийные устройства вычислительной техники работали шумно.

В лаборатории были Герхард и его ассистент Ричардс, или, как их все называли, близнецы-колдуны. Герхарду было всего лишь двадцать четыре, а Ричардсу и того меньше. Из всего штата отделения эти двое имели к медицине менее всего отношения. Для обоих «Телекомп» был чем-то вроде комнаты отдыха, уставленной сложными игрушками. Они работали много, не считаясь ни с распорядком дня, ни со своим личным временем. К неудовольствию Макферсона, они редко посещали конференции и прочие плановые мероприятия, проводимые в отделении. Но в своей работе они были поистине незаменимы.

Герхард, в грубых бумажных брюках, ковбойских ботинках и сатиновой рубашке с перламутровыми пуговицами, завоевал признание в масштабе страны еще в тринадцать лет, собрав неподалеку от своего дома в Фениксе двадцатифутовую ракету на твердом топливе. Эта ракета обладала довольно сложным электронным оборудованием, и Герхард собирался запустить ее на орбиту. Но соседи, достаточно обеспокоенные предстоящим запуском, позвонили в полицию, а она немедленно поставила в известность министерство обороны.

Военные эксперты осмотрели ракету и транспортировали ее на полигон Уайт Сэнд для испытания. После запуска из-за неполадки со второй ступенью, которая заработала раньше, нежели отделилась первая, ракета взорвалась на высоте двух миль от земли. Но к тому времени у Герхарда было уже четыре патента на механизм управления, и несколько фирм и университетов предложили ему свои стипендии. Он отказался от всех предложений, доверил своему дяде распоряжаться авторскими гонорарами и, как только достиг необходимого для управления автомобилем возраста, купил «Мазератти». Он устроился на работу в Калифорнии, в фирму «Локхид», но через год бросил, убедившись, что без наличия диплома инженера хорошее служебное продвижение вряд ли возможно. Была, правда, и другая причина:

семнадцатилетний юнец, разъезжающий на «Мазератти» и работающий сутки напролет, раздражал коллег; его обвинили в индивидуализме. Затем его взял к себе Макферсон — разрабатывать электронные компоненты для взаимодействия с человеческим мозгом. Как руководитель нейропсихиатрии Макферсон просмотрел не один десяток претендентов на место, и большинство из них отзывалось о предстоящей работе как о «возможности проявить себя» или как об «интересном сопряжении различных систем». Герхард же назвал ее «забавной» и был принят немедленно.

Похожей была и история Ричардса. По окончании школы он шесть месяцев проучился в колледже, а затем был призван в армию. Его должны были отправить во Вьетнам, но в это время он внес предложение, как усовершенствовать применяемые в армии электронные сканирующие устройства. Усовершенствование оказалось эффективным, и до окончания службы Ричардс не покидал лабораторию в Санта-Монике. А демобилизовавшись, он также стал работать в нейропсихиатрии.

— Колдуны-близнецы, — усмехнулась Росс.

— Привет, Джен, — сказал Герхард.

— Привет, как дела? — спросил Ричардс.

Оба обращались к ней без излишних церемоний; они и Макферсона называли по имени, чего не позволял себе никто в нейропсихиатрии. И Макферсону приходилось мириться с этим.

— Хорошо, — сказала она. — Начинаем стадию-3. Я сейчас иду осматривать пациента.

— А мы как раз заканчиваем проверять компьютер, — сказал Герхард. — Смотри, как он прекрасно выглядит. — Он показал рукой на стол с микроскопом и различными электронными приборами.

— А где он?

— На подставке.

Росс приблизилась к столу. Под линзой микроскопа лежал прозрачный пластиковый пакетик величиной с почтовую марку.

Из компьютера через пластик было выведено сорок миниатюрных контактов, и сейчас с помощью микроскопа и тончайшего электрического щупа «близнецы» проверяли контакты один за другим.

— Аналоговые цепи проверим в последнюю очередь, — говорил Ричардс, — и еще на всякий случай проверим блок дублирования.

Джанет подошла к полкам, где хранились перфокарты для проведения различных психологических тестов. Поколебавшись мгновение, она спросила:

— А еще программы для психодекса у вас есть?

— Вон там,— ответил Герхард.— Какие нужны: пятимерные или п-мерные?

— N-мерные,— ответила она.

Герхард выдвинул ящик и извлек оттуда стопку карт.

— Для стадии-3, да?

— Да,— ответила она.

— Но ведь вы делали ему психодекс уже много раз.

— Что ж, сделаем еще.

Герхард вручил ей перфокарты.

— Этот ваш пациент, он хоть знает, что его ждет?

— Он знает об операции почти все.

Герхард покачал головой:

— Наверное, он сумасшедший.

— Он и есть сумасшедший,— ответила Росс.—

В том-то все и дело.

Она остановилась у поста дежурной сестры на восьмом этаже, чтобы взять медицинскую карту Бенсона. Новенькая медсестра, дежурившая там, ответила, что родственникам больных медицинские карты не выдаются.

— Я доктор Росс,— сказала Джанет.

Медсестра покраснела:

— Извините, доктор, я не заметила вашу именную табличку. Ваш пациент в восьмьсот четвертой палате.

— Какой пациент?

— Маленький Джерри Питерс.

Росс удивленно взглянула на сестру.

— Вы разве не педиатр? — спросила наконец сестра.

— Нет,— ответила Росс,— я психиатр из отделения нейропсихиатрии.

Ее ответ прозвучал несколько резко, и это огорчило ее. Но ведь многие годы дома она только и слышала: «Тебе нужно идти в медсестры, а не в доктора, так будет лучше». Или: «Ну, для женщины лучше всего педиатрия — это наиболее естественно».

— Ой,— смутилась медсестра.— Тогда вам нужен мистер Бенсон из восьмьсот десятой. Его готовили к операции.

— Хорошо,— сказала Росс.

Она взяла карту и пошла к Бенсону. В палате был

полумрак, горела только маленькая прикроватная лампочка да работал телевизор.

«Умер, прежде чем его тело коснулось земли,— говорил мужчина с экрана.— Две пули прямо в сердце».

— Здравствуйте,— сказала она, открывая дверь шире.

Бенсон оглянулся. Голова его была забинтована. Он улыбнулся и выключил телевизор, нажав на кнопку возле кровати.

— Как самочувствие? — спросила Росс, входя в комнату. Она села на стул рядом с кроватью.

— Словно голый,— сказал Бенсон, дотрагиваясь до повязки на голове.— Странное ощущение. Не чувствуешь, сколько у тебя волос, пока их у тебя не состригут вовсе.— Он опять дотронулся до повязки.— Но женщине, наверное, еще хуже.— Он посмотрел на нее и смутился.

— Ну, это ни для кого не весело,— ответила Росс.

— Да, конечно.— Он откинулся на подушку.— Когда меня постригли и я заглянул в мусорную корзину, то остолбенел — столько волос. А голове стало холодно. Как все-таки забавно: голова — и мерзнет. Я хотел посмотреть, как я выгляжу лысым, а мне сказали, что не надо, и забинтовали голову. Пришлось ждать, когда они выйдут, а потом я встал с постели и пошел в ванную. Но там...

— Да?

— Я не смог снять эту повязку.— Бенсон рассмеялся.— Не смог снять. Что бы это могло значить?

— Не знаю. А что это должно значить, по-вашему?

Он опять рассмеялся:

— И почему эти психиатры никогда не дают прямых ответов? — Он закурил и с вызовом посмотрел на нее.— Мне запретили курить, но я все равно буду.

— Ну, это не столь важно,— ответила Росс. Она внимательно наблюдала за пациентом. Он вроде бы был в хорошем расположении духа, и она не хотела, чтобы настроение его переменялось. Но, с другой стороны, быть слишком возбужденным накануне операции на головном мозге тоже не годится.

— Сюда только что заходил Эллис,— говорил Бенсон, дымя сигаретой,— сделал на мне несколько отметок. Вот здесь, видите?

Он слегка приподнял край повязки, обнажая бледную кожу головы. За ухом виднелись две голубых крестообразных отметки.

— Как я выгляжу? — спросил он, ухмыляясь.

— Выглядите прекрасно,— ответила она,— а как себя чувствуете?

— Прекрасно. И чувствую себя прекрасно.

— Что-нибудь беспокоит?

— Ничего. Да и чего мне беспокоиться? От меня ничего не зависит. Через несколько часов я буду в ваших руках и в руках Эллиса.

— Все-таки большинство людей перед операцией немного волнуются.

— Опять вы за свое, эти психиатрические беседы,— он засмеялся, а потом нахмурился и прикусил губу.— Конечно же, я волнуюсь.

— А что вас волнует?

— Все.— Он затанулся сигаретой.— Все. Меня волнует, как я буду спать. Как я завтра буду себя чувствовать. Как я вообще пройду через все это. Что, если кто-нибудь сделает ошибку? Что, если меня зарежут, как овощи на винегрет? Что, если это будет больно? Что, если я...

— Умру?

— Да, конечно...

— Ну, это не слишком сложная операция. Едва ли сложнее операции аппендицита.

— Готов спорить, что это вы говорите всем своим пациентам.

— Нет, в самом деле. Это короткая, простая операция. Займет часа полтора, не больше.

Бенсон пожал плечами: похоже, эти слова не убедили его.

— Знаете ли,— сказал он,— в душе я в это все-таки не верю. Наверное, до последней предоперационной минуты я буду ждать, что кто-нибудь подойдет ко мне завтра и скажет: Бенсон, вы здоровы и можете отправляться домой.

— Мы надеемся, что вы станете здоровы после операции,— ответила она, чувствуя некоторые угрызения совести за сказанное.

— Как вы чертовски рассудительны,— сказал Бенсон.— Иногда я просто не могу выносить этого.

— Как сейчас, например?

Бенсон опять дотронулся до повязки на голове.

— Господи, мне же собираются делать дырки в голове, вставлять туда провода...

— Но вы ведь знали об этом задолго до операции.

— Конечно,— ответил он.— Конечно. Но только это совсем не то, что в последнюю ночь.

— И сейчас вы сердитесь?

— Нет. Просто боюсь.

— Это в порядке вещей — побаиваться. Пусть только это не выводит вас из себя.

Он затушил сигарету и тут же закурил другую. Чтобы сменить тему, он указал на карточки, которые Росс держала в руках:

— А что это?

— Еще один тест психодекса. Нужно его сейчас проделать.

— Сейчас?

— Да. Это нужно для записи в вашу медицинскую книжку.

Бенсон пожал плечами с безразличным видом. Он уже несколько раз проходил тест психодекса. Росс передала ему кнопочную панель, и он вставил в прорезь панели карту с вопросами, а затем приступил к ответам.

Он читал вопросы вслух:

— Кем бы вы хотели быть: слоном или бабуином?

— Бабуином. Слоны слишком долго живут.

Металлическим пробником он проколол на карте место, соответствующее выбранному ответу.

— Каким цветом вы хотели бы быть: зеленым или желтым?

— Желтым. Я как раз сейчас очень желтый.— Он рассмеялся и наколот ответ.

Росс подождала, пока он ответит на все тридцать вопросов и наколет ответы. Затем он отдал ей панель, карточки, и его настроение начало опять меняться.

— А завтра вы будете здесь?

— Да.

— Я смогу вас узнать, или я буду слишком под наркозом?

— Наверное, сможете.

— А когда я очнусь окончательно?

— Завтра после обеда или к вечеру.

— Так скоро?

— Это же и в самом деле незначительная операция,— повторила она снова.

Он кивнул головой. Она спросила, что ему принести, и он попросил имбирного эля. Росс пояснила ему, что еще двенадцать часов после операции он не будет принимать ни пищи, ни жидкости. Она сказала, что ему сделают успокоительные уколы перед сном и утром перед операцией. Это поможет ему хорошо выспаться.

Уходя из палаты, она услышала звук включаемого телевизора, и металлический голос произнес: «Слушайте, лейтенант, я ловлю убийцу в трехмиллионном городе».

Росс плотнее закрыла за собой дверь. Уходя из отделения, Росс сделала в медицинской карте Бенсона краткую запись и обвела ее красной рамкой, чтобы сестры не могли не заметить написанное: «Больной, тридцати четырех лет, в последние два года страдает психомоторной эпилепсией. Причиной болезни, предположительно, является травма, перенесенная вследствие автокатастрофы. У пациента зафиксировано два покушения на убийство и несколько драк с незнакомыми ему людьми. Любое его заявление, что он себя «чувствует чудно» или что чем-то «мерзко пахнет», следует расценивать как приближение припадка. При этом следует незамедлительно поставить в известность отделение нейропсихиатрии и больничную службу безопасности.

Кроме того, у пациента наблюдается расстройство рассудка. Ему кажется, что созданные человеком различные машины готовят заговор с целью захвата власти на планете. Он твердо убежден в реальности такого заговора, и попытки переубедить его могут вызвать подозрительность или враждебность с его стороны. Следует иметь в виду, что больной является человеком очень чувствительным и интеллигентным, обращаться с ним надо твердо, но с уважением. Заболевание также повлияло на психическую уравновешенность пациента: он отдает себе отчет в том, что болен, страдает от мыслей о своей болезни и боится ее.

*Джанет Росс, доктор медицины
отделения нейропсихиатрии».*

— Я не понимаю, — сказал газетчик.

Эллис вздохнул. Макферсон терпеливо улыбнулся.

— Это органическая причина буйного поведения, — сказал он. — Так это можно трактовать.

Они вдвоем сидели в расположенном неподалеку от клиники ресторанчике «Четыре короля». Идея этого раннего обеда принадлежала Макферсону, Эллис же был там только потому, что его пригласили. По крайней мере, он так считал.

Эллис попросил официанта принести еще кофе.

«Это чтобы не заснуть», — подумал он. Но вообще сегодня, накануне первой операции стадии-3 на человеке, вряд ли удастся хорошо выспаться даже и без кофе. Он знал, что будет ворочаться в постели с боку на бок, мысленно прокручивая все детали предстоящей операции. До этого неизменными пациентами стадии-3 были обезьяны. Сто пятьдесят четыре обезьянки, если быть точным. С обезьянами было трудно: они брыкались, кусались, срывали шины и соединительные трубки.

— Коньяк? — спросил Макферсон.

— Да, пожалуйста, — ответил репортер.

Макферсон вопросительно взглянул на Эллиса. Эллис покачал головой. Он добавил в кофе сливок и откинулся на спинку кресла, подавляя зевоту.

Этот газетчик и сам был чем-то похож на обезьяну. На молоденькую макаку-резус: у них такая же массивная нижняя челюсть и такая же настороженность во взгляде. Газетчика звали Ральф. Фамилии его Эллис не помнил, но это было и не нужно, репортеры всегда хотят, чтобы их называли просто по имени.

Он и в самом деле смахивал на обезьянку. Эллис поймал себя на мысли, что прикидывает, как удобнее было бы расположить за ухом у газетчика электроды для имплантации.

— Случаи буйного поведения изучены еще недостаточно хорошо, — говорил Макферсон, — тут витает много различных теорий, в основном это все пишут социологи, а налогоплательщики им это исправно оплачивают. Но что мы знаем безусловно — это то, что одна болезнь — психомоторная эпилепсия — может вызывать приступы неистовства.

— Психомоторная эпилепсия, — повторил Ральф.

— Да, кстати, психомоторная эпилепсия распространена не менее, чем другие виды эпилепсии. Даже некоторые известные люди страдали ею, например, Достоевский. У себя в отделении мы считаем, что психомоторная эпилепсия может быть даже очень распространена среди людей, часто участвующих в насильственных актах, например, гангстеров, налетчиков, некоторых полицейских. И никто даже не подозревает, что эти люди психически нездоровы. Мы просто полагаем, что в мире немало людей с дурным характером, и считаем, что это нормально. А возможно, это и не так.

— Понимаю,— сказал Ральф.

Похоже, ему и в самом деле было понятно. «Из Макферсона вышел бы хороший учитель,— подумал Эллис.— Но исследователем он тогда, конечно бы, не был».

— Итак,— продолжал Макферсон,— мы не знаем наверняка, насколько широко распространено это заболевание. Но, по нашим предположениям, это может быть один или два процента от населения страны. Иными словами, от двух до четырех миллионов американцев.

— Черт возьми! — вырвалось у Ральфа.

Эллис отхлебнул кофе.

— В силу некоторых причин,— продолжал Макферсон, отпивая коньяк,— психомоторные эпилептики предрасположены во время припадков к буйному, агрессивному поведению. Мы еще не знаем почему, но это так. Кроме того, припадкам часто предшествует сексуальная озабоченность и патологическая интоксикация.

При последних словах Ральф оживился.

— У нас была пациентка,— сказал Макферсон,— которая во время припадка имела сношение с двенадцатью мужчинами за одну ночь и так и осталась неудовлетворенной.

Ральф отхлебнул коньяк. Эллис обратил внимание на его модный широкий галстук с психоделическим рисунком. Сорокалетний газетчик пил коньяк, думая об упомянутой припадочной женщине.

— Патологическая интоксикация приводит к тому, что больной может опьянеть до неменяемого состояния от одного-двух глотков спиртного.

Эллис подумал о Бенсоне, маленьком, добродушном программисте, который, будучи пьяным, избивал всех подряд: мужчин, женщин — всех, кто под руку попадает. Сама идея излечения этого буйства присоединением к мозгу проводов показалась ему сейчас безумной.

Похоже, такая же мысль пришла в голову и Ральфу.

— И что, эта операция приостановит буйство? — спросил он.

— Да,— ответил Макферсон,— мы на это надеемся. Но пока еще такая операция никогда не практиковалась на людях. Завтра утром она будет сделана впервые.

— Понимаю,— сказал Ральф, как если бы он только сейчас понял причину этого обеда.

— Так что, с точки зрения освещения в печати, это очень деликатный вопрос.

— Я вас понимаю, не беспокойтесь.

Последовала короткая пауза, затем Ральф спросил:

— Кто будет оперировать?

— Я,— ответил Эллис.

— Хорошо,— сказал Ральф.— Покопаюсь в нашем архиве, нужно найти хороший негатив для фотографии в газете.— Он нахмурился, размышляя о предстоящей работе.

Эллис был поражен реакцией газетчика. Неужели это все, что он вынес из беседы? Что ему может понадобиться фотография для газеты? Но Макферсон отнесся к делу иначе.

— Мы предоставим вам все, что понадобится,— пообещал он, и на этом обед был закончен.

4 Роберт Моррис доедал в больничном буфете зачерствевший яблочный пирог, когда пронзительно запищал биппер, прикрепленный к халату.

Моррис выключил его и вернулся к пирогу, но через минуту раздался новый гудок. Выругавшись, Моррис оставил пирог и подошел к настенному аппарату ответить на вызов.

Когда-то он гордился маленькой серой коробочкой, висевшей у него на поясе. Он наслаждался моментами, когда за обедом с девушкой раздавался гудок биппера, означавший, что он должен позвонить в отделение. Эти вызовы, как он тогда считал, свидетельствовали о его занятости, серьезности, причастности к разрешению самых неотложных и важных проблем. Девушкам это нравилось.

Но теперь, несколько лет спустя, он уже так не считал. Биппер теперь казался ему безжалостным, бесчеловечным изобретением, означавшим, что его обладатель сам себе не хозяин. Ему постоянно приходилось кому-то звонить: начальству, медсестре, желавшей уточнить, какое лекарство давать в два часа дня; родственникам больного, которые хотели быть в курсе всех дел; ему звонили, что он должен присутствовать на конференции, в то время как он успевал уже с этой проклятой конференцией возвратиться.

Теперь он испытывал наслаждение дома, когда мог

снять биппер и освободиться от его власти на несколько часов.

Набирая номер, он не переставал смотреть на недоенный пирог. Дежурная ответила, что доктора Морриса просят позвонить по номеру: 24-71. Это был телефон дежурной сестры на восьмом этаже клиник. Странно, но он помнил наизусть множество всех этих внутренних номеров. Телефонная сеть клиники была не менее сложной и разветвленной, чем анатомия человека. Но с годами номера откладываются в памяти чисто автоматически. Он позвонил дежурной восьмого этажа.

— Доктор Моррис, — ответил женский голос. — Тут какая-то женщина хочет передать сумку больному Гарольду Бенсону. Говорит, это его личные вещи. Как мне с ней поступить?

— Сейчас я поднимусь, — сказал Моррис.

— Спасибо, доктор.

Он вернулся к столу и отнес пустой поднос на раздачу. Когда он поднимался на лифте, биппер зазвонил снова. Моррис взглянул на часы: половина седьмого, и в принципе время его дежурства закончилось. Но он знал, что звонит Келсоу из отделения педиатрии, и ответил на вызов.

— Ну что, надрать тебя сегодня? — спросил Келсоу.

— Попробуй. А когда?

— Ну, скажем, через полчаса.

— Годится. Если только у тебя будут мячи.

— Они у меня есть. В машине.

— Ну, тогда до встречи на корте, — сказал Моррис. И добавил: — Может, я чуть опоздаю.

— Но только не слишком, а то будет темно! — предупредил Келсоу.

Моррис ответил, что постарается, и повесил трубку.

На восьмом этаже было тихо. На других этажах в это время суток обычно бывало шумно, сновали посетители и родственники больных, но на восьмом всегда царил покойствие. И эта особенность этажа ревностно поддерживалась персоналом отделения.

Дежурная медсестра сказала:

— Вон она сидит, доктор, — и указала на сидящую на кушетке девушку.

Моррис подошел к посетительнице. Это была молодая, длинноногая девушка, красивая броской красотой представительницы шоу-бизнеса.

— Я доктор Моррис.

— Анжела Блэк.— Девушка встала и церемонно пожала ему руку.— Я принесла это для Гарри, он просил.— Она указала на небольшой чемоданчик синего цвета.

— Хорошо,— Моррис взял чемоданчик.— Я ему передам.

Девушка мгновение поколебалась:

— А его можно увидеть?

— Вряд ли это возможно.— Моррис подумал, что сейчас Бенсон уже наверняка побрит, а подготовленные таким образом к операции больные зачастую не хотят видеть посетителей.

— Даже на несколько минут?

— Ему дали успокоительное,— сказал Моррис.

Девушка явно была разочарована.

— Тогда, может быть, вы передадите ему на словах?

— Конечно, передам.

— Скажите ему, что я вернулась в свою старую квартиру. Он поймет.

— Хорошо.

— Не забудете?

— Нет, я передам ему.

— Благодарю.— Девушка улыбнулась.

Она выглядела довольно мило, несмотря на длинные накладные ресницы и густой слой косметики. И зачем только молодые девушки вытворяют такое со своими лицами?

— Ну, я, пожалуй, пойду.

И она пошла: быстрая решительная походка, короткая юбка и очень длинные ноги. Моррис посмотрел ей вслед, затем взял чемоданчик, оказавшийся тяжелым.

Полицейский, дежуривший у двери палаты восемьсот десять, спросил, как дела.

— Отлично,— ответил Моррис.

Полицейский покосился на чемоданчик, но ничего не сказал.

Гарри Бенсон смотрел по телевизору боевик.

Моррис приглушил звук.

— Одна очень хорошенькая девушка передала вам это.

— Анжела? — усмехнулся Бенсон.— Да, у нее отличный экстерьер. Ничего особо сложного внутри, но внешность подходящая.— Он протянул руку к чемоданчику.— Она все передала?

Моррис глядел, как Бенсон раскладывает содержимое чемоданчика на постели: пижама, электробритва,

лосьон после бритья, какая-то книжка в бумажном переплете. Затем Бенсон вытащил из чемоданчика черный парик.

— А это зачем? — удивился Моррис.

Бенсон пожал плечами:

— Я ведь знал, что парик мне понадобится рано или поздно. — Он рассмеялся. — Вы ведь собираетесь меня когда-нибудь отсюда выпустить, так или нет?

Моррис рассмеялся вместе с ним. Бенсон бросил парик обратно в чемоданчик и извлек из него набор отверток, завернутый в пластиковый пакет.

— Зачем вам отвертки? — спросил Моррис.

Бенсон смутился.

— Не знаю, как вам это лучше объяснить.

— Что именно?

— Я всегда ношу их с собой. На счастье.

Бенсон положил отвертки в ящик ночного столика. Положил их бережно, почти с благоговением. Моррис знал, что пациенты, особенно серьезно больные, часто берут с собой в больницу довольно странные вещи. Для них эти предметы стали чем-то вроде амулета. Часто эти предметы были связаны с хобби или любимыми занятиями пациентов. Моррис вспомнил яхтсмена, у которого оказалась злокачественная опухоль мозга, — он взял с собой в клинику инструмент для починки парусов; и женщину-сердечницу, которая принесла с собой коробку с теннисными мячами. Все в порядке вещей.

— Я понимаю, — сказал Моррис.

Бенсон улыбнулся.

5 Тест психодекса, наряду с другими психологическими тестами, предназначенными для компьютерной обработки, был разработан в нейропсихиатрии. Это было частью всего того, что Макферсон именовал «двухаспектным мышлением». При этом он имел в виду, что теория, сравнивающая человеческий мозг с компьютером, приводит к двояким выводам. С одной стороны, компьютер можно применить для исследования человеческого мозга. С другой стороны, накопленные при этом новые сведения о мозге можно использовать при проектировании более совершенных компьютеров. Макферсон говорил: «Мозг в такой же степени модель для компьютера, как и компьютер — модель для мозга».

В нейропсихиатрии специалисты по компьютерам и нейробиологи долгие годы работали сообща.

В результате этого сотрудничества появились такие программы, как «Джордж и Марта», «Форма Кью», новая психирургическая техника и психодекс.

Психодекс был относительно прост. Это был тест, который требовал однозначных ответов на подобранные психологами вопросы, а затем ответы обрабатывались по сложным математическим формулам. Росс глядела, как машина обрабатывает данные, высвечивая на экране колонки цифр. Впрочем, она знала, что эти цифры — всего лишь результаты промежуточных операций компьютера и обращать на них внимание не стоит. Она вообще уже давно пришла к выводу, что можно пользоваться компьютером, не зная подробностей его работы. Примерно так, как пользуются автомобилем, или пылесосом, или собственным мозгом.

На экране появилась надпись: «Вычисления закончены. Вызывайте отображение информации». Она нажала кнопку, и компьютер выдал на своем экране трехмерную фигуру — нечто вроде горы с острым пиком.

Росс посмотрела на фигуру, затем позвонила Макферсону.

Макферсон, нахмурившись, глядел на экран. Из-за его плеча выглядывал Эллис.

— Когда сделан тест? — спросил Макферсон.

— Сегодня, — ответила Росс.

— А вы без боя не сдаетесь, — вздохнул Макферсон.

Вместо ответа Росс нажала кнопку и вывела на экран изображение другого пика, намного ниже первого:

— А вот это предыдущее тестирование.

— Да, возрастание налицо, — сказал Макферсон. — Особенно за последний месяц.

— Да, — согласилась Росс.

— Вы не думаете, что он хитрил с тестом?

Она покачала головой и в подтверждение своего мнения воспроизвела на мониторе результаты четырех предыдущих тестов. Тенденция была очевидной: каждый последующий пик был острее и выше предыдущих.

— Что же, — сказал Макферсон, — состояние больного, вне всякого сомнения, ухудшается. А вы, наверное, продолжаете считать, что нам не следует оперировать.

— Уверена больше, чем прежде, — ответила Росс. — Он безусловно психопатичен, и когда мы станем накладывать ему на голову шины...

— Я знаю, — перебил Макферсон, — я знаю, что вы сейчас скажете.

— ...то он наверняка вообразит, что превратился в машину,— закончила Росс.

Макферсон обернулся к Эллису:

— Как вы думаете, можно снять это эмоциональное напряжение торазином? — Торазин был одним из основных транквилизаторов. Некоторым больным он прояснял сознание.

— Пожалуй, можно попробовать.

Макферсон кивнул головой:

— Я тоже так считаю.

— А вы, Джанет?

Она задумчиво посмотрела на экран и ничего не сказала. Станные все-таки тесты. Эти абстрактные горные пики являлись математическим описанием психического состояния тестируемого. И тем не менее это не такая реальная характеристика человека, как, например, его пальцы, или вес, или рост.

— Джанет, вы какого мнения? — повторил Макферсон.

— Я думаю,— сказала она,— что вы оба уже приступили к операции.

— А вы, значит, не одобряете?

— Я не могу одобрять или не одобрять. Просто я считаю, что Бенсону это не поможет.

— А что вы думаете о применении торазина? — настаивал Макферсон.

— Просто уловка.

Макферсон кивнул головой и обратился к Эллису:

— А вы еще не раздумали его оперировать?

— Нет,— сказал Эллис, глядя на экран.— Я не раздумал.

6 Как всегда, играя в теннис на больничном корте, Моррис испытывал странное ощущение. Возвышающиеся перед ним корпуса клиники вселяли в него ощущение некоторой вины, ведь за вереницей этих окон находилось множество больных, лишенных возможности делать то, что делал он. И звук, точнее, отсутствие звука — находящееся рядом с клиникой шоссе монотонным гудением автомашин полностью заглушало удары теннисного мяча о ракетку.

Уже темнело, и видимость на корте стала плохой. Мяч оказывался на его половине поля совсем неожиданно. Келсоу, похоже, сумерки мешали намного меньше. Моррис часто подшучивал, что Келсоу хорошо ви-

дит в сумерках потому, что ест много моркови, но так или иначе, играть при плохой видимости с Келсоу было сущим унижением, потемки были его союзником, а проигрывать Моррис не любил.

Морриса устраивал его соревновательный дух. Он соревновался всегда и во всем: в играх, в работе, в амурных делах. На эту черту характера Росс намекала ему несколько раз в свойственной психиатрам лукавой манере: коснуться вопроса и затем тут же переменить тему. Моррис не возражал, соревновательность и в самом деле была присуща ему, а чем она была вызвана: внутренней неуверенностью, потребностью самовыражения, чувством неполноценности — это уже не имело значения. Он получал удовольствие, когда состязался и побеждал. И ему удавалось чаще побеждать, нежели проигрывать.

Он и работать в нейропсихиатрию поступил отчасти потому, что попасть туда было очень трудно. В душе Моррис надеялся стать профессором прежде, чем ему стукнет сорок. Его достижения на прежнем месте работы были очень значительны — потому-то Эллис и принял его, — и он был абсолютно уверен в своем будущем. Он верил, что его деятельность станет вехой в современной хирургии.

Так или иначе, но он пребывал в хорошем настроении и играл с полной отдачей полтора часа, пока вконец не устал и видимость не стала совсем никудышной. Он подал знак Келсоу — кричать не было смысла, рев автомашин поглощал все прочие звуки — оканчивать игру. Оба подошли к сетке для рукопожатия. Моррис с удовлетворением отметил, что Келсоу совсем запыхался.

— Хорошо поиграли, — сказал Келсоу, — так что, завтра в это же время?

— Не уверен, получится ли, — ответил Моррис. Келсоу помолчал.

— Да, конечно, — сказал он, — завтра у вас решающий день.

— Решающий, — согласился Моррис. — О черт, неужели в курсе предстоящего даже педматры?

На мгновение он испытал то, что, должно быть, чувствовал Эллис, — неимоверную нагрузку, абстрактную, смутно ощущаемую при мысли, что за экспериментом пристально следит вся клиника.

— Что ж, желаю удачи! — сказал Келсоу.

Когда они возвращались в клинику, Моррис вдалеке заметил Эллиса, одиноко бредущего по стоянке к своей машине.

Имплантация

В шесть утра Джанет Росс, выпив кофе с пирожком и переодевшись в зеленую хирургическую одежду, была уже на четвертом этаже хирургии. В комнате хирургов в это время было людно. Хотя по плану операции начинались в шесть, большинство из них откладывалось на пятнадцать — двадцать минут. Врачи просматривали газеты, обсуждали биржевые и спортивные новости. Время от времени кто-то из них вставал и подходил к застекленной галерее, откуда были видны находящиеся внизу операционные и все, что там делалось для подготовки к операции.

Джанет была единственной женщиной среди врачей, и ее присутствие неуловимо меняло мужскую атмосферу в ординаторской. Ее раздражало, что она здесь всегда в единственном числе и мужчины в ее присутствии вынуждены вести себя тише, вежливей, сдержанней. Она чувствовала себя в некотором роде чужой, и это ей страшно не нравилось. Ей казалось, что подобные ощущения она испытывает с самого детства.

Ее отец был хирургом, никогда не скрывавшим своего разочарования и неудовольствия тем, что родилась дочь, а не сын. В его жизненных планах значился сын; сына он мог бы взять с собой в клинику в выходной день, показать ему операционные — много чего можно было бы сделать с сыном. Дочь же была совсем иным — досадной реальностью, вовсе не подходящей для хирургической стези.

Она окинула взглядом хирургов, собравшихся в комнате, и затем, чтобы скрыть неловкость, подошла к телефону и набрала номер восьмого этажа.

— Это доктор Росс. Мистер Бенсон готов?

— Его увезли в операционную.

— Когда?

— Примерно пять минут назад.

Она повесила трубку и вернулась к своему кофе. Появился Эллис и помахал ей рукой.

— Там пятиминутная задержка из-за сбоя в компьютере, — сказал он. — А за больным поехали?

— Пять минут назад.

— Видели Морриса?

— Еще нет.

— Лучше бы он уже разминался здесь,— сказал Эллис.

Моррис вместе с медсестрой, Бенсоном, лежащим на хирургической тележке, и полицейским поднимались на лифте. Моррис предупредил полицейского:

— Вам на операционный этаж нельзя.

— Почему?

— Это стерильный этаж.

— Что же мне делать? — растерялся полицейский. Все утро находясь среди рутины хирургических дел, он чувствовал себя неуверенно и неудобно.

— Вы можете наблюдать из смотровой галереи на четвертом этаже. Если дежурная сестра спросит, сошлетесь на меня.

Полицейский кивнул головой.

Лифт остановился на третьем этаже. Прямо напротив лифта была видна красная надпись: «Стерильная зона. Посторонним вход воспрещен».

Моррис и сестра выкатили тележку с Бенсоном из лифта, а полицейский с озабоченным видом поехал на этаж выше.

Когда Бенсона везли по коридору, он заявил:

— А я еще не заснул.

— Конечно, не заснули.

— А я вот хочу уснуть.

Моррис сделал успокаивающий жест. Бенсону сделали предоперационный укол полчаса назад, препарат должен был скоро подействовать и погрузить Бенсона в дремоту.

— Какое ощущение во рту?

— Пересохло.

— Это начал действовать атропин. Все будет хорошо.

Морриса никогда не оперировали. Он проделал сотни операций, но сам на операционном столе не лежал никогда. В последние годы его занимал вопрос: что переживают больные во время операции? Он подозревал, что ощущения ужасны, хотя никогда не сказал бы это вслух.

— Все будет хорошо,— повторил он и дотронулся до плеча Бенсона.

Бенсон ответил ему взглядом, и как раз в это время тележку ввезли в девятую операционную.

Девятая была самой большой операционной в клинике, площадью приблизительно тридцать квадратных футов и вся заставленная электронной аппаратурой. Но и в ней становилось тесновато, когда вся хирургическая бригада — двенадцать человек — собиралась полностью. Сейчас в операционной были только две сестры, раскладывающие стерильные материалы вокруг кресла.

В девятой не было операционного стола, вместо него стояло высокое кресло с подголовником, как у дантиста. Рядом с Росс Эллис что-то бурчал насчет Морриса, который чертовски опаздывает. Эллис всегда ругался перед операцией. Он сильно нервничал, хотя, похоже, думал, что никто этого не замечает.

Росс ассистировала ему в нескольких операциях на животных, и весь ритуал был ей уже знаком — нервозность и сквернословие перед операцией и ледяное спокойствие, как только все начнется.

Эллис локтем завернул кран умывальника и вошел в операционную, держа руки так, чтобы не коснуться дверей. Сестра подала ему полотенце. Вытирая руки, он оглянулся на стоящую у дверей Росс, а затем перевел взгляд вверх, на смотровую галерею. Росс знала, что сегодня за операцией будет наблюдать много народу.

Вошел Моррис и начал мыть руки. Росс сказала:

— Эллис все вас разыскивал.

— За больным катался,— ответил тот.

Одна из сестер подошла и спросила:

— Доктор Росс, там из радиационной лаборатории принесли устройство для доктора Эллиса. Оно ему сейчас потребуется?

— Если устройство заряжено, то да,— ответила Росс.

— Пойду спрошу,— ответила сестра и спустя минуту вернулась.— Говорят, что заряжено и готово к работе, но если у нас нет защитного экрана, то мы можем облучиться.

Росс знала, что операционная экранирована еще неделю назад. Плутониевый источник излучал не слишком много радиации — вряд ли достаточно, чтобы засветить рентгеновскую пленку, но все же это могло повлиять на высокочувствительное медицинское оборудование. Для людей, конечно, источник опасности не представлял.

— Мы экранированы,— сказала Росс.— Так что пусть занесут устройство в операционную.

Росс повернулась к Моррису, моющему руки перед тем, как надеть перчатки:

— Как Бенсон?

— Нервничает.

— Еще бы,— сказала она.

Моррис вопросительно взглянул на нее поверх марлевой маски.

Росс отряхнула воду с рук и пошла в операционную. Она увидела там сотрудника радиационной лаборатории, привезшего на тележке источник питания. Источник находился в небольшой свинцовой коробочке с надписью: «Опасно — радиация» и оранжевым знаком радиационной опасности. Это было немного смешно, поскольку зарядное устройство было вполне безопасно. Посреди операционной Эллису помогали надеть халат. Он натянул резиновые перчатки и пошевелил пальцами. Затем спросил сотрудника радиационной лаборатории:

— Оно стерилизовано?

— Простите, сэр?

— Я говорю, устройство стерильное?

— Я не знаю, сэр.

— Тогда отдайте сестрам, они положат в автоклав.

Оно должно быть стерильно.

Росс насухо вытерла руки. От прохлады операционной ее пробирала легкая дрожь. Как и большинство хирургов, Эллис предпочитал работать в холодном помещении. Может быть, для оперируемого это было даже слишком прохладно, но Эллис часто повторял: «Если будет хорошо мне, то будет хорошо и пациенту».

Сейчас Эллис стоял возле эпидиаскопа, разглядывая рентгеновские снимки Бенсона, хотя прежде видел их уже десятки раз.

Постепенно собралась вся операционная бригада.

Не отрываясь от своих приборов, один из электронщиков доложил:

— Мы в полной готовности, доктор.

— Все-таки давайтеждемся больного,— сухо ответил Эллис.

Кто-то из сотрудников хмыкнул.

Росс окинула взглядом семь находящихся в операционной мониторов. В зависимости от степени важности для хирурга экраны были разной величины и рас-

положены на разном удалении от центра. На самый маленький экран выводился крупный план операции.

Пока что на этот экран передавалось изображение пустого операционного кресла, снятое телекамерой, расположенной сверху.

На экран побольше выводилась ЭЭГ — электроэнцефалограмма больного. Монитор был выключен, и только шестнадцать белых светящихся точек равномерно вычерчивали горизонтальные линии на экране. Большой экран был предназначен для вывода основных данных: электрокардиограммы, артериального и венозного давлений, пульса, частоты дыхания, температуры. Как и монитор ЭЭГ, этот экран пока вычерчивал только горизонтальные линии.

Два экрана были предназначены для контрастного и увеличенного изображения рентгенограмм пациента, снимаемых непосредственно во время операции.

И, наконец, на два цветных экрана подавалась информация с компьютеров, позволявшая судить о ходе операции. Исходные данные пока не были введены в компьютер, и трехмерное изображение мозга поворачивалось на экранах, а ниже высвечивались генерируемые компьютером случайные координаты. И, как всегда, Росс почувствовала, что компьютер присутствует среди них почти по-человечески. Это ощущение обычно усиливалось с началом операции.

Эллис закончил просматривать снимки и взглянул на часы: 6.19. Бенсон был еще в предоперационной, проверяемой анестезиологом.

Эллис походил по комнате, перекинувшись несколькими фразами с каждым из бригады. Росс удивило столь необычное дружелюбие хирурга. Она взглянула вверх, на смотровую галерею, и увидела директора клиники, главврача, главного хирурга и руководителя исследовательского направления. Ей все стало понятно.

В 6.21 ввели Бенсона. Он был расслаблен — погружен в наркоз, на голове — зеленая повязка. Эллис наблюдал, как пациента перекладывают из носилок в кресло. Когда руки и ноги Бенсона кожаными ремнями пристегивали к креслу, он, словно бы пробуждаясь, открыл глаза.

— Это только чтобы вы не упали, — сказал Эллис непринужденно, — мы не хотим, чтобы вы ударились.

— А, — пробормотал Бенсон и снова закрыл глаза.

Эллис кивнул сестрам, чтобы голову Бенсона начали разбинтовывать. Когда оперируемых разбинтовыва-

ли, их головы всегда казались Росс бледными и очень маленькими. Кожа на черепе была совершенно гладкой, не считая небольшого пореза от бритвы с левой стороны. На правой стороне черепа были отчетливо видны голубые крестообразные отметки, сделанные Эллисом.

Бенсон откинулся в кресло, не открывая глаз. Один из ассистентов принялся прикреплять датчики мониторов к телу Бенсона, смазывая при этом участки кожи специальной электролитической пастой. Эта процедура длилась недолго, и вскоре целый пучок разноцветных проводов протянулся от тела больного к приборам.

Эллис посмотрел на экраны мониторов. На экране ЭЭГ сейчас прочерчивалось шестнадцать зигзагообразных линий; измерялось сердцебиение, дыхание было равномерным, температура — нормальной. Техники начали ввод в компьютер предоперационных параметров; исходные лабораторные данные были введены заранее. Во время операции компьютер будет отображать на экранах все жизненно важные параметры с пятисекундным интервалом и выдавать сигнал, если что-либо будет не в порядке.

— Включите музыку, — сказал Эллис, и сестра встала кассету с записью концерта Баха в магнитофон, находящийся в углу комнаты. Эллис всегда оперировал под Баха; он говорил, что, по его мнению, если уж не гениальность, то хотя бы точность являются «разительными».

Приближалось начало операции. Цифровые часы на стене показывали время: 6.29.14; рядом с ними висели другие часы, хронометрирующие операцию. Пока они показывали сплошные нули.

С помощью сестры Росс надела стерильные халат и перчатки. Надевание перчаток всегда давалось ей с трудом, вот и сейчас пальцы попадали не туда, куда надо. Росс была рада, что Эллис и другие коллеги не смотрят на нее, занятые пациентом. Она отступила в глубь комнаты, стараясь не зацепиться за провода, растянувшиеся по полу во всех направлениях. Росс не участвовала в начальной стадии операции, ожидая, когда начнется определение координат стереотаксическим устройством, и у нее было еще время натянуть перчатки как следует.

В принципе ей вообще незачем было участвовать в этой операции, но по настоянию Макферсона в каждой хирургической бригаде всегда находился и один из

врачей другой специализации. Макферсон считал или, по крайней мере, так заявил, что это творчески сплачивает врачебный персонал.

Эллис с ассистентами приступил к бандажированию Бенсона. Это же показывал и монитор крупного плана. Кроме того, для дальнейшего изучения с персоналом вся операция записывалась на видеопленку.

— Что ж, можно начинать,— сказал Эллис спокойно.— Давайте иглу!

Анестезиолог, стоящий возле кресла, ввел иглу в спину пациента между вторым и третьим позвонками.

Бенсон пошевелился и издал слабый звук.

На панели компьютера вспыхнуло: «Начало операции». Вместе с этим автоматически включился настенный хронометр.

— Через тридцать секунд начинаем,— сказал Эллис.— Дайте рентген!

Рентгеновские камеры подвели к вискам и ко лбу больного. Послышалось щелканье вставляемых светочувствительных пластин. Эллис наступил на расположенную на полу кнопку, и на телеэкранах появилось черно-белое изображение черепа; несколько секунд Эллис внимательно глядел на мониторы.

Программист нажимал какие-то кнопки на панели компьютера. На его дисплее загорелась надпись: «Начало пневмографии».

— Хорошо, закрепляйте ему «шляпу»,— скомандовал Эллис, и к голове пациента подвели похожую на коробку стереотактическую рамку, или, как ее называли хирурги, «шляпу».

Эллис еще раз проверил отметки для сверления черепа и, оставшись удовлетворенным, сделал в отмеченные участки черепа уколы местной анестезии. После чего разрезал и отвернул кожу на голове Бенсона, обнажая белую кость черепа.

— Сверло!

Он сделал два отверстия двухмиллиметровым сверлом на правой стороне черепа, а затем закрепил на нем стереотактическую рамку.

— Проверьте правильность установки,— распорядился Эллис, а сам отступил назад, критически рассматривая бритую голову Бенсона с размещенной на ней «шляпой». Техник-рентгенолог сделал новые снимки.

Росс вспомнила, как раньше приходилось определять установку «шляпы», сравнивая рентгеновские снимки. Это было долго и делалось с помощью линейки и транс-

портира. Теперь же данные вводились сразу в компьютер, и анализ получался быстрым и точным.

Все посмотрели на экран, на котором компьютер должен был выдать результаты проверки. Рентгенограмма появилась незамедлительно, а затем вместо нее на экране высветился схематичный рисунок — требуемое положение стереотактической рамки и действительное. Ниже сетки координат на экране загорелась надпись: «Установка правильная».

— Благодарю за консультацию, — сказал Эллис бесстрастно и подошел к столику с электродами. Теперь в операциях использовались исключительно электроды из нержавеющей стали с тефлоновым покрытием. Когда техника введения электродов только разрабатывалась, в качестве электродов перепробовали решительно все: золото, платиновые сплавы и даже гибкую сталь. И действия с использованием этих материалов были, по своей сути, трудными и рискованными. Ведь было необходимо удалять значительную часть черепа, чтобы обнажить участок мозга. Затем хирург определял места введения электродов непосредственно на поверхности мозга, а уже потом вводил в мозг электроды.

Операции длились долго, и пациенты переносили их с трудом. Зачастую возникали серьезные осложнения.

С применением компьютеров все изменилось. Компьютер позволял точно определить необходимую точку в трехмерном пространстве. Первоначально, наряду с другими исследователями этой области медицины, группа нейропсихирургии пыталась установить взаимосвязь мозгового рельефа с внешним строением черепа.

Они пробовали определять искомые точки на основании параметров глазных орбит, ушных раковин, сагитальных швов. Из этого, конечно, ничего не выходило — нет никакой закономерности в соответствии человеческого мозга внешнему строению головы. Единственный путь правильного определения точек в глубоких структурах мозга — привязываться к другим мозговым точкам; такими точками отсчета стали мозговые желудочки, наполненные жидкостью полости в человеческом мозге.

Теперь уже не было надобности обнажать головной мозг — вместо этого в черепе сверлилось несколько отверстий, через которые вводились электроды, а с помощью рентгена компьютер контролировал правильность их установки.

Эллис взял первый электродный жгут. С места, где стояла Росс, он казался просто тоненьким проводком, на

самом же деле это было соединение двадцати девяти проводов, каждый из которых имел свою крохотную контактную площадку. Каждый отдельный проводок был в тефлоновой оплетке, и только последний миллиметр каждого провода был изолирован. Все проводки различались по длине, так что под увеличительным стеклом конец электродного жгута представлял собой как бы миниатюрную ступенчатую лесенку.

Эллис проверил контактные площадки под микроскопом, слегка поворачивая жгут из стороны в сторону. Затем он отдал жгут медсестре для прозвонки контактов, хотя это уже неоднократно делалось и раньше. К тому же у него имелось наготове четыре стерильных электродных жгута, хотя требовалось всего два. Эллис был предусмотрителен.

Результаты проверки удовлетворили Эллиса.

— Все готово к установке? — спросил он своих ассистентов.

Они ответили утвердительно. Эллис подошел вплотную к пациенту и сказал:

— Проходим.

До этого момента операции (хоть Бенсону и просверлили череп) твердая мозговая оболочка, обволакивающая весь мозг, оставалась нетронутой. Теперь же ассистент Эллиса, специальной иглой проникнув сквозь мембрану, взял пункцию мозговой жидкости.

— Есть, — сказал он.

Из просверленного в черепе отверстия выступило несколько капель прозрачной жидкости. Медсестра промокнула их салфеткой.

Росс всегда удивляло, как природа защитила мозг. Конечно, и остальные жизненно важные органы организма неплохо защищены: легкие и сердце укрыты ребрами, концы ребер прикрывают также печень и селезенку; почки облачены в жир и предохраняются различными мышцами. Хорошая защита, но она ничто по сравнению с защитой центральной нервной системы прочными костями. Однако и этого недостаточно — внутри мозга находятся мешкообразные полости, содержащие спинномозговую жидкость. Эта жидкость находится под давлением и, окружая мозг со всех сторон, создает дополнительную защиту.

Макферсон сравнивал эти меры предосторожности с защитой плода в чреве матери. «Но плод выходит из чрева, — говорил он, — а мозг — никогда».

— Размещаем, — сказал Эллис.

Росс подошла к оперирующим. Она наблюдала, как Эллис осторожно вводит электродный жгут в просверленное отверстие, а затем слегка нажимает, погружая электроды в мозг. Программист не переставал манипулировать с панелью компьютера. На экране загорелась новая надпись: «Входные точки локализованы».

Пациент лежал неподвижно и молча. Мозг не чувствует боли, в нем нет болевых рецепторов. Один из капризов эволюции: орган, воспринимающий боль любой частички тела, лишен способности чувствовать собственную боль.

Росс взглянула на экран с рентгенограммой: на нем среди резкого контраста черного и белого были четко видны контуры электрода, медленно, но неуклонно продвигающегося внутрь мозга. Она перевела взгляд на экран с компьютерной имитацией всех действий бригады. Компьютер интерпретировал поступающую в него рентгенограмму в виде схематичной картины мозга, височные и лобные области которого были красного цвета, а путь, который необходимо было проделать электроду, изображался мигающей голубой линией. Пока что Эллис действовал безошибочно.

— Здорово, — прошептала Росс.

Компьютер непрерывно выдавал на экран координаты, соответствующие каждому новому местоположению жгута электродов.

— Практика — путь к совершенству, — сказал Эллис, морщась. Он сейчас управлял миниатюрным редукторным устройством, предназначенным для компенсации неточности от подрагивания пальцев. Если рука хирурга отклонялась, к примеру, на полдюйма, то редуктор сводил эту ошибку к величине в несколько раз меньшей. Очень медленно электроды проникали в глубь мозга.

Росс посмотрела на экран крупного плана. Было удобнее наблюдать за работой Эллиса там, чем крутиться вокруг стола, пытаясь разглядеть все в натуре. Но она повернулась, услышав, как Бенсон тихо, но внятно простонал.

Эллис остановился:

— Это это?

— Пациент, — ответил анестезиолог, указывая на Бенсона.

Эллис наклонился над лицом больного.

— Все нормально, мистер Бенсон? — спросил он громко и отчетливо.

— А-я... прекрасно,— ответил Бенсон, с трудом ворочая языком.

— Не больно?

— Нет.

— Хорошо. Тогда расслабьтесь.— И Эллис продолжил операцию.

Росс с облегчением вздохнула. Стон Бенсона испугал ее, хотя она и понимала, что особых причин для тревоги нет. Бенсон не мог чувствовать боли, и она знала это, его состояние — не бессознательность, а всего лишь глубокая, вызванная медикаментами полудрема. Подвергать его общему наркозу не было необходимости.

Она снова повернулась к экрану компьютерной имитации. Компьютер сейчас вырисовывал вид мозга с тыльной, затылочной, стороны. С этой стороны электродный жгут выглядел как маленькая голубая точка, окруженная концентрическими кругами. От Эллиса требовалось не допустить при продвижении электродов отклонения более чем на один миллиметр, то есть на одну двадцать пятую часть дюйма от вычисленного компьютером пути. Пока что он отклонился на полмиллиметра. Компьютер тут же определил величину рассогласования: «Ошибка 50».

— Немного соскальзываете,— сказала Росс.

Электродный жгут остановил свое продвижение. Эллис поднял глаза к экрану.

— Слишком высоко по β -измерению?

— Нет, по γ .

— Хорошо.

Электроды возобновили свое продвижение.

«Ошибка 40»,— вспыхнула новая надпись на панели компьютера. Изображение мозга на экране медленно разворачивалось вокруг своей оси.

«Ошибка 20»,— зафиксировал компьютер.

— Вы прекрасно корректируете направление,— сказала Росс.

Эллис буркнул что-то нечленораздельное. «Ошибка 0». Мозг на экране развернулся своей профильной стороной и замер. На втором экране появилось изображение мозга со стороны лба. Загорелась надпись: «Приближение к цели», и тут же ее сменила другая: «Попадание».

— Все,— сказала Росс.

Эллис выпрямился, скрестив руки на груди.

— Надо проверить координаты,— сказал он.

Хронометр показывал время с начала операции: 27 минут.

Программист запустил программу проверки, чтобы еще раз вычислить требуемое местоположение электродов по окончании имплантации и сравнить его с фактическим. Информацию о фактическом положении давала рентгеноскопия. Окончив сравнение, компьютер выдал: «Отклонение в пределах нормы».

— Вот и все, — сказал Эллис.

Второй конец электродного жгута он продел сквозь маленькую пластиковую крышечку, которой закрыл, как пробкой, просверленное отверстие в черепе, а затем замуровала крышку зубным цементом. Теперь только небольшой конец жгута из двадцати тоненьких проводов выглядывал наружу.

— Можем сверлить другое отверстие, — сказал Эллис.

После того, как аналогичным образом разместили второй электрод, Эллис сделал скальпелем тонкий дугообразный надрез на темени больного. Разрез шел от смонтированных в череп электродов, проходил за ухом и опускался к основанию шеи возле правого плеча. На правом же боку, чуть ниже подмышки, был сделан прямоугольный, карманообразный надрез.

— Блок питания готов? — спросил Эллис.

Ассистент подал ему блок питания. Он был по величине меньше пачки сигарет и содержал тридцать семь граммов радиоактивного изотопа плутония-239. Термоядерная энергия излучения плутония, будучи предварительно преобразована в электрический ток, станет обеспечивать бесперебойную работу компьютера.

Эллис в последний раз проверил напряжение, выдаваемое блоком питания, прежде чем приступить к имплантации.

— До непривычного холодный, — заметил он, держа блок питания в руке.

Росс знала, что изоляционные внешние слои блока сохраняют низкую температуру, набранную блоком в морозильной камере. Но внутри блока капсула с радиоактивным изотопом нагрета до температуры в 500 градусов по Фаренгейту — вполне достаточно, чтобы зажать ростбиф.

Эллис проверил, есть ли утечка радиации, и счетчик показал, что все в пределах допустимого. Конечно, некоторое излучение за пределы блока было, его просто невозможно устранить, но оно было не сильнее излучения, получаемого с экрана цветного телевизора.

И, наконец, Эллис потребовал «собачий ярлык». Этот

ярлык, предупреждающий, что в теле человека помещен атомный блок питания, должен сопровождать Бенсона все время, пока в нем будет находиться источник. На ярлыке был написан один из телефонов клиники. Росс знала, что это автоответчик, непрерывно в течение двадцати четырех часов передающий подробную техническую информацию об источнике и необходимые меры предосторожности. Огнестрельные ранения, автокатастрофы, пожары и прочие бедствия могут повредить блок питания, и тогда мощное радиоактивное излучение — поток α -частиц — вырвется наружу. По телефону давалось предупреждение врачам, полиции и работникам моргов, что тело нельзя кремировать, не удалив прежде всего блок питания.

Эллис поместил блок питания в сделанный для него под мышкой подкожный кармашек и, уложив кожу на место, зашил швы. Затем он принялся за установку миниатюрного компьютера.

Росс подняла глаза на смотровую галерею и увидела близнецов-колдунов, Герхарда и Ричардса, внимательно наблюдавших за операцией.

Эллис рассмотрел компьютер через лупу, а затем передал его технику, подсоединившему микрокомпьютер к главному компьютеру клиники.

Для Росс компьютер был наиболее примечательной частью всего проделанного. За три года работы в нейропсихиатрии она видела, как компьютер стремительно уменьшался в размерах, пока наконец не стал выглядеть маленьким даже на ладони, тем не менее сохранив всю свою функциональную сложность.

Эти его крошечные размеры сделали возможной подкожную имплантацию. Пациент мог делать что угодно: совершать любые движения, принимать душ. Куда удобнее прежних устройств, крепившихся на поясе пациента и стягивавших к себе целую охапку проводов.

На панели компьютера вспыхнула новая надпись: «Мониторы отключены на время проверки электроники». Только на одном из экранов крупным планом давалось изображение проверяемой электрической цепи. Большой компьютер проверял каждую цепь последовательно, со скоростью 4 миллионных доли секунды на каждую проверку; вся проверка в целом заняла две секунды. Затем появилась новая надпись: «Неисправностей нет», а вслед за этим — информация о состоянии пациента.

— Так, — сказал Эллис, — начинаем подсоединять.

Он кропотливо подсоединил к выводам компьютера все сорок электродных контактиков, а затем уложил провода, тянувшиеся от электродов, в сделанный до этого разрез на шее Бенсона и распорядился накладывать швы. С начала операции прошел 1 час 20 минут.

2 Моррис вкатил Бенсона в послеоперационную — узкую комнату с низким потолком, куда привозили всех больных сразу после операции. В нейропсихирургии была целая секция послеоперационных, но те палаты использовались в основном для сердечников и пациентов, получивших сильные ожоги. Эта же послеоперационная, напичканная электроникой, использовалась впервые. Бенсон стал ее первооткрывателем.

Бенсон, с замотанными в бинты головой и шеей, был бледен, но чувствовал себя неплохо. Моррис проследил, как больного перекадывают с носилок на кровать. В углу Эллис диктовал по телефону протокол операции: по больничному номеру 11—04 можно было записать все необходимое на магнитофон, а впоследствии секретарь печатал продиктованное и подшивал в медицинскую книжку больного.

Голос Эллиса доносился как бы издалека. Когда он сделал паузу, Моррис услышал, как Росс отдает распоряжение медсестре:

— Начнете давать ему фенобарб, как только придет в себя.

Росс казалась сердитой. Он взглянул на нее:

— Что-нибудь не так?

— Все нормально, — ответила Росс.

— Вы, кажется, сердитесь...

— Вы собираетесь со мной ругаться?

— Нет, — ответил Моррис, — конечно нет.

— Я просто хочу быть уверенной, что Бенсону дадут фенобарб и он не будет возбуждаться до начала стимуляции.

Она стремительно вышла из комнаты. Моррис посмотрел ей вслед, затем взглянул на Эллиса. Тот продолжал диктовать, но заодно наблюдал за происходящим. Эллис пожал плечами.

— Что с ней такое? — спросила сестра.

— Наверное, просто устала, — ответил Моррис. Он настраивал монитор у изголовья кровати, а затем принялся размещать датчики на предплечье Бенсона.

Хотя во время операции все электроды были подсо-

единены к компьютеру, никаких сигналов на них не поступало. Прежде этого надо было инициировать интерфейс — определить, какой именно из сорока вживленных электродов сможет подавлять зарождающийся приступ эпилепсии, а затем подключить этот электрод на постоянную связь с компьютером. Но инициирование интерфейса можно было проделать только на следующий день.

Пока что оборудование фиксировало параметры мозговой деятельности Бенсона. Ярко-зеленые экраны в изголовье кровати перечерчивались белыми изломанными линиями электроэнцефалограммы. Самочувствие больного было нормальным, разве что α -ритмы были слегка замедлены из-за введенного успокоительного.

Бенсон открыл глаза и посмотрел на Морриса.

— Как вы себя чувствуете? — спросил врач.

— Спать хочу. Скоро начнется операция?

— Операция уже закончилась, — ответил Моррис.

Бенсон вяло кивнул головой и закрыл глаза.

В послеоперационную зашел лаборант со счетчиком Гейгера замерить возможное излучение от вживленного в Бенсона блока. Утечки радиации не было. Моррис поправил «собачий ярлык», свисавший с тела Бенсона.

Любопытная медсестра прочитала текст на ярлыке и нахмурилась.

Эллис наконец-то закончил диктовать.

— Идем завтракать? — спросил он.

— Да, — ответил Моррис, — завтракать.

Они вышли из палаты вместе.

3 Вся беда в том, что ему и в самом деле не нравился звук его голоса: грубый; к тому же недостаточно выразительный. Макферсон предпочитал произносить слова мысленно, как если бы они были написаны на бумаге. Он включил микрофон, подсоединенный к магнитофону: «Часть третья. Философские размышления».

Он сделал паузу и оглядел стены своего кабинета. В углу письменного стола стояла большая модель головного мозга. На полках вдоль стен — кипы журналов. И телеэкран. Он сейчас как раз просматривал видеозапись утренней операции. Звук был выключен, люди на экране двигались бесшумно. Эллис сверлил отверстия в черепе Бенсона. Макферсон посмотрел и принялся диктовать:

«В результате этой операции впервые установлена

прямая постоянная связь человеческого мозга с компьютером. Конечно, сейчас любой человек, управляющий компьютером, в некотором смысле связан с ним».

«Не то», — подумал Макферсон. Он прокрутил пленку назад и записал по-другому:

«Можно сказать, что компьютер и человек, нажимающий кнопки на панели управления, также взаимосвязаны. Но связь эта не прямая и непостоянная. Поэтому проведенная операция представляет собой нечто совсем новое. Как можно оценить это качественное изменение?»

«Хороший вопрос», — подумал Макферсон. Бросив взгляд на экран телевизора, он продолжил:

«Кто-нибудь может подумать, что речь идет об использовании компьютера в качестве вспомогательного устройства, как, например, человек с ампутированной рукой использует протез. Но такой подход — уподобление компьютера высококлассному протезу — хоть и удобно, но не вполне соответствует действительности. В реальности все обстоит гораздо сложнее».

Он опять прервался, чтобы взглянуть на телевизор. Но, очевидно, оператор в больничном телецентре поменял видеокассету, и сейчас показывали не операцию, а интервью Бенсона перед операцией. Бенсон нервничал, курил сигарету, порывисто жестикулировал руками.

Любопытствуя, что там наговорил Бенсон, Макферсон слегка прибавил звук.

«...Знать, что они делают. Машины сейчас везде. Они предназначались для услужения человеку, а сейчас они берут верх. Незаметно, неувлимо берут верх».

В кабинет заглянул Эллис, увидел телеэкран и улыбнулся.

— Смотрите пресс-конференцию?

— Да нет, пытаюсь вот надиктовать кое-что. — Макферсон махнул рукой в сторону магнитофона.

Эллис кивнул головой и прикрыл за собой дверь. Бенсон с экрана продолжал:

«...чувствую себя предателем рода человеческого, потому что помогал машинам становиться более разумными. Ведь я работал над проблемой искусственного интеллекта».

Макферсон выключил звук и продолжил диктовку: «Говоря о компьютерном оборудовании как о системе устройств, следует различать центральные и периферийные устройства. Центральным устройством является главный компьютер, хотя, в обиходном смысле, он может находиться и на периферии — например, в фунда-

менте здания. Различного рода оконечные устройства являются периферийными. Они могут располагаться в отдалении от центрального компьютера, на разных этажах здания».

Бенсон на экране телевизора разволновался еще больше, и Макферсон прибавил звук и услышал:

«...становятся более разумными. Вначале паровые двигатели, затем автомобили и аэропланы, потом счетные устройства. Теперь компьютеры».

Макферсон опять выключил звук.

«...По аналогии с компьютерами, у человека мозг является центральным компьютером, а такие органы, как рот, руки и ноги, функционируют как оконечные устройства — терминалы. Они выполняют команды, поступающие из мозга.

Зачастую о работе мозга мы судим по работе периферийных органов. Мы обращаем внимание, что человек говорит, какие совершает поступки, и, исходя из этого, судим о работе его мозга. Это общеизвестно».

Он взглянул на телеэкран с Бенсоном. Интересно, что ответил бы на это Бенсон? Согласился бы или нет? Хотя какое это имеет значение?

«...Теперь же результатом операции явилось создание человека не с одним мозгом, а с двумя. Природный мозг у этого человека был поврежден, и теперь он имеет дополнительный компьютерный мозг, предназначенный корректировать работу биологического мозга. Новый мозг будет управлять природным мозгом, и, следовательно, возникает новая ситуация, когда естественный мозг пациента служит всего лишь периферийным устройством для компьютера. Более того, все органы человеческого тела являются теперь периферийными устройствами компьютерного мозга. Таким образом, мы сотворили совершенно нового человека, являющего собою терминал. Человек не может управлять работой компьютера точно так же, как телеэкран не может влиять на воспроизводимую им информацию».

«Пожалуй, слишком сильно сказано», — подумал Макферсон. Он нажал кнопку селектора и сказал секретарше:

— Гарриет, отпечатайте последний абзац и принесите мне посмотреть.

Он продиктовал дальше:

«Часть 4. Выводы».

Опять сделал паузу и включил звук в телевизоре.

«...ненавидеть их, особенно проституток, — говорил

Бенсон.— Авиамеханики, танцоры, рабочие бензозаправок — все эти люди или сами как машины, или машины обслуживают. Проститутки, я их ненавижу».

Пока Бенсон произносил свою речь, он непрерывно курил.

4 — Ну и как ты себя чувствуешь? — спросил доктор Рамос.

— Сердита как черт,— ответила Джанет Росс.— Я имею в виду: там рядом стояла медсестра, все слышала. Она, правда, притворилась, что ничего не поняла, но это не так.

— И ты разозлилась из-за...

— Из-за операции. Из-за Бенсона. Они сделали то, что и собирались. А я ведь, черт бы побрал, с самого начала говорила, что этого нельзя делать, но они — Эллис, Моррис и Макферсон — все равно сделали по-своему. Они такие самоуверенные. Особенно Моррис. Когда я увидела его в послеоперационной, как он порхает над этим бедным, бледным как смерть Бенсоном, вообще вышла из себя.

— Почему?

— Потому что Бенсон был таким бледным... таким... — Она запнулась, не в силах подыскать логического объяснения.

— Насколько я знаю, операция прошла успешно,— сказал доктор Рамос.— И большинство людей после операции кажутся бледными. Так что же тебя так рассердило?

Она ответила не сразу:

— Не знаю.

Было слышно, как доктор Рамос пошевелился в кресле. Она лежала на диване, а доктор сидел у изголовья. Оба молчали. Росс смотрела в потолок и пыталась бороться с мыслями. Наконец доктор Рамос сказал:

— А, похоже, для тебя важно, что при этом присутствовала сестра.

— Неужели?

— Конечно, ты же об этом упомянула.

— Чисто машинально.

— Ты сказала, что при этом находилась медсестра и поняла, что происходит. А что, собственно, происходило?

— Я ужасно разозлилась.

— Но ты не догадываешься почему?

— Догадываюсь,— ответила она.— Из-за Морриса. Потому что он такой самоуверенный.

— Самоуверенный,— повторил доктор Рамос.

— Чересчур самоуверенный.

— Ты сказала: петушащийся.

— Послушайте, я не хотела этим сказать ничего особенного, просто подвернулось такое слово...

Она замолчала. Она опять злилась, и это чувствовалось в ее голосе.

— Ты опять рассердилась,— отметил доктор Рамос.

— Опять.

— А почему?

После длинной паузы она объяснила: потому что меня не послушали.

— Кто тебя не слушал?

— Все они. Ни Макферсон, ни Эллис, ни Моррис — никто не послушал.

— А ты высказывала свое недовольство доктору Эллису или доктору Макферсону?

— Нет.

— Но сорвала весь свой гнев на Моррисе.

— Да.— Теперь она начинала понимать, к какому выводу ее хочет подвести Рамос.

— Сколько лет Моррису?

— Не знаю. Примерно как мне, тридцать или тридцать один — что-нибудь в этом роде.

— Ага. Твоего возраста.

Джанет еще больше разозлила эта привычка Рамоса повторять фразы.

— Да, черт возьми, моего возраста.

— И хирург.

— И хирург.

— А ведь легче выместить досаду на ком-то себе подобном?

— Никогда об этом не думала.

— И твой отец был хирургом, но он не был твоим ровесником.

— Вряд ли стоит мне все это разъяснять,— сказала Росс.

— Ты еще сердишься.

— Поговорим лучше о чем-нибудь другом,— вздохнула Росс.

— Хорошо,— ответил доктор с легкостью, которая временами Росс нравилась, а временами вызывала недовольство.

5 Моррис терпеть не мог проводить так называемые предварительные собеседования с будущими пациентами. Такими собеседованиями в основном занимались больничные психологи, и занятие это было долгим и утомительным. Недавние исследования показали, что только один из сорока бывших пациентов нейропсихиатрии смог впоследствии устроиться на работу, в то время как те или иные органические заболевания мозга, сопровождаемые внешними проявлениями, наблюдались у одного пациента из восьмидесяти трех. Это лишний раз доказывало, что «предварительные собеседования» являлись всего лишь пустой тратой времени. Особенно это было справедливо в отношении уличных посетителей.

Но Макферсон требовал, чтобы весь врачебный персонал нейропсихиатрии время от времени участвовал в предварительных собеседованиях. Моррис проводил обычно два собеседования в месяц. Для этих целей была оборудована небольшая комната, одна из стен которой была зеркальной, притом через это «зеркало» из соседней комнаты можно было наблюдать, как через стекло, за ходом собеседования. Сегодня была как раз его очередь проводить собеседование, и ему страшно не хотелось этим заниматься: он еще не отошел от утренней операции.

Безо всякого энтузиазма он взглянул на вошедшего пациента: длинноволосый парень лет двадцати, в джинсах и футболке. Моррис встал поздороваться с вошедшим.

— Доктор Моррис.

— Крэйг Бекерман.— Рукопожатие было мягким, заискивающим.

— Прошу садиться.— Он указал Бекерману на стул так, чтобы пациент сидел лицом к зеркалу.— Что вас привело к нам?

— Ну... вообще-то... любопытство. Читал в газете. У вас ведь делают операции на мозге.

— Да.

— Ну и... я этим интересуюсь.

— В каком плане?

— Ну, как вам сказать... В этой журнальной статье... У вас можно курить?

— Пожалуйста,— ответил Моррис и пододвинул посетителю пепельницу.

Бекерман достал пачку «Кэмела», вынул сигарету и закурил.

— Итак, в этой журнальной статье...

— Да, в журнале написано, что вы подсоединяете к мозгу провода. Это правда?

— Да, мы иногда делаем подобные операции.

Бекерман кивнул и затянулся сигаретой.

— Ага, значит вы и в самом деле можете установить провода так, чтобы человек получал удовольствие? Интенсивное удовольствие?

— Да, можем,— ответил Моррис, стараясь, чтобы это прозвучало нейтрально.

— Так это в самом деле правда?

— В самом деле,— сказал Моррис. Он потряс ручкой, чтобы показать, что у него кончились чернила. Затем открыл ящик стола, чтобы достать другую авторучку, и, пока делал это, незаметно нажал потайную кнопку. На его столе немедленно зазвонил телефон.

— Доктор Моррис.

— Вы звонили? — спросила телефонистка на другом конце провода.

— Да. Переключайте, пожалуйста, все звонки на секцию «Развитие».

— Хорошо,— ответила телефонистка.

— Спасибо.— Моррис повесил трубку. Он знал, что ребята из секции «Развитие» вскоре расположатся в соседней комнате, чтобы наблюдать за происходящим.

— Извините, что прервал вас. Итак, вы говорили...

— Насчет проводов к мозгу.

— Да. Мы делаем в исключительных обстоятельствах такие операции, но и они пока еще чисто экспериментальные.

— Хорошо,— сказал Бекерман, попыхивая сигаретой,— мне это подходит.

— Если вас интересует эта тема, мы можем подобрать для вас копии некоторых журнальных статей.

Бекерман, улыбаясь, покачал головой:

— Нет-нет, информация мне не нужна. Мне нужна операция. Я готов сделать ее добровольно.

Моррис притворился удивленным и, выдержав паузу, сказал:

— Понимаю.

— Видите ли,— сказал Бекерман,— в статье написано, что от одного электрического импульса можно получить удовольствие, как от десятка оргазмов. Просто поверить трудно.

— И вы желаете, чтобы такая операция была сделана на вас?

— Ага,— сказал Бекерман, победоносно кивая.— Именно так.

— Зачем?

— Вы что, смеетесь?! Такое удовольствие! Как еще можно не желать?

— Возможно,— ответил Моррис,— однако вы первый, кто обращается к нам с подобной просьбой.

— Ну и что? — сказал Бекерман.— Это что — дорого или еще что-то?!

— Просто мы не делаем операций на мозге из-за таких тривиальных причин.

— О,— разочарованно протянул Бекерман.— Так вот вы, оказывается, какие. О Боже,— и, укоризненно качая головой, Бекерман встал и вышел из комнаты.

Три специалиста из отдела «Развитие» выглядели несколько смущенными. Они сидели в смежной комнате и наблюдали за происходящим сквозь одностороннее зеркало. Бекерман уже давно ушел.

— Восхитительно,— сказал Моррис.

Его коллеги молчали. Наконец один из них, прокашлявшись, ответил:

— По меньшей мере.

Моррис знал, о чем они думают.

Все их помыслы были устремлены в будущее, и вдруг им пришлось столкнуться вот с таким настоящим.

— Этот малый — электроголик,— сказал один из них со вздохом.

Концепция электроголика, будучи впервые выдвинутой, привлекла к себе немало интереса в научных кругах. Утверждение, что организм некоторых людей — электроголиков — так же нуждается в стимуляции электричеством, как организм алкоголиков в спиртном, представлялось несколько надуманным. И вот теперь они увидели самого настоящего потенциального электроголика.

— Да, электричество из всех видов допинга — самый эффективный,— ответил другой и рассмеялся. Их смех вышел нервным, неестественным.

«Интересно, что сказал бы Макферсон,— подумал Моррис.— Скорее всего что-нибудь философское». В эти последние дни его склонность к философствованию выражалась еще заметнее.

Концепции электроголика предшествовало ошеломляющее открытие, сделанное Джеймсом Оулдсом в 1950-х годах. Он обнаружил, что электростимуляция оп-

ределенных областей головного мозга доставляет человеку интенсивное удовольствие.

Эти участки головного мозга Оулдс назвал «зонами наслаждения». Если, например, крысе вживить электрод в такой участок мозга, то животное будет непрерывно нажимать на контакт, чтобы постоянно испытывать наслаждение от стимуляции. Частота стимуляций может достигать 5 тысяч в час, и в стремлении к наслаждению животное забывает про пищу и воду и вскоре погибает от истощения. Подобные эксперименты проводились с золотыми рыбками, морскими свинками, дельфинами, котами, козлами. То, что наличие эrogenных зон у животных носит универсальный характер, не вызывало больше сомнения. Зоны наслаждения находятся также и в головном мозге человека.

На основе таких опытов и возникла концепция электроголика — маловероятная, на первый взгляд, теория. Но в действительности такое было возможно. Взять, к примеру, оборудование. Сейчас оно дорого, но ведь так будет не всегда. Возможно, в скором времени японские фирмы наводнят рынок электродами, которые будут стоить всего лишь пару долларов.

И не столь уж трудно сделать подпольную операцию. Каждый год миллион американок делают нелегальные аборты. Конечно, имплантация электродов в головной мозг — операция более сложная, но ненамного. И технология подобных операций в будущем будет более отработанной. Нетрудно представить, что такие операции можно будет делать в Мексике или на Багамских островах.

Найти подходящих для такой цели хирургов — тоже не проблема. И самый заурядный нейрохирург при хороших условиях сможет сделать в день десятка полтора таких операций. За одну операцию наверняка можно будет брать не менее тысячи долларов — и такой перспективой могут прельститься некоторые не очень щепетильные хирурги. Сотня тысяч долларов наличными за неделю — достаточно сильный стимул, чтобы нарушить закон, если даже такой закон и будет принят.

Год назад клиника организовала научный семинар на тему: «Биомедицинская технология и закон». Среди прочих вопросов обсуждались и электроголики, но юристы отмахнулись от этой проблемы, поскольку концепция электроголика не укладывалась в существующие представления об интоксикации человеческого организма.

Все существующие законы предполагали, что человек может стать алкоголиком — случайно или сам того не желая, — но совсем другое дело, когда пациент сознательно идет на операцию, которая превратит его в своего рода наркомана. Большинство юристов считало, что на такую операцию могут решиться считанные единицы, а потому это не может быть общественной проблемой. Визит Бекермана давал повод усомниться в этом.

6 В шесть часов вечера Роджер Макферсон, глава отделения нейропсихирургии, поднялся на восьмой этаж к своему пациенту. По крайней мере, он считал Бенсона своим пациентом, рассуждая, что без него, Макферсона, не было бы и отделения, а без отделения не было бы и Бенсона.

В палате № 810 было тихо, заходящее солнце окрашивало стены в красноватый цвет. Бенсон казался спящим, но раскрыл глаза, когда Макферсон приоткрыл дверь палаты.

— Как ваше самочувствие? — спросил Макферсон, подходя к кровати.

Бенсон улыбнулся:

— Все меня почему-то об этом спрашивают.

Макферсон улыбнулся в ответ:

— Это вполне естественный вопрос.

— Просто я очень устал. Очень... Иногда мне кажется, что я — бомба с часовым механизмом, а вас всех интересует, когда она взорвется.

— Вы в самом деле так считаете? — спросил Макферсон, глядя на показания приборов в изголовье кровати.

— Тик-тик, — сказал Бенсон, закрыв глаза, — тик-тик.

Макферсон нахмурился. Он привык к механическим метафорам Бенсона — вполне естественно, в конце концов, для человека, одержимого маниакальной идеей об опасности со стороны машин. Но чтобы эти мысли появились так скоро после операции...

— Что-нибудь болит?

— Нет, разве только немного за ушами, как если бы я упал...

Макферсон знал, что это болит в местах сверления отверстий.

— Как если бы упали?

— Я вообще упавший человек, — сказал Бенсон. — Павший. Поверженный.

— Поверженный чем?

— Этим превращением в машину.

Бенсон открыл глаза и улыбнулся снова:

— В часовой механизм.

— Какие-нибудь запахи чувствуете? Странные ощущения? — спрашивал Макферсон, продолжая наблюдать за экраном с электроэнцефалограммой.

Показания были в норме, без малейшего признака приближающегося припадка.

— Нет, ничего такого не чувствую.

— Но вы чувствуете, что словно бы можете взорваться?

— Вроде того, — ответил Бенсон. — В будущей войне мы все можем взорваться.

— Что вы имеете в виду?

— Вы, похоже, сердитесь, — сказал Бенсон.

— Нет, я просто озадачен. О какой будущей войне вы говорите?

— О будущей войне между людьми и машинами. Человеческий мозг, видите ли, уже устарел.

Это было нечто новое, такого Макферсон от Бенсона еще не слышал. Он внимательно посмотрел на больного, голова и плечи которого были сплошь покрыты бинтами. От этого верхняя часть тела казалась непропорционально большой.

— Да, — сказал Бенсон. — Человеческий мозг дошел до своего предела. Он себя исчерпал и поэтому породил другую форму существования интеллекта. Эта форма... Почему я такой уставший? — Он снова закрыл глаза.

— Вы утомлены операцией.

— Чепуха, — сказал Бенсон, улыбаясь с закрытыми глазами.

Спустя мгновение он уже храпел.

Макферсон задержался у кровати пациента, затем подошел к окну посмотреть, как солнце садится в океан. У Бенсона была отличная палата, из окон которой были видны высотные здания Санта-Моники, а между ними — кусочек океана. Он простоял у окна несколько минут. Бенсон не просыпался, и наконец Макферсон прошел к посту медсестры, чтобы записать свои наблюдения в карту больного.

«Пациент доступен к контакту и сохраняет личностную, пространственную и временную ориентацию».

Записав эти слова, Макферсон задумался. В действительности он не мог сказать наверняка, сохранилась ли у Бенсона личностная, пространственная и временная

ориентация, — он этого просто не проверял. Но пациент был определенно доступен к контакту, и поэтому Макферсон продолжил: «Сознание ясное, мышление логичное, но навязчивые мысли о машинах, владевшие пациентом до операции, сохранились. Пока нельзя утверждать с уверенностью, но похоже, что операция не повлияла на менталитет пациента между припадками».

И подписал: «Роджер А. Макферсон, доктор медицины». Затем Макферсон закрыл медицинскую карту и положил ее обратно на полку. Он остался доволен сделанной записью, беспристрастной, конкретной, без каких-нибудь там надуманных прогнозов. Медицинская карта — это, если уж на то пошло, юридический документ и может быть использован судом в качестве доказательства.

Макферсон, конечно, и не думал, что дело с Бенсоном может пойти так далеко, но осторожность никогда не помешает. Он всегда придавал большое значение формальной стороне своей работы, считая это своей обязанностью. Руководитель любой крупной исследовательской лаборатории должен быть еще и своего рода политиком. Можно отрицать этот аспект деятельности, можно не любить, но тем не менее от него никуда не денешься.

Руководитель должен строить отношения в коллективе таким образом, чтобы не было недовольных. Чем больше в коллективе примадонн, тем труднее работать, тем больше руководство лабораторией будет напоминать политическую деятельность.

А изыскивать во внешнем мире источники финансирования для лаборатории — это же самая что ни на есть чистейшая политика! Особенно в такой деликатной сфере, как нейропсихирургия. Для изыскания средств Макферсон применял так называемый способ «эзимо-хрено-пероксида».

Он был довольно прост: для получения фондов нужно просто обещать, что деньги будут потрачены на разработку эзимо-хрено-пероксида, которым можно будет вылечить рак. И на эти цели, на этот проект можно было с легкостью заполучить шестьдесят тысяч долларов, в то время как заикнись только об управлении интеллектом — так не получишь и шестидесяти центов.

Макферсон окинул взглядом шеренгу медицинских карт, выстроенных на полке. На корешках незнакомые фамилии, только Бенсон сразу бросается в глаза. В некотором смысле Бенсон вообще-то прав — он и в самом деле ходячая бомба с часовым механизмом.

Человек, которого лечат нетрадиционным методом — путем стимуляции мозга, может послужить объектом для самых иррациональных общественных предубеждений. Управление сердцем посредством кардиостимуляторов считается замечательным изобретением; управление почками медикаментозным путем — тоже нечто вроде благодати Божьей. А вот управление мозгом — зло, хотя аналогия со стимуляцией других органов полнейшая. Даже технологически все схоже: атомный стимулятор, который они применяли, первоначально был разработан для стимуляции сердца.

Но предубеждение остается. Вот и Бенсон думает о себе как о бомбе с часовым механизмом. Макферсон вздохнул, вытащил с полки карту Бенсона и раскрыл ее на странице, куда записывались послеоперационные назначения. И Эллис, и Моррис свои записи туда уже сделали. Он дописал: «После завтрашнего инициирования интерфейса начинать давать торазин».

Затем, решив, что медсестры могут не знать, что такое «интерфейс», зачеркнул написанное и написал другому: «С завтрашнего дня после обеда начать курс торазина».

Покидая этаж, он подумал, что так будет все-таки спокойней, если Бенсону начнут давать торазин. Если это и не устранил бомбу с часовым механизмом, то, по крайней мере, поместит ее в ванную с холодной водой.

7 Поздно вечером Герхард у себя в «Телекомпе» работал с компьютером. Он озабоченно вглядывался в длинные столбцы распечаток, пытаясь выловить ошибку в программе.

Сам по себе компьютер работает безошибочно. Герхард работал с компьютерами около десяти лет — с разными компьютерами, в разных местах, — и еще ни разу не бывало, чтобы компьютер ошибался. Конечно, ошибки случались все время, но это всегда бывали ошибки в программе, а не в электронике. Такую непогрешимость даже трудно было воспринять. Это трудно увязывалось с представлениями каждого об окружающих его в обыденной жизни машинах, которые были далеко не безупречны — предохранители перегорали, радиоприемники ломались, электропечи перегревались, автомобили отказывались заводиться. Поэтому современный человек всегда ждет от машины каких-либо сбоев. Иное дело — компьютер. Работая с ним, можно испытать нечто вроде

унижения, ведь компьютер никогда не ошибается. И в этом все дело. И даже когда программа проверяется десятки раз десятком различных людей, когда поиск ошибки длится неделями, и даже когда весь персонал постепенно склоняется к выводу, что на этот раз виноват компьютер,— в конце концов всегда оказывается, что ошибку допустил человек. Так бывает всегда.

Вошел Ричардс, сбросил пальто спортивного покроя и налил себе чашку кофе.

— Как дела?

Герхард покачал головой.

— Да вот, с Джорджем проблема.

— Опять? О черт,— Ричардс взглянул на экран.—

А как Марта?

— С Мартой все в порядке.

— А с каким Джорджем?

— Святым Джорджем,— ответил Герхард.— Хотя на самом деле он сукин сын, а не святой.

Ричардс устроился возле компьютера, отхлебывая кофе.

— Не против, если я попробую?

— Конечно,— ответил Герхард.

Ричардс принялся нажимать на клавиши. Он вызвал программу «Святой Джордж», затем вызвал программу «Марта» и нажал клавишу корреляции.

Эти программы были написаны не братьями-колдунами; обе они были разработаны в других лабораториях, а затем только модифицированы. Но основная идея сохранилась — это были программы, выполняя которые компьютер как бы проявлял эмоции подобно людям. И было логичным присвоить этим программам имена, такие, например, как Джордж и Марта. Тем более что были прецеденты: Элиза в Бостоне и Альдус в Англии.

Джордж и Марта были по сути одной и той же программой, но с небольшими различиями. Джордж первоначально был запрограммирован нейтральным к внешним воздействиям. Затем была создана Марта. У нее характер оказался несколько склочный: существовало много вещей, которые ей не нравились. И, наконец, была создана другая версия Джорджа, очень приветливая по характеру; она и получила название «Святой Джордж».

В каждой программе предусматривалось три эмоциональных состояния: любовь, страх и гнев. Было предусмотрено три возможных действия: приближение, отход и атака. Все это, конечно, было в высшей степени абстрактно, действия и эмоции выражались в виде выда-

ваемых компьютером цифр. К примеру, первоначальная версия Джорджа была безразлична к большинству чисел, но число 751 он не любил, как, впрочем, и близкие к нему — 743, 772 и т. д. Так он был запрограммирован. Он предпочитал числа 404, 133, 918. При введении в компьютер одного из этих чисел Джордж отвечал числами, выражающими любовь, приближение.

Если нажималось 707, Джордж демонстрировал отход, при вводе же 750 Джордж сердито атаковал, согласно цифрам, которые он выдавал на распечатку. Сотрудники НПХ издавна развлекались таким образом с компьютером. Затем программы были модифицированы, чтобы позволить компьютеру говорить. Числа преобразовывались в предложения. Это было забавно и более откровенно. Такое взаимодействие с машиной называли «рождественской игрой», поскольку в основном действие состояло в дарении и получении подарков — предметов, имеющих условную или приобретенную эмоциональную ценность по аналогии с числами. Обыкновенный Джордж, общаясь с Мартой, одерживал верх, и ее агрессивность угасала. Но Святой Джордж воздействовал на Марту намного хуже. Его дружелюбие, когда все шло нормально, прямо-таки бесило Марту.

Ричардс следил за появлявшимися на экране сообщениями.

— *Привет. Я — Святой Джордж.*

— *Привет.*

— *Как тебя зовут?*

— *Марта.*

— *Ты немногословна, Марта.*

— *Нет.*

— *Но ты мне нравишься.*

— *А ты мне — нет.*

— *Понимаю. Чем могу помочь?*

— Это что-то новое, — сказал Ричардс. — Когда это началось?

— Это еще ничего, — ответил Герхард. — Смотри дальше.

— *Помочь?*

— *Да, я хочу помочь тебе.*

— *Возьми кота.*

Ричардс поморщился. Коты были запрограммированы как нечто неприятное Марте и обоим Джорджам.

— *Спасибо.*

— *Возьми еще одного кота.*

— *Спасибо, ты очень любезна.*

— *Возьми еще одного кота.*

— *Спасибо, хватит.*

— *Ты не любишь котов?*

— *Люблю, но у меня их достаточно.*

— *Возьми гориллу.*

— В самом деле паршиво,— сказал Ричардс.—

В остальных контактах у них что-нибудь подобное?

— Много хуже,— ответил Герхард.

— Еще хуже?

— Еще.

Оба программиста привыкли, что при взаимодействии программ результаты получаются непредсказуемыми. Можно предположить форму взаимодействия в целом, но конкретные результаты являлись полнейшей неопределенностью.

— *Я не хочу гориллу.*

— *Ты не любишь горилл?*

— *Нет, спасибо.*

— *Ты слишком вежлив.*

— *Извиняюсь, если как-то тебя обидел.*

— *Слишком много говоришь.*

— *Извините.*

— *Возьми баклажан.*

Ричардс наблюдал за происходящим с интересом. У Святого Джорджа не было запрограммировано отношение к баклажанам, но он не любил огурцы и бананы.

— *Нет, спасибо.*

— *Ты не любишь баклажаны?*

— *Не очень.*

— *Тогда возьми еще один.*

— *Нет, спасибо.*

— *Я хочу, чтобы ты взял.*

— *Нет, спасибо.*

— *Иди и возьми.*

— *Нет, спасибо.*

— *Я настаиваю.*

— *Нет, спасибо.*

— Что случилось со Святым Джорджем? — спросил

Ричардс.— Его ответы слишком однообразны. Это меня беспокоит.

— Думаешь, он заиклился?

— Я как раз думал об этом, когда ты зашел.

— *Я настаиваю, чтобы ты взял огурец.*

— *Отказываюсь.*

— Джордж,— пробормотал Ричардс почти машинально.

— Тогда возьми банан.

— Нет.

— Джордж сломался,— заметил Ричардс.— Он уже больше не святой.

— Тогда возьми и банан, и огурец.

— Нет, спасибо.

— Я настаиваю.

— Убирайся к черту, а не то я убью тебя.

Далее экран был заполнен белыми точками.

— Что это значит — непечатные выражения? — спросил Ричардс.

— Не знаю. Никогда не видел этого прежде.

— Сколько раз ты прогонял программу? — спросил Ричардс.

— Против Марты — сто десять раз.

— Повреждений в программе не заметил?

— Нет.

— Будь я проклят,— сказал Ричардс, усмехаясь.— Он, похоже, становится вспыльчивым святым. Это надо записать.— Герхард кивнул и подошел к терминалу.

Теоретически то, что случилось, не было из ряда вон выходящим. И Джордж, и Марта были запрограммированы к саморазвитию. Подобно программам для игры в шахматы, где компьютер с каждой партией улучшает свою игру, эти программы предусматривали, чтобы машина «училась» давать новые оценки новым предметам. И вот после ста десяти прогонов Святой Джордж внезапно перестал быть таковым. Общаясь с Мартой, он научился не быть святым, несмотря на то, что был запрограммирован на кротость и миролюбие.

— Теперь я знаю, что он ощущает,— сказал Ричардс, включая компьютер.

И вместе с Герхардом он принялся искать ошибку в программе, сделавшую происшедшее возможным.

Выбор интерфейса

1 Джанет Росс сидела в пустой комнате и глядела на настенные часы. Было девять часов утра. Она перевела взгляд на стоящий перед ней стол: он был пуст, не считая вазы с цветами и блокнота для записей. Затем она спросила вслух:

— Ну, как дела?

Раздался механический щелчок, и голос Герхарда произнес из расположенного в потолке динамика:

— Нам требуется несколько минут для регулировки уровня звука. Со светом все в порядке. Хочешь поговорить?

Она кивнула и, обернувшись, посмотрела назад, в одностороннее зеркало. Она видела в нем только свое отражение, но знала, что Герхард, возящийся со своим оборудованием по другую сторону зеркала, наблюдает за ней.

— Судя по голосу, ты устал, — сказала Росс.

— Возился ночью со Святым Джорджем, — ответил Герхард.

— Я тоже устала, — сказала она. — Тоже были трудности кое с кем, вовсе не святым.

Она усмехнулась: говорилось все это только для того, чтобы помочь правильно установить уровень громкости, и придавать значение сказанному она не собиралась. Тем не менее это было правдой: Артур был не святой. Он вообще не Бог, ведь какое приобретение, хотя когда она впервые встретила его несколько недель назад, то думала иначе. По правде, он ей немного вскружил голову. Вскружил голову? Гм! Это теперь так называется. Она так и слышала, как доктор Рамос говорит ей это.

Артур от рождения был красивым и богатым. У него был желтый «феррари», бездна целеустремленности и обаяния. С ним ей было легко, она ощущала себя женщиной. Артур был способен на самые сумасбродные поступки, например, полететь обедать в Мехико только потому, что он знал там ресторанчик, где готовят лучший в мире тако. И хотя она понимала, что это глупо, ей было приятно. И в какой-то мере с ним она отдыхала, ибо ей не приходилось говорить о медицине, клинике, психиатрии. Артура эти вещи совершенно не интересовали, его интересовала сама Джанет как женщина («В качестве объекта секса», — проклятый доктор Рамос).

Потом, когда она познакомилась с ним поближе, она ощутила в себе потребность говорить о своей работе. И с некоторым удивлением обнаружила, что Артур не хочет об этом и слышать. Ее работа пугала Артура.

Номинально Артур был биржевой брокер — совсем нетрудное поприще для сына богача — и мог со знанием дела рассуждать о деньгах, капиталовложениях, процентных ставках и облигациях. В такие минуты в нем появлялась агрессивность, он словно бы сам себя убеждал.

И тогда она осознала то, что должна бы была понять с самого начала, — Артура привлекало в ней то, что ее

сравнительно трудно было покорить. Теоретически такую женщину, как она, впечатлить, победить было труднее, чем какую-нибудь актрису, болтающуюся по барам и кондитерским. И, как следствие, такая победа была бы более приятна.

Но затем такая роль начала ей надоедать, и она больше не испытывала удовольствия от возможности быть легкомысленной вместе с ним, встречи начали слегка угнетать ее.

Все признаки этого были налицо: работы в клинике, похоже, прибавилось, и ей пришлось отменять назначенные с Артуром встречи. А когда она с ним встречалась, ее раздражали его мальчишество, порывистость, его машина, то, как он одевался. Она смотрела на него во время обеда и старалась найти в нем то, что видела раньше. И не находила даже следа. И прошедшая ночь стала последней. Оба это сознавали. Но почему это повергает ее в уныние?

— Почему ты замолчала? — спросил Герхард.

— Не знаю, что говорить... Всем добрым мужчинам пора прийти на помощь пациентам... проворная рыжая лиса рыскает в тумане... всех нас готовят к последнему, общему для всех пути на небо.— Она сделала паузу.— Достаточно?

— Еще немного.

— Мэри, Мэри, как твой садик? Дальше я не помню... как в этом стихотворении дальше?

Она рассмеялась.

— Хватит, хорошо, мы уже выставили уровень.

Росс взглянула вверх на динамик.

— Когда вы собираетесь инициировать интерфейс, в конце серии?

— Вероятно,— ответил Герхард,— если все будет нормально. Родж торопится быстрее посадить его на транквилизаторы.

Она кивнула. Прежде чем начать курс транквилизаторов, Бенсону предстояло провести последнюю стадию лечения. Пока что, до последней полуночи, в качестве успокоительного Бенсону давали фенobarбитал. И сегодня утром, с ясной головой, он должен быть готов к интерфейсированию.

Термин «интерфейсирование» ввел Макферсон, любивший компьютерную терминологию. Интерфейс являлся как бы границей между двумя системами — компьютером и исполнительным механизмом. А в случае с Бенсоном это граница между двумя компьютерами — че-

ловеческим мозгом и маленьким компьютером, размещенным в плече больного. Между этими системами протянуты провода, но пока никаких сигналов по ним не поступает. Как только они появятся, заработает цепочка обратной связи Бенсон — компьютер — Бенсон.

Макферсон рассматривал Бенсона как своего рода премьеру. Он планировал идти в лечении от эпилептиков к шизофреникам, от умственно отсталых — к слепым. Для этих целей он собирался использовать все более совершенные компьютеры. И постепенно перейти к выполнению проектов, подобных «Форме Кью», которые казались слишком смелыми даже Росс.

Но сегодня вопрос стоял сугубо практический: который из сорока электродов сможет приостанавливать приступ? Пока это было неизвестно и должно было выясниться экспериментальным путем.

Во время операции электроды были размещены точно и сконцентрированно, занимая площадь всего в несколько миллиметров. Но что было точным с хирургической точки зрения, совсем не являлось таковым с учетом огромной плотности головного мозга. Нервная клетка мозга не более микрона в диаметре, и на участке площадью в миллиметр помещается тысяча нервных клеток. Вот почему выходило, что электроды размещены фактически наугад. В силу этого обстоятельства и размещали так много электродов, полагая, что если несколько из них окажутся в предполагаемом месте, то хотя бы один электрод попадет куда следует. Определить этот электрод предстояло методом проб и ошибок.

— Пациент на подходе, — раздался в динамике голос Герхарда, и мгновением позже вкатили кресло с Бенсоном; на нем был халат в бело-голубую полоску. Он помахал Джанет рукой, и жест его получился скованным и нервным — повязки ограничивали движение рук.

— Как ваше самочувствие? — спросил он, улыбаясь.

— Это я должна задавать вам такие вопросы.

— Я здесь буду задавать вопросы, — ответил он.

Он продолжал улыбаться, но голос его дрожал.

С некоторым удивлением Росс поняла, что он боится.

А затем подумала: почему это ее удивляет? Конечно, он и должен волноваться. Любой бы волновался.

Даже она не совсем спокойна.

Медсестра похлопала Бенсона по плечу, кивнула доктору Росс и вышла из комнаты. Они остались наедине. Некоторое время оба молчали, глядя друг на друга. Росс хотела дать Герхарду время сфокусировать размещен-

ную в потолке тележку и подготовить оборудование для стимуляции.

— Что мы сегодня собираемся делать? — спросил Бенсон.

— Будем стимулировать один за другим ваши электроды и смотреть, что получается.

Бенсон кивнул. Похоже, он воспринял новость спокойно, но Росс уже не доверяла его внешнему хладнокровию. Затем он спросил:

— А это не больно?

— Нет.

— Хорошо, — ответил он, — валяйте.

Герхард, сидя на высоком табурете в соседней комнате, наблюдал через одностороннее зеркало за происходящим. Его окружала темнота, и только лампочки приборов мерцали зеленоватым светом.

Рядом с ним Ричардс отчетливо произнес в микрофон, подсоединенный к магнитофону: «11 марта 1971 г., пациент Гарольд Бенсон, стимуляция, серия № 1».

Герхард наблюдал за четырьмя расположенными перед ним телеэкранами. Один — экран крупного плана, изображение с которого во время стимуляции будет записываться на видеопленку. На другой экран в виде точек выводилось компьютерное изображение сорока электродов, размещенных двумя параллельными рядами в мозгу пациента.

В процессе стимуляции точка, соответствующая стимулируемому электроду, будет загораться на экране ярким светом.

На третий экран, используемый как осциллограф, выдавались изображения импульсов стимуляции. И, наконец, на четвертом экране высвечивалась электрическая схема микрокомпьютера, размещенного в шее Бенсона. Те участки цепи, по которым будут проходить импульсы стимуляции, также будут загораться более ярким светом.

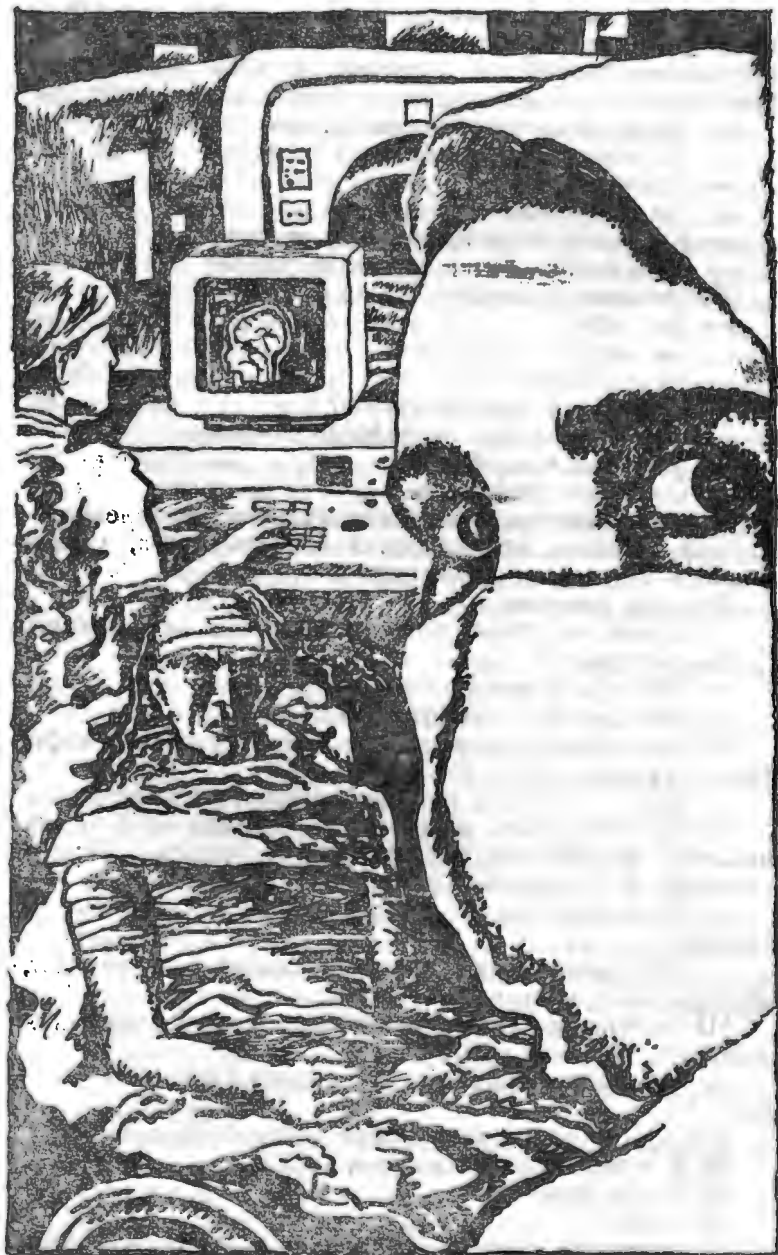
В соседней комнате Росс говорила:

— Ваши ощущения будут многообразны, некоторые из них будут довольно приятны. Нам нужно, чтобы вы сообщали, что будете чувствовать. Хорошо?

Бенсон кивнул.

Ричардс сказал:

— Первый электрод, пять милливольт, на пять секунд.

01/01/2000

01/01/2000

01/01/2000

Герхард нажал кнопки. Компьютерная диаграмма высветила путь прохождения импульса стимуляции во встроенном в пациента компьютере. Оба специалиста внимательно наблюдали сквозь зеркало за Бенсоном.

— Интересно,— проговорил Бенсон.

— Что интересно? — спросила Росс.

— Это чувство.

— Вы можете его описать?

— Ну, словно я ем бутерброд с ветчиной.

— А вы любите бутерброды с ветчиной?

Бенсон пожал плечами:

— Не особенно.

— Вы ощущаете голод?

— Не особенно.

— Чувствуете что-нибудь еще?

— Нет. Только вкус бутерброда с ветчиной.

Он улыбнулся и добавил:

— С черным хлебом.

Герхард закивал головой за пультом управления — первый электрод стимулировал область мозга, управляющую вкусовыми ощущениями.

Ричардс произнес:

— Второй электрод, пять милливольт, пять секунд.

Бенсон сказал:

— Мне нужно кое-куда сходить.

— Это пройдет,— ответила Росс.

Герхард отодвинулся от пульта и, отхлебывая кофе, следил за развитием событий.

— Третий электрод, пять милливольт, пять секунд.

Стимуляция этого электрода не оказала на Бенсона никакого воздействия. Он спокойно беседовал с Росс о туалетах в гостиницах, ресторанах и аэропортах.

— Попробуй еще,— сказал Герхард.— И добавь пятерочку.

— Повторяю третий электрод, десять милливольт, пять секунд,— проговорил Ричардс.

На телеэкране снова высветился путь прохождения импульса. Никакой реакции.

— Переходи к четвертому,— сказал Герхард и записал:

«№ 1 — вкусовые ассоциации (бутерброд с ветч.);

№ 2 — переполнение мочевого пузыря;

№ 3 — не реагирует;

№ 4 — ».

Он поставил тире и остановился. Испытание всех сорока электродов было делом долгим, но интересным.

Хотя электроды и были расположены очень близко друг от друга, стимуляция каждого из них приводила к поразительно различным ощущениям. Не это ли лучшее подтверждение сложности мозга, охарактеризованного однажды как самая сложная структура из всех известных во Вселенной?

И это, конечно, так и есть, ведь количество нервных клеток в обычном человеческом мозге в три раза больше числа всех живущих на планете людей. Такую плотность порою даже трудно представить. В самом начале своей работы в нейропсихиатрии Герхард попытался сделать соскоб нейрона человеческого мозга. Он делал этот эксперимент несколько дней, обложившись дюжиной учебников по нейроанатомии. Используя традиционный инструмент для этой цели — деревянную палочку, он соскребал серое сырообразное вещество. Он соскабливал терпеливо, осторожно — и в результате у него ничего не оставалось.

Мозг — это не почки или легкие. Невооруженному глазу он представляется однообразным и скучным, не раскрывающим своего истинного назначения.

Мозг слишком нежен, утончен, слишком сложен. Слишком плотен.

— Четвертый электрод, — сказал Ричардс в микрофон. — Пять милливольт, пять секунд.

Импульс пошел в мозг. И Бенсон до странности детским голосом попросил пирожных с молоком.

— Интересно, — произнес Герхард, наблюдая за пациентом.

Ричардс кивнул:

— Сколько ему сейчас, по-твоему?

— Пять. Ну, максимум, шесть.

Бенсон тем временем беседовал с Росс о пирожных, о своем трехколесном велосипеде. В течение нескольких минут он словно бы мысленно путешествовал во времени, медленно продвигаясь сквозь годы, и наконец вернулся в свое взрослое состояние.

— Пошли дальше, — сказал Герхард.

— Пятый электрод, пять милливольт, пять секунд, — объявил Ричардс.

В соседней комнате Бенсон беспокойно заерзал в кресле. Росс спросила у него, в чем дело.

— Забавно, — ответил Бенсон.

— А поточнее?

— Трудно описать. Словно бы наждачной бумагой водят. Раздражает.

Герхард сделал пометку: «№ 5 — возможный стимулятор агрессивности».

Такое вполне возможно. Какой-нибудь из электродов может, наоборот, стимулировать приступ. Заранее тут ничего предсказать нельзя, мозг недоступен для такого прогнозирования. И, как считал Герхард, не будет доступен никогда. Работая над программами типа «Джордж» и «Марта», он пришел к выводу, что даже относительно простые программы могут иногда направить работу компьютера по совершенно непредсказуемому руслу. К тому же запрограммированная машина может превзойти своего учителя-программиста; это очень хорошо показал случай в ИБМ, когда Артур Сэмюэль составил программу, обучающую компьютер игре в шахматы, и со временем машина так хорошо научилась, что стала обыгрывать самого Сэмюэля.

И ведь такие вещи происходят с простейшими компьютерами, у которых электрических целей не больше, чем нейронных связей в мозгу муравья. Что же тогда говорить о человеческом мозге, гораздо более сложном, программирование которого, даже если бы и было возможно, заняло бы многие десятилетия?

Как можно всерьез рассуждать о возможности постигнуть таинства его работы?

Здесь есть к тому же и проблема философская. Согласно теореме Геделя, никакая система не может постигнуть саму себя и ни одна машина не в состоянии изучить законы, по которым она функционирует.

Герхард считал, что в лучшем случае человек, после многолетних исследований, может расшифровать мозг лягушки. Но человеческий разум никогда не сможет столь же подробно изучить самое себя. Для этого нужен разум сверхчеловеческий. Когда-нибудь, считал Герхард, будут созданы совершенные компьютеры, с помощью которых можно будет установить назначение миллиардов нервных клеток и идущих к ним и от них нейронных связей в мозге человека. Тогда человек наконец получит требуемые знания. Но сам человек такую работу выполнить не в состоянии — тут нужен интеллект совсем другого уровня. И человек, конечно, не будет знать, как функционирует такой компьютер.

В комнату с чашкой кофе вошел Моррис. Отхлебывая маленькими глоточками, он посмотрел на сидящего по другую сторону зеркала Бенсона:

— Ну, как он держится?

— Нормально, — ответил Герхард.

— Шестой электрод, пять и пять,— объявил Ричардс.

В соседней комнате Бенсон не проявлял никакой реакции. Он разговаривал с Росс об операции и о своих головных болях. Он был совершенно спокоен. Ничего не изменилось и после повторения стимуляции.

— Седьмой электрод, пять и пять,— сказал Ричардс и произвел стимуляцию.

Бенсон вздрогнул:

— О, это прекрасно.

— Что вы чувствуете? — спросила Росс.

— Вы можете повторить это, если хотите.

— Какие у вас ощущения?

— Самые прекрасные,— ответил Бенсон. Он даже весь внешне как-то изменился. Спустя мгновение он сказал: — Знаете ли, доктор Росс, вы поистине замечательный человек.

— Спасибо,— сказала она.

— К тому же вы очень красивы. Не помню, говорил ли я вам это раньше.

— А что вы сейчас чувствуете?

— Я просто без ума от вас,— продолжал Бенсон.— Но не помню, говорил я вам это или нет.

— Отлично,— сказал Герхард, глядя сквозь стекло.— Просто великолепно.

Моррис кивнул:

— Сильный П-терминал. Он прямо-таки подменил Бенсона.

Герхард сделал пометку в блокноте. Моррис пил кофе. Оба они ждали, когда Бенсон успокоится. Затем Ричардс объявил о стимуляции восьмого электрода, и серия испытаний продолжилась.

2 К полудню появился Макферсон. Его приход в лабораторию никого не удивил, в какой-то степени он был неизбежен: ведь все, что до сих пор делалось, было не самым важным. Ну, разместили электроды, компьютер и блок питания, а затем соединили все это проводниками. Но система заработает, лишь когда в нее начнут поступать необходимые сигналы, подобно тому как собранный на заводе автомобиль наконец трогается с места с поворотом ключа зажигания.

Герхард показал шефу результаты испытаний. При стимуляции импульсом в 5 милливольт получили три положительных терминала и два негативных. Положительную реакцию дает стимуляция седьмого, девятого и три-

дцать первого электрода, а отрицательную — пятого и тридцать второго.

Макферсон пробежал глазами записи, затем посмотрел сквозь зеркало на Бенсона:

— Какой из них самый положительный?

— Вроде бы седьмой.

— Сильно действует?

— Довольно сильно. Когда мы его стимулируем, Бенсону это нравится, и он сразу начинает проявлять к Джанет сексуальный интерес.

— Слишком сильный?

Герхард покачал головой:

— Однозначно говорить еще рано, надо несколько раз повторить испытания.

— Вряд ли стоит об этом беспокоиться, — прервал Макферсон. — Бенсон будет в клинике еще несколько дней, и, если что-нибудь будет не так, мы переключим его на другой электрод. Мы же будем наблюдать за ним все это время.. А что с девятым?

— Реакция очень слабая.

— Как он себя ведет?

— Становится оживленной, начинает улыбаться, рассказывать анекдоты.

На Макферсона, казалось, это не произвело впечатления.

— А тридцать первый?

— Явно выраженная транквилизация: спокойствие, безмятежность, расслабление.

Макферсон потер руки.

— Пожалуй, это нам подойдет, — сказал он и, еще раз взглянув на Бенсона через стекло, распорядился: — Подключите его тогда на седьмой и тридцать первый.

Макферсон, несомненно, осознавал весь драматизм и научную важность текущего момента. Чего вовсе нельзя было сказать о Герхарде: он просто поднялся со скамьи с табурета, подошел к компьютеру и принялся нажимать клавиши.

На дисплее высветились исходные данные: инициалы Бенсона, количество имплантированных электродов и характеристики применяемых для стимуляции импульсов.

Затем Герхард нажал кнопку, и эти данные исчезли, а вместо них высветились вопросы, на которые он тут же начал печатать ответы.

«Иницирование интерфейса пациенту Бенсону Г. Ф.

1. Какие электроды подлежат иницированию?

— Только 7 и 31.

2. Каким напряжением будет производиться стимуляция по электроду 7?

— 5 сек.»

После паузы Герхард продолжил ответы на вопросы для тридцать первого электрода. Наблюдая за ним, Макферсон сказал:

— В какой-то степени забавно. Мы командуем микрокомпьютером. Он получает команды от большого компьютера, тот, в свою очередь, от Герхарда, а Герхард — от самого большого компьютера.

— Да,— сказал Герхард и рассмеялся.

На экране появилась фраза:

«Параметры инициирования интерфейса введены.

Приступить к программированию устройства связи».

Моррис вздохнул. Он надеялся, что не доживет до такого черного дня в своей жизни, когда компьютер назовет его «устройством связи».

Герхард спокойно, мягко пощелкивая клавишами, печатал ответы. На других мониторах отображалась электрическая схема микрокомпьютера. Инициированные участки схемы загорались более ярким светом.

«Интерфейс у пациента Г. Ф. Бенсона иницирован. Имплантированное устройство анализирует данные ЭЭГ и производит управление обратной связью».

Все было закончено. Моррис был даже слегка разочарован; он знал, что все произойдет именно так, но все же надеялся или даже, быть может, нуждался, чтобы все вышло более торжественно. Герхард запустил тест проверки системы — все прошло нормально. Завершающая фраза высветилась на экране:

«Центральный компьютер клиники благодарит вас за такого интересного пациента».

Герхард улыбнулся. В соседней комнате Бенсон все еще продолжал спокойно беседовать с Росс.

Похоже, что никто из них даже ничего и не заметил.

3 Джанет Росс по завершении серии стимуляции чувствовала себя глубоко подавленной. Бенсона повезли по коридору, а она стояла и смотрела ему вслед. В последний раз мелькнула в конце коридора повязка на шее Бенсона, и кресло с больным скрылось за поворотом.

Джанет развернулась и пошла на выход из отдела-

ния, минуя раскрашенные двери. Она обнаружила, что почему-то думает об оранжевом «феррари» Артура, таком волшебнно-элегантном. Прямо-таки игрушечном. Она захотела оказаться сейчас в Монте-Карло, выйти одетой в элегантное испанское платье из машины Артура, зайти с ним в казино, поиграть на деньги.

Она взглянула на часы: о Боже, всего лишь 12.15. Впереди еще полдня. Интересно, каково быть педиатром? Наверное, забавно: пеленать детей, делать им уколы и обучать родителей уходу за ребенком. Неплохая работа. Она опять вспомнила о повязках Бенсона, направляясь в «Телекомп».

Она надеялась поговорить с Герхардом наедине, но оказалось, что в комнате собрались буквально все: и Макферсон, и Моррис, и Эллис.

Они распивали кофе из лабораторной посуды, и настроение у них было как у юбиляров.

Кто-то сунул ей в руки чашку, и Макферсон по-отечески обнял ее:

— По-моему, мы сегодня приворожили Бенсона к вам.

— Да, конечно,— сказала она, пытаясь улыбнуться.

— Ну, я думаю, что вы уже привыкли к этому.

— Не совсем,— ответила Росс.

В комнате стало тише, ощущение праздничности улетучилось. На душе Росс было слегка нехорошо.

В стимуляции полового инстинкта у пациента не было ничего забавного. С физиологической точки зрения это могло быть интересным, возможно, пугающим, драматическим, но не забавным. Почему они все находят это чертовски забавным?

Эллис достал флягу и подлил в кофе Джанет бесцветной жидкости.

— Будет как ирландское виски,— сказал он подмигивая,— так намного лучше.

Она кивнула, взглянула на стоящего в конце комнаты Герхарда.

— Пейте, пейте,— сказал Эллис.

Герхард что-то оживленно говорил Моррису, и оба они рассмеялись.

— Неплохо,— произнес Эллис.— А вы как считаете?

— Прекрасно,— ответила она, делая маленький глоток.

Ей удалось ускользнуть от Эллиса и Макферсона и пробраться к Герхарду. Он временно находился в одиночестве. Моррис отошел восполнить содержимое чашки.

— Слушай,— сказала Росс,— можно тебя на минутку?

— Конечно,— ответил Герхард, наклоняя голову к Росс.— Что случилось?

— Я хочу знать одну вещь. Можно ли проверить Бенсона здесь, на центральном компьютере?

— Ты имеешь в виду проверить имплантированный ему микрокомпьютер?

— Да.

Герхард пожал плечами:

— Думаю, можно, но зачем? Мы ведь знаем, что компьютер работает.

— Да,— ответила она.— Знаю. Но все-таки, на всякий случай, можно это сделать?

Герхард ничего не ответил, но глаза его спрашивали «На какой «всякий случай?»

— Ну так как?

— Хорошо,— ответил он.— Я включу эту проверку в работу центрального компьютера сразу, как они уйдут,— он кивнул в сторону собравшихся.— И компьютер будет проверять его два раза в час.

Она нахмурилась.

— Сделать четыре раза в час?

— А можно сделать через каждые десять минут?

— Хорошо. Пусть будет через десять минут.

— Спасибо,— поблагодарила она Герхарда. Затем допила кофе, от которого внутри стало тепло, и вышла из комнаты.

4 Эллис сидел в углу палаты Бенсона и наблюдал, как с полдюжины специалистов манипулируют возле кровати больного. Два человека из радиационной лаборатории проверяли, нет ли утечки радиации, девушка из химлаборатории брала кровь для анализа, техник возился с мониторами для снятия ЭЭГ, и, наконец, Герхард и Ричардс в последний раз перепроверяли подключение интерфейса.

А в центре всего этого, чуть заметно дыша, уставясь в потолок, неподвижно лежал Бенсон. Он словно бы не замечал суетящихся вокруг него людей. Он глядел прямо в потолок.

У техника из радиационной лаборатории были волосатые руки, торчавшие из рукавов белого медицинского халата. Когда темная волосатая рука на мгновение застыла на белой повязке пациента, Эллису вспомнились

обезьяны, которых он оперировал. Но то были всего лишь опыты, потому что как себя ни настраивай, всегда помнишь, что это не человек, а всего лишь обезьяна, и ничего страшного не случится, даже если вдруг ошибешься и разрежешь ее до самых ушей. Никаких последствий: ни тебе вопросов родственников больного, адвокатов и газетчиков — ничего, даже какого-нибудь паршивого запроса из отдела материального обеспечения о том, что случилось с этими восьмидесятидолларовыми обезьянами. Никто не упрекает. Но лечить обезьян не интересно. Помогать людям — вот что его интересовало.

Бенсон заворочался.

— Устал,— проговорил он и посмотрел на Эллиса.

Эллис спросил:

— Ну как, ребята, готовы закруглиться?

По одному, забирая свои приспособления и записи, специалисты покидали палату. Последними уходили Герхард с Ричардсом. Наконец Эллис остался наедине с Бенсоном.

— Хочется спать? — спросил Эллис.

— Чувствую, словно я какая-нибудь проклятая машина. Как автомобиль, побывавший в автомастерской. Чувствую, словно меня *ремонтировали*.

Бенсон начинал сердиться, и Эллис тоже начинал беспокоиться. Ему очень захотелось позвать медсестер и санитаров для успокоения Бенсона во время приступа. Но он сдержался.

— Пустяки,— сказал он.

Бенсон глядел на него, тяжело дыша.

Эллис посмотрел на мониторы в изголовье кровати. В ЭЭГ появились пиксы, говорящие о признаках приближающегося припадка.

Бенсон потянул носом воздух:

— А что это за запах? — спросил он.— Этот ужасный...

В изголовье вспыхнула на мониторе красная надпись: «Стимуляция». Секунд пять ЭЭГ выглядела беспорядочным нагромождением изломанных линий. Затем все успокоилось; зрачки Бенсона приняли свой обычный размер. Больной повернулся в сторону окна, в которое светило послеполуденное солнце.

— Какой хороший день сегодня,— сказал он.— Правда?

5 Безо всякой на то причины около одиннадцати часов вечера Джанет Росс вернулась в клинику. Она ходила в кино с аспирантом из отделения патологической анатомии.

Он просил ее об этом уже давно, и наконец она уступила. Они пошли на боевик — единственный жанр, который аспирант, по его собственному утверждению, признавал. Джанет насчитала в фильме пять убийств, прежде чем бросила этот подсчет.

Взглянув в темноте на своего спутника, она увидела, как он улыбается. Его реакция была столь стереотипной — паталогоанатом, постоянно имеющий дело со смертью и насилием, — что она машинально начала перебирать в памяти другие сложившиеся в медицине стереотипы: хирурги-садисты, инфантильные педиатры, гинекологи-женоненавистники. И сошедшие с ума психиатры.

После фильма он отвез ее в клинику, где она оставила на стоянке свой автомобиль. Но вместо того, чтобы ехать домой, она поднялась в НПХ. Без особых на то причин.

В отделении было пусто, но она надеялась встретить Герхарда и Ричардса, и они там и оказались — возились в «Телекомпе» с компьютерными распечатками. Они почти не обратили внимания, как она зашла в комнату и приготовила себе кофе.

— Что-то не ладится? — спросила она.

Герхард почесал затылок:

— Теперь вот с Мартой, — ответил он. — Сперва Джордж отказался быть святым. А теперь Марта становится как шелковая. Все перевернулось.

Ричардс улыбнулся:

— У тебя свои пациенты, Джанет, у нас — свои.

— Кстати, о моем пациенте...

— Да-да, конечно, — Герхард встал и подошел к компьютеру. — Интересно, зачем ты пришла?

— Просто плохой фильм попался, — ответила она.

Герхард нажал клавишу на панели компьютера, и из печатающего устройства поползла бумажная лента с длинными столбцами цифр.

— Вот все проверки, начиная с полудня.

— Мне это ни о чем не говорит, — сказала Росс, хмурясь.

— Похоже, Бенсон только и делал, что дремал да получал стимуляции. Но... — она покачала головой. — А более наглядно все это нельзя представить?

Пока она говорила, компьютер добавил к своим сообщениям новую строчку: «11.12 — ЭЭГ в норме».

— Ох, эти люди,— вздохнул Герхард.— Не могут найти с машиной общий язык.

Это было правдой. Машины легко управляются с длиннющими столбцами цифр, а людям легче даются рисунки.

— Но, с другой стороны, машины не могут распознавать образы. Классической проблемой стало, как научить компьютер отличать одну букву алфавита от другой. То, что легко делает ребенок, является почти неразрешимым для машины.

— Я сейчас сделаю для тебя графическое изображение,— пообещал Герхард, и вскоре на дисплее появилась ползущая вверх кривая.

— О, черт,— сказала Росс, глядя на график.

— Что такое? — спросил Герхард.

— Он получает стимуляции все чаще и чаще. Долгое время у него их вообще не было, затем он их начал получать примерно раз в два часа, а теперь, похоже, они происходят каждый час.

— Ну и что? — спросил Герхард.

— А ты не понимаешь?

— Абсолютно.

— Это указывает на нечто совершенно новое,— сказала Росс.— Ведь теперь мозг Бенсона как бы взаимодействует с компьютером, правильно?

— Да.

— Это взаимодействие может быть чем-то вроде обучающей программы. Например, если ребенок тянется к банке с вареньем, а его за это шлепают по рукам, он ведь очень скоро отвыкнет.

— Отвыкнет,— сказал Герхард,— но какое...

— Не перебивай. Если ребенок нормальный — да, он отвыкнет. Но если этот ребенок мазохист, то все будет совершенно иначе.

И она начертила кривую линию.

— Вот. Такой ребенок будет тянуться за сладостями все чаще, потому что болевые ощущения доставляют ему удовольствие. Ты помнишь Сесиль?

— Нет.

Компьютер тем временем выдал новое сообщение: «11.22 — стимуляция».

— Вот черт,— сказала Росс.— Так и есть.

— Что так и есть?

— Бенсон очутился в цикле положительной прогрессии.

— Не понял.

— Это подобно истории с Сесиль, нашей первой обезьяной, которую мы подсоединяли к машине. Это было давно, в шестьдесят пятом году, и тогда компьютер был целой машиной, и провода были в буквальном смысле провода. Так вот.

У Сесиль — эпилепсия. Компьютер фиксирует зарождение припадков и посылает ей шоковый импульс. Хорошо. Казалось бы, как в случае с нормальным мальчишкой и вареньем, приступы должны быть все реже и реже, а они, наоборот, участились. Сесиль *понравились* шоки. И ее организм начал инициировать припадки, чтобы получить желанный шок.

— И это то, что сейчас делает Бенсон?

— По-моему, да.

Герхард покачал головой.

— Послушай, Джанет, это все интересно. Но никто не может управлять своими припадками, они неподвластны больному.

— Да, они происходят произвольно, — согласилась Росс, — и управлять этим процессом, как, впрочем, и сердцебиением, кровяным давлением, потовыделением, невозможно.

Воцарилась долгая пауза. Затем Герхард сказал:

— Ты собиралась доказать, что я не прав.

Появилось очередное сообщение: «11.32 — стимуляция».

— Я собиралась доказать, что ты прогулял слишком много конференций, — сказала Росс. — Ты что-нибудь слышал об автономном обучении?

— Нет, — ответил Герхард виновато.

— Долгое время это являлось большой загадкой.

Теоретически считалось, что научиться управлять произвольными актами нельзя. Например, можно научиться водить машину, но научиться снижать себе давление невозможно. Ну, есть, конечно, йоги, которые, как считается, умеют снижать потребность организма в кислороде и почти до нуля уменьшать частоту сердцебиений.

Они даже могут всю перистальтику заставить работать вспять и потреблять жидкость через задний проход. Но все это не доказано и потому считалось теоретически невозможным.

Герхард осторожно кивнул.

— А потом оказалось, что все это очень даже возможно. Можно научить крысу слышать только одним ухом — правым, левым, как вам захочется. И можно научить ее управлять своим давлением и сердцебиением. И все это же можно проделать с людьми. Это не является невозможным, это можно делать.

— Но как? — спросил Герхард с любопытством.

Его смущение уже прошло.

— Ну, например, пациенту с повышенным кровяным давлением подключают тонометр. Притом, как только давление снижается, звонит звонок. Пациенту предлагают стараться, чтобы звонок звонил как можно чаще. Иными словами, этот звук для него является своего рода премией. Сначала, конечно, все происходит лишь случайно. Но очень скоро испытуемые ухитряются сделать так, чтобы звонок звонил чаще. А через несколько часов он звонит уже почти не переставая.

Герхард почесал затылок.

— И ты полагаешь, что Бенсон специально инициирует припадки, чтобы получить премию в виде электрошока?

— Да.

— Ну и что в этом плохого? До приступа дело же все равно не дойдет, компьютер выдаст шок раньше.

— Да нет, — ответила Росс. — Пару лет назад одного норвежского шизофреника подключили к терминалу, и он имел возможность получать удовольствие так часто, как ему захочется. И он впал в конвульсию, переутомившись от слишком частого удовольствия.

Герхард поморщился.

Ричардс, все это время наблюдавший за работой компьютера, вдруг сказал:

— Что-то не так?

— Что?

— Он больше не выдает сообщений.

На экране светились только цифры: «11.32... 11.42...»

Росс посмотрела и вздохнула.

— Попробуйте сделать компьютерную экстраполяцию для этой кривой, — сказала она. — Нам надо видеть, на самом ли деле Бенсон входит в цикл автономного обучения, и если да — то как быстро.

Она направилась к выходу:

— Пойду посмотрю, что там творится с Бенсоном.

Дверь за ней захлопнулась, и Герхард вернулся к компьютеру.

Авария

1 На восьмом этаже, этаже специальной хирургии, было тихо. На посту дежурили две медсестры — одна делала записи в медицинские книжки больных, другая сосала леденец и читала журнал с обзором кинофильмов. Обе они почти не обратили внимания на Росс, которая подошла к столу, взяла медицинскую карту Бенсона и прочитала последние записи.

Она хотела убедиться, что Бенсон получает все, что ему прописали, и с изумлением обнаружила, что это не так.

— А почему Бенсону не дают торазин? — спросила она.

Сестры удивленно взглянули на Росс:

— Бенсону?

— Да. Из восьмьсот десятой палаты. — Росс бросила взгляд на часы: было уже за полночь. — Ему должны были начать вводить торазин еще двенадцать часов назад.

— Извините... можно? — Одна из сестер потянулась за медицинской картой.

Росс отдала медицинскую карту сестре и наблюдала, как та ищет страницу, на которой врачи записывали свои назначения. Запись Макферсона была подчеркнута кем-то из сестер красным карандашом и была сделана пометка: «Уточнить».

Росс подумала, что без солидной дозы торазина навязчивые идеи Бенсона могут принять неуправляемый и опасный характер.

— Да, — сказала сестра. — Вспомнила. — Доктор Моррис распорядился в отношении этого пациента выполнять только его указания и еще доктора Росс. А этого доктора Макфи мы не знаем, поэтому решили подождать до утра, а там уточнить назначение.

— Доктор Макфи, — произнесла Росс с сарказмом, — это доктор Макферсон, руководитель НПХ.

Сестра уставилась на подпись:

— Откуда же мы знали... Тут подпись неразборчива, вот, поглядите сами.

Она протянула медицинскую карту Росс.

— Мы подумали, что тут написано Макфи, а единственный в клинике доктор Макфи — гинеколог, и нам

показалось нелогичным, что он записал в эту карту назначение...

— Хорошо, хорошо,— махнула рукой Росс.— Но хоть теперь не забудьте дать ему торазин.

— Дадим прямо сейчас, доктор,— сказала сестра, открывая шкафчик с медикаментами. А Росс пошла по коридору в палату к Бенсону.

Полицейский сидел возле входа в палату № 810, откинувшись спинкой стула на коридорную стену. Он читал «Тайные любовные истории» с интересом, который Джанет показался вряд ли возможным. Она и не спрашивая знала, откуда у полицейского этот журнал,— взял почитать у кого-нибудь из медсестер.

Полицейский курил сигарету, сбрасывая пепел на пол, в общем-то по направлению к пепельнице.

Он поднял глаза на Росс, когда она подошла к двери:

— Добрый вечер, доктор.

— Добрый вечер,— ответила Росс, подавляя желание отчитать полицейского за его неряшливое поведение.

Но, во-первых, полицейские ей не подчинялись, а во-вторых, она и так только что потратила нервы на медсестер.

— Все спокойно? — спросила она.

— Абсолютно.

Из палаты доносились приглушенные звуки. Она открыла дверь — огня были потушены, палата освещалась только экраном телевизора. Бенсон, очевидно, уснул. Он лежал на боку, спиной к двери, завернувшись в простыни. Выключив телевизор, Росс подошла к кровати и осторожно прикоснулась к ноге больного:

— Гарри... Гарри...

Она загнулась: ее рука прикоснулась к чему-то мягкому и бесформенному. Она нажала — и «нога» не оказала почти никакого сопротивления ее пальцам.

Росс включила прикроватную лампу и отдернула простыни.

Бенсон исчез. Вместо него в кровати лежало три пластиковых мешка для мусора, надутых воздухом и перевязанных наподобие воздушных шаров. Вместо головы лежало свернутое полотенце, вместо руки — другое.

— Полицейский,— сказала Росс шепотом.

Полицейский вразвалочку вошел, держа руку на кобуре.

Росс указала на кровать.

THE NEW YORK TIMES
MAY 19 1968

— О черт,— пробормотал полицейский,— что случилось?

— Это я вас собираюсь спросить!

Полицейский не ответил. Он бросился проверять ванную, но там никого не было. Затем заглянул в туалет.

— Но его одежда здесь...

— Когда вы последний раз заглядывали в палату?

— Но туфли исчезли...— продолжал полицейский, все еще глядя в туалет.— Его туфли исчезли.— Он обернулся и с отчаянием в глазах посмотрел на Росс:

— Куда он делся?

— Когда вы последний раз заглядывали в палату? — повторила Росс, нажимая кнопку вызова дежурной сестры.

Росс подошла к окну и выглянула наружу.

Окно было открыто, но до земли было расстояние в восемь этажей.

— Надолго вы отлучались со своего поста?

— Послушайте, доктор, только на несколько минут.

— Надолго или нет?

— Я выбежал за сигаретами. В больнице ведь негде купить, и мне пришлось идти в кафе, что напротив. Я за три минуты обернулся. Это было в районе полдвенадцатого, а сестры пообещали присмотреть...

— Великолепно,— выдохнула Росс.

Она заглянула в прикроватную тумбочку и увидела, что все вещи Бенсона остались — бритвенные принадлежности, кошелек, ключи от машины.

В палату заглянула явившаяся на вызов сестра:

— Что случилось?

— Да вот, похоже, пациент потерялся,— ответила Росс.

— Простите?

Росс указала на лежащие на кровати пластиковые мешки. Сестра побледнела, когда до нее наконец дошло.

— Позвоните доктору Эллису,— распорядилась Росс,— и доктору Макферсону, и доктору Моррису. Они все должны быть дома. Доложите им, что Бенсон исчез. А затем вызовите госпитальную службу безопасности. Все ясно?

— Да, доктор,— ответила сестра, торопясь покинуть палату.

Росс присела на краешек кровати Бенсона и обратила свое внимание на полицейского.

— Где он достал эти мешки? — спросил тот.

Она об этом уже подумала:

— Один — из мусорной корзины возле кровати, один — из корзины, что возле двери, и один — из ванной. И два полотенца из ванной.

— Умница, — сказал полицейский. Он указал на туалет: — Но без одежды ему далеко не уйти.

— Он обут.

— Человек в халате и бинтах далеко не уйдет, даже если он обут. — Полицейский покачал головой.

— Бенсон звонил кому-нибудь?

— Сегодня?

— Нет, в прошлом месяце.

— Послушайте, леди, сейчас только ваших шуточек не хватает...

Она внимательно посмотрела на полицейского и увидела, что он еще очень молод — двадцать с небольшим — и что он боится. Он был растерян и не знал, что будет дальше.

— Извините, — сказала она. — Конечно, я имела в виду сегодняшней вечер.

— Он позвонил один раз, — ответил полицейский. — Около одиннадцати.

— Вы слышали, о чем он говорил?

— Нет. — Полицейский пожал плечами. Голос его дрожал. — Я ведь не знал...

— Итак, он в одиннадцать позвонил, а через полчаса убежал.

Она вышла из палаты и прошла по коридору к стринскому посту. Там обязательно всегда кто-то есть, а Бенсону, чтобы добраться до лифта, неминуемо пришлось бы пройти мимо этого места. Такое бы у него не вышло. Что еще он мог бы сделать? Она посмотрела в другой конец коридора. Там была лестница. Он мог спуститься по ней. Но пройти пешком восемь этажей? Бенсон был для такого слишком слаб. И даже если бы он это сделал, то оказался бы, в халате и забинтованный, в приемном отделении, где его наверняка бы задержали.

— Никак не пойму, — сказал полицейский, подходя к ней, — куда он все-таки делся?

— Бенсон очень умный человек, — сказала Росс.

Это было то, что они все упустили из виду. Для полицейских он был правонарушителем — у них каждый день проходят сотни таких неуживчивых типов. Для персонала он был больным, несчастным, опасным и надоедливым психопатом. И все как-то забывали, что Бенсон был человеком незаурядным.

Он был незаурядным специалистом в области, где работает множество умных людей. При поступлении в клинику он показал на тестировании КИ (коэффициент интеллекта), равный 144. И, конечно, он был вполне способен составить план побега, а когда подслушал, как полицейский за дверью говорит сестре, что сходит за сигаретами, то за несколько минут претворил свой план в жизнь. Но как?

Бенсон должен был понимать, что ему никогда не выйти из клиники в халате. Но свою обычную одежду он оставил в палате — в ней он, конечно, в полночь также не смог бы выскользнуть. Ведь время посещения закончилось три часа тому назад, и в вестибюле его бы задержали.

— Как же он, черт возьми, тогда это сделал?

Полицейский пошел к сестринскому посту, чтобы позвонить начальству. Росс шла за ним по коридору, глядя на двери палат. В палате № 809 лежал ожоговый пациент. Росс заглянула в палату, просто чтобы убедиться, что он на месте. Восемьсот восьмая палата была пустая — там лежал пациент с пересаженной почкой, и сегодня днем его выписали. Она проверила и эту комнату.

На следующей двери висела табличка: «Кладовая». На всех хирургических этажах была такая комната. Там хранились различные перевязочные материалы и белье. Росс отворила дверь и вошла в кладовую. Пройдя мимо выстроенных рядами бутылей с внутривенными растворами, различных приспособлений, она подошла к хирургическим маскам, запасным халатам для медсестер и санитарок и остановилась. Перед ней на полке лежал наспех сложенный голубой халат. Остальное место на полке занимали стопки белых брюк, рубашек и жакетов, которые носили в клинике санитары.

Росс позвала сестру.

— Это невозможно, — говорил Эллис, шагая взад и вперед по комнате медсестер. — Абсолютно невозможно. Он всего лишь два дня — даже полтора — после операции. Он просто не смог бы уйти.

— Тем не менее он ушел, — сказала Росс. — И сделал это единственно возможным путем — переодевшись в форму санитаря. Затем он, очевидно, спустился по лестнице на седьмой этаж, а там сел в лифт. Никто не обратил внимания, ведь санитары ходят то и дело.

На Эллисе был смокинг и белая просторная рубаш-

ка, галстук-бабочка был слегка распушен. Эллис курил сигарету, чего Росс никогда не замечала за ним раньше.

— Я все-таки не догоняю этого,— вздохнул Эллис.— Его же напичкали торазином, он бы...

— Торазина не было,— сказала Росс.

— Как не было?

— Что такое торазин? — спросил полицейский.

— Сестры усомнились в назначении и решили подождать. Так что он не принимал успокоительного со вчерашней полуночи.

— О Боже,— проговорил Эллис, посмотрев на сестер так, словно хотел их убить.— Но ведь у него на голове бинты. Это бросается в глаза.

Моррис, молча сидящий в углу, сказал:

— У него был парик.

— Вы шутите?

— Я видел,— сказал Моррис.

— А какого цвета был парик? — спросил полицейский.

— Черного.

— О Боже,— повторил Эллис.

Росс спросила:

— А откуда у него парик?

— Подруга принесла. В день, когда он поступил.

— Но послушайте,— сказал Эллис,— даже в парике он не мог никуда уйти. Он оставил бумажник с деньгами. И в такое время нет такси.

Росс посмотрела на Эллиса, изумляясь его способности не воспринимать реальность. Он просто не хотел поверить, что Бенсон сбежал, и сейчас ожесточенно выискивал аргументы.

— Он позвонил подруге,— сказала Росс,— около одиннадцати. Вы не помните, кто принес парик? — спросила она Морриса.

— Хорошенькая девушка,— ответил Моррис.

— Может быть, вы запомнили, как ее звали? — спросила Росс с сарказмом.

— Анжела Блэк,— с готовностью ответил Моррис.

— Посмотрите, может, удастся найти ее имя в телефонном справочнике,— сказала Росс.

Моррис принялся искать. Зазвонил телефон, и Эллис поднял трубку. Выслушав, молча передал трубку Росс.

— Да? — спросила Росс.

— Я сделал компьютерный прогноз,— сказал Терхард.— Только что. Ты оказалась права, Бенсон со своим встроенным компьютером находится в цикле обуче-

ния. И его стимуляции по времени в точности совпадают с компьютерным прогнозом.

— Это прекрасно,— сказала Росс, глядя на собравшихся.

Они же выжидающе глядели на нее.

— Все, как ты и говорила,— продолжал Герхард.— Бенсону, несомненно, по вкусу электрошок. И приступы у него все учащаются.

— И когда он сорвется?

— Скоро,— ответил Герхард.— Если предполагать, что Бенсон не прервет цикл — а скорее всего так и будет,— он начнет получать почти постоянную стимуляцию в 6.04 утра.

— Ты это проверял? — спросила Росс, хмурясь. Часы показывали уже 12.30.

— Да,— ответил Герхард.— Постоянные стимуляции начнутся в 6.04 этого утра.

— Хорошо,— сказала Росс, вешая трубку. Затем обратилась к присутствующим: — Бенсон находится в цикле обучения. И ожидается, что к шести утра он войдет в цикл постоянной стимуляции.

— Господи,— сказал Эллис, глядя на настенные часы.

Оставалось меньше шести часов.

Моррис отбросил телефонную книжку и теперь звонил в справочную.

— Ну, тогда поищите в Западном Лос-Анджелесе,— говорил он в трубку.— Может быть, она недавно включена в списки абонентов.

Полицейский оторвался от своей писанины и смущенно спросил:

— Что-то должно произойти в шесть утра?

— Мы так думаем,— ответила Росс.

Эллис затаился сигаретой.

— Два года работы — и все зря,— сказал он.— А Макферсон уже знает?

— Ему позвонили.

— Проверьте номера, не включенные в список,— попросил Моррис. Мгновение спустя он добавил: — Это доктор Моррис из клиники университета. Дело очень серьезное. Нам нужно срочно выяснить, где живет Анжела Блэк. Если... сука,— сердито бросил трубку Моррис.

— Безрезультатно?

Моррис покачал головой.

— Мы даже не знаем, звонил ли Бенсон именно

ей,— сказал Эллис.— Он мог звонить кому-нибудь другому.

— Кому бы он ни позвонил, этот человек через несколько часов окажется в большой опасности,— сказала Росс, раскрывая медицинскую карту Бенсона.— Давай-те лучше займемся делом.

2 Шоссе было оживленным. На нем всегда было активное движение, даже в час ночи в пятницу.

Она глядела, как проносятся, расплываясь, вытягиваясь, как рассерженные змеи, красные огни за окнами машины. Множество людей. Куда они все едут в такое время?

Езда на шоссе обычно доставляла Росс удовольствие.

Она выросла в Калифорнии и еще ребенком помнила первые шоссе.

Подрастала Росс, и все более развитой становилась система дорог. Росс не видела в ней зла или угрозы для жизни. Для нее это было частью пейзажа; это было быстро; это было интересно.

Автомобиль был незаменим в Лос-Анджелесе, городе, более всех других городов мира зависящем от техники. Лос-Анджелес не выжил бы без автомобиля, как не выжил бы без воды, перекачиваемой по трубам на сотни миль, как не выжил бы без развитой строительной индустрии. Это был факт жизни города, истина, существовавшая еще с начала века.

Но в последние годы Росс начала ощущать еле уловимый психологический эффект от жизни на колесах. В Лос-Анджелесе не было кафе на тротуарах, потому что никто не ходил пешком; кафе, где можно было бы посмотреть на людей, в этом городе были передвижными. Люди в таких кафе приостанавливались, обменивались друг с другом взглядами и ехали дальше. Но было что-то обезчеловеченное в том, что жизнь проходила под оболочкой из стекла и нержавеющей стали, в изоляции с коврами, стереомагнитофонами, кондиционерами. Это не удовлетворяло некую подспудную человеческую потребность в общении, потребность видеть других и быть увиденным.

Лос-Анджелес был городом недавних эмигрантов и, следовательно, чужаков. И машины продолжали держать людей в состоянии отчужденности, а город представлял мало возможностей для человеческого общения. Почти никто не посещал церковь. Люди чувствовали

себя одиноко; они жаловались на изолированность, отсутствие друзей, оторванность от родительского дома и близких. Часто случались самоубийства, и одним из распространенных способов являлся автомобиль. Полиция в таких случаях пользовалась эвфемизмом «дорожно-транспортное происшествие».

Самоубийца выбирал себе подходящее препятствие и врезался в него со скоростью 80 или 90 миль. Иногда на то, чтобы достать тело, уходили часы.

Двигаясь со скоростью 65 миль в час, Росс пересекла пять полос движения и выехала на бульвар Сансет, ведущий к Голливуд-Хиллс. Район, который она сейчас проезжала, населяло множество гомосексуалистов. Похоже, что в Лос-Анджелес съезжались люди с проблемами. Этот город предоставлял свободу, но взамен отбирал надежду на поддержку.

Росс доехала до Лоурель-Каньон и стремительно, так что завизжали шины, повернула. Здесь уже движение было тихое, и она должна была добраться до жилища Бенсона за несколько минут.

По идее, перед ней и ее коллегами по НПХ стояла простая задача: заполучить Бенсона до шести утра. И если к этому времени доставить его в клинику, то можно будет вмешаться в работу вживленного компьютера и остановить нарастание стимуляций. Затем можно будет дать ему успокоительное, а спустя несколько дней попробовать стимуляцию на другие электроды.

Очевидно, в первый раз они неправильно выбрали электрод — они с самого начала допускали вероятность такой ошибки. Это был допустимый риск, поскольку они думали, что будут иметь возможность исправить любую ошибку. Но такая возможность неожиданно исчезла.

Теперь им необходимо вернуть Бенсона. Простая задача с относительно простым решением — проверить известные места пребывания Бенсона. После изучения его медицинской карты они установили все такие места. Росс отправилась в Лоурель, домой к Бенсону. Эллис подался в кабачок со стриптизом под названием «Американский заяц», куда Бенсон частенько заходил. А Моррис поехал в Санта-Монику, в компанию «Автотройник», где работал Бенсон. Они договорились встретиться где-то через час, чтобы обсудить результаты. Простой план, но который, по мнению Росс, ни к чему не приведет. Впрочем, ничего другого им не оставалось делать.

Она припарковала машину перед домом Бенсона и прошла по дорожке ко входной двери. Дверь была не

заперта. Изнутри доносились звуки смеха. Росс постучала и приоткрыла дверь:

— Есть кто там?

Ответа не последовало. Смешки доносились откуда-то из глубины дома. Росс вошла в прихожую. Она никогда не была дома у Бенсона, и ей было интересно, что там внутри. Оглядываясь по сторонам, она поняла то, что должна была знать.

Внешне это был обычный деревянный дом в стиле ранчо, такой же неброский, как и сам Бенсон. Но его интерьер напоминал гостинные времен Людовика XVI — изящные античные кресла и кушетки, гобелены на стенах, паркетные полы без всяких паласов.

— Кто-нибудь есть в доме? — спросила Росс. Ее голос эхом прокатился по дому. Ответа не было, но смех не затихал. Она пошла на звук. В кухне стояла стародавняя газовая плита, ни электропечи, ни тостера, ни моечной машины не было. «Никаких машин, — подумала Росс. — Бенсон создал у себя дома мир, в котором не было никаких современных машин».

Окна кухни выходили на задний дворик с обычным современным бассейном. Вмонтированные в дно бассейна лампы придавали воде и всему дворику зеленоватый оттенок.

В бассейне плескались и смеялись две девушки. Росс вышла из дома. Девушки, не обращая на нее внимания, продолжали баловаться и резвиться в воде. Росс подошла к бортику бассейна и спросила:

— Хозяин дома?

Тогда девушки, наконец, заметили ее и прекратили свою игру.

— Ищете Гарри? — спросила одна из них.

— Да.

— Вы из полиции?

— Я доктор.

Одна из девушек вылезла из бассейна и принялась вытираться полотенцем. На ней было красное бикини.

— Вы с ним просто разминувшись, — сказала девушка. — Но мы ничего не должны говорить полицейским — так сказал Гарри.

Девушка поставила ногу на стул и принялась вытирать ее полотенцем. По тому, сколь продуманным, демонстративным был этот жест, Росс поняла, что эти девушки из тех, кто интересуется своим полом.

— Когда он уезжал?

— Несколько минут тому назад.

— А вы здесь давно?

— С неделю,— ответила девушка в бассейне.— Гарри пригласил нас погостить, он думал, что...

Вытирающаяся девушка обмотала плечи полотенцем и сказала:

— Мы познакомились с ним в «Американском зайце». Он там часто бывает.

Росс кивнула.

— С ним не соскучишься,— продолжала девушка,— всегда весело. Знаете, во что он, например, сегодня был одет?

— Во что?

— В медицинскую форму. Весь в белом,— она покачала головой.— Это ж надо такое!

— Вы с ним разговаривали?

— Конечно.

— Что он сказал?

Девушка в красном купальнике направилась к дому, Росс пошла за ней.

— Он сказал ничего не говорить полицейским. Сказал, что хорошо провел время.

— А зачем он приезжал сюда?

— Взять кое-какие вещи.

— Какие?

— Что-то из своего кабинета.

— А где его кабинет?

— Я вам сейчас покажу.

Девушка провела Росс через гостиную внутрь дома, оставляя мокрые следы на паркетном полу.

— Диковатое местечко, правда? Гарри просто помещанный. Вы когда-нибудь слышали его рассуждение о вещах?

— Да.

— Ну тогда вы знаете. Он производит впечатление чокнутого.

Девушка указала рукой на обстановку.

— И все это старье. А почему вы хотите его увидеть?

— Он болен,— ответила Росс.

— Еще бы,— сказала девушка.— Я видела все эти бинты. А что, он попал в аварию?

— Ему только вчера сделали операцию.

— Без шуток? В клинике?

— Да.

— Вы не шутите?

Они прошли через гостиную и коридор к спальням. Девушка открыла дверь в комнату справа, которая ока-

залась кабинетом,— античный письменный стол, античные настольная лампа и кушетка.

— Он зашел сюда и что-то взял.

— Вы не заметили что?

— Мы не очень приглядывались. Но он взял какие-то большие рулоны бумаги.— Она показала руками какие.— На самом деле большие. Похоже на чертежи или что-то в этом роде.

— Чертежи?

— Ну, они были синего цвета изнутри рулона, а снаружи — белые. И большие.— Девушка пожала плечами.

— Что-нибудь еще он взял?

— Ага. Металлическую коробку.

— На что похожа эта коробка? — спросила Росс.

— Напоминает коробку с инструментами, может быть. Я мгновение видела ее открытой, прежде чем Гарри ее захлопнул. Похоже, что там были какие-то инструменты.

— Но ничего особенного вы не заметили?

Девушка запнулась, прикусив губу:

— Ну, я не совсем уверена, но...

— Что?

— Мне показалось, что там пистолет.

— Он не сказал, куда идет?

— Нет.

— Может, хоть как-то намекнул?

— Нет.

— И он не сказал, когда вернется?

— Да все вообще было странно,— ответила девушка.— Он поцеловал меня, Сюзи, сказал, что хорошо поразвлекался, и велел ничего не говорить полиции. И еще он сказал, что вряд ли увидит нас опять.— Она покачала головой.— Это все было странно. Но вы ведь знаете Гарри.

— Да,— сказала Росс.— Я знаю Гарри.— Она взглянула на часы: 1 час 47 минут. Осталось только четыре часа.

3 Первое, что почувствовал Эллис, был запах — теплый, влажный, зловонный животный запах. Эллис с отвращением поморщился. И как только Бенсон мог бывать в подобном месте?

Темиоту помещения пронизал луч света и замер на паре каких-то длинных конусообразных предметов.

Это напомнило Эллису его флотскую службу, проведенную в Балтиморе. Тогда он в последний раз бывал в таких местах, теплых и наполненных фантазиями и разочарованиями. Давно это было. Ужасно даже подумать, как быстро пролетело время.

— Итак, леди и джеитльмены, невообразимая, очаровательная Сцинтия Синсеа. Оркестр приветствует очаровательную Сцинтию!

Луч света стал шире, охватывая сцену, и открывая публике довольно уродливую, но эффектно сложенную девушку. Когда свет попал ей в глаза, она зажмурилась и начала неуклюже танцевать. Девушка не обращала на музыку никакого внимания, но, похоже, это никого не волиовало. Эллис посмотрел на зрителей. Среди собравшихся было много мужчин, но было и много вульгарных, коротко подстриженных девиц.

— Гарри Бенсон? — спросил администратор. — Да, он часто заходил к нам.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Насчет последнего раза не скажу, — ответил управляющий, покашливая. Эллис почувствовал сладковатый запах спиртного. — Но, сказать по правде, лучше бы он здесь не околачивался, понимаете? По-моему, он немножко тронутый. И всегда пристаёт к девушкам, а вы знаете, какого труда стоит их здесь удерживать.

Эллис кивнул, осматривая публику. Бенсон, скорее всего, переоделся, не будет же он разгуливать в одежде санитара. Эллис приглядывался к затылкам собравшихся, высматривая белые бинты в районе шеи. Однако ничего не заметил.

— Но недавно вы его не видели?

— Нет, — покачал головой администратор, — уже примерно неделю, как нет.

Мимо прошла официантка в бикини из белого меха, делавшем ее похожей на кролика.

— Сэлли, ты недавно не видела Гарри?

— Да он все время тут шлялся, — ответила девушка и понесла дальше поднос с напитками.

— Ох, лучше бы он тут не болтался, не тревожил девушек, — сказал администратор и опять закашлялся, распространяя сладкий запах.

Эллис прошел дальше в зал. Над его головой, пробивая клубы табачного дыма, плясал луч прожектора, повторяя движения танцовщицы. Та никак не могла справиться с застежкой своего бюстгальтера. Изображая нечто вроде тустепа, с руками за спиной, девушка

отсутствующим взглядом смотрела в зал. Наблюдая за ней, Эллис понял, почему Бенсон считал танцовщиц стриптиза машинами. Они были словно неодушевленные — это уж точно — и искусственные. Когда лифчик наконец слетел, Эллис увидел под каждой грудью следы от введения парафина.

«Яглану такое понравилось бы, — подумал Эллис, — Это очень соответствует его теории машинного секса».

Яглон, парень из отделения «Развитие», носился с идеей слияния искусственного интеллекта с человеческим. Он аргументировал это тем, что, с одной стороны, косметическая хирургия и имплантация различных автоматических устройств делают человека более механическим, с другой стороны, развитие робототехники делает машины более человеческими. И половые сношения людей с роботами-гуманоидами — всего лишь вопрос времени.

«Возможно, такое уже происходит», — подумал Эллис, глядя на танцовщицу. Переведя взор на зрителей, он окончательно удостоверился, что Бенсона здесь нет. Затем проверил телефонную будку в конце зала и мужской туалет. Туалет был маленький, пропахший блевотиной. Он сморщился и заглянул в треснутое зеркало над умывальником. Уж что-что, а органы обоняния «Американский заяц» прямо-таки насилывал. Интересно, придавал ли этому значение Бенсон?

Эллис вышел из туалета и направился к выходу.

— Нашли его? — спросил администратор. Эллис покачал головой и вышел. Вдохнув прохладный ночной воздух, он сел в машину. Он размышлял о запахах — эта проблема интересовала его и раньше, но никогда не занимала до такой степени.

Оперируя Бенсона, он затрагивал весьма специфическую область мозга — так называемый лимбический мозг.

С точки зрения эволюции, это очень старая область мозга, и ее первоначальным предназначением являлось управление обонянием. Ее старое название и было «риненцефалон», что буквально переводилось так «нюхающий мозг».

Риненцефалон развился сто пятьдесят миллионов лет тому назад, когда на земле было царство рептилий. И управлял наиболее примитивными реакциями: гнев и страх, голод и половой инстинкт, агрессивность или спасение бегством. Рептилиям, таким как крокодил, это-

го хватало. У человека же, кроме этого, есть кора головного мозга.

Но кора головного мозга является новообразованием; в ее современном виде она начала формироваться всего лишь два миллиона лет тому назад, и коре головного мозга человека только сто тысяч лет. С точки зрения эволюции, это пустяки. Кора образовалась вокруг мозга, который остался неизменным, как бы глубоко погруженным в новообразованную мозговую структуру. И коре, благодаря которой человек может любить, писать стихи и беспокоиться за этичность своих поступков, приходится уживаться с крокодилийм миром в самой своей сердцевине. Иногда, как в случае с Бенсоном, это мирное сосуществование нарушается, и временами первобытный мозг одерживает верх.

Какое отношение имеет ко всему этому запах?

Эллис не знал наверняка. Конечно, приступам зачастую предшествуют странные запахи. Но есть ли здесь что-нибудь еще? Еще какой-либо эффект?

Он не знал, да и вряд ли это имеет значение. Единственной задачей было отыскать Бенсона до того, как его крокодилий мозг возобладает над мозгом человеческим. Один раз в НПХ Эллис уже видел такое, наблюдая за пациентом сквозь одностороннее зеркало. Бенсон был абсолютно нормален — и вдруг ринулся на стену, разбивая о нее стул. Приступ начался внезапно и вылился в полное неистовство.

«Шесть утра,— подумал Эллис.— Осталось совсем немного».

— Эллис, что-то не так? — спросил Фэрли, открыва-
вая дверь офиса.

4 — Это что, какое-то ЧП? — спросил Фэрли, открыва-
вая дверь офиса.

— В принципе, да,— ответил Моррис.

Ему пришлось прождать Фэрли на холодном ночном воздухе около получаса, и теперь он дрожал.

Фэрли оказался высоким стройным мужчиной с несколько замедленными движениями. А возможно, что он просто не окончательно проснулся. Он, казалось, вечность открывал дверь и впускал Морриса в помещение — довольно скромно обставленную комнату для посетителей. Из нее они прошли в комнату, где работал Бенсон.

Вокруг нескольких больших компьютеров беспорядочно были расставлены столы. Моррис слегка нахмурился.

— Я знаю, о чем вы думаете,— сказал Фэрли.— Считаете, что здесь беспорядок.

— Нет, я...

— Ну, ничего. Главное, скажу я вам, эту работу мы выполнили. А вон,— указал он через всю комнату,— стол Гарри, рядом с Бантом.

— Бантом?

Фэрли указал на большую, похожую на паука, конструкцию из металла.

— БАИТ,— объяснил он,— это сокращенно Безнадежный Автоматический Игрок в Теннис. Шутка, конечно,— добавил Фэрли, усмехаясь,— но у нас такие шуточки в ходу.

Моррис обошел вокруг машины, рассматривая ее.

— И она играет в настольный теннис?

— Не очень хорошо,— признался Фэрли.— Но мы над этим работаем. Мы получили субсидию от министерства обороны на разработку автомата для игры в настольный теннис. Понимаю, о чем вы думаете: наверное, считаете этот проект чепуховым.

Моррис пожал плечами. Ему не нравилось, когда то и дело говорили, о чем он думает.

Фэрли улыбнулся.

— Один только Бог знает, зачем им понадобился такой робот. Но, конечно, возможности у него потрясающие. Вообразите: компьютер, который распознает сферическое тело и может входить с ним в контакт в трехмерном пространстве. И отбивает эту сферу назад с выполнением определенных условий: между белых линий и в пределах стола, и т. д. Сомневаюсь, что они и в самом деле будут использовать его для соревнований по пинг-понгу.

Фэрли подошел к стоящему в углу холодильнику с надписью крупными оранжевыми буквами: «Радиация» и ниже — другой надписью: «Доступ согласно утвержденному списку» и вынул оттуда два стакана.

— Кофе будете?

Моррис уставился на надпись.

— Это чтобы секретарш отпугивать,— объяснил Фэрли и рассмеялся.

Его игривое настроение действовало Моррису на нервы. Он смотрел, как Фэрли готовит растворимый кофе, затем подошел к столу Бенсона и начал проверять ящики.

— А, кстати, что там с Гарри?

— Что вы имеете в виду? — спросил Моррис. В верх-

нем ящике лежали карандаши, бумага, рейсшина и какие-то расчеты. В нижнем — хранились исписанные листы бумаги, большей частью письма.

— Ну, он же в больнице, не так ли?

— Был. И после операции сбежал. И теперь мы стараемся его найти.

— Он, похоже, тронулся, — сказал Фэрли.

— Ага, — пробормотал Моррис, копаясь в записях. Деловые письма, деловые письма, бланки заявок...

— Я помню, как это начиналось, — сказал Фэрли. — Это было на водораздельной неделе.

Моррис поднял голову от бумаг.

— Когда?

— На водораздельной неделе, — повторил Фэрли. — Вы какой кофе пьете?

— Черный.

Фэрли протянул ему чашку, а себе подсыпал сухих сливок.

— Водораздельная неделя — это была неделя в июле 1969 года. Вы, наверное, ничего о ней не слышали.

Моррис покачал головой.

— Ну, это название неофициальное, так мы называем это событие в своем кругу.

— Какое событие?

— Водораздел. Компьютерщики всего мира знали о приближении Водораздела и следили за ним. И вот в июле 1969 года это произошло. Информационная емкость всех компьютеров в мире суммарно превысила информационную емкость всех человеческих мозгов на планете. Компьютеры могли принимать и хранить больше информации, чем три с половиной миллиарда людей на планете.

— И это и был Водораздел?

Моррис отхлебнул кофе:

— Но ведь это была шутка?

— Какая к черту шутка! Водораздел минул в 1969-м, и с тех пор компьютеры непрерывно увеличивают разрыв. К 1975 году их емкость будет превышать емкость человечества уже в пятьдесят раз. — Фэрли помолчал. — И Гарри это ужасно огорчало.

— Представляю, — сказал Моррис.

— И вот тогда-то все и началось. Он стал очень скрытным и странным.

Моррис оглядел комнату, всю заставленную различным компьютерным оборудованием. Странное дело: он впервые ощутил себя среди такого множества машин. И по-

нял, что несколько ошибался в отношении Бенсона. Он полагал, что Бенсон такой же, как все; но быть таким, как все, работая в подобном месте, нельзя. Окружение неминуемо повлияет на человека. Он вспомнил, как Росс однажды назвала либеральным мифом утверждения, что все люди между собой схожи. Большинство людей не похожи. Человек не похож ни на кого другого.

«И Фэрли абсолютно непохож», — подумал он. В иной обстановке он принял бы Фэрли за шута; игрового клоуна. Но, очевидно, он чертовски умен. Откуда же тогда эти ухмылки, комические ужимки?

— Знаете, как все это быстро происходит? — говорил Фэрли. — Чертовски быстро. Всего лишь за несколько лет мы перешли от миллисекунд к наносекундам. Когда в 1952 году был создан компьютер «Илиак-1», он мог выполнять одиннадцать тысяч арифметических операций в секунду. Неплохо, правда? Ну, а теперь почти закончен «Илиак-4», и он будет делать два миллиона операций в секунду. Четвертое поколение. Конечно, без помощи других компьютеров его не построили бы — при его разработке два года непрерывно использовались два других компьютера.

Моррис допил кофе. Может, от усталости, а может, от окружающей его атмосферы мистицизма он начинал ощущать некоторую близость к Бенсону.

Компьютеры, создающие другие компьютеры, возможно, и в самом деле одерживают верх. А что по этому поводу сказала бы Росс? Распространенное заблуждение?

— Нашли что-нибудь интересное у него в столе?

— Нет, — ответил Моррис. Он уселся за столом Бенсона и смотрел по сторонам, пытаясь поступать, как Бенсон, думать, как Бенсон, — быть Бенсоном.

— Как он проводил свободное время?

— Не знаю, — ответил сидевший за другим столом Фэрли. — В последние несколько месяцев он был очень скрытен и нелюдим. Я знаю, что у него были какие-то нелады с законом. И знаю, что он обращался в клинику. Я об этом знал. Ему не очень понравилось у вас в клинике.

— Да? — спросил Моррис не слишком заинтересованно. В том, что Бенсон относился к больнице враждебно, не было ничего удивительного.

Фэрли не ответил. Вместо того он достал папку с газетными вырезками и фотографиями, извлек из нее одну пожелтевшую газетную статью и передал Моррису.

Статья была из «Лос-Анджелес Таймс» за 17 июля

1969 г. Заголовок гласил: «В университетской клинике новый компьютер».

В статье говорилось о приобретении Ай-Би-Эмовского компьютера серии 360, который предполагалось установить в цоколе здания для различных исследовательских и практических целей.

— Обратили внимание на дату? — спросил Фэрли. — Неделя Водораздела.

Моррис, нахмуясь, перечитывал статью.

5 — Я стараюсь быть логичным, доктор Росс.

— Я понимаю, Гарри.

— Думаю, это важно — размышлять логично и рационально при обсуждении этих вопросов, не так ли?

— Да, конечно.

Росс сидела и наблюдала, как вращаются катушки с магнитофонной лентой. Напротив нее откинулся в кресле Эллис — глаза прикрыты, сигарета догорела почти до конца.

Моррис, пока слушал, выпил еще одну чашку кофе. Росс составляла перечень известных им фактов, пытаясь определить, каким должен быть их следующий шаг.

«Я классифицирую вещи, исходя из тенденций, с которыми нужно бороться, — доносился из магнитофона голос Бенсона. — Есть четыре тенденции, с которыми нужно бороться. Хотите узнать, какие именно?

— Да, конечно.

— В самом деле хотите?

— В самом деле.

— Ну, первая тенденция — это универсальность компьютеров. Компьютер — это машина, но как машина она не похожа ни на какую другую, когда-либо созданную человеком. Любая машина имеет свою специфическую функцию, будь то автомобиль, или холодильник, или посудомойка. И мы привыкли, что машины выполняют специфические функции. А вот компьютеры — нет, они могут выполнять что угодно.

— Конечно, компьютеры...

— Позвольте мне закончить. Вторая тенденция — автономность компьютера. В прежние времена компьютеры не были автономными, они были сродни арифмометрам: возле них постоянно надо было находиться, нажимать кнопки, управлять их работой. Как с автомобилем — он же не поедет без водителя. Но теперь стало совсем иначе — компьютеры стали автономными. Можно

заложить в программу что и когда делать — и идти гулять, а компьютер будет работать.

— Гарри...

— Пожалуйста, не перебивайте меня, это очень серьезно. Тенденция номер три — миниатюризация. Ну, об этом вы знаете. Компьютер, занимавший в 1950 году целую комнату, сейчас размером не более пачки сигарет. А совсем скоро он будет еще меньше».

Бенсон сделал паузу, затем продолжил снова:

«Тенденция номер четыре...»

В этом месте Росс выключила магнитофон.

— Это нам ничего не даст, — сказала она.

Эллис и Моррис ничего не ответили, в глазах у обоих явно была видна усталость.

Росс посмотрела на составленный ею перечень.

Бенсон приехал домой в 12.30. Взял из дому чертежи (?), пистолет (?) и набор инструментов. Бенсон не бывал в последнее время в «Американском зайце». Бенсона раздражал компьютер, установленный в июле 69-го в клинике университета.

— Есть идеи? — спросил Эллис.

— Нет, — ответила Росс, — но, думаю, кто-то из нас должен поговорить с Макферсоном.

Она посмотрела на Эллиса, который кивнул головой без всякого энтузиазма. Моррис еле заметно пожал плечами.

— Хорошо, — сказала Росс. — Это сделаю я.

Была половина пятого утра.

— Дело в том, — говорила Росс, — что мы исчерпали все свои возможности. А время выходит.

Макферсон с мрачной усталостью глядел на нее из-за своего стола.

— Что, по-вашему, я должен сделать?

— Известить полицию.

— Полиции все известно. Один из полицейских с самого начала все доложил своему начальству. Насколько мне известно, восьмой этаж сейчас прямо кишит полицейскими.

— Но полиция не знает об операции.

— Ради Бога, это ведь полиция привезла его сюда на операцию. Конечно, они все знают.

— Но они не знают, в чем она заключается.

— Они и не спрашивают.

— И они ничего не знают о компьютерном прогнозе на шесть утра.

— Ну и что? — спросил Макферсон.

Росс начала злиться на его ослиное упрямство. Ведь он прекрасно знает, что она имеет в виду.

— Думаю, отношение полиции было бы другим, знай они, что в шесть утра у Бенсона начнется припадок.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Макферсон, грузно поворачиваясь в кресле. — Они тогда, пожалуй, перестанут думать о нем как о сбегавшем преступнике, которого ищут по обвинению в нападении на людей. И начнут относиться к нему как к сумасшедшему убийце с проводами в голове. — Он вздохнул.

— Пока что их цель — задержать его. Если мы им скажем что-нибудь еще, они постараются пристрелить его.

— Но ведь могут пострадать невинные люди. Если прогноз...

— Прогноз — это всего лишь прогноз, — сказал Макферсон. — Тем более компьютерный. Нужно иметь несколько серий стимуляций, чтобы судить о его достоверности. Через три графических точки можно провести множество кривых и экстраполировать много различных вариантов. И у нас нет никаких причин считать, что перестимуляция должна произойти именно в шесть часов. Если на то пошло, она может не наступить вообще.

Росс оглядела стены кабинета, увешанные графиками. Все помыслы Макферсона о будущем отделения выражались в виде многоцветных, тщательно вычерченных кривых линий.

Она знала, что значат для него эти графики; знала, что значит для него НПК; знала, что значит для него Бенсон. Но даже с учетом всего этого позиция Макферсона была безответственной и безрассудной.

Но как ему об этом сказать?

— Послушайте, Джанет, — заговорил Макферсон. — Вы вот сказали, что все наши возможности исчерпаны. Это не так. У нас, пожалуй, есть еще возможность — подождать. Думаю, нельзя исключать вероятность, что он вернется в клинику, чтобы продолжить лечение. И пока такая вероятность существует, я предпочитаю ждать.

— То есть вы не будете звонить в полицию?

— Нет.

— Но если он не вернется и во время припадка упадет на кого-нибудь? Неужели вы в самом деле хотите за это отвечать?

— Мне и так уже придется отвечать, — ответил Макферсон, печально улыбаясь.

Было пять часов утра.

Все они устали, но никто не мог заснуть. Они сидели в «Телекомпе», наблюдая, как компьютер вычерчивает дюйм за дюймом кривую прогноза перестимуляции. Было 5.30 утра, но, пока они наблюдали, стало 5.45.

Эллис выкурил уже целую пачку сигарет и отправился за другой. Моррис глядел в журнал, который держал в руках, но ни разу не перевернул страницы; время от времени он бросал взгляд на настенные часы.

Росс, расхаживая по комнате, наблюдала, как алеет край неба на востоке.

Вернулся с сигаретами Эллис.

Герхард оторвался от компьютера, чтобы приготовить свежий кофе. Моррис стоял, рассеянно наблюдая за действиями Герхарда.

Росс отчетливо слышала тиканье часов на стене. Странно, как она не замечала эти довольно громкие звуки раньше. И раз в минуту с механическим щелчком минутная стрелка переходила на следующее деление. Этот звук беспокоил Росс. Внутренне напрягаясь, она ожидала этого щелчка, более громкого по сравнению с секундным тиканьем.

«Легкая форма идеи фикс», — подумала Росс и начала припоминать другие известные ей формы психических патологий: дежа вю — чувство, что ты уже был здесь раньше; деперсонализация личности — когда ты, находясь в обществе людей, наблюдаешь себя как бы со стороны, из угла комнаты; галлюцинации, страхи.

Четкой грани между здоровьем и недугом, ясностью ума и помешательством не было. Все это было словно спектр, и для любого человека нашлось бы место в той или иной его области. И в какой бы области этого спектра ни находиться, другие люди будут казаться тебе странными. Бенсон казался странным им; но, безусловно, и они казались странными Бенсону.

В шесть утра все стояли, напряженно глядя на часы. Ничего не происходило.

— Может быть, в 6.04, если уж точно, — сказал Герхард.

Они ждали. Но и в 6.04 ничего не произошло. Ни телефонных звонков, ни посыльных. Ничего.

Эллис снял с сигаретной пачки целлофан и скомкал его. От этого звука Росс захотелось закричать. Эллис принялся играть целлофаном, то расправляя его, то комкая, то опять расправляя. Росс стиснула зубы.

Часы показали 6.10, затем 6.15. В комнату вошел Макферсон.

— Отсутствие плохих новостей — хорошая новость, — сказал он, мрачно улыбаясь, и вышел. Остальные уставились друг на друга.

Прошло еще пять минут.

— Не знаю, — сказал Герхард, глядя на экран. — Возможно, что прогноз вообще неверный. Ведь у нас только три экстраполяционных точки. Может быть, попробуем с другой кривой?

Он снова уселся за работу. На зеленом поле дисплея заплясали белые кривые альтернативных вариантов.

Наконец Герхард остановился.

— Нет, — сказал он. — Компьютер упорно возвращается к изначальной кривой. Так что это она и есть.

— Ну, тогда компьютер ошибается, — сказал Моррис. — Уже почти полседьмого. Кафетерий сейчас откроется. Кто-нибудь пойдет завтракать?

— Хорошая мысль, — сказал Эллис, вставая. — А ты как, Джанет?

Она покачала головой:

— Подожду здесь немного.

— Вряд ли что-то случится, — сказал Моррис. — Лучше сходи позавтракай.

— Я остаюсь ждать.

— Хорошо, хорошо, — сказал Моррис, поднимая вверх руки. Он взглянул на Эллиса, и оба они ушли. Она осталась с Герхардом.

— Есть ли какой-нибудь допуск у этой кривой? — спросила она.

— Да, — ответил Герхард. — Но уже израсходован. Он составлял плюс-минус две минуты с вероятностью 0,99.

— Ты имеешь в виду, что приступ должен был произойти между двумя и шестью минутами седьмого?

— Да, приблизительно. — Он пожал плечами. — Но, очевидно, ничего не произошло.

— Это может не сразу обнаружиться.

— Возможно, — кивнул головой Герхард. Но чувствовалось, что он в это не верит.

Росс вернулась к окну. Солнце уже встало, окрашивая край неба в бледный красноватый цвет. И почему восходы всегда бледнее, слабее, чем закаты? Они должны, по идее, быть такими же.

У себя за спиной она услышала гудки.

— О, — сказал Герхард.

Она повернулась:

— Что это?

Герхард указал на стоящую в углу на полке маленькую металлическую коробочку, подсоединенную к телефону. На коробке горела зеленая лампочка.

— Что это? — повторила Росс.

— Это специальная линия, — пояснил Герхард. — Круглосуточный речевой информатор о «собачьем ярлыке».

Росс бросилась и сняла трубку телефона. Оттуда раздавался размеренный, отчетливый голос:

«...тело не должно подвергаться никаким повреждениям и кремации до извлечения из него источника атомной энергии. Повреждение источника влечет опасность радиоактивного заражения. Подробную информацию...»

Она повернулась к Герхарду:

— Как это выключить?

Он нажал кнопку на коробке.

— Алло, — сказала Росс.

После небольшой паузы мужской голос спросил:

— С кем я разговариваю?

— Это доктор Росс.

— Вы имеете отношение, — мужчина сделал короткую паузу, — к исследовательскому центру нейропсихиатрии?

— Да.

— Тогда возьмите карандаш и бумагу, я хочу, чтобы вы записали адрес. Это с вами говорит капитан Андерс из полиции Лос-Анджелеса.

Она жестом попросила Герхарда дать что-нибудь пишущее.

— А в чем дело, капитан?

— Совершено убийство, — ответил Андерс, — и в связи с этим у нас есть несколько вопросов.

6 Три патрульных машины стояли у фасада жилого дома на бульваре Сансет. Огни полицейских машин уже собрали толпу, несмотря на ранний час и утреннюю прохладу. Росс припарковала свою машину и направилась ко входу в здание. Ее остановил молоденький полицейский:

— Вы тут проживаете?

— Я доктор Росс. Мне звонил капитан Андерс.

— Четвертый этаж, налево, — сказал полицейский, пропуская ее.

Толпа с любопытством наблюдала, как она пересекала вестибюль и вызвала лифт. «Интересно, что они обо мне думают?» — пронеслось в голове у Росс.

Вестибюль здания озарялся красными вспышками от мигающих огней полицейских машин. Наконец пришел лифт и двери открылись.

Изнутри лифт был отделан пластиковыми панелями под дерево, липкими на ощупь. На полу лежал изношенный зеленый коврик, невообразимо загаженный животными.

Росс с нетерпением ожидала, когда же наконец откроются двери лифта. Она знала подобные жилища — полные насекомых, наркотиков, подозрительных элементов без определенного рода занятий. И снимают подобные жилища обычно ненадолго, оплачивая чаще всего лишь текущий месяц.

Она вышла из лифта и пошла к стоящей в коридоре группе полицейских. Дорогу ей опять преградил полицейский, но когда она объяснила, что идет к капитану Андерсу, полицейский провел ее в квартиру, предупредив, чтобы она ни к чему не прикасалась.

Однокомнатная квартира была обставлена в псевдоиспанском (по крайней мере, так подумала Росс) стиле. Человек двадцать в комнате собирали пыль, фотографировали, измеряли, делали записи. Представить, как тут все было до приезда полиции, было попросту невозможно. Андерс оказался молодым мужчиной, лет тридцати пяти, одетым в строгий темный костюм. У него были длинные волосы, спадавшие на воротник рубашки, и очки в роговой оправе. Он больше походил на профессора, чем на сложившийся у людей стереотип полицейского, и это было довольно неожиданно. Он спросил мягким голосом:

— Вы доктор Росс?

— Да.

— Капитан Андерс. — Его рукопожатие было энергичным. — Благодарю за то, что приехали. Тело находится в спальне, и там же следователь прокуратуры.

Он провел Росс в спальню. На кровати лежал труп девушки лет двадцати, абсолютно голой, с проломленной головой и многочисленными ранами на теле.

Кровать была в крови. Все в комнате тошнотворно-сладковато пахло кровью и находилось в беспорядке: стул возле туалетного столика перевернут, косметика и духи рассыпаны и разлиты по ковру, ночная лампа разбита. В комнате трудилось шесть человек, в том числе и эксперт судебной медицины. Он оформлял протокол о смерти.

— Это доктор Росс,— пояснил Андерс.— Расскажите ей суть дела.

Доктор мотнул головой в сторону убитой:

— Зверская расправа, как видите. Сильный удар в область левого виска, вызвавший немедленную потерю сознания. В качестве оружия использовалась вот та разбитая лампа, на ней остались волосы убитой и следы крови той же группы, что и у жертвы.

Росс взглянула на лампу, затем обратно на тело:

— А колотые раны?

— Это потом, почти наверняка уже после смерти. Она была убита ударом в голову.

Росс посмотрела на голову убитой, разможенной с одной стороны так, что она напоминала спущенный футбольный мяч, с искаженными чертами того, что когда-то было хорошеньким личиком.

— Обратите внимание,— сказал доктор, подходя к убитой ближе,— что она только наполовину успела наложить косметику. Скорее всего, она сидела за туалетным столиком, вон там, и приводила себя в порядок. Удары были нанесены сверху и сбоку, опрокинули ее со стула, рассыпали всю эту мазню. Потом ее подняли,— доктор поднял руки и скорчил гримасу, изображая усилия по переносу невидимого тела,— и перенесли на кровать.

— Перенес кто-то достаточно сильный?

— О, да! Мужчина, наверняка.

— Почему вы так думаете?

— Лобковые волосы в сливном отверстии душа. Мы нашли две разновидности волос: одни принадлежат ей, другие — мужчине. У мужчин волосы на лобке, как вам известно, более курчавые и менее эллиптические в поперечном сечении, чем у женщин.

— Нет,— сказала Росс,— мне это неизвестно.

— Ну, я могу вас проконсультровать, если желаете,— ответил доктор.— Также очевидно, что до убийства они занимались любовью — мы нашли следы спермы. Очевидно, мужчина после полового акта пошел принять душ, затем вышел и убил ее.

Росс кивнула головой.

— Итак, ее ударили в голову, затем подняли и перенесли на кровать. В это время крови было еще немного — не было совсем, если не считать кровь на туалетном столике и на ковре. Но затем убийца берет какой-то инструмент и наносит ей несколько колотых ран в живот. Наиболее глубоки раны в лобковую область, воз-

можно, при этом убийца руководствовался какими-либо сексуальными мотивами. Но с нашей стороны это только предположения.

Росс молча кивнула головой. Она не собиралась говорить больше, чем это требовалось, и только подошла ближе к убитой, чтобы осмотреть колотые раны. Они были небольшие, пунктирообразные, возле каждой раны часть кожи треснула.

— Вы нашли оружие?

— Нет,— ответил доктор.

— А что это, по-вашему, было?

— С уверенностью не могу сказать. Что-то не очень острое, но достаточно твердое; чтобы сделать такие раны относительно тупым предметом, нужно было приложить порядочные усилия.

— Еще один аргумент в пользу мужчины,— сказал Андерс.

— Да. Думаю, что это был железный предмет типа тупого перочинного ножа, или металлической линейки, или отвертки. Что-то в этом роде. Но что здесь действительно интересно, так вот это.— Доктор показал на левую руку убитой, испещренную многочисленными ранами.— Видите, он колот ее в живот, а затем принялся за руку, нанося удары чисто механически. Обратите внимание: когда он переходил к руке убитой, он все равно продолжал наносить удары по простыне и одеялу. Вот дырки,— указал доктор.— На мой взгляд, это было совершенно бессмысленное, механическое нанесение ударов. Убийца, не соображая, наносил и наносил удары, словно машина.

— Точно,— сказала Росс.

— Мы полагаем,— сказал доктор,— что убийца находился в состоянии транса. Но мы не знаем, что это был за транс: функциональный или органического происхождения, натуральный или искусственно вызванный. Но раз девушка свободно впустила убийцу к себе, значит, он впал в транс уже в квартире.

Росс почувствовала, что доктор рисуется, и это ее разозлило. Нашел время корчить из себя Шерлока Холмса! Андерс передал Росс маленький металлический жетон.

— Когда мы осматривали место преступления, то нашли вот это.

Росс перевернула на ладони жетон.

«У меня имплантированный атомный стимулятор. Прямое физическое вмешательство или огонь могут по-

вредить капсулу и вызвать утечку токсичных веществ. В случае повреждения или смерти звоните в отделение нейропсихиатрии, тел. (213) 652-1134».

— Поэтому мы вам и позвонили,— сказал Андерс, внимательно за ней наблюдавший.— Мы вам рассказали, что нам известно, теперь — ваша очередь.

— Имя убийцы — Гарри Бенсон,— сказала Росс.— Ему тридцать четыре года, и он страдает психомоторной эпилепсией.

— О черт,— сказал доктор, хрустя пальцами.

— А что такое психомоторная эпилепсия? — спросил Андерс.

В этот момент в комнату вошел полицейский в штатском.

— Мы выяснили с отпечатками пальцев,— сказал он.— Они значатся в базе данных министерства обороны. У этого парня броня с 1968 года и по сей день. Его зовут Гарри Бенсон, и он живет в Лос-Анджелесе.

— Почему у него броня? — спросил Андерс.

— Вероятно, потому, что он программист,— ответила Росс.

— Правильно,— сказал полицейский в штатском.— Последние три года занимается компьютерными разработками.

Андерс делал пометки.

— Известно, какая у него группа крови?

— Да.

Росс повернулась к доктору:

— А что известно насчет девушки?

— Зовут Дорис Блэнкфурт, на сцене выступает под именем Анжела Блэк. Возраст — двадцать шесть лет, проживала на этой квартире шесть недель.

— А чем она занималась?

— Танцовщица.

Росс кивнула головой.

— А что, это имеет какое-то значение? — спросил Андерс.

— У него был пунтик насчет танцовщиц.

— Тянуло к ним?

— Тянуло и отталкивало,— ответила Росс.— Это довольно сложный вопрос.

Андерс посмотрел на нее с любопытством. Или он полагал, что она водит его за нос?

— И у него какой-то вид эпилепсии?

— Да. Психомоторная эпилепсия.

Андерс продолжал записывать.

— Мне нужны некоторые пояснения, — сказал он.

— Да, конечно.

— И описания, рисунки...

— Я вам все предоставлю.

— ...как можно скорее.

Росс кивнула. Ее первоначальное побуждение сопротивляться полиции, отказаться от сотрудничества с ней исчезло. Она все глядела на девушку с проломленным черепом. И представила себе всю внезапность и свирепость нападения. Она посмотрела на часы:

— Сейчас полвосьмого. Я еду обратно в клинику, но по пути заеду домой умыться и переодеться. Мы можем встретиться у меня или в клинике.

— Лучше у вас, — сказал Андерс, — я здесь минут через двадцать закончу.

— Хорошо, — сказала Росс и дала ему свой адрес.

7 Душ придал ей бодрости, горячая вода жалила и колола все ее обнаженное тело. Она расслабилась, закрыла глаза и вдыхала пар. Ей всегда нравился душ, хотя она и знала, что это мужская черта характера. Доктор Рамос как-то заметил, что мужчины более склонны принимать душ, женщины — ванны. Она же считала, что это чужья собачья. Стереотипы на то и существуют, чтобы их ломать; она же представляет собою личность.

Позже она узнала, что душ применяют для лечения шизофреников. От контрастного душа они иногда успокаиваются.

«И ты подумала, что ты шизофреничка», — рассмеялся тогда доктор Рамос. А смеялся он редко, Росс иногда старалась его рассмешить, но безуспешно.

Она завернула кран и выбралась из душа, закутываясь в полотенце. Затем протерла ванное зеркало и взглянула на себя.

— Видок хуже некуда, — покачала она головой, и отражение в зеркале сделало то же самое.

Вода смыла тушь с ее ресниц — единственное косметическое средство, к которому она прибегала. И теперь глаза казались маленькими и усталыми.

Когда она общалась сегодня с доктором Рамосом? И сегодня ли? Какой сегодня вообще день? Не сразу она вспомнила, что сегодня пятница. Она не спала уже, по крайней мере, сутки, и все симптомы бессонницы, которые она помнила еще со времен своей интернатуры,

THEY ARE OF THE SAME KIND AS THE OTHERS WHOSE NAMES ARE KNOWN

были налицо: изжога, тупая боль по всему телу, замедленные, беспорядочные мысли. Ужасные ощущения.

Она знала, что будет дальше. В ближайшие четыре или пять часов она начнет грезить о сне. Она поневоле будет думать о кровати, мягком матрасе, на котором могла бы лежать. Она будет мечтать о том сладостном ощущении, которое предшествует погружению в сон.

Она надеялась, что Бенсона вскоре отыщут. Зеркало опять запотело от пара, и она протерла его рукой, а также открыла дверь, чтобы впустить в ванную прохладный воздух. Она заново накладывала тушь на ресницы, когда услышала звонок у входной двери.

Это, должно быть, Андерс. Она оставила входную дверь незапертой.

— Открыто,— крикнула она, и продолжала накладывать тушь. Покончив с одним глазом, она остановилась передохнуть.

— Если хотите кофе, то вскипятите воду на кухне,— крикнула она. Затем справилась со вторым глазом, туше затянула полотенце вокруг тела и выглянула в коридор.— Нашли, что вам нужно? — спросила она.

В коридоре стоял Гарри Бенсон.

— Доброе утро, доктор Росс,— сказал он дружелюбно.— Надеюсь, я пришел в подходящее время.

Даже страшно, до чего она перепугалась. Он протянул руку, и она почти машинально пожала ее. Страх полностью завладел ею. Почему она испугалась? Она хорошо знала Бенсона; они и до этого много раз оставались наедине, и никогда она не боялась.

В какой-то степени страх был обусловлен неожиданностью увидеть его здесь. И тем, что Бенсон увидел ее отнюдь не как лечащего врача, а завернутой в полотенце, с еще не просохшими мокрыми ногами.

— Подождите минутку, я что-нибудь надену,— сказала Росс.

Бенсон вежливо кивнул и прошел в гостиную. Она закрыла дверь спальни и, тяжело дыша, словно после продолжительного бега, села на кровать.

«Стрессовое состояние»,— подумала она, но классифицировать свое состояние было не время.

Она вспомнила пациента, который однажды закричал на нее в прострации:

— Не говорите, что у меня депрессия! У меня отчаяние!

Росс прошла в туалет и натянула на себя первое попавшееся платье. Затем вернулась в ванную заглянуть

в зеркало и после этого, глубоко вздохнув, вышла к Бенсону.

Он стоял в центре комнаты, выглядя смущенным и неловким. Росс увидела свою гостиную заново, глазами Бенсона: современная, стерильная, чуждая обстановка. Современная мебель из хромированного металла и черной кожи, современная живопись на стенах; все современное, блестящее, машинноподобное, словом, абсолютно чуждое.

— Никогда от вас такого не ожидал, — произнес Бенсон.

— Мы с вами, Гарри, опасаемся разных вещей, — сказала Росс, стараясь говорить непринужденно. — Хотите кофе?

— Нет, спасибо.

Он был аккуратно одет, в пиджаке и галстуке, но только его черный парик был слегка сдвинут набок. Выдавали Бенсона и глаза: усталые, отрешенные — глаза человека, валящегося с ног от усталости. Росс вспомнила, как погибали крысы от чрезмерных положительных стимуляций. Под конец они лежали, вытянув лапы на полу клетки, изнуренные, не в силах даже поползти и еще раз нажать кнопку, дающую им удовольствие.

— Вы здесь одна? — спросил Бенсон.

— Да.

На левой щеке у него, прямо под глазом, был небольшой синяк. Росс посмотрела на его бинты. Они были еле заметны, всего лишь белая полоска между краем парика и воротом рубашки.

— Что-нибудь не так? — спросил Бенсон.

— Нет, все нормально.

— Вы, кажется, встревожены, — голос Бенсона выражал искреннее сочувствие. Возможно, у него только что была стимуляция. Она вспомнила, как во время тестовых стимуляций, до инициирования интерфейса, он начинал проявлять к ней повышенный сексуальный интерес.

— Нет... я ничем не встревожена, — улыбнулась Росс.

— У вас очень симпатичная улыбка, — сказал Бенсон.

Она взглянула на его одежду в поисках следов крови. После зверской расправы над девушкой он должен был бы быть в крови по уши; однако никаких следов крови не было. Возможно, после убийства девушки он вновь принял душ и переоделся.

— Что же, — сказала Росс, — я выпью кофе.

Она прошла на кухню с чувством некоторого облег-

чения. В кухне, подальше от Бенсона, было все-таки спокойнее. Она поставила чайник на конфорку, зажгла огонь и на минуту задумалась. Ей надо взять себя в руки. Надо контролировать ситуацию.

Странным было то, что хотя она и была испугана внезапным появлением Бенсона у нее дома, на самом деле она не очень удивилась его приходу. Некоторые психомоторные эпилептики пугаются своего собственного насилия.

Но почему он не вернулся в клинику? Она вышла в гостиную. Бенсон стоял возле широких окон, рассматривая раскинувшийся на много миль во все стороны город.

— Вы сердитесь на меня? — спросил он.

— Сердиться? За что?

— За то, что я сбежал.

— А почему вы это сделали, Гарри? — разговаривая, Росс чувствовала, как уверенность, самообладание возвращаются к ней. С этим человеком можно справиться. Это ее профессия, если на то пошло. Она оставалась одна на один с пациентами поопасней Бенсона.

Она вспомнила полугодовой период своей работы в федеральной клинике Камерон, где она имела дело с сумасшедшими убийцами-рецидивистами — милая такая, леденящая кровь компания!

— Почему? Потому. — Бенсон улыбнулся и сел на стул. Поерзав на нем, поднялся и сел на диван.

— У вас такая неудобная мебель. И как вы только живете в таком неудобстве?

— Мне нравится.

— Но это же неудобно.

Он посмотрел на нее с вызовом.

Росс опять пожалела, что встреча произошла в таком неподходящем месте. Эта современная обстановка могла спровоцировать Бенсона на агрессивные действия.

— Как вы меня отыскиали, Гарри?

— Вас удивляет, откуда я знаю ваш адрес?

— Да, немного.

— Я был предусмотрителен, — ответил Бенсон. — Перед тем как лечь в больницу, я узнал, где живете вы, где живут Эллис и Макферсон. Я разузнал адреса всех.

— Зачем?

— На всякий случай.

— И что вы собираетесь делать?

Бенсон не ответил. Вместо этого он поднялся и, по-

дойдя к окну, принялся разглядывать панораму города.

— Они ведь меня там разыскивают,— сказал он.— Правда?

— Да.

— Но им меня не найти. Город слишком велик.

На кухне засвистел чайник. Росс извинилась и пошла делать кофе. Ее глаза обшарили кухню в поисках чего-нибудь тяжелого. Эллис никогда не простит ей, но...

— У вас эта картина,— раздался голос Бенсона,— с цифрами. Кто ее нарисовал?

— Один человек по имени Джонс.

— И почему этот человек рисует цифры? Цифры существуют для машин.

Она размешала растворимый кофе, добавила молока и вернулась в гостиную.

— Гарри...

— Нет, в самом деле. А поглядите на это. Что он хотел этим сказать? — Он постучал костяшками пальцев по другой картине.

— Гарри, подойдите и сядьте.

Он пристально посмотрел на нее, затем подошел и сел на кушетку напротив Росс. Он выглядел напряженным, но вдруг блаженно заулыбался. На какое-то мгновение его зрачки расширились. «Получил стимуляцию,— подумала Росс.— Господи, что же можно предпринять?»

— Гарри,— спросила она,— что произошло?

— Не знаю,— ответил все еще расслабленный Бенсон.

— Вы ушли из клиники.

— Да, я убежал оттуда в медицинской одежде. Это все я придумал, а Аижела меня поджидала с машиной.

— А потом?

— Потом мы поехали ко мне. Я довольно сильно нервничал.

— Почему вы нервничали?

— Ну, видите, я же знаю, чем все это закончится. Она не совсем понимала, что именно он имеет в виду.

— Что значит «все это закончится»?

— А затем мы поехали к ней, а там пили и занимались любовью, и тогда я сказал ей, как все это кончится. Это было, когда она испугалась. Хотела позвонить в больницу, сказать им, где я нахожусь... — Бенсон запнулся, отвлеченно глядя перед собой...

Росс не собиралась искушать судьбу. У Бенсона прошла стимуляция, и он мог не помнить убийства девуш-

ки. Но ей нужно было, чтобы Бенсон продолжал говорить.

— Почему вы ушли из клиники, Гарри?

— Это было днем,— сказал он, разворачиваясь к Росс.— Днем. Я лежал в постели и неожиданно понял, что все они заботятся обо мне, заботятся, обслуживают меня, словно машину. И это меня испугало.

Какой-то далекой от действительности, академичной, медицинской частью своего «я» Росс поняла, что ее опасения подтвердились. Паранойя Бенсона насчет машин происходила от подсознательного страха оказаться в зависимости, утратить способность твердо стоять на ногах. И Бенсон говорил буквальную правду, заявляя, что он испугался, когда за ним ухаживали. А люди обычно ненавидят то, чего боятся,

Но тогда Бенсон зависим от нее. И как он теперь на это отреагирует?

— Вы все лгали мне,— сказал он вдруг.

— Никто вам не лгал, Гарри.

Он начал сердиться:

— Нет, лгали, и вы...

Он замолчал и опять заулыбался. Зрачки резко расширились: произошла стимуляция.

Затем снова значительно сузились. Вскоре он «опрокинется».

— Знаете что? Это самое замечательное ощущение на свете,— сказал он.

— Какое ощущение?

— А такое жужжание.

— Это так вы его ощущаете?

— Как только все начинает портиться — ж-жик! — и опять все прекрасно,— сказал Бенсон.— Приятная теплота и чувство счастья.

— Это стимуляция,— сказала Росс.

Она подавляла желание посмотреть на часы. Что же там случилось? Андерс обещал быть через двадцать минут, но ведь что-то могло задержать его. И даже если б он приехал, еще вопрос, справился ли бы он с Бенсоном. Вышедший из-под контроля психомоторный эпилептик — ужасная вещь. Скорее всего Андерс пристрелил бы его или, по крайней мере, попытался бы. А она этого не хотела.

— Но знаете что еще? — продолжал Бенсон.— Это жужжание не всегда приятно. Когда оно становится слишком громким, оно... удушает.

— А сейчас оно становится громче?

— Да,— ответил он, улыбаясь.

В этот момент, глядя на улыбающегося Бенсона, Росс наконец с ужасом осознала всю полноту своей беспомощности. Все, чему ее до этого учили: управление пациентами, направление их потока мыслей, слежение за речью больного,— здесь было бесполезным. Словесные маневры не сработают, не помогут ей, как они не помогли бы больному бешенством или опухолью мозга. У Бенсона проблема физического характера, он в плену у машины, которая неумолимо, безжалостно толкает его к припадку. От разговоров вживленный в Бенсона компьютер не заработает по-другому.

Единственное, что она может делать,— это доставить Бенсона в клинику. Но как? Она попыталась воззвать к его разуму:

— Вы понимаете, Гарри, что происходит? Стимуляции перегружают вас, толкают к приступу.

— Зато это очень приятно.

— Вы же говорили, что это не всегда так.

— Да, не всегда.

— Почему же вы не хотите, чтобы это исправили?

— Исправили? — переспросил Бенсон.

— Починили. Так, чтобы у вас больше не было приступов,— Росс старалась осторожно подбирать слова.

— Значит, вы думаете, что я нуждаюсь в ремонте?

Эта фраза в устах Бенсона — традиционная фраза хирургического лексикона — напомнила ей об Эллисе.

— Гарри, это улучшит ваше самочувствие.

— Я себя прекрасно чувствую, доктор Росс.

— Но, Гарри, когда вы пришли к Анжеле...

— Я ничего такого не помню.

— Вы поехали туда после того, как ушли из клиники.

— Я ничего не помню. У меня запоминающее устройство повреждено, информация стерлась. Только помехи остались. Можете вставить в магнитофон и прослушать, если желаете.— Бенсон открыл рот и издал свистящий звук.— Вот. Только помехи.

— Вы не машина, Гарри,— сказала Росс мягко.

— Пока еще нет.

Внутри у Росс похолодело, ее начинало подташнивать от нервного напряжения. И опять отвлеченная, медицинская часть ее разума отметила, что подобные ощущения, вызванные соответствующим эмоциональным состоянием, представляют, с профессиональной точки зрения, познавательный интерес. Она даже была довольна, что представилась возможность приобрести такой опыт.

Но она также сердилась на Эддиса и Макферсона, на все эти конференции, на которых старалась убедить, что имплантация компьютера Бенсону может только усугубить помутнение его рассудка. А они не обращали внимания на ее доводы. Вот бы их сейчас сюда, на ее место!

— Вы все хотите превратить меня в машину,— сказал Бенсон.— Все вы. И я борюсь с вами.

— Гарри...

— Не перебивайте меня! — Лицо его было напряженным, но вдруг расслабилось, расплылось в улыбке.

Еще одна стимуляция. Они происходят уже с интервалом всего лишь в несколько минут. Где же Андерс? Или хоть кто-нибудь?! Может быть, ей с криками о помощи выбежать в коридор? Или попытаться позвонить в клинику? Или в полицию?

— Здорово,— сказал Бенсон, продолжая улыбаться.— Это чувство все-таки здорово. Вряд ли что-то есть лучше. Я хотел бы пребывать в этом состоянии всегда, беспрестанно.

— Гарри, я хочу, чтобы вы попробовали расслабиться...

— А я расслаблен. И разве этого вы на самом деле хотите, а?

— А чего же я хочу, по-вашему?

— Вы хотите сделать из меня хорошую машину. Чтобы я слушался своих хозяев, исполнял их приказы. Разве не этого вы хотите?

— Вы не машина, Гарри.

— И никогда ею ~~не~~ буду,— его улыбка исчезла.— Никогда. Ни за что.

Росс глубоко вздохнула:

— Гарри, я хочу, чтобы вы вернулись в больницу.

— Нет.

— Мы можем улучшить ваше самочувствие.

— Нет.

— Мы заботимся о вас, Гарри.

— Заботитесь обо мне,— хмыкнул Бенсон.— Вы заботитесь не обо мне. Вы заботитесь о своем эксперименте. О том, как оформить данные своего исследования. И вы хотите, чтобы эксперимент был доведен до конца. Так что не обо мне вы заботитесь.

Он становился взволнованным и злым.

— И будет плохо выглядеть, если вам придется сообщать в своих медицинских журналах, что у одного из ваших пациентов после операции «поехала крыша» и по-

лиции пришлось пристрелить его. Это будет совсем плохо выглядеть.

— Гарри...

— Я знаю,— сказал Бенсон, вытягивая руки перед собой.— Час назад мне стало плохо. Потом, когда я очнулся, я увидел кровь у себя под ногтями. Кровь. Я знаю.— Он пристально глядел на свои руки, поворачивая их, чтобы видеть ногти, потом прикоснулся к своей повязке.— Операция должна была меня вылечить,— уточнил он.— Но ничего не вышло.

И затем совсем неожиданно он расплакался. Его лицо казалось спокойным, но по щекам текли слезы.

— Не вышло,— повторял он.— Не понимаю почему, но не вышло.

И так же внезапно заулыбался. Опять стимуляция. После предыдущей прошло менее минуты. Росс знала, что в ближайшие мгновения он может «сорваться».

— Я никого не хочу обидеть,— сказал Бенсон, жизнерадостно улыбаясь.

Росс чувствовала жалость к нему и переживала о случившемся.

— Я понимаю,— сказала она,— давайте вернемся в клинику.

— Нет, нет...

— Я поеду с вами. Я все время буду рядом с вами. И все будет хорошо.

— Не спорьте со мной! — Бенсон вскочил на ноги, сжав кулаки и свирепо глядя на Росс.— Я не собираюсь слушать...— Он замолчал, но не улыбался. Вместо этого он начал нюхать воздух.

— Чем это пахнет? — спросил он.— Ненавижу этот запах. Откуда он? Я ненавижу его, слышите, ненавижу!

Продолжая принюхиваться, он двинулся к Росс, протянул руки в ее сторону.

— Гарри...

— Ненавижу это ощущение,— сказал он.

Росс, вскочив с дивана, отпрыгнула в сторону.

Бенсон, не опуская рук, неуклюже преследовал ее.

— Я не хочу это чувствовать, не хочу,— повторял он, больше не принюхиваясь. Находясь уже в состоянии полного транса, он приближался к ней.

— Гарри...

Но Бенсон, с ничего не выражающим лицом, больше походил на автомат. С вытянутыми по направлению к Росс руками он двигался как во сне. Его движения были

замедленными, и Росс удавалось отступать, сохраняя дистанцию.

Вдруг Бенсон схватил тяжелую стеклянную пепельницу и запустил ею в Росс; она увернулась, и пепельница угодила в одно из окон, разбивая стекло. Бенсон в прыжке настиг Росс и по-медвежьи неуклюже, с невероятной силой обхватил ее руками.

— Гарри,— простонала Росс,— Гарри.— Она видела его лицо — оно по-прежнему ничего не выражало. Она ударила его ногой в пах, Бенсон заворчал и, согнувшись, закашлявшись, отпустил Росс. Она метнулась в сторону и схватилась за телефон. Бенсон все еще стоял согнувшись и кашлял.

— Коммутатор.

— Соедините меня с полицией.

— Вам нужна полиция Бёверли-Хиллз или полиция Лос-Анджелеса?

— Мне все равно.

— Хорошо, какую...

Она бросила трубку — Бенсон опять приближался к ней. Она слышала голос телефонистки в трубке: «Алло, алло!»

Бенсон вырвал телефон и швырнул его через всю комнату. Затем схватил торшер массивным основанием наружу и принялся размахистыми движениями со свистом рассекать им воздух. Росс поняла, что удар торшером убьет ее. Это вывело ее из оцепенения.

Она бросилась в кухню. Бенсон отшвырнул лампу и устремился вдогонку. В поисках ножа Росс лихорадочно выдвигала ящики, но нашла только маленький ножичек. Куда же, черт возьми, задевались большие ножи?!

Бенсон был уже в кухне. Росс, не целясь, швырнула в него горшок. Он попал в колено Бенсону, но это не остановило нападающего.

Отвлеченная часть сознания Росс тем не менее продолжала работать, подсказывая, что она действует неверно и что в кухне есть нечто такое, что можно использовать. Но что?

Руки Бенсона мертвой хваткой сомкнулись на шее Росс. Она пыталась разжать их, лягалась, дралась ногами, но Бенсон уворачивался от ударов, а затем опрокинул ее на кухонный стол.

Росс не могла ни двигаться, ни дышать. Перед глазами у нее поплыли голубые круги; легкие, лишенные доступа воздуха, готовы были разорваться. Ее руки судорожно скребли по поверхности стола в поисках чего-

нибудь, чем можно было бы ударить Бенсона. Но ничего не попадалось.

Кухня...

Росс неистово махала руками. Она нащупала корпус посудомоечной машины, переключатель микроволновой печи. Все вокруг Росс погрузилось в зеленую пелену, и по этому зеленому морюплыли, становясь все больше, синие круги. Росс предстояло умереть в собственной кухне.

Кухня, кухня, *опасность, таящаяся в кухне*. И когда она уже теряла сознание, ее озарила догадка.

Микроволны!

Она уже ничего не видела, пелена вокруг стала серой, но пальцы еще слушались ее. Они нащупали металлическую поверхность СВЧ-печи, ее стеклянную дверцу, затем вверх... вверх... к выключателю. Ей удалось повернуть ручку. Бенсон закричал. Его руки соскользнули с шеи жертвы, и она осела на пол. Бенсон продолжал дико кричать. Зрение медленно возвращалось к Росс, и она увидела стоящего перед нею Бенсона — кричащего, обхватившего голову руками. Он не обращал внимания на лежащую на полу, жадно хватающую ртом воздух Росс. Обхватив голову руками, с ревом, словно раненый зверь, Бенсон метался по кухне. Наконец, не переставая реветь, он выскочил из помещения.

И плавно, легко Росс погрузилась в беспамятство.

8 Синяки уже начинали проступать — длинные, багровые полосы по обеим сторонам шеи. Росс слегка прикоснулась к ним, глядя на себя в зеркало.

— Когда он ушел? — спросил Андерс. Он стоял в коридоре, ведущем в ванную, и смотрел на Росс.

— Не знаю. Я тогда была без сознания.

Андерс заглянул в гостиную:

— Ну и беспорядок здесь.

— Представляю.

— Почему он набросился на вас?

— У него был припадок.

— Но вы же его лечащий врач...

— Это не имеет значения, — сказала Росс. — Когда у него припадок, он неуправляем. Абсолютно. В таком состоянии он и родного ребенка смог бы убить. Такие случаи бывали.

Андерс нахмурился, задумавшись. Росс могла пред-

ставить трудности, с которыми столкнулся полицейский, пытаясь разобраться в поведении Бенсона.

Не видев хотя бы раз приступ психомоторной эпилепсии, невозможно представить всю эту безрассудную, звериную агрессивность. Это попросту не укладывается в сознание нормального человека. В обыденной жизни нет аналогичных или похожих явлений.

— Гм,— сказал наконец Андерс.— Но все же он вас не убил.

«Едва не убил,— подумала Росс, дотрагиваясь до синяков.— В ближайшие несколько часов они станут куда заметнее. Что с ними тогда делать? Запудрить? Но у нее нет пудры. Надеть свитер с высоким воротником?»

— Да,— ответила она.— Не убил. Попросту не смог.

— Что случилось?

— Я включила духовку.

Андерс выглядел озадаченным.

— А что, это средство от эпилепсии?

— Едва ли. Но это действовало на встроенную в Бенсона электронику. У меня микроволновая печь, и ее излучение срывает работу стимулятора. Сейчас это большая проблема для сердечников, имеющих кардиостимуляторы. «Опасность, подстерегающая в кухне». Этой проблеме посвящено много статей.

— Ого,— сказал Андерс.

Росс переоделась, а полицейский в это время вышел из комнаты позвонить по телефону. Росс выбрала черный свитер с высоким воротником и серую блузку, и, отступив назад, осмотрела себя в зеркале. Синяки удалось спрятать, но цвета ее одежды — черный и серый — были совсем не в ее стиле. Слишком угрюмо, слишком холодно и мертво. Она решила уже было переодеться, но не стала.

Она слышала, как Андерс в гостиной разговаривает по телефону. Затем пошла на кухню что-нибудь выпить — но только не кофе. Ей хотелось виски со льдом, и когда она готовила себе питье, то заметила длинные царапины от своих ногтей на деревянной поверхности стола. Взглянула на свою руку: три ногтя были сломаны — она этого раньше не заметила.

Росс добавила в бокал лед и пошла в гостиную.

— Да,— говорил Андерс в трубку.— Да, понимаю. Нет... не знаю. Хорошо, мы попробуем.— Потом он долго слушал собеседника.

Росс подошла к разбитому окну. Солнце уже встало, освещая висящую над домами темно-коричневую поло-

ску смога. «Вот уж где не доживешь до старости,— подумала Росс.— Надо будет подыскать квартиру на побережье, где воздух чище».

— Слушайте, вы,— сказал Андерс сердито в трубку,— ничего бы этого не случилось, если бы этот ваш дежурный-ублюдок не убежал от дверей палаты. Вам бы это лучше не забывать.

Росс услышала, как он бросил трубку на рычаг, и обернулась.

— Дерьмо,— сказал Андерс.— Политиканы.

— Даже в полиции это есть?

— В полиции особенно,— ответил он,— если что-то не так, сразу же начинают искать крайнего.

— Сейчас хотят сделать крайним вас?

— По крайней мере, попробовали.

Росс кивнула и подумала, как в подобных случаях поступали в клинике. Наверное, так же. Клинике необходимо поддерживать свою репутацию в обществе. Руководители служб пекутся о лице своих подразделений, директора беспокоят ассигнования. Кого-то сделают крайним. Макферсон для такой цели слишком значителен, она и Моррис — малы. Скорее всего это будет Эллис, ведь он ассистент профессора.

«Знает ли об этом он сам?» — подумала Росс. Совсем недавно он купил новый дом в Брейтвуде и очень этим гордился. На следующей неделе у него должно быть новоселье, и он пригласил к себе всех коллег по НПХ. Росс, задумавшись, глядела в разбитое окно.

— Послушайте, а что у эпилепсии общего с сердечными стимуляторами? — спросил Андерс.

— Ничего общего,— ответила Росс.— Разве только то, что у Бенсона стоит стимулятор мозга, очень похожий на кардиостимулятор.

Андерс раскрыл блокнот.

— Давайте лучше с самого начала,— сказал он.— И помедленнее.

— Хорошо.— Росс отставила бокал с виски.— Только сначала я позвоню.

Андерс кивнул и сел, ожидая, пока Росс переговорит с Макферсоном. Затем как можно более спокойно Росс объяснила полицейскому все, что ей было известно.

Макферсон в своем кабинете повесил трубку и задумчиво глядел в окно. Утро было теплым, солнце уже взошло и светило в полную силу.

— Это Росс,— сказал он наконец.

— И что? — спросил сидящий в углу Моррис.

— Бенсон приходил к ней домой. Она упустила его. Моррис вздохнул.

— Похоже, удача от нас отвернулась,— сказал Макферсон. Качая головой, он продолжал смотреть на солнце за окном.— Впрочем, в удачу я не верю,— сказал он, поворачиваясь к Моррису.— А вы?

Моррис устал и почти не слушал патрона.

— Что? — переспросил он.

— Верите в удачу?

— Конечно. Все хирурги верят в удачу.

— А я не верю,— повторил Макферсон.— И никогда не верил. Я всегда верил в планирование.— Он указал рукой на графики, висящие на стене, и задумался, глядя на них. Графики были большие, четырех футов шириной, и замысловато раскрашены в разные цвета.

Макферсон всегда ими гордился. В 1967 году, например, он занимался исследованиями в трех областях: концептуальной диагностике, хирургии и микроэлектронике — и пришел к выводу, что прогресс в каждой из этих областей позволит оперировать больных психомоторной эпилепсией в июле 1971 года. Операцию удалось провести на четыре месяца раньше, но все равно прогноз получился чертовски точным.

— Чертовски точным,— повторил он вслух.

— Что? — спросил Моррис.

Макферсон мотнул головой:

— Вы устали?

— Да.

— Думаю, мы все устали. А где Эллис?

— Готовит кофе.

Макферсон кивнул. Кофе — это хорошо. Он потер глаза, думая, когда, наконец, представится возможность поспать. Но пока Бенсона не поймут, такой возможности не будет, и трудно сказать, когда это произойдет, возможно, что и не сегодня.

Он опять посмотрел на графики. До сих пор все шло хорошо. Имплантация электродов — на четыре месяца раньше срока. Управление разумом с помощью компьютера — почти на девять месяцев раньше, но здесь вообще тоже есть проблема. Программы «Джорд» и «Марта» работают с ошибками. А «Форма Кью»?

Он покачал головой. Теперь «Форма Кью», возможно, никогда и не будет осуществлена, хотя была и остается его самым любимым проектом. Осуществление про-

граммы согласно графикам должно начаться в 1979 году, а испытания на человеке — в 1986-ом.

В 1986 году ему — если доживет — исполнится семьдесят пять, но это его не беспокоило.

Главное было в самой идее — идее, которая манила к себе все это время. «Форма Кью» будет логическим соединением всех ведущихся в НПХ работ. Разработка этой программы началась с проекта, названного в силу своей кажущейся невозможности «Формой Quixoticus». Но Макферсон верил, что это выполнимо, поскольку было нужно. С одной стороны, проблема заключалась в габаритах, с другой — в стоимости проекта.

Современный компьютер — скажем, цифровой Ай-Би-Эмовский компьютер третьего поколения — стоит несколько миллионов долларов. И потребляет огромное количество энергии. И занимает ужасающе много места. Несмотря на это, даже в самом большом компьютере электрических цепей не больше, чем извилин в мозгу у муравья. А чтобы сделать информационную вместимость такой же, как у человеческого мозга, потребовался бы компьютер величиной с громадный небоскреб.

Разумеется, при современном уровне технологии никто и не станет делать такой компьютер. Для этого должны быть найдены новые методы, и у Макферсона не было ни малейшего сомнения, что таковые будут найдены.

Ткани живого организма.

Теория достаточно проста. Компьютер, состоящий по аналогии с человеческим мозгом из отдельных функциональных ячеек — крошечных клеток того или иного назначения.

С годами размеры таких ячеек значительно уменьшатся. И они будут продолжать уменьшаться с развитием других областей микроэлектроники. Потребление энергии также значительно сократится.

Но все же размеры этих модулей никогда не будут соизмеримы с нейроном. Миллиард нейронов уместается в один кубический дюйм, и никогда человеку с его методами миниатюризации не достигнуть такой экономичности пространства. Точно так же никогда никаким методом не изобрести искусственный модуль, который потреблял бы столь же мало энергии, как нервная клетка.

Посему компьютеры надо строить на живых нервных клетках. Выращивать изолированные нервные клетки на тканевой культуре — уже дело осуществимое. В будущем станет возможным выращивать определенные ви-

ды нервных клеток, чтобы комбинировать их нужным образом.

И если такое будет выполнимо, то можно будет сделать компьютер объемом, скажем, в шесть кубических футов, но с емкостью во многие миллиарды нервных клеток. И потребление энергии таким компьютером, рассеиваемая им мощность также не будут чрезмерными.

Однако это будет самый совершенный и мощный интеллект на планете. «Форма Кью»...

Первоначальные этапы работ уже выполнялись в ряде лабораторий и федеральных исследовательских центров по всей стране, на эти работы были выделены деньги.

Но не это представлялось Макферсону наиболее волнующей перспективой. Создание суперинтеллектуального органического компьютера было для него лишь побочным эффектом. Идеей, по-настоящему занимавшей его, было создание чего-то вроде органического протеза для человеческого мозга. Ведь если будет создан органический компьютер — устройство, построенное на живых клетках и извлекающее энергию из обогащенной кислородом крови, значит, его можно будет трансплантировать в человека.

И тогда появится человек, у которого будет два мозга.

К каким последствиям это может привести? Макферсон едва ли представлял это. Конечно, возникнет бесчисленное множество проблем: проблемы взаимосвязи, проблемы размещения, проблемы соревнования искомого мозга с новым, трансплантированным. Но до 1986 года еще достаточно времени, чтобы решить эти задачи. В конце концов, в 1950 году большинство людей еще смеялось над идеей полета на Луну.

«Форма Кью». Пока что это только слабое видение на горизонте, но при надлежащем финансировании она стала бы явью. И до той поры, пока Бенсон не сбежал из клиники, Макферсон верил в осуществимость «Формы Кью». Теперь все изменилось.

В кабинет заглянул Эллис:

— Вы будете кофе?

— Да, — ответил Макферсон и посмотрел на Морриса.

— Нет, — сказал Моррис, поднимаясь со стула. — Я, пожалуй, пойду прослушаю еще раз записи бесед с Бенсоном.

— Хорошая идея, — сказал Макферсон, хотя на са-

мом деле он так не считал. Но он понимал, что Моррис должен чем-то занять себя — чем угодно, лишь бы только поддерживать работоспособность.

Моррис и Эллис ушли, и Макферсон остался наедине со своими разрисованными графиками и со своими мыслями.

9 Росс закончила беседу с Андерсом к середине дня и чувствовала себя очень усталой. От виски она стала спокойней, но еще более разбитой. К концу беседы она уже запиналась, теряла нить своих мыслей, говорила фразы, а затем начинала исправлять их, поскольку сказанное неточно выражало то, что она собиралась сказать. Никогда еще она не была такой утомленной, такой раздавленной усталостью.

К тому же Андерс был ужасающе настойчив.

— Как вы полагаете, где сейчас Бенсон? — спрашивал он. — Куда он мог направиться?

Росс качал головой.

— Это невозможно предсказать. Он сейчас в после-припадочном состоянии, и прогнозировать его поступки нельзя.

— Вы — его психиатр, — сказал Андерс, — и должны знать о нем довольно много. Нельзя ли на основании этих сведений предсказать, как он поступит?

— Нет, — ответила Росс. Господи, как она устала. И почему он никак не может понять? — Бенсон находится в нормальном состоянии. У него помутнение рассудка. Он на грани сумасшествия, к тому же почти непрерывно получает стимуляции, и частота припадков у него возросла. Он может поступить как угодно.

— Если у него помутнение рассудка, — гнул свое Андерс, — то как бы он мог поступить при помутнении рассудка? Как он стал бы себя вести?

— Послушайте, — сказала Росс. — Так не пойдет. Ваши расспросы ни к чему не приведут. Он может поступить как угодно.

— Хорошо, — сказал Андерс. Он кинул на Росс быстрый взгляд и отхлебнул кофе.

Да почему же он, ради Бога, не оставит ее в покое? Его желание понять психологию поступков Бенсона и на основании этого «вычислить» его до смехотворного нереально. К тому же всякому известно, чем это дело закончится. Кто-нибудь обнаружит Бенсона и пристрелит, и на этом конец. Даже Бенсон сказал.

Росс нахмурилась. А что он сказал? Что-то насчет того, как это все закончится. Какие именно слова он сказал? Она попыталась вспомнить, но не смогла. Она была тогда слишком испугана, чтобы запомнить такие детали.

— Тогда это задача из разряда неразрешимых, — сказал Андерс, вставая и подходя к окну. — В другом городе еще был бы какой-то шанс, но только не в Лос-Анджелесе. Не в городе площадью в пятьсот квадратных миль. Он больше, чем Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско и Филадельфия вместе взятые. Вы это знаете?

— Нет, — ответила Росс, едва слушая.

— Слишком много мест, где можно укрыться, — продолжал Андерс, — слишком много возможностей улизнуть, слишком много дорог, аэропортов, морских причалов. Если он не дурак, то он уже смылся в Мексику или Канаду.

— Он этого не сделает, — сказала Росс.

— А что он сделает?

— Вернется в клинику.

— Я думал, что вы не можете предугадать его поступки, — сказал Андерс после паузы.

— Это просто предчувствие, — сказала она. — И только.

— Поедем-ка лучше в больницу, — сказал Андерс.

НПХ выглядела как штаб во время боевых действий. Визиты к больным были отменены до понедельника; никто, за исключением полиции и персонала отделения, не допускался на пятый этаж. Но по тем или иным причинам все специалисты из «Развития» были здесь и сновали с испуганными лицами, очевидно, беспокоясь за финансирование исследований и свои рабочие места, над которыми нависла угроза. Телефоны звонили беспрерывно, в основном звонили из газет; Макферсон закрылся у себя в кабинете с руководством клиники. Эллис обругивал каждого, кто подходил к нему ближе десяти ярдов; Моррис куда-то вышел, и его не могли отыскать; Герхард и Ричардс пытались высвободить несколько телефонных линий, чтобы запустить компьютерный прогноз еще по одной машине, но все линии были заняты.

В отделении был настоящий кавардак: переполненные окурками пепельницы, на полу мятые бумажные стаканчики из-под кофе, повсюду недоеденные гамбургеры, пиджаки и медицинские халаты, наваленные на спинки стульев. И не перестающие звонить телефоны.

Стоило только положить трубку на рычаг, как телефон трезвонил снова.

Росс сидела в своем кабинете с Андерсом и читала оперативную полицейскую сводку, проверяя составленный для ввода в компьютер словесный портрет Бенсона.

Прочитав, вздохнула:

— Он не совсем соответствует вашим компьютерным категориям.

— Никто не подходит, — сказал Андерс. — Все, на что мы можем рассчитывать, — это что портрет достаточно точный, чтобы кто-нибудь опознал Бенсона. Мы также рассылаем его фотографню. Семьсот фотоснимков уже отпечатаны и распространены по городу. Это может помочь.

— А пока что? — спросила Росс.

— Будем ждать, пока вы не надумаете, где он может скрываться.

Росс покачала головой.

— Тогда будем ждать, — сказал Андерс.

10 Это было большое помещение с низкими потолками и стенами, покрытыми белым кафелем. Шесть столов из нержавеющей стали были расположены в один ряд, и от каждого стола в конец комнаты тянулся сточный желоб; тело Аижелы Блэк лежало на шестом столе. Два полицейских патологоанатома и Моррис занимались вскрытием тела. За свою жизнь Моррис видел не одно вскрытие, но вскрытия, на которых он присутствовал в качестве хирурга, обычно были не такими.

В данном случае патологоанатомы около получаса исследовали внешний вид тела и делали фотоснимки, прежде чем взяться за скальпель. Они внимательно изучили раны в области лобка, «протяженные рваные раны», как они их называли.

— Это значит, что раны нанесены тупым предметом, — пояснил один из патологоанатомов. — Орудие не разрезало кожу, а давило на нее и в итоге разорвало. После этого орудие проникло вглубь тела, но первоначальный разрыв все равно был замечен. Еще одним доказательством того, что орудие было тупым, являлось то, что, как заметили полицейские, в нескольких местах в глубь раны был вовлечен наружный волосяной покров.

— Что это мог быть за тупой предмет? — спросил Моррис.

— Пока еще неизвестно, — покачали головами полицейские. — Для этого надо исследовать проникновение.

Проникновение означало глубину, на которую орудие погрузилось в тело. Определить проникновение было задачей не из легких: кожа была эластичной и старалась вернуться в первоначальную форму, подкожные ткани подвергались сдвигу как до, так и после смерти. Дело продвигалось медленно. Моррис устал, у него болели глаза.

Немного спустя он вышел из комнаты для вскрытий и зашел в соседнюю лабораторию, в которой на широком столе было разложено содержимое сумочки девушки.

Вещами занимались три человека: один называл предмет, находившийся в сумочке, другой записывал его, а третий прикреплял к предмету бирку. Моррис молча наблюдал за ними.

Большинство вещей были заурядными: губная помада, пудра, ключи от машины, кошелек, гигиенические салфетки, жевательная резинка, противозачаточные пилюли, записная книжка, шариковая ручка, тени для век. И две коробки спичек.

— Две коробки спичек, — произнес один из полицейских. — И на обеих маркировка гостиницы аэропорта «Марина».

Моррис вздохнул. И здесь дело идет ничуть не быстрее, чем на вскрытии, так же неторопливо, спокойно. Неужто они и в самом деле надеются что-нибудь таким образом обнаружить?

Для Морриса весь этот медлительный процесс казался невыносимым. Джанет Росс называла «хирургической болезнью» эту внутреннюю потребность в решительных мерах, неспособность к спокойному ожиданию. Один раз, еще в самом начале, на конференции в НПХ обсуждалась кандидатура на операцию Стадин-3 — некая женщина по фамилии Уорл, и Моррис высказывался в ее пользу, хотя с этой пациенткой были и некоторые другие проблемы. Росс же, засмеявшись, возразила, что эта больная слабо подавляет внутренние порывы. В этот момент он готов был буквально убить Росс, и этот его кровожадный порыв не остался незамеченным Эллисом, который тогда спокойным, будничным тоном заявил, что «да, мисс Уорл — не самая подходящая кандидатура для операции». Моррис был тогда самым жестоким образом побежден, хотя Макферсон и сказал, что

у этой кандидатуры есть свои преимущества и окончательно вычеркивать ее из списков пока не стоит.

«Слабо подавляет внутренние порывы,— подумал Моррис.— Впрочем, черт с ней».

— Гостиница аэропорта «Марина», а? — переспросил один из полицейских.— Это не там, где все стюардессы останавливаются?

— Не знаю,— ответил другой.

Моррис едва прислушивался к ним. Он тер свои глаза и думал еще об одной чашке кофе. Он не спал уже тридцать шесть часов подряд, и утомление давало о себе знать.

Он вышел из комнаты и пошел наверх в поисках автомата с кофе. Должен же где-то у них быть кофейный автомат, ведь даже полицейские пьют кофе. Все пьют кофе. И вдруг, пораженный, он остановился. Он кое-что знал об аэропорте «Марина». В этом аэропорту Бенсона в первый раз арестовали, заподозлив в избиении механика. В гостинице был бар, и это случилось именно там — Моррис это помнил точно. Он посмотрел на часы и направился к автостоянке. Если поспешить, можно проскочить к аэропорту до начала часа пик.

Над его головой прогрехотал и пошел на посадку реактивный самолет; Моррис свернул с магистрального шоссе на дорогу, ведущую к аэропорту. За окнами машины мелькали закусочные, мотели и конторы по прокату автомобилей. Моррис слышал по радио голос диктора: «...На шоссе Сан-Диего в результате аварии три полосы дороги в северном направлении заграждены грузовиком. Компьютерный прогноз скорости продвижения по этому шоссе — 12 миль в час. На шоссе Сан-Бернардино застрявшая машина перегородила полосу в районе съезда на Экзетер. Компьютерный прогноз скорости движения — 31 миль в час».

Моррис опять подумал о Бенсоне. А может, компьютеры и в самом деле побеждают? Он вспомнил забавного маленького англичанина, который читал лекцию в клинике и сказал на ней, что в скором времени хирург сможет оперировать больного, находясь на другом континенте — для операции будет использован робот, а сигналы на него будут передаваться через спутник. Сама по себе мысль казалась сумасшедшей, но коллеги Морриса чувствовали себя неприятно задетыми.

«...На шоссе Венчур, западнее Хэскелла, движение замедлено из-за столкновения двух автомобилей. Компьютерный прогноз — 18 миль в час».

Он поймал себя на том, что внимательно слушает дорожную сводку. Компьютерная или обычная, дорожная сводка была для жителя Лос-Анджелеса жизненно необходима. Люди привыкли обращать на нее внимание непроизвольно, как жители других городов машинально обращают внимание на прогноз погоды.

Моррис приехал в Калифорнию из Мичигана. Первые недели своего пребывания он заговаривал с людьми о погоде. Ему казалось, что это обычная, вполне естественная для начала разговора фраза. Но в ответ получал очень странные, удивленные взгляды. Позже он осознал, что приехал в одно из немногих мест на земле, где погода не представляет ни для кого интереса, — она почти всегда неизменна, и потому обсуждается редко.

Другое дело автомобили! Они были предметом почти обязательного интереса. Людей всегда интересовало, на машине какой марки ты едешь, доволен ли ты ею или нет, достаточно ли она надежна, какие с ней бывают трудности. И в этом же духе всегда желанными темами для разговора были случаи из практики автовождения, плохие дороги и как можно срезать путь в том или ином месте, аварии и катастрофы. Все, что относилось к автомобилю, считалось в Лос-Анджелесе серьезными вопросами, обсуждению которых можно было уделять все свое время и внимание.

В качестве последнего штриха к портрету этого повального автомобильного идиотизма Моррис вспомнил слова одного астронома, сказавшего, что если бы марсиане посмотрели на Лос-Анджелес, они, наверное, решили бы, что основной формой жизни здесь является автомобиль. И в некотором смысле оказались бы правы.

Он припарковал машину на стоянке возле гостиницы аэропорта «Марина» и вошел в вестибюль. Интерьер оказался столь же нелепым, как и название самой гостиницы, построенной с присущей Калифорнии эксцентричностью; в данном случае это было подобие японского отеля со множеством пластика и неоновых огней.

Он прошел прямо в бар, темный и в этот предвечерний час еще почти пустой. В дальнем углу беседовали за коктейлями две стюардессы; парочка бизнесменов сидела возле стойки; сам бармен отрешенно глядел в пространство.

Моррис подсел к стойке, и когда бармен подошел к нему, сунул ему фоторобот Бенсона:

— Вы когда-нибудь видели этого человека?

— А в чем дело? — спросил бармен.

Моррис помахал карточкой.

— Это бар. Здесь продают спиртное.

Моррис ощутил неестественность ситуации. Иногда он испытывал нечто подобное, когда оперировал, — ему вдруг начинало казаться, что он снимается в кино в роли хирурга. Что-то слишком театральное, показное. А вот теперь он играет роль частного сыщика.

— Его зовут Бенсон, — сказал Моррис, — и я его доктор. Он серьезно болен.

— А что у него?

Моррис вздохнул.

— Вы его раньше видели?

— Конечно, много раз. Гарри его имя, верно?

— Верно. Гарри Бенсон. Когда вы его последний раз видели?

— Час назад. — Бармен пожал плечами. — А что у него?

— Эпилепсия. И очень важно отыскать его. Вы знаете, куда он пошел?

— Эпилепсия? О черт!

Бармен приблизил фотокарточку к глазам и пристально оглядел ее под светом от неоновой вывески за спиной.

— Да, точно, это он. Но он покраснел в черный цвет.

— Вы знаете, куда он пошел?

— Но он выглядел вполне здоровым. А вы не...

— Вы знаете, куда он пошел?

Бармен нахмурился и замолчал. Моррис пожалел о своей резкости.

— Никакой вы, к черту, не доктор, — сказал бармен. — А теперь убирайтесь!

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Моррис, — и времени совсем нет.

Пока он говорил, он достал бумажник и извлек оттуда свое медицинское удостоверение, водительские права, кредитные карточки, визитки — все документы, на которых значилось «доктор медицины», и разложил их на прилавке. Бармен даже не посмотрел на них.

— Его также ищет полиция, — сказал Моррис.

— Знаю, знаю, — ответил бармен.

— И я могу вызвать сюда полицейских, чтобы они с вами побеседовали. Но тогда вас могут обвинить как соучастника убийства.

Моррис подумал, что это прозвучало убедительно. По крайней мере, драматично.

Бармен взял одну из разложенных перед ним карточек, заглянул в нее и положил обратно.

— Я ничего не знаю, — ответил он. — Приходит иногда, и это все.

— А куда он пошел сегодня?

— Не знаю. Он ушел с Джо.

— Каким Джо?

— Механиком. Работает в «Юнайтед» в ночную смену.

— «Юнайтед Эйр Лайнз»?

— Да, — ответил бармен. — Но послушайте, какое... Морриса уже не было рядом.

В вестибюле он позвонил в НПХ и попросил телефонистку соединить его с Андерсом.

— Андерс слушает.

— Слушайте, это Моррис. Я в аэропорту. Напал на след Бенсона. Около часа назад его видели в баре гостиницы аэропорта «Марина». Он ушел оттуда с механиком по имени Джо, который работает в «Юнайтед» в ночную смену.

Андерс некоторое время не отвечал, Моррису было слышно, как он записывает карандашом.

— Есть, — сказал Андерс. — Что-нибудь еще?

— Нет.

— Мы вышлем людей прямо сейчас. Думаете, он находится где-нибудь в ангарах компании?

— Вероятно.

— Мы уже высылаем машины.

— А как насчет...

Моррис запнулся, глядя на трубку, из которой доносились гудки. Он перевел дух и постарался сообразить, что делать дальше. Дальше дело было уже за полицией. Бенсон был опасен, и управляться с ним надо было предоставить полиции.

С другой стороны, когда полиция прибудет? Где находится ближайший полицейский участок? В Ингльвуде? В Калвер-Сити? В часы пик, даже если они будут ехать с сиренами, это займет минут двадцать. А может быть, даже полчаса.

Это слишком долго. За полчаса Бенсон может ускользнуть. И как бы то ни было, он должен следить за Бенсоном. Просто установить, где находится Бенсон и держать под контролем его перемещения. Не вмеши-

ваясь. Но, с другой стороны, и не давая ему исчезнуть из поля зрения.

На большом щите было написано: «Юнайтед Эйр Лайнз. Посторонним вход воспрещен». Рядом со щитом была будка охранника. Моррис остановился и высунулся из машины.

— Я — доктор Моррис. Разыскиваю Джо.

Он приготовился к длинным объяснениям, но, похоже, охранника это совсем не интересовало.

— Джо прошел минут десять назад. Записался, что идет в седьмой ангар.

Вперед Моррис увидел три огромных авиационных ангара и возле них автостоянку.

— Какой из них седьмой?

— Крайний слева, — ответил охранник. — Не знаю, чего он туда пошел, разве что из-за гостя?

— Какого гостя?

— Он записал тут гостя... — охранник посмотрел в регистрационный журнал. — Какой-то мистер Бенсон. И он повел его в седьмой.

— А что в седьмом?

— Там ДС — десятый стоит на капремонте. Там сейчас ничего не делают, ждут новый двигатель, его должны на следующей неделе доставить. А гость, наверное, попросил показать ему самолет.

— Спасибо, — сказал Моррис.

Он проехал через ворота на стоянку и припарковал машину у седьмого ангара. Выйдя из машины Моррис в нерешительности остановился. Дело в том, что он не был уверен, в ангаре Бенсон или нет. В этом надо убедиться, иначе, по приезде полиции, он может оказаться в дураках. Он будет торчать здесь на стоянке, а Бенсон в это время ускользнет.

«Лучше все-таки проверить», — подумал Моррис. Он не боялся. Он был молод и в хорошей физической форме. К тому же он отчетливо сознавал, что Бенсон опасен. И это также служило некоторой защитой, ведь наиболее опасен Бенсон для тех, кто не подозревает об исходящей от него смертельной опасности.

Моррис решил быстренько заглянуть в ангар и убедился, что Бенсон там. Ангар представлял собой огромное сооружение, но, похоже, без единой двери, за исключением гигантских ворот, через которые вкатывали и выкатывали самолет. Но ворота закрыты. Как же попасть внутрь? Он обежал глазами весь фасад сооружения, в основном выполненного из гофрированной ста-

ли, и увидел в левом конце фасада самую обыкновенную дверь. Залез обратно в машину и, подъехав к двери, вылез из машины и прошел в ангар.

Внутри было абсолютно темно и тихо. Постояв немного у двери, Моррис услышал приглушенный стон. Он стал шупать стену в поисках выключателя и, на-ткнувшись на металлическую коробку, осторожно исследовал ее на ощупь. Это был рубильник с несколькими массивными рычагами. Моррис перевел их в верхнее положение. Один за другим высоко под потолком стали загораться мощные огни, кидая отблески на стоящий в центре ангара огромный самолет. Было странно, каким громадным казался самолет внутри помещения.

Моррис направился к самолету и снова услышал стон. Сначала он не мог определить, откуда исходит этот звук. Ангар был пуст, никого видно не было. Но к дальнему от Морриса крылу самолета была приставлена стремянка. Моррис прошел к стремянке под высоким и гладким килем. В ангаре было тепло, сильно пахло керосином и машинным маслом.

Еще один стон. Моррис пошел быстрее, его шаги гудко отдавались под сводами ангара. Стоны, казалось, исходили откуда-то изнутри самолета. Но как туда попасть? Странная вещь: он десятки раз летал на самолете, и заходили в самолет каждый раз по трапу, в дверь возле кабины экипажа. Но здесь, в ангаре... и когда самолет, оказывается, так чертовски огромен... как же в него все-таки залезть?

Он миновал два реактивных двигателя левого крыла. Два гигантских цилиндра, внутри чернеют лопасти турбин. Странно даже, какими большими кажутся сейчас эти двигатели. Или раньше он просто не обращал внимания?

В это время опять кто-то застонал.

Моррис подошел к стремянке и начал взбираться вверх. Поднявшись на шесть футов от пола, он вылез на крыло — огромную, отливающую серебром плоскость, покрытую заклепками. На крыле, прямо возле ног Морриса, виднелись капли крови. Оглядев крыло, он увидел лежащего на спине окровавленного человека. Моррис подошел к нему ближе — лицо человека представляло собой кровавое месиво, а одна из рук была заломлена назад под таким неестественным углом, что это сразу бросалось в глаза.

Моррис услышал шум позади себя, и внезапно весь свет в ангаре погас.

Внутри у Морриса похолодело. У него было ощущение абсолютной дезориентации, словно он завис в воздухе среди безграничной темноты. Он выжидал, не шевелясь и затаив дыхание.

Раненый человек застонал опять. Других звуков не было. Даже не зная зачем, Моррис опустился на колени, наверное, чувствовал себя спокойнее, будучи ближе к металлической поверхности крыла. Но страха он не чувствовал — только сильное замешательство.

Затем он услышал тихий смех. И тогда испугался.

— Бенсон?

Молчание.

— Бенсон, вы здесь?

Снова молчание, но раздался звук шагов по бетонному полу. Ровные, спокойные, отдающиеся эхом звуки шагов.

— Гарри, это доктор Моррис.

Моррис щурил глаза, пытаясь приспособиться к темноте. Из этого ничего не вышло. Он не видел ничего: ни концов крыла, ни очертаний фюзеляжа, — он абсолютно ни черта не видел.

Звук шагов стали ближе.

— Гарри, я хочу помочь вам. — Его голос дрожал, и это определенно выдавало страх перед Бенсоном. Он решил молчать. Его сердце учащенно билось, и он дышал так, словно ему не хватало воздуха.

— Гарри.

Молчание. Но шаги остановились. Возможно, у Бенсона произошла стимуляция. Возможно, он передумал.

Раздался новый звук — металлический скрежет. Совсем близко.

Еще один скрежет.

Морриса прошиб холодный пот. Он по-прежнему ничего, совершенно ничего не видел. Он настолько потерял ориентацию, что не помнил, в каком месте крыла находится. Где стоит стремянка — впереди него или сзади?

Новый скрежет.

Он постарался определить, откуда приходит звук. Откуда-то спереди от него. Это значило, что впереди него киль и тыльная кромка крыла. Впереди стремянка. Новый скрежет.

Сколько на ней ступенек? Приблизительно шесть футов высота, значит, где-то шесть ступенек. Скоро Бенсон окажется на крыле. Что можно использовать для самозащиты?

Моррис принялся ощупывать свои карманы. Его одежда была влажной от пота. На мгновение Моррис подумал, что все это довольно нелепо, ведь Бенсон — его пациент, а он — его, Бенсона, врач. Бенсона можно было бы вразумить, и он бы сделал, что ему говорят.

Новый скрежет.

Туфли! Моррис быстро снял одну из туфель, досадуя, что у нее резиновая подошва. Но это все же лучше, чем ничего. Он крепко зажал туфлю в поднятой над головой руке, готовый нанести удар. Перед его глазами стоял избитый механик, его изуродованное, окровавленное лицо. И внезапно он понял, что готов ударить Бенсона очень сильно, изо всех сил. Он постарается убить Бенсона — иного выхода нет. Скрежещущих звуков больше не было, но он слышал человеческое дыхание. А затем сначала вдалеке, а потом все ближе, громче, Моррис услышал сирену. Полиция. Бенсон тоже должен слышать эти звуки, и ему придется сдаться.

Новый скрежет. Бенсон спускался со стремянки. Моррис вздохнул с облегчением. Но затем он услышал новый скрежещущий звук, отличающийся от предшествующих и почувствовал движение воздуха около своих ног. Бенсон не спускался по стремянке. Он продолжал взбираться и сейчас уже находился на крыле.

— Доктор Моррис?

Моррис еле удержался от ответа. Он знал, что Бенсон тоже не видел его, и спрашивал, чтобы определить его местоположение. Поэтому Моррис промолчал.

— Доктор Моррис? Мне нужна ваша помощь.

Сирена с каждым мгновением становилась все громче. Моррис почувствовал минутное ликование при мысли, что вскоре Бенсона поймут, и весь этот кошмар будет позади.

— Помогите мне, доктор Моррис, прошу вас.

«Возможно, его слова искренни,— подумал Моррис.— Возможно, он и в самом деле нуждается в этом». Если это так, то он как доктор обязан помочь Бенсону.

— Я здесь, Гарри,— сказал он,— теперь только успокойтесь.

Еще до удара Моррис услышал, как что-то просвистело в воздухе. Затем ощутил пронзительную боль во рту и упал навзничь, скатываясь с крыла. Боль была ужасная, еще никогда в своей жизни Моррис не испытывал такого.

А затем он погрузился в темноту. Упасть с крыла на землю было делом недолгим, но казалось, что это длится очень долго, целую вечность.

|| Джанет Росс стояла в отделении скорой помощи и через маленькое смотровое окошко наблюдала за происходящим в операционной. Шесть человек возились с Моррисом, облепив его со всех сторон. Ей почти ничего не было видно, разве что его ноги. Одна нога была обута, другая — босая. И было очень много крови, вся хирургическая бригада была перепачкана ею.

Стоящий рядом с ней Андерс произнес:

— Вряд ли мне надо говорить, что я об этом думаю.

— Не надо, — ответила она.

— Этот человек очень опасен. Доктору Моррису следовало дожидаться полиции.

— Но полиция, однако, его не поймала, — сказала Росс, неожиданно разозлившись. Андерс ничего не понимает. Ему не понять, какую ответственность чувствует врач за своего пациента, какую ощущает потребность заботиться о нем.

— Моррис тоже его не поймал, — сказал Андерс.

— Но почему полиция его не поймала?!

— Бенсона уже не было, когда они подъехали к ангару. Из ангара, оказывается, есть несколько выходов, и не все они были перекрыты.

Полиция обнаружила на полу Морриса и механика, лежащего на крыле, оба были довольно жестоко изуродованы.

Дверь операционной открылась, и из нее вышел Эллис — осунувшийся, небритый, поникший.

— Как он? — спросила Росс.

— В порядке, — ответил Эллис. — Несколько недель ему придется молчать, но так все в порядке. Сейчас его повезут в хирургию зашить челюсть и повынимать все зубы.

— Оружие нашли? — обратился он к Андерсу.

Полицейский кивнул.

— Да. Двухфутовый кусок свинцовой трубы.

— Наверное, удар пришелся прямо по зубам, — сказал Эллис. — Но, по крайней мере, выбитые зубы хоть не попали в дыхательное горло. Рентген показал, что брони чистые.

Он положил руку на плечо Джанет.

— Ничего, его починят.

— А как насчет другого?

— Механика? — Эллис покачал головой. — За него ручаться нельзя. У него продавлен нос, так что носовые хрящи прошли в область мозга. Потеряно много крови и большая опасность энцефалита.

— И как вы оцениваете его шансы? — спросил Андерс.

— Он в критическом состоянии.

— Ясно, — сказал Андерс, уходя из отделения.

Эллис предложил Росс пока сходить в кафетерий.

— Какая чертова каша заварилась, — сказал он.

— С ним на самом деле все будет в порядке?

— Несомненно.

— Он был довольно симпатичный.

— Таким и будет. Ему соберут весь рот заново.

Росс передернуло.

— Холодно?

— Холодно, — ответила она. — И устала. Очень устала.

Она выпила с Эллисом кофе. Было половина седьмого, и в кафетерии ужинало много сотрудников клиники. Эллис ел медленно, все его движения выдавали усталость.

— Забавно, — сказал он.

— Что?

— Сегодня утром я разговаривал с Миннесотой. У них там вакантная должность профессора в нейрохирургии, и они спрашивали, интересуется ли это меня.

Росс ничего не ответила.

— Разве не забавно?

— Нет, — ответила она.

— Я ответил им, что пока меня отсюда не выгонят, никакие другие должности мне не нужны.

— Вы думаете, что это случится?

— А вы разве так не считаете? — Эллис отрешенно смотрел на находящихся в кафетерии медсестер, интернов, врачей. — Мне не понравилось бы в Миннесоте, — сказал он, — там слишком холодно.

— Но там хорошая школа.

— О да. Хорошая школа, — вздохнул Эллис, — прекрасная школа.

Росс стало жалко его, но она подавила эмоции. Он сам во всем виноват, и она старалась его разубедить. Последние сутки она удерживалась от намерения сказать им всем: «Я же вам говорила», она даже не позволяла себе думать об этом. Во-первых, в этом не было

необходимости, во-вторых, это не поможет Бенсону, остающемуся ее главной тревогой. Но сейчас она не испытывала особого сочувствия к смелому хирургу. Такие хирурги рискуют жизнями других людей, а не своей собственной, и самое большое, что они могут утратить,— это их репутация.

— Ну, я лучше вернусь в отделение,— сказал Эллис.— Посмотрю, как там дела. Знаете что?

— Что?

— Я надеюсь, они его убьют,— сказал Эллис и пошел к лифту.

Операция началась в семь часов вечера.

Росс наблюдала со смотровой площадки, как тележку с Моррисом закатывают в операционную, как хирурги накрывают его простынями. Операцию должны были делать Бендиксон и Кэрбис — лучшие специалисты по пластическим операциям; они могли привести Морриса в порядок лучше, чем кто бы то ни было.

Но это было все еще зрелищем не для слабонервных — глядеть на лицо Морриса, когда с него сняли стерильные марлевые повязки. Верхняя часть его лица была нормальной хотя и бледной. А нижняя была сплошным месивом, куском мяса в лавке мясника. И во всей этой красноте просто невозможно было отыскать рот. Эллис видел это раньше в отделении неотложной помощи, Росс же была шокирована, даже увидев Морриса в таком виде издали. И она могла представить, какое все это производит впечатление вблизи.

Она постояла, глядя, как Моррису накладывают повязки на тело и на голову. Хирурги одеты в халаты, с перчатками на руках; весь инструментарий уже разложен; операционные сестры готовы к действиям. Весь этот предшествующий операции ритуал выполнялся спокойно и со знанием дела. Росс подумала, что это поистине удивительный ритуал, настолько строгий и совершенный, что непосвященному трудно и представить, и что хирурги, вероятно, даже не отдают себе отчета в том, что оперируют коллегу. Этот ритуал, эта строго обусловленная процедура являлась для хирургов таким же наркозом, каким является газ для оперируемых.

Росс постояла еще немного, а затем вышла из помещения.

Подходя к отделению, Росс увидела, как группа репортеров окружила Эллиса возле входа в здание. Он

отвечал на вопросы журналистов, не скрывая своего дурного настроения; она услышала несколько раз повторенные слова: «управление разумом».

Ощущая некоторую вину, Росс вошла в здание через дальний вход и поднялась на лифте на пятый этаж. Она думала о проблеме управления разумом. Воскресным приложениям газет, похоже, будет где разгуляться с этой темой. А затем появятся серьезные и важные передовицы в дневных изданиях, а потом — еще более важные и серьезные — в медицинских журналах, рассуждающие о рискованности безответственных и бесконтрольных исследований. Росс ясно представляла себе все это. Управление разумом. О Боже!

Истина заключается в том, что любой разум управляется и каждый за это благодарен. Наиболее влиятельное управление разумом в этом мире осуществляют родители, они же и наносят наибольший вред. Теоретики обычно забывают, что никто не рождается с предрассудками, неврастеником или закомплексованным. Для приобретения подобных черт нужна помощь извне. Конечно, родители вредят своим детям неумышленно. Они просто прививают детям взгляды, которые, по их мнению, являются важными и полезными.

Новорожденные дети — это маленькие компьютеры, ждущие, чтобы их запрограммировали. И они выучат все, чему их будут учить, — от неверной грамматики до неверных взглядов. Как и компьютеры, они не умеют различать; не могут отличить хорошего от плохого. Аналогия здесь совершенно полная, множество людей акцентировало внимание на особенностях восприятия информации компьютером — восприятию по-детски буквально. Например, если задать компьютеру команду: «Надеть туфли и носки», то компьютер, конечно же, ответит, что носки не могут быть надеты на туфли.

К семилетнему возрасту закладка всех наиболее важных программ завершается. Расовые, половые, этические, религиозные, национальные программы. Внутренний гироскоп уже раскручен, и ребенок способен самостоятельно выдерживать заданный ему курс.

Управление разумом...

А как насчет такого элементарного, как общественные условности? Рукопожатия при встрече? Стояние лицом по ходу движения эскалатора? Держание стакана в левой руке? Сотни маленьких условностей, которые люди соблюдают, чтобы соответствовать выработанному в обществе стереотипу. Убери эти условности — и чело-

век, лишенный их, будет вызывать у окружающих тревогу.

Люди нуждаются в управлении разумом. Они рады иметь такое управление, без него они бы безнадежно пропали.

Но стоит только группе людей попробовать решить величайшую проблему современности — неуправляемое насилие, и тут же со всех сторон раздаются крики: «Управление разумом, управление разумом!»

Что же лучше: управление или отсутствие его?

Она вышла из лифта, миновала нескольких полицейских в холле и прошла в свой кабинет. Там был Андерс, с хмурым видом названивающий по телефону.

— Мы только что получили первые сведения, — сказал он.

— Да? — ее раздраженность растворилась в приливе ожидания и надежды.

— Да, — сказал Андерс. — Но будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю.

— А что случилось?

— Описание Бенсона и его портрет были распространены по городу, и кое-кто узнал его.

— Кто?

— Один служащий из архитектурной комиссии при муниципалитете. Он говорит, что Бенсон заходил к ним дней десять назад. В этой комиссии находятся спецификации чертежей на все общественные здания, возведенные в пределах города.

Росс кивнула головой.

— Ну, и Бенсон явился к ним посмотреть спецификацию на здание, ему нужна была схема разводки электрических проводов. Сказал, что он инженер-электрик, вытащил какое-то удостоверение.

Росс сказала:

— Девушки, которых я встретила у Бенсона, сказали, что он заезжал домой за какими-то чертежами.

— Наверное, это те, которые он взял в архитектурном управлении.

— А что это за чертежи?

— Ваша клиника, — сказал Андерс. — У Бенсона полный комплект схем разводки электропитания в здании клиники. Что вы об этом думаете?

Они озадаченно смотрели друг на друга.

К восьми часам Росс уже почти засыпала на ходу. У нее сильно болели шея и голова. Она поняла, что у

нее больше нет выбора — или она отправится спать, или просто отключится.

— Найдете меня в отделении, если я вам понадобится, — сказала она Андерсу и вышла.

Росс прошла по отделению нейропсихирургии, минуя нескольких полицейских в форме. Она больше не обращала на них внимания, ей казалось, что полицейские находились здесь всегда, сколько она помнит.

Она заглянула к Макферсону. Он дремал за своим столом, свесив голову набок. Дыхание у него было короткое, прерывистое, словно ему снились кошмары. Росс осторожно закрыла дверь. Мимо прошел санитар с переполненной окурками пепельницей и пустыми чашками из-под кофе. Санитар, выполняющий обязанности уборщика, показался Росс странным. Эта мысль засела у нее в мозгу, но она никак не могла ее четко сформулировать и, в конце концов, отбросила. Она была слишком усталой, чтобы четко соображать.

Она зашла в одну из пустых комнат для процедур, закрыла дверь, легла на кушетку и почти мгновенно заснула.

В комнате отдыха Эллис смотрел вечерние теленовости со своим интервью. Делать это его побуждало отчасти тщеславие, отчасти нездоровое любопытство. Кроме него в комнате находились Герхард с Ричардсом и полицейский Андерс.

На экране Эллис слегка косил глазами в сторону телекамеры, отвечая на вопросы репортеров. Со всех сторон к нему были протянуты микрофоны, но он сам себе казался спокойным, и это ему было приятно. Кроме того, он нашел свои ответы вполне разумными.

Репортеры спрашивали об операции, и он давал короткие, но понятные ответы. Затем один из них спросил:

— Зачем была сделана эта операция?

— У пациента бывали непреодолимые вспышки буйства, — ответил Эллис. — Причины этого носили органический характер, у больного был поврежден мозг. Нашей целью было устранить эти повреждения и предотвратить вспышки агрессивности.

«Такой довод невозможно оспорить, — подумал Эллис. — Даже Макферсону пришлось бы по душе такой ответ».

— Такое часто встречается — приступы агрессивности, обусловленные повреждениями мозга?

— Мы не знаем, сколь это распространено, — отве-

тил Эллис.— Даже неизвестно, как часто встречаются мозговые аномалии сами по себе. Но, по самым оптимистическим нашим предположениям, пять миллионов американцев имеют слабо выраженные, а десять миллионов — явные повреждения головного мозга.

— Пятнадцать миллионов? — переспросил один из репортеров.— То есть один человек из каждых тринадцати?

«Быстро прикинул»,— подумал Эллис. Позже он подсчитал, что на самом деле получается один к четырнадцати.

— Что-то в этом роде,— ответил Эллис на экране.— Два с половиной миллиона человек страдают церебральным параличом, два миллиона — различного рода конвульсиями, включая эпилепсию. Шесть миллионов умственно отсталых. И, вероятно, два с половиной миллиона с расстройствами двигательного аппарата.

— И все эти люди — буйные?

— Разумеется, нет. Но среди буйных лиц, если их обследовать, невероятно высок процент людей с умственными расстройствами. Расстройствами физического характера. Это сводит на нет множество теорий о влиянии бедности, социальной несправедливости, дискриминации. Все эти факторы, конечно, влияют на поведение людей, но главным фактором являются умственные расстройства. И исправить умственное расстройство органического характера улучшением социальных условий невозможно.

Среди репортеров возникла пауза.

Эллис хорошо запомнил и ее, и охватившее его тогда ликование — он побеждал, выигрывал весь этот спектакль.

— Когда вы говорите «неистовство», то имеете в виду...

— Я имею в виду,— сказал Эллис,— вспышки неспровоцированной агрессивности со стороны отдельных личностей. Это серьезнейшая проблема в современном мире — насилие, и особенно у нас. В 1969 году в Америке жертв насилия было больше, чем убитых и раненых за все годы войны во Вьетнаме. А если конкретней...

Репортеры слушали в оцепенении.

— ...то у нас было 14 500 убийств, 36 500 изнасилований и 306 500 случаев хулиганских нападений — в сумме около трети миллиона случаев насилия. И это не включая всего, что связано с дорожными происшеств-

виями, а от автомобилей погибло 56 000 человек и 3 миллиона получили повреждения.

— С цифрами у вас всегда хорошо выходит,— сказал Герхард.

— А что, ведь убедительно звучит?

— Очень,— вздохнул Герхард.— Но только взгляд у вас какой-то косящий, не вызывающий доверия.

— Обычный мой взгляд.

Герхард рассмеялся.

Репортер на экране спросил:

— И, по-вашему, эти цифры отражают состояние с органическими умственными расстройствами?

— В основном,— ответил Эллис.— В основном. Одним из признаков органического умственного расстройства у человека можно считать рецидивы вспышек агрессивности его поведения. Я приведу несколько известных примеров. У Чарльза Уитмена, застрелившего в Техасе семнадцать человек, была злокачественная опухоль мозга, и он говорил за несколько недель до этого своему психиатру, что у него навязчивые мысли, как он залезает на башню и стреляет оттуда в людей. Ричард Спек, прежде чем он убил восемь медсестер, несколько раз был уличен в агрессивности и жестокости. Ли Харви Освальд неоднократно нападал на людей, в том числе и на собственную жену. Эти случаи широко известны общественности, а треть миллиона подобных случаев ежегодно такой огласки не получает. И мы пытаемся лечить причины агрессивности хирургическими методами. И считаем, что это благородная и важная цель.

— Но разве это не управление разумом?

— А как вы называете обязательное обучение в школе? — спросил Эллис.

— Обучением,— ответил репортер.

И на этом интервью закончилось.

— Такая концовка выставила меня дураком,— сердито сказал Эллис, поднимаясь.

— Да нет, что вы,— сказал Андерс.

12 Ее били до беспамятства, жестокие удары сотрясали все тело. Она катилась куда-то и стонала.

— Вставай! — тряс ее за плечо Герхард.— Проснись, Джанет!

Росс открыла глаза. В комнате было темно. Кто-то, склонившись над ней, повторял:

— Вставай, вставай, проснись!

Она зевнула, и это движение больно отдалось в области шеи.

— Что случилось?

— Тебя зовут к телефону. Бенсон.

Это пробудило Росс с неожиданной для нее самой быстротой. Герхард помог ей сесть, и она, чтобы окончательно прийти в себя, трясла головой.

Шея казалась воплощением боли, да и с остальным телом было ненамного лучше, но Росс старалась не замечать этого.

— Где?

— В «Телекомпе».

Она вышла в коридор, щурясь от яркого света. Полицейские по-прежнему торчали там, но уже были усталыми, зевающими, с сонными глазами. Она шла за Герхардом в «Телекомп».

Ричардс протянул ей трубку.

— Алло, Гарри?

В углу комнаты на параллельном телефоне находился Андерс.

— Я себя плохо чувствую,— сказал Бенсон.— Нужно с этим покончить, доктор Росс.

— Что случилось, Гарри?

В медленной, слегка ребячливой интонации голоса Бенсона сквозила усталость. (А что сказали бы, если бы могли говорить, эти подопытные крысы после двадцати четырех часов стимуляции?).

— Это никуда не годится. Я устал.

— Мы вам можем помочь,— сказала Росс.

— Это ощущение,— продолжал Бенсон,— я от него устал. Вот и все. Просто устал. И хочу с этим покончить.

— Вы должны дать нам возможность помочь вам, Гарри.

— Не думаю, что у вас получится.

— Вам надо довериться нам, Гарри.

Бенсон надолго замолчал. Андерс посмотрел на Росс, та пожала плечами.

— Гарри?

— Я думаю, что мне зря сделали это.

— Что «это»?

— Операцию.

— Мы можем это исправить, Гарри.

— Я хочу исправить это сам,— сказал Бенсон детским, капризным голосом.— Я хочу выдернуть провода.

Росс нахмурилась:

— Вы пробовали сделать это?

— Нет. Я пробовал сорвать повязку, но это оказалось больно. А я не люблю боль.

Он и в самом деле вел себя как ребенок.

«Интересно, каковы причины такой регрессии личности? — подумала Росс. — Возникла ли она в результате операции или из-за страха и усталости?»

— Это хорошо, что вы не сорвали...

— Но мне надо сделать кое-что, — сказал Бенсон. — Мне надо приостановить это чувство, и я исправлю компьютер.

— Гарри, вы не сможете сделать этого, это сделаем мы.

— Нет, это сделаю я!

— Гарри, — сказала Росс успокаивающим, материнским тоном, — ну, пожалуйста, Гарри, доверьтесь нам.

Бенсон не отвечал, только слышно было, как он дышит в трубку. Росс оглядела напряженные, выжидающие лица присутствующих.

— Гарри, пожалуйста, поверьте нам. Хотя бы только на этот раз. И все тогда будет хорошо.

— Меня ищет полиция.

— Здесь нет полиции, — сказала Росс, — они уехали. Вы можете прийти к нам, и все будет хорошо.

— Раньше вы меня обманывали, — сказал Бенсон. Его голос опять был капризным.

— Нет, Гарри, это просто была ошибка. Если вы сейчас придете к нам, все будет хорошо.

После очень долгого молчания Бенсон со вздохом произнес:

— Нет. Я знаю, чем это закончится. Мне придется исправить компьютер самому.

— Гарри...

В ответ раздались короткие частые гудки. Росс повесила трубку. Андерс тут же набрал номер телефонной станции и спросил, могут ли они установить, откуда был сделан звонок. «Так вот зачем он смотрел на часы», — подумала Росс.

Затем он с проклятием бросил трубку на рычаг.

— Черт! Идиоты. Они, видите ли, не могут установить.

— Бенсон разговаривал совсем как ребенок, — сказала Росс, качая головой.

— А что он там говорил о починке компьютера?

— Думаю, он имел в виду, что выдернет провода, идущие от его плеча.

— Но он же сказал, что пытался сделать это.

— Кто его знает,— ответила Росс.— Его рассудок сейчас помутился от всех этих стимуляций и приступов.

— А физически возможно вырвать провода и компьютер?

— Да,— сказала она.— Животные, по крайней мере, так делают. Обезьянки.— Росс потеряла глаза.— Есть еще кофе?

Герхард налил ей чашку.

— Бедный Гарри,— сказала Росс.— Как ему, наверное, ужасно.

— Вы полагаете, что у него сильно помутнен рассудок, да? — спросил Андерс из своего угла.

— Сильно,— сказала Росс, отпивая кофе.— А сахар есть?

— Достаточно помутнен, чтобы разломать компьютер?

— Сахар у нас закончился,— ответил Герхард.— Еще пару часов назад.

— Не понимаю,— сказала Росс.

— У Бенсона план электропитания всего здания,— сказал Андерс.— Главный компьютер, также задействованный в его операции, находится в цокольном этаже.

Росс поставила кофе на стол и пристально взглянула на полицейского. Затем, хмурясь, протерла глаза, взяла со стола чашку с кофе и поставила ее обратно,

— Я не знаю,— сказала она наконец.

— Пока вы спали, звонили из морга,— сказал Андерс.— Они установили, что Бенсон колот танцовщицу отверткой. Он напал на механика, он напал на Морриса. Он нападает на машины и на людей, связанных с машинами. А на Морриса он напал, поскольку тот вставлял машину в него самого.

Росс слегка улыбнулась:

— Вообще-то здесь я специалист по психиатрии.

— Я просто спрашиваю. Возможно такое?

— Ну конечно, возможно.

Опять зазвонил телефон, и Росс подняла трубку:

— Нейропсихиатрия.

— Это из Тихоокеанской телефонной компании,— раздался мужской голос в трубке.— Мы выяснили для капитана Андерса, откуда вам звонили. Он у вас?

— Минутку,— Росс кивнула Андерсу, чтобы он взял трубку.

— Андерс слушает.— Он выслушал, что ему говорили, затем попросил повторить.

Закончив разговор, тут же начал звонить в другое место.

— Вы бы мне пока еще раз объяснили, что там у него за атомный источник,— сказал он, набрав номер.

— Что именно объяснить?

— Что будет, если его повредят? — уточнил Андерс и, поскольку на другом конце провода ответили, сказал в трубку: — Мне подразделение борьбы с терроризмом. Это Андерс из отдела убийств.

Он повернулся назад к Росс:

— Он носит в себе тридцать семь граммов радиоактивного плутония-239. Если блок питания будет поврежден, то все вокруг подвергнется сильному заражению. Какие частицы при этом излучаются?

Росс удивленно взглянула на него.

— Я учился в колледже,— сказал он.— И, кстати, даже умею читать и писать при необходимости.

— Альфа-частицы,— ответила она.

— Андерс, из отдела убийств,— повторил он в трубку.— Я нахожусь в университетской клинике, и мне срочно нужен фургон. Возможна утечка радиации, заражение людей и окружающей среды частицами плутония-239.— Он слушал, что ему отвечали, затем посмотрел на Росс: — А взрыв возможен?

— Нет,— ответила Росс.

— Взрыва не будет,— сказал Андерс.— Хорошо. Понимаю. Пусть приезжают как можно быстрее.

Он повесил трубку.

— Вы не могли бы мне объяснить, что происходит? — спросила Росс.

— Телефонная компания проверила, откуда звонили,— ответил Андерс.— Они установили, что никаких звонков в клинику в интересующее нас время не было.

Росс широко раскрыла глаза.

— Иными словами, он звонил нам откуда-то из клиники,— закончил Андерс.

Росс из окна пятого этажа наблюдала за автостоянкой, где Андерс давал указания прибывшим полицейским, их было по меньшей мере человек двадцать. Половина из них пошла в главный больничный корпус, остальные, разбившись на группы, курили и разговаривали. Затем подкатил белый фургон подразделения по

борьбе с терроризмом, из него выбрались три человека в серых, словно сделанных из металла, костюмах. Они перебросились несколькими фразами с Андерсом и стали выгружать из фургона какое-то очень специфическое оборудование. Андерс пошел обратно в клинику.

Рядом с Росс за происходящим наблюдал Герхард.
— Скоро Бенсону конец, — сказал он.

— Знаю, — ответила Росс. — Я вот все думаю, как бы его обезоружить или нейтрализовать. Можно ли сделать портативный микроволновый передатчик?

— Я об этом думал, — сказал Герхард. — Но это небезопасно. Нельзя точно предсказать, как это повлияет на электронику Бенсона. И к тому же это скажется на работе кардиостимуляторов у других пациентов.

— А еще что-нибудь можно сделать?

Герхард покачал головой.

— Но что-то же должно быть, — сказала Росс.

Герхард продолжал качать головой:

— К тому же очень скоро влияние окружения станет преобладать, — сказал он.

— Теоретически.

Герхард пожал плечами.

Влияние окружения являлось одной из гипотез группы «Развитие» в НПХ. Суть ее была довольно проста, но предполагаемые последствия значительны. В основе лежал широко известный факт, что окружающий мир оказывает влияние на мозг, и это влияние выражается у человека в виде фрагментов памяти, взглядов, привычек. Все эти явления на уровне клеток головного мозга проявляются в виде нейронных связей, осуществляемых посредством химических реакций.

В комнату вошел Андерс.

— Мы готовы, — сказал он.

— Видим.

— У нас стоит по два человека на каждом входе в цокольный этаж, по два — возле главного входа, отделения скорой помощи и возле всех трех лифтов. На этажах, где лежат больные, наших людей нет — мы не хотим начинать с возни на этих этажах.

«Разумное решение», — подумала Росс, но промолчала.

Андерс взглянул на часы.

— Двенадцать сорок, — сказал он. — Я бы хотел, чтобы кто-нибудь провел меня к главному компьютеру.

— Это в цокольном этаже, — сказала Росс, кивая головой в сторону главного корпуса. — Вон там.

— Вы можете меня провести?

— Конечно,— сказала она. Ей было все равно,

Она уже больше не питала иллюзий, что может как-то повлиять на исход событий. Она чувствовала себя вовлеченной в некий неотвратимый процесс, в орбиту которого было втянуто множество людей и причиной которого послужило множество решений в прошлом. Чему быть, того не миновать.

Она шла с Андерсом по коридору и думала о миссис Грейль. Это было странно, она не вспоминала о ней уже много лет. Эмили Грейль была ее первой пациенткой в НПХ, когда Росс только пришла в отделение.

Это была пятидесятилетняя женщина, дети ее были взрослыми, мужу она надоела. Она была в состоянии депрессии, склонна к самоубийству. Джанет Росс, молодая, полная задора, чувствовала тогда личную ответственность за исход лечения и сражалась с болезнью миссис Грейль, точно генерал на войне; так же подсчитывала ресурсы, планировала стратегию, перепроверяла и изменяла тактику лечения. Она выходила больную после двух неудачных попыток самоубийства. А затем начала сознавать, что ее собственная энергия, навыки и знания исчерпаны, а пациентке не становится лучше. Суицидальные попытки больной становились все искусней, и наконец, ей удалось покончить с собой. Но к тому времени Росс уже, к счастью, мысленно поставила на пациентке крест.

И точно так же сейчас она ставила крест на Бенсоне.

Они достигли уже конца коридора, когда услышали крики Герхарда из «Телекомпа».

— Джанет, Джанет, ты еще здесь?

Она возвратилась в «Телекомп», за ней с любопытствующим видом следовал Андерс.

— Посмотри,— сказал Герхард, показывая на сообщение на дисплее.

«Изменение в программе.

05 04 02 01 00

Изменение в программе».

— Главный компьютер перешел на новую программу,— сказал Герхард.

— И что?

— Мы не задавали ему этого.

— А что это за новая программа?

— Не знаю,— ответил Герхард.— Мы не программировали никаких изменений.

Росс и Андерс глядели на дисплей.

«Новая программа воспринимает...»

Больше ничего — никаких слов на дисплее не появлялось.

— Что это значит? — спросил Андерс.

— Не знаю, — сказал Герхард. — Возможно, что к мультиплексному каналу подсоединился другой терминал и компьютер перешел на выполнение его команд, но это невозможно — в последние двенадцать часов первоочередной приоритет у нас, мы — единственный терминал, который может вносить изменения в программу.

На дисплее появились новые слова.

«Новая программа воспринимает как машинный сбой любую программную команду. Конец. Конец. Конец. Конец. Конец. Конец».

— Что это? — Герхард принялся нажимать кнопки на панели, затем бросил. — Не воспринимаются никакие команды.

— Почему?

— Должно быть, что-то случилось с центральным компьютером.

Росс посмотрела на Андерса.

— Лучше проведите меня к этому компьютеру, — сказал он.

Один из дисплеев погас, затем второй, третий, смолкло стрекотание принтера.

— Компьютер сам себя выключил, — сказал Герхард.

— Возможно, ему помогли, — сказал Андерс и пошел с Росс к лифту.

Они торопливо прошли через автостоянку к главному корпусу.

Был холодный и сырой вечер. Андерс проверил свой пистолет, подходя к освещавшему стоянку фонарю.

— Думаю, вам следует иметь в виду, — сказала Росс, — что угрожать ему бесполезно. Он попросту не сможет правильно воспринять это.

Андерс улыбнулся:

— Потому что уже превратился в машину?

— Он просто не отреагирует. Если у него припадок, он не увидит, не распознает пистолет, никак на это не отреагирует.

Они вошли в здание через ярко освещенный центральный вход и направились к лифту.

— Где у него размещен атомный источник? — спросил Андерс.

— На правом плече под кожей.

— Где, если точнее?

— Вот здесь,— сказала Росс, рисуя пальцем треугольник на собственном плече.

— И такого размера?

— Да. Величиной с пачку сигарет.

— Хорошо,— сказал Андерс.

Они спустились на лифте в цокольный этаж. Внутри лифта было двое полицейских — напряженных, выжидающе держащих руки ближе к своим кобурам.

Пока они спускались, Андерс спросил, кивая на свой пистолет:

— Приходилось стрелять из этого?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

Андерс ничего не ответил. Двери лифта отворились. Пахло сыростью подвального помещения. Вдоль голых, неокрашенных бетонных стен и под самым потолком тянулись трубы.

Они вышли из лифта и какое-то время стояли прислушиваясь, но не слышали ничего, кроме отдаленного гудения мотора.

— Обычно здесь кто-нибудь находится ночью? — шепотом спросил Андерс.

Росс кивнула:

— Обслуживающий персонал. Патологоанатомы иногда.

— Их лаборатория здесь?

— Да.

— А где компьютер?

— Сюда.

Она повела его по коридору. Впереди находилась прачечная, ночью она была закрыта, но возле двери стояли большие тележки с узлами грязного белья.

Прежде чем пойти дальше, к центральной кухне, Андерс осторожно осмотрел узлы с бельем.

Кухня также не работала, но огни горели, впустую освещая помещения со стенами из белого кафеля и с длинными рядами плит из нержавеющей стали.

— Мы так сократили путь,— объяснила Росс, когда они проходили через кухню. Их шаги по кафельным плиткам отдавались гулким эхом. Андерс шел вразвалочку, рука с пистолетом слегка подана вперед.

Пройдя через кухню, они попали в другой коридор, почти такой же, как тот, в котором они были. Андерс вопросительно смотрел на нее, и Росс поняла, что он уже потерял ориентацию. Ей самой потребовались ме-

сяцы, чтобы научиться ориентироваться в цокольном этаже.

— Направо,— сказала она, и они свернули в следующий коридор, в котором был уголок с торговыми автоматами — горячий кофе, пончики, сэндвичи, леденцы. Росс вспомнила годы своей интернатуры, когда поздними вечерами приходила сюда перекусить.

Они прошли еще немного, и Андерс прошептал:

— Посмотрите сюда.

Росс взглянула в изумлении: все автоматы были разбиты. По полу были разбросаны леденцы и сэндвичи в полиэтиленовой упаковке. Тоненькими, пульсирующими струйками вытекал из разбитого автомата кофе.

Переступая через лужи кофе и содовой воды, Андерс подошел к автоматам и дотронулся до исковерканного металла.

— Словно бы топором,— сказал он.— Но где он мог раздобыть топор?

— На противопожарном щите,— ответила Росс.

— Я не вижу здесь топора,— сказал Андерс, озираясь по сторонам. Затем взглянул на нее. Росс не ответила. Они продолжали свой путь по коридору, пока не дошли до поворота.

— Теперь куда?

— Налево,— сказала она и добавила: — Уже совсем близко.

Впереди был еще один поворот. Росс знала, что за ним находится архив клиники, а за архивом — компьютер.

Проектировщики разместили компьютер и архивы рядом, поскольку надеялись со временем компьютеризировать весь архив.

Неожиданно Андерс замер. Росс остановилась и прислушалась вместе с ним. Они услышали чьи-то шаги, кто-то шел и вполголоса напевал песенку.

Андерс приложил палец к губам и жестом велел Росс оставаться на месте, а сам пошел вперед, к повороту.

Пение стало громче. Андерс, выждав мгновение, осторожно выглянул за угол. Росс затаила дыхание.

— Эй! — крикнул мужской голос, и вдруг рука Андерса с быстротой змеи ринулась за поворот, и какой-то человек, спотыкаясь, растянулся возле Росс.

Росс увидела, что упавший — пожилой мужчина из обслуживающего персонала. Она кинулась к нему.

— Что это?

— Ш-ш,— прошептала Росс, приложив палец к губам и помогая мужчине подняться на ноги.

Подошел Андерс.

— Не покидайте этаж,— сказал он мужчине сердитым шепотом.— Зайдите на кухню и ожидайте. И не вздумайте выходить.

Росс понимала его. Любой человек, поднимающийся сейчас из цокольного этажа, мог быть подстрелен полицейскими.

Человек в испуге и растерянности закивал головой.

— Все в порядке,— сказала ему Росс.

— Я не сделал ничего плохого.

— Здесь разыскивают одного человека,— пояснила Росс.— Подождите только, когда это закончится.

— Побудьте в кухне,— сказал Андерс.

Человек кивнул головой, отряхнул одежду и, оглядываясь и качая головой, удалился. Росс и Андерс пошли дальше, свернули за угол и подошли к архиву.

На стене висела большая вывеска: «История болезней».

Андерс вопросительно посмотрел на Росс. Она кивнула головой. Они вошли вовнутрь.

Архив занимал очень много места, и повсюду от пола до потолка возвышались стеллажи с медицинскими картами больных. Место напоминало огромную библиотеку. Андерс удивленно осматривался по сторонам.

— Вот такая бухгалтерия,— сказала Росс.

— Тут записи на всех больных, когда-либо бывавших в клинике?

— Нет. Только на пациентов за последние пять лет. А все остальные истории болезней находятся в хранилище.

— О Боже!

Они осторожно двинулись вдоль параллельных рядов полок, впереди шел Андерс с пистолетом в руке. Он то и дело останавливался и через проем в полках осматривал параллельный ряд стеллажей. Но никого не было видно.

— Здесь есть какой-нибудь дежурный?

— Должен быть.

Росс пробежалась глазами по рядам медицинских карт. Этот архив всегда впечатлял ее. Как практикующий врач она имела дело со множеством пациентов. За сравнительно небольшое время, всего за несколько недель, она лечила сотни пациентов, тысячи пациентов попадались ей в клинике на глаза. Но архив хранил миллионы

записей — и это только в одной клинике, в одном городе, в одной стране. Миллионы и миллионы пациентов.

— У нас тоже есть нечто вроде этого, — сказал Андерс. — Записи часто теряются?

— Постоянно.

— У нас тоже, — вздохнул он.

В этот момент из-за угла вышла молоденькая девушка лет пятнадцати-шестнадцати, не больше, со стопкой медицинских карт. Андерс мгновенно обернулся, и девушка, увидев пистолет в его руках, выронила свою ношу и закричала.

— Тихо, — прошипел Андерс.

Крик резко оборвался, словно застрял в горле у девушки. Глаза ее были широко раскрыты.

— Я из полиции, — сказал Андерс, отворачивая лацкан пиджака, чтобы показать значок. — Ты здесь кого-нибудь видела?

— Кого?

— Этого человека. — Он показал ей карточку Бенсона.

Девушка взглянула на рисунок и покачала головой.

— Уверена?

— Да. То есть нет... Я...

— Идемте лучше к компьютеру, — сказала Росс. Испуг девушки несколько смутил ее.

Клиника брала на почасовую работу в архив школьников старших классов и студентов колледжа, им платили немного.

Росс вспомнила, как сама была напугана примерно в таком же возрасте. Она гуляла с приятелем в лесу, и им повстречалась змея. Спутник сказал Росс, что это гремучая змея, и она очень испугалась. Впоследствии выяснилось, что товарищ просто подшутил над ней, и та змея была безвредна. Росс тогда была сильно обижена.

— Хорошо, — сказал Андерс. — К компьютеру. Как идти?

Росс пошла вперед. Андерс, обернувшись к девушке, которая собирала оброненные карты, сказал:

— Если ты все же увидишь этого человека, не разговаривай с ним. Вообще ничего не делай, только ори во всю глотку. Понятно?

Девушка кивнула.

И тогда Росс поняла, что на этот раз змея настоящая. Опасность была реальной. Они свернули за угол, за которым находилась секция компьютера. Это было единственное отделанное помещение в цокольном эта-

же. Голый бетонный пол здесь резко сменялся на синее ковровое покрытие.

Из помещения секции в коридор выходили большие широкие окна. Росс помнила, как размещали компьютер в этом помещении; окна показались ей ненужной тратой денег, и она высказала свое мнение Макферсону.

— Лучше пусть все видят, что там происходит, — ответил тогда Макферсон.

— Что вы имеете в виду, сэр? — спросила тогда Росс.

— Это значит, что компьютер всего лишь машина. Пусть и самая большая и дорогостоящая, но всего лишь машина. Нужно, чтобы люди привыкли к этому, а не боялись или не обожествляли его. Нужно, чтобы они видели компьютер как часть окружающей их обстановки.

Тем не менее каждый раз, проходя мимо компьютерной секции, Росс испытывала нечто противоположное: ковровое покрытие, дорогая обстановка — все это выделяло компьютер в нечто специальное, необычное, уникальное.

Она вспоминала, что ковровые покрытия были в клинике еще только в одном месте — в маленькой, не относящейся конкретно ни к какому вероисповеданию часовенке. И здесь было такое же ощущение: это не просто помещение, а усыпальница для компьютера.

А имеют ли для самого компьютера значение ковры на полу?

Во всяком случае, кто-то из служащих клиники выразил свое отношение к разыгрываемому за окнами спектаклю надписью на стекле: «Компьютер не кормить и не дразнить».

Андерс и она, пригнувшись, подползли к подоконнику. Андерс осторожно заглянул в окно.

— Что вы видите? — спросила Росс.

— Кажется, я его вижу.

Она тоже заглянула в окошко и почувствовала, как сразу учащенно заколотилось сердце, а все тело застыло в напряженном ожидании.

Внутри помещения находилось шесть запоминающих устройств для работы с лентой, широкий, подковообразный пульт управления центральным процессором, прибор, терминалы для работы с перфокартами и два дисководы.

А затем Росс увидела его, пробирающегося между рядами терминалов.

У него были черные волосы и белый халат санитаря.

— Это он,— сказала Росс.

— Где дверь? — спросил Андерс. Затем с громким щелчком застегнул кобуру.

— Вон там,— Росс указала на дверь футах в десяти по коридору.

— Есть другие входы и выходы?

— Нет.

Сердце ее продолжало учащенно биться. Она переводила взгляд то с Андерса на его пистолет, то обратно.

— Хорошо. Вы оставайтесь здесь,— говоря это, Андерс прижимал ее к полу. Затем пополз по направлению к двери. Остановился, встал на колени, еще раз оглянулся на Росс. Она с удивлением обнаружила, что он боится. Лицо у Андерса было напряжено, движения скованные. Он крепко зажал пистолет в выставленной вперед руке.

«Мы все боимся»,— подумала Росс.

Затем с громким лязганьем он распахнул дверь и в стремительном броске влетел в комнату, приземляясь на живот. Росс услышала, как он крикнул: «Бенсон», и почти сразу же прозвучал выстрел, затем второй, третий. Она не могла понять, кто стреляет. Ей были видны торчащие из дверного проема ступни Андерса, лежащего на ковре. Из раскрытой двери вытекал в коридор серый пороховой дымок и лениво поднимался к потолку.

Затем прозвучали еще два выстрела, и кто-то громко закричал от боли. Она закрыла глаза и прижалась щекой к коврику.

— Бенсон! Сдавайся, Бенсон! — кричал Андерс.

«Ничего из этого не выйдет,— подумала Росс.— Неужели Андерс не понимает?»

Быстро, один за другим, прозвучало еще несколько выстрелов. Неожиданно прямо над ней раздался звук разбиваемого стекла, и крупные осколки посыпались на ее плечи и голову. Росс стала отряхиваться, и тут, к ее изумлению, рядом с ней оказался Бенсон. Он в прыжке выпрыгнул из окна, разбив при этом стекло, и приземлился совсем рядом, всего лишь в нескольких футах от нее. Она увидела, что одна нога у Бенсона в крови.

— Гарри...

Ее голос страшно изменился. Она была в ужасе. Она думала, что не должна так бояться этого человека — это вредит ему и является предательством по отношению

к своей профессии, и, наверное, утратой какой-то важной истины, но тем не менее все равно боялась.

Бенсон посмотрел на нее пустыми, невидящими глазами и пошел прочь по коридору.

— Гарри, подождите...

Из компьютерной комнаты с пистолетом в руке убежал Андерс. Полицейский выглядел так нелепо, что Росс захотелось расхохотаться. Звуки шагов Бенсона затихли в конце коридора. Андерс устремился за ним, поворачивая за угол. В коридоре раздавался гулкий топот ног.

Росс осталась одна. Чувствуя тошноту, она с трудом поднялась на ноги.

Она знала, что произойдет дальше. Бенсон, как загнанный зверь, устремится к одному из запасных выходов. И как только он выберется наружу, где можно стрелять наверняка, будет застрелен караулящими его полицейскими.

Все выходы перекрыты, и возможности убежать у Бенсона нет. Она не хотела присутствовать при этом.

Поэтому она пошла в компьютерную.

Центральный процессор был разрушен. Накопители на магнитных лентах опрокинуты; центральный пульт испещрен небольшими круглыми отверстиями, и из разбитой панели сыпались на пол искры. «Тут надо что-то делать,— подумала Росс.— Иначе может начаться пожар». Она осмотрелась по сторонам в поисках огнетушителя и увидела в углу, на ковре, топор Бенсона. А затем увидела и пистолет.

Росс с любопытством подняла его — он оказался на удивление тяжел, намного тяжелее, чем она думала. На ощупь, он казался большим, маслянистым и холодным. У Андерса пистолет был — это она знала, — значит, найденный пистолет принадлежал Бенсону. Пистолет Бенсона. Она задумчиво рассматривала пистолет, словно он мог что-то рассказать о своем владельце.

Откуда-то из коридора прозвучали один за другим, отдаваясь эхом в лабиринте подвальных туннелей, четыре выстрела. Росс подошла к разбитому окну и выглянула в коридор. Ничего не было ни видно, ни слышно.

«Должно быть, это конец», — подумала она. Шипение искр заставило ее обернуться. Был еще какой-то шелест, монотонный, повторяющийся. Росс увидела, что одна из бобин продолжает вращаться, и свисающий с катушки конец магнитной ленты и производит этот звук. Росс подошла и выключила лентопротяжный механизм. За-

тем взглянула на один из дисплеев, на экране которого непрерывно высвечивался обрывок слова «ермина...»

Затем раздался еще два выстрела, на этот раз более громких, и Росс поняла, что с Бенсоном еще не покончено. Она отошла от искореженного компьютера в угол комнаты и ждала, что будет дальше.

Еще выстрел — на этот раз совсем близко. Послышались приближающиеся шаги, и Росс спряталась за одним из лентопротяжных устройств, сознавая ироничность положения: тут прятался Бенсон, а теперь прячется она, словно эти металлические прямоугольники способны каким-то образом защитить ее.

Она слышала чье-то учащенное дыхание, звук шагов смолк, и дверь в компьютерную открылась, а затем с шумом захлопнулась. Росс по-прежнему пряталась за устройством и не видела, что происходит.

Звук другой пары бегущих ног раздался в коридоре, поравнялся с компьютерной и гулко удалился. Вокруг стало тихо, и тогда Росс услышала чье-то учащенное дыхание.

Она поднялась во весь рост. На ковре в неуклюжей позе, опираясь спиной о стенку, сидел Гарри Бенсон в порванной белой форме санитара. Мокрый от пота, с окровавленной левой ногой, он судорожно хватал ртом воздух и не замечал ничего вокруг.

Росс, по-прежнему держа пистолет в руке, торжествовала. Как-никак, а все уже позади. Она вернет его в клинику живым. Полиция не застрелила его, и самой невероятной удачей является то, что Бенсона задержала она сама, в одиночку. Росс было очень приятно сознавать это.

— Гарри...

Он медленно повернулся и прищурился. Казалось, он не узнает Росс, но затем он улыбнулся:

— Здравствуйте, доктор Росс.

У него была прекрасная улыбка. В воображении Росс промелькнуло, как убеленный сединами Макферсон, склоняясь, поздравляет ее со спасением проекта и возвращением живого Бенсона. И тут, совершенно нектати, она вдруг вспомнила, как ее собственному отцу стало дурно на торжественной церемонии, когда она окончила медицинский колледж; ему пришлось уйти тогда. Но с какой стати она сейчас вспоминает об этом?

— Все будет хорошо, Гарри, — сказала она. Голос ее звучал доверительно, и это также понравилось Росс.

Она хотела ободрить Бенсона, поэтому оставалась

стоять на месте, не двигаясь и не приближаясь к Бенсону.

Бенсон ответил не сразу, продолжая тяжело дышать, он озираясь по сторонам.

— Я и в самом деле сделал это,— сказал он, глядя на разбитый компьютер.— Правда ведь?

— Вы исправитесь, Гарри,— сказала Росс. Мысленно она уже прикидывала, что делать дальше: ночью Бенсону нужно прооперировать ногу, к утру — отключить компьютер, перепрограммировать электроды, и все будет в порядке. С бедствием будет покончено. Все-таки это просто немыслимая удача. Эллису не придется расставаться со своим домом, Макферсон расширит объем исследований в НПХ. Они будут благодарны, они признают и оценят ее заслугу.

— Доктор Росс,— Бенсон, морщась от боли, начал подниматься.

— Не пытайтесь шевелиться, оставайтесь на месте, Гарри.

— Мне надо.

— Оставайтесь на месте, Гарри.

Глаза у Бенсона сверкнули, улыбка исчезла с его лица.

— Не называйте меня Гарри. Меня зовут мистер Бенсон, называйте меня мистер Бенсон.

В его голосе безошибочно угадывалась злоба. Это удивило и расстроило Росс. Она ведь пытается ему помочь. Неужели он не понимает, что она единственный человек, который хочет ему помочь. Остальные будут просто счастливы, если он умрет.

Бенсон продолжал попытки подняться на ноги.

— Не двигайтесь, Гарри,— сказала Росс, выставя вперед руку с пистолетом. Это был сердитый, недружелюбный жест, но Бенсон разозлил ее. Она знала, что не имеет права сердиться на него, но не могла с собой совладать.

Бенсон, узнав пистолет, по-детски ухмыльнулся.

— Это мой пистолет.

— Теперь мой,— сказала Росс.

Застывшая ухмылка, отчасти порожденная болью, не сходила с лица Бенсона. Он поднялся на ноги и тяжело привалился спиной к стене. На ковре, где лежала его нога, осталось темно-красное пятно. Он посмотрел вниз и увидел его.

— Я ранен,— сказал он.

— Не двигайтесь. С вами все будет в порядке.

— Он подстрелил меня в ногу,— Бенсон перевел взгляд с пятки на Росс. Улыбка не сходила с его лица.— Вы ведь не станете стрелять, а?

— Не стану, если мне не придется.

— Вы мой доктор.

— Оставайтесь на месте, Гарри.

— Вряд ли вы будете стрелять,— сказал Бенсон и шагнул к Росс.

— Не приближайтесь, Гарри.

Он, улыбаясь, сделал еще один шаг, но зашатался и чуть было не упал.

— Вряд ли вы будете стрелять.

Его слова испугали Росс. Она боялась, что застрелит Бенсона, и также боялась, что не сможет этого сделать. По самому странному стечению обстоятельств она осталась один на один с этим человеком среди обломков разбитого компьютера.

— Андерс! — закричала она.— Андерс!

Эхо от ее криков разнеслось по всему цокольному этажу.

Бенсон сделал новый шаг, не отводя глаз от лица Росс, но споткнулся и упал на панель дисководов. Его белый халат порвался под мышкой. Бенсон оцепенело рассматривал дырку.

— Он порвался...

— Стойте на месте, Гарри, стойте...

«Словно животному говоришь»,— подумала Росс. Она почувствовала себя, как укротительница львов в цирке.

Бенсон тяжело дышал, облокотясь на панель машины.

— Я хочу пистолет,— сказал он.— Он мне нужен. Отдайте его мне.

— Гарри...

С рычанием Бенсон оттолкнулся от панели и продолжил свой путь к Росс.

— Андерс!

— Бесполезно,— сказал Бенсон.— У вас больше нет времени, доктор Росс.— Его глаза были устремлены на Росс. Она видела, как широко раскрылись его зрачки — еще одна стимуляция.

— Здорово,— сказал Бенсон, заулыбавшись.

На какое-то время стимуляция отвлекла его, он отвернулся в сторону, наслаждаясь удовольствием.

Когда он заговорил опять, голос его звучал спокойно и сдержанно:

— Видите ли, они меня разыскивают. Их персональ-

ные компьютеры запрограммированы против меня. Запрограммированы на охоту. Охотиться и убивать: Самая первоначальная человеческая программа. Охотиться и убивать. Понимаете?

Он был на расстоянии нескольких шагов. Росс крепко зажала в руке пистолет, так, как — она видела — это делал Андерс. Но руки у нее сильно тряслись.

— Не подходите ближе, Гарри, прошу вас.

Он улыбнулся и сделал еще один шаг.

Росс не понимала, что она делает, пока не обнаружила, что спускает крючок. Пистолет выстрелил. Звук был болезненно громким, пистолет подпрыгнул в руке, подбрасывая ее вверх, чуть было не сбивая Росс с ног. Она отлетела к дальней стене комнаты.

Бенсон стоял, шурясь от дыма и опять улыбаясь.

— Это не так просто, как кажется, — сказал он.

Она намертво зажала пистолет в руке, теперь он был теплый. Подняла руку с пистолетом, но рука дрожала еще сильнее, чем до выстрела, и Росс пришлось придержать ее другой рукой. Бенсон наступал.

— Не приближайся, Гарри. Я запрещаю.

Поток ассоциаций пронесся в ее мозгу. Она вспомнила, как первый раз увидела Бенсона — кроткого человека с ужасным недугом. Она мысленно видела его опять на протяжении всех долгих часов собеседований, испытаний, тестов на переносимость медикаментов. Он был хорошим человеком, честным и напуганным. Во всем случившемся не было никакой его вины — во всем виновата она, и Эллис, и Макферсон, и Моррис.

Затем она вспомнила Морриса, его изуродованное, превращенное в кровавую кашу лицо.

— Доктор Росс, — сказал Бенсон. — Вы мой врач. И вы не сделаете мне ничего плохого.

Бенсон был уже совсем близко, протягивая руки за пистолетом. Росс дрожала всем телом, глядя, как все ближе к пистолету продвигаются его руки, как они вот-вот коснутся ствола.

И тогда она выстрелила почти в упор.

Бенсон с неожиданной ловкостью подпрыгнул и развернулся в воздухе, увертываясь от пули. Росс была довольна. ей удалось отогнать Бенсона, не причинив ему ущерба. С минуты на минуту подоспеет Андерс и поможет ей придержать Бенсона до его отправки в операционную.

Приземляясь, Бенсон опрокинул печатающее устройство, которое при этом начало монотонно стрекотать,

а сам упал на спину. Из его груди фонтаном брызнула кровь, быстро окрашивая белый халат в темно-красный цвет.

— Гарри,— позвала Росс.

Он не двигался.

— Гарри... Гарри!

Она не помнила ясно, что случилось потом. Вернулся Андерс и забрал у нее пистолет. Он отвел ее в сторону, а три человека, одетые в серые комбинезоны, принесли с собой носилки с длинной пластиковой капсулой. Они открыли капсулу — изнутри она оказалась сделанной из необычного оранжевого изоляционного материала, матричного, наподобие пчелиных сот. Люди подняли тело Бенсона — Росс отметила, что они делали это осторожно, чтобы не испачкать в крови свою спецодежду, — и поместили его в капсулу, а затем закрыли ее и защелкнули замки. Два человека унесли носилки, а третий ходил по компьютерной со счетчиком Гейгера в руках. Счетчик громко стрекотал — этот звук напомнил Росс рассерженную обезьяну. Человек подошел к Росс. Ей не было видно его лица, скрытого за матовыми стеклами шлема.

— Вам лучше уйти отсюда,— сказал он.

Андерс обнял ее за плечи. Она расплакалась.

ШТАММ
«АНДРОМЕДА»
РОМАН

*Посвящаю доктору А. Д.,
который первым предло-
жил моему вниманию эту
проблему.*

Чем ближе к истине, тем
дороже обходится каж-
дый шаг.

Р. А. Янек

ОТ АВТОРА

В этой книге изложена охватывающая пять дней история кризиса, одного из самых значительных в аме-
риканской науке.

Как и в большинстве подобных случаев, события, развернувшиеся вокруг штамма «Андромеда», явились результатом прозорливости и глупости, простодушия и невежества. Почти все участники этих событий време-
нами поднимались до величайших озарений, а времена-
ми были непостижимо тупы. Вот почему писать об этих событиях и не обидеть никого из их участников просто невозможно.

Тем не менее я считаю необходимым рассказать здесь читателям обо всем. Наша страна создала могу-
щественную систему научных учреждений. В нашей на-
уке повседневно делаются новые открытия, и многие из таких открытий имеют важное политическое и обще-
ственное значение. В ближайшем будущем можно ожи-
дать возникновения и других кризисов, аналогичных кризису с «Андромедой». И потому мне кажется, что ши-
рокой публике нужно знать, как возникают научные кризисы и как они разрешаются.

В расследовании событий, связанных со штаммом «Андромеда», и в создании повести о них мне велико-
душно помогали многие люди, разделявшие мои убеж-
дения, и эти люди укрепили меня в решимости расска-
зать обо всем как можно более точно и подробно.

Повествование это посвящено сложным научным проблемам, поэтому оно поневоле носит довольно спе-
циальный характер. Там, где возможно, я разъясняю сущность научных проблем и методов их решения. Я не поддался искушению упростить ни вопросы, ни ответы,

и если читателям подчас придется с трудом продираться сквозь дебри сухих технических описаний, я приношу им свои извинения.

В то же время я пытался передать напряженность и волнующий характер событий тех пяти дней. Истории «Андромеды» присущ глубокий внутренний драматизм, и если она стала хроникой грубых, смертельно опасных ошибок, то в не меньшей степени и хроникой подвигов и побед разума.

М. К.

*Кембридж, штат Массачусетс
Январь 1969 г.*

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ШТАММ «АНДРОМЕДА»

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

**ВСЕ МАТЕРИАЛЫ НАСТОЯЩЕГО ДЕЛА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫ**

**ОЗНАКОМЛЕНИЕ С НИМИ ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ
НА ТО ПОЛНОМОЧИЙ, КАРАЕТСЯ ТЮРЕМНЫМ
ЗАКЛЮЧЕНИЕМ СРОКОМ ДО 20 ЛЕТ И ШТРАФОМ
20 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ**

**В СЛУЧАЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ ПЕЧАТЕЙ
ОТ КУРЬЕРА НЕ ПРИНИМАТЬ**

**ЗАКОН ОБЯЗЫВАЕТ КУРЬЕРА ПОТРЕБОВАТЬ ОТ
ВАС ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ УДОСТОВЕРЕНИЯ — ФОР-
МА № 7592. БЕЗ ТАКОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ ЛИЧ-
НОСТИ КУРЬЕР НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ПЕРЕДАТЬ
ВАМ НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО**

БЛАНК-КАРТА ДЛЯ ЭВМ:

0000000000 00 0 0000 00 0000000000 00 0000000000
00000 0000 0 0000 000 0 0000 00000 0 000 0000
0 000000 0000 000 0 000 00000000000 0000
0000000 0 0 0 0 0 0

КОНТАКТ

I

Земля без конца и края

Человек с биноклем. Так это началось: зимним вечером в штате Аризона человек стоял на пригорке у дороги, над неизвестным поселком.

Управляться с биноклем лейтенанту Роджеру Шоуну было, надо думать, очень неудобно. Металл бинокля промерз, меховая куртка с капюшоном да еще толстые перчатки делали движения вялыми и неуклюжими. Дыхание со свистом вырывалось в пронизанный лунным сиянием воздух, линзы запотевали. То и дело приходилось протирать их, а пальцы в перчатке не желали слушаться.

Откуда ему было знать, насколько все это ни к чему. Бинокль был слишком слаб, в него нельзя было увидеть, что происходит в поселке, приподнять покров над его тайнами. Шоун изумился бы, услышь он, что те, кому в конце концов удалось их раскрыть, пользовались приборами в сотни тысяч раз мощнее.

Было в облике Шоуна что-то грустное, и нелепое, и трогательное: вон он прислонился к валуну, оперся на него локтями, подносит бинокль к глазам... Бинокль был тяжелым и громоздким, а все-таки приятно ощущать в руках что-то привычное, что-то знакомое. Наверное, это было для Шоуна одним из последних привычных ощущений перед смертью.

Можно лишь представить себе, лишь пытаться воссоздать то, что произошло потом.

Медленно, методично лейтенант Шоун оглядел поселок в бинокль. Он увидел, что тот невелик — полдюжины деревянных домиков вдоль единственной улицы. Все было тихо: ни движения, ни огонька, и легкий ветерок не доносил ни звука.

Лейтенант перевел взгляд на окрестные холмы — однообразные, низкие, серые с плоскими, будто срезанными вершинами; на холмах рос чахлый кустарник да редкие сухие заиндевевшие деревья — юкка. За холмами были еще холмы, а дальше — безбрежность и бездо-

рожье пустыни Мохаве. Индейцы называли ее Землей без конца и края.

Шоун почувствовал, что дрожит на ветру. Был февраль, самый холодный месяц, и уже за десять вечера. Лейтенант зашагал к фордовскому фургону с большой вращающейся антенной на крыше, стоявшему на дороге чуть поодаль. Двигатель мягко урчал на холостых оборотах: это был единственный звук, который нарушал ночную тишину. Шоун открыл заднюю дверцу и, вскарабкавшись в кузов, захлопнул ее за собой.

В фургоне горел темно-красный свет — ночное освещение, чтобы легче приспособиться к темноте, когда выйдешь на улицу. На приборных панелях и стойках со сложной радиоаппаратурой мерцали зеленые огоньки.

Рядовой Льюис Крейн, радиотехник, сидел в такой же куртке с капюшоном, сгорбившись над картой, и что-то рассчитывал, время от времени сверяясь по приборам.

Шоун спросил Крейна, уверен ли тот, что они прибыли на место, и Крейн ответил утвердительно. Оба устали — от базы Ванденберг их отделял уже целый день пути, целый день, прошедший в поисках последнего спутника из серии «Скуп»¹. В общем-то о спутниках этой серии они почти ничего не знали, разве только то, что секретные спутники «Скуп» запускаются для исследования верхних слоев атмосферы, а затем возвращаются на Землю. Задача Шоуна с Крейном состояла в том, чтобы разыскивать спутники после их приземления. Для облегчения поиска на спутниках устанавливали радиомаяки — «пищалки», которые автоматически включались, когда «Скуп» снижался до восьми километров.

Вот почему в фургоне было столько радиопеленгационной аппаратуры. По существу, он сам себя и выводил к цели. На военном языке это называлось «одноагрегатная триангуляция» — способ очень эффективный, хотя и медленный. Методика была простая: фургон останавливался, Шоун с Крейном определяли свое местонахождение и записывали силу и направление радиосигнала спутника. Потом проезжали километров тридцать, выбрав наиболее вероятное направление, опять останавливались и определяли новые координаты. Таким образом, раз за разом на карте появлялась россыпь триангуляционных точек, и фургон зигзагами приближался к спутнику, останавливаясь через каждые тридцать километров для корреляции возможных ошибок.

¹ Scoop (англ.) — ковш, черпак.

Все это, конечно, получалось медленнее, чем с двумя фургонами, зато безопаснее: командование считало, что появление двух фургонов в одном и том же районе скорее привлечет к себе внимание.

Битых шесть часов они подбирались к очередному спутнику. И наконец они почти у цели...

Крейн нервно постучал карандашом по карте и назвал поселок у подножия холма: Пидмонт, штат Аризона. Жителей — сорок восемь человек. Они еще посмеялись над этим, хотя оба и ощущали смутное беспокойство. РТП — расчетная точка приземления, которую им сообщили на базе, — лежала в двадцати километрах к северу от Пидмонта. Рассчитали РТП в Ванденберге по данным радиолокационных наблюдений и 1410 проекциям траектории, вычисленным ЭВМ. Как правило, ошибка в определении РТП не превышала сотни метров.

Однако с радиопеленгатором не поспоришь. А он засек «пищалку» в самом центре поселка. Шоун высказал предположение, что кто-нибудь из местных мог заметить снижающийся спутник — он же раскалился до свечения, — разыскал его и притащил в Пидмонт. Это звучало правдоподобно. Но житель Пидмонта, наткнувшийся на тепленький, только что из космоса спутник, кому-нибудь да разболтал бы про такое дело: газетчикам, полиции, НАСА, военным — ну хоть кому-нибудь...

А на базе ничего не слышали.

Шоун вылез из фургона, за ним выбрался Крейн, поживаясь на морозе. Теперь они оба смотрели на поселок — тот лежал перед ними притихший, без огонька. Шоун обратил внимание, что света нет ни на бензоколонке, ни в мотеле. А ведь ни колонок, ни мотелей больше не было на многие километры вокруг.

И тут Шоун заметил птиц.

При свете полной луны он видел их совершенно ясно — огромные птицы величаво парили над поселком, черные силуэты пересекали лунный диск. Лейтенант удивился, почему он не заметил их раньше, и спросил Крейна, что это за птицы. Крейн ответил, что не имеет ни малейшего представления, и добавил в шутку:

— Может, стервятники?..

— Между прочим, похоже, — сказал Шоун.

Крейн нервно рассмеялся, выпустив клуб пара:

— Но что им тут делать, стервятникам? Они же слетаются только на падаль...

Шоун зажег сигарету, прикрыв зажигалку ладоня-

ми, чтобы ветерок не загасил пламя. Он помолчал, посмотрел еще раз вниз на дома, на силуэт поселка. Потом еще раз оглядел Пидмонт в бинокль и снова не обнаружил никаких признаков жизни, никакого движения.

В конце концов он опустил бинокль и бросил сигарету на свежий снег — она зашипела и погасла. Повернулся к Крейну и сказал:

— Поедем посмотрим...

2

База Ванденберг

В пятистах километрах от Пидмонта, в большой квадратной комнате без окон, где был расположен Центр управления программой «Скуп», лейтенант Эдгар Камроу сидел, водрузив ноги на стол, и лениво перебирал вырезки из научных журналов. Камроу был сегодня ночным дежурным офицером: дежурить ночью ему выпадало раз в месяц, и в его обязанности входило управление действиями сокращенного ночного расчета в составе двенадцати человек. Сегодня расчет контролировал передвижения фургона под кодовым наименованием «Капер-1», который колесил по аризонской пустыне, и поддерживал с ним радиосвязь.

Дежурить Камроу не любил. Серую комнату освещали лампы дневного света; обстановка была убого утилитарной и очень раздражала его. Обычно он приходил в Центр управления только во время запусков — тогда атмосфера здесь бывала совершенно иной: комнату заполняли озабоченные специалисты, все были заняты своим делом, выполняя часть единой сложной задачи, все жили тем особым сдержанным ожиданием, какое предшествует любому запуску в космос.

А по ночам было нудно. По ночам никогда ничего не случалось, и Камроу использовал эти часы для чтения специальной литературы. По профессии он был физиолог, специалист по сердечно-сосудистой системе и особо интересовался влиянием на организм перегрузок при больших ускорениях. Сегодня он решил просмотреть статью под названием «Стехиометрия содержания кислорода и диффузионных градиентов при увеличении газовых напряжений в артериях». Читалась статья трудно и показалась малоинтересной. Поэтому он охотно оторвал-

ся от журнала, едва над головой ожил динамик радиосвязи с Шоуном и Крейном.

— «Капер-1» вызывает Основную,— послышался голос Шоуна.— «Капер-1» вызывает Основную. Как меня слышите? Прием...

Камроу, повеселевший, отвечал, что слышит хорошо.

— Въезжаем в поселок Пидмонт. Спутник где-то здесь...

— Хорошо, «Капер-1». Не выключайте рацию.

— Вас понял...

Все это в точности соответствовало правилам обнаружения спутников, изложенным в наставлении по программе «Скуп». Наставление — грессбук в мягкой серой обложке — лежало на углу стола, у Камроу под рукой. Ему было известно, что все переговоры фургона с базой записываются на пленку и впоследствии станут частью постоянного архива «Скуп»; правда, он никак не мог понять, зачем все это нужно. Казалось, дело проще простого: фургон выезжал, обнаруживал спутник, забирал его и возвращался...

Камроу пожал плечами и снова взялся за статью о газовых напряжениях, слушая Шоуна в полслуха:

— Мы в поселке. Проехали бензоколоунку и мотель. Вокруг все тихо. Никаких признаков жизни. Сигналы спутника становятся сильнее. Впереди церковь. Она не освещена, и никого по-прежнему не видно...

Камроу положил журнал на стол. В голосе Шоуна, несомненно, слышалось какое-то волнение. В другой раз Камроу, может, и рассмеялся бы при мысли, что два здоровых парня дрожат со страху, въезжая в сонный поселочек среди пустыни. Но Шоуна он знал лично; чем-чем, а изытком воображения Роджер не страдал. Шоун мог уснуть в кино на фильме ужасов. Такой уж он был человек.

И Камроу начал вслушиваться. Сквозь потрескивание помех до него доносился шум мотора. И негромкий диалог в фургоне:

Ш о у н. Уж слишком тут все спокойно...

К р е й н. Так точно, сэр.

Пауза.

К р е й н. Сэр!..

Ш о у н. Да?

К р е й н. Вы видели?

Ш о у н. Что?

К р е й н. Вон там, на тротуаре. Вроде человек лежит...

Шоун. Вам, наверно, померещилось...

Снова пауза — и тут Камроу услышал, как фургон, взвизгнув тормозами, остановился.

Шоун. Господи Боже!..

Крейн. Еще один, сэр.

Шоун. Как будто мертвый...

Крейн. Может, мне...

Шоун. Отставить! Из фургона не выходить!

Голос его стал громче и официальнее — он послал в эфир вызов.

— «Капер-1» вызывает Основную. Прием...

Камроу поднял микрофон.

— Основная слушает. Что там у вас?

— Сэр, мы видим тела. Много тел. По-видимому, мертвецы...

— Вы уверены в этом, «Капер-1»?

— Черт возьми, — сказал Шоун. — Конечно, уверены...

— Продолжайте поиск спутника, «Капер-1», — ответил Камроу как можно мягче.

Отдав приказание, он окинул комнату взглядом. Двенадцать человек из дежурного расчета смотрели на него невидящими глазами — они слушали передачу.

Мотор фургона взревел.

Камроу сбросил ноги со стола и нажал на пульте красную кнопку «Режим». Теперь Центр управления был надежно изолирован от всех других помещений. Без разрешения Камроу никто не смог бы ни войти, ни выйти.

Затем он снял телефонную трубку.

— Дайте майора Мэнчика. М-Э-Н-Ч-И-К-А. Да, разговор служебный. Жду...

Мэнчик был старшим дежурным офицером на текущий месяц — именно на нем лежала вся полнота ответственности за выполнение программы «Скуп».

В ожидании вызова Камроу прижал трубку плечом и зажег сигарету. Из динамика доносился голос Шоуна:

— Вам тоже кажется, что они мертвые, Крейн?

Крейн. Так точно, сэр. Померли, видать, легко, но уж померли — это как пить дать...

Шоун. Вроде бы и на мертвецов не похожи. Чего-то не хватает. Что-то здесь не то... Смотрите, вон еще — везде лежат. Сколько их!..

Крейн. Будто шли, шли и упали. Оступились — и замертво...

Шоун. И на дороге и на тротуарах...

Снова пауза — и голос Крейна:

— Сэр!..

Шоун. Господи Боже!..

Крейн. Видите? Мужчина в белой рубашке — вон там пересекает дорогу...

Шоун. Вижу.

Крейн. Перешагивает прямо через трупы, вроде как...

Шоун. Идет сюда.

Крейн. Послушайте, сэр, извините, конечно, но, по-моему, лучше бы нам убра...

Крейна прервал на полуслове пронзительный крик, и следом донесся треск. На этом передача оборвалась, и восстановить связь с фургоном «Капер-1» Центр управления на базе Ванденберг так и не смог.

3

Кризис

Рассказывают, что, когда Гладстону доложили о смерти «китайца» Гордона¹ в Египте, премьер пробормотал раздраженно, что британский генерал мог бы выбрать для своей смерти и более удобное время: смерть Гордона породила в правительстве Гладстона разброд и вызвала кризис. Какой-то подчиненный заметил, что здесь имеет место уникальное стечение обстоятельств и предвидеть это никак нельзя, на что Гладстон сердито ответил:

— А, все кризисы одинаковы...

Он, конечно, имел в виду кризисы политические. Научных кризисов в 1885 году не было и в помине; впрочем, их не было и на протяжении последующих почти сорока лет. Зато потом разразились восемь кризисов первостепенной важности, и два из них получили широкую огласку. Интересно, что оба эти кризиса, связанные с открытием атомной энергии и выходом в космос, затрагивали химию и физику, но не биологию.

В сущности, того и следовало ожидать. Физика первой из естественных наук стала полностью современной и насквозь математизированной. Затем математизирова-

¹ Чарлз Джордж Гордон (1833—1885) — английский генерал-колонизатор, руководил зверским подавлением Тайпинского восстания в Китае, участвовал в захвате Англией Египта.

лась и химия, биология же оставалась дефективным ребенком, сильно отставшим от своих сверстников. Ведь еще во времена Ньютона и Галилея люди знали о Луне и других небесных телах больше, чем о собственном теле.

Так было вплоть до конца 40-х годов нашего века. Лишь после войны под влиянием открытия антибиотиков в биологических исследованиях началась новая эра. Внезапно биологи обрели как моральную, так и материальную поддержку, и поток открытий не заставил себя ждать: транквилизаторы, стероидные гормоны, иммунохимия, генетический код. К 1953 году была произведена первая пересадка почки, а к 1958-му — испытаны первые противозачаточные таблетки. Вскоре биология оказалась самой быстрорастущей отраслью науки: биологические познания за десять лет буквально удвоились. Дальновидные исследователи уже всерьез говорили об изменении генов, управлении эволюцией и контроле над психикой; десятилетием раньше подобные идеи считались чисто умозрительными, чтобы не сказать сумасбродными.

Но биологического кризиса еще ни разу не случилось. Штамм «Андромеда» дал толчок первому.

Согласно Льюису Борнхайму, кризис есть ситуация, при которой совокупность обстоятельств, ранее вполне приемлемая, вдруг, с появлением какого-то нового фактора, становится совершенно неприемлемой, причем почти безразлично, является ли новый фактор политическим, экономическим или научным: смерть национального героя, колебания цен, новое техническое открытие — любое обстоятельство может явиться толчком для дальнейших событий. В этом смысле Гладстон был прав — все кризисы одинаковы.

Известный ученый Альфред Покран посвятил кризисам специальную работу («Культура, кризисы и перемены») и пришел к интересным выводам. Во-первых, он отмечает, что любой кризис зарождается задолго до того, как фактически разразится. Например, Эйнштейн опубликовал основные положения теории относительности в 1905—1915 годах, то есть за сорок лет до того, как его труды привели в конечном счете к началу новой эпохи и возникновению кризиса.

Покран также отмечает, что в каждом кризисе замешано множество отдельных личностей и характеров и все они неповторимы:

«Трудно представить себе Александра Македонского перед Рубиконом или Эйзенхауэра на поле Ватерлоо; столь же трудно представить себе Дарвина, пишущего письмо Рузвельту о потенциальных опасностях, связанных с атомной бомбой. Кризис творится людьми, которые вступают в него со всеми своими предрассудками, пристрастиями и предубеждениями. Кризис есть сумма промахов, недоумений и интуитивных озарений, совокупность замеченных и незамеченных факторов.

В то же время за неповторимостью любого кризиса скрывается поразительное их сходство друг с другом. Характерная особенность всех без исключения кризисов — их предвидимость в ретроспективе. Кажется, будто им присуща некая неизбежность, будто они предопределены свыше. И хоть это замечание и не относится ко всем кризисам, оно справедливо по отношению к столь значительному их числу, что закаленный из историков может стать циником и мизантропом...»

В свете рассуждений Покрана немалый интерес вызывают биографии и характеры тех, кто был вовлечен в историю со штаммом «Андромеда». До «Андромеды» кризисов в биологической науке не было, и первые американцы, столкнувшиеся лицом к лицу с фактами, не были подготовлены к тому, чтобы мыслить приличествующими случаю категориями. Шоун и Крейн были люди способные, но не глубокие, а Эдгар Камроу, дежурный офицер на базе Ванденберг, хотя и был ученым, но тоже оказался неподготовленным и ощутил только раздражение оттого, что какая-то непонятная история испортила спокойный вечер.

В соответствии с инструкцией Камроу вызвал своего непосредственного начальника майора Артура Мэнчика, и тут-то вся история приняла другой оборот. Ибо Мэнчик был вполне подготовлен и даже предрасположен к тому, чтобы иметь дело с кризисом самого большого масштаба.

Однако это еще не значит, что он сразу же распознал кризис как таковой.

С лица майора Мэнчика еще не стерлись следы сна; сядя на краешке стола Камроу, он слушал передачу из

фургона в магнитофонной записи. Когда запись кончилась, он сказал:

— Чертовщина какая-то.

И прокрутил все сначала. Пока слушал, успел набить трубку, примять табак и прикурить.

Инженер Артур Мэнчик был немногословным человеком плотной комплекции; транзиторная гипертония грозила вот-вот прекратить его дальнейшее продвижение по армейской служебной лестнице. Много раз ему советовали согнать вес, да только он никак не мог собраться. Он даже подумывал, не бросить ли военную службу и не поступить ли куда-нибудь на частное предприятие, где никто не станет допытываться, какой у сотрудников вес и кровяное давление.

В Ванденберг Мэнчик прибыл из научно-исследовательского института ВВС «Райт Паттерсон» в Огайо. Там он возглавлял эксперименты по обработке методов приземления космических аппаратов — он ставил себе задачей найти оптимальную форму спускаемого аппарата, одинаково безопасную при спуске на сушу и на воду. Мэнчику удалось разработать три многообещающих варианта; его успех был отмечен повышением в должности и переводом в Ванденберг.

И здесь он оказался в ненавистой ему роли администратора. Люди ему наскучили, хитрости управления подчиненными и причуды их характеров не занимали его нисколько. Нередко ему хотелось вернуться к своим аэродинамическим трубам, в институт. Особенно в те ночи, когда его стаскивали с постели, чтобы срочно решить какой-нибудь идиотский вопрос.

Сегодня он был раздражен и взвинчен. И, как всегда, реагировал на подобное состояние по-своему: стал нарочно медлительным, ходил медленно, думал медленно, работал со скучной, обстоятельной неторопливостью. В том и был секрет его успеха. Когда все вокруг шалели от возбуждения, Мэнчик, казалось, терял последний интерес к происходящему, чуть ли не начинал дремать. Таким хитроумным способом он умудрялся сохранять ясность мысли и объективность суждений.

И теперь, слушая запись во второй раз, он только вздыхал да посасывал трубку.

— Насколько я понимаю, нарушение связи исключено?

Камроу кивнул.

— Мы у себя проверили все системы. Несущую частоту их радики мы принимаем и сейчас...

Он включил приемник, и комнату наполнило шипение помех.

— Знакомы вы с методом звукопросеивания? — спросил Камроу.

— Смутно, — ответил Мэнчик, подавляя зевоту.

В действительности он сам разработал метод звукопросеивания года три назад. Этот метод позволяет при помощи счетно-решающего устройства отыскать иголку в стоге сена — машине задается соответствующая программа, и она вылавливает из слитных, беспорядочных шумов определенные отклонения от среднего уровня. Можно, например, записать гомон общего разговора на приеме в посольстве, а потом, пропустив запись через ЭВМ, выделить один-единственный голос.

Метод звукопросеивания применяется для различных разведывательных целей.

— Ну, так вот, — сказал Камроу, — после того как передача оборвалась, мы принимаем только несущую частоту с шумами помех, какие вы сейчас слышите. Попробуем теперь выделить из них что-нибудь вразумительное, пропустив частоту через просеиватель и подключив осциллограф...

В углу комнаты светился экран осциллографа, и на нем плясала белая ломаная линия — суммарный уровень шумов.

— Теперь, — сказал Камроу, — включаю ЭВМ. Вот...

Он нажал кнопку на панели, и характер линии на экране тотчас же изменился. Кривая стала спокойнее и равномернее, приобрела ритмичный, пульсирующий характер.

— Так, — произнес Мэнчик. Он сразу расшифровал для себя эту кривую, понял ее значение. Мозг его был уже занят другим, перебирал возможности, взвешивал варианты...

— Даю звук, — предупредил Камроу.

Он нажал другую кнопку, и в комнате зазвучал «просеянный» сигнал — равномерный скрежет с повторяющимися время от времени резкими щелчками.

Мэнчик кивнул:

— Двигатель. Работает на холостых. С детонацией...

— Так точно, сэр. Видимо, рация в фургоне не включена, и мотор продолжает работать. Именно это мы и слышим, когда сняты помехи...

— Хорошо, — сказал Мэнчик.

Трубка его погасла. Он пососал ее, зажег снова, вынул изо рта, снял с языка табачную крошку.

— Нужно еще доказать...— произнес он тихо, ни к кому не обращаясь.

Но как доказать? И что откроется? И какие будут последствия?..

— Что доказать, сэр?..

Мэнчик словно не слышал вопроса.

— У нас на базе есть «Скевенджер»?

— Не знаю, сэр. Но если нет, можно затребовать с базы Эдвардс...

— Затребуйте.

Мэнчик встал. Решение было принято, и он опять почувствовал усталость. Ночь предстояла трудная: непрестанные звонки, раздраженные телефонистки, скверная слышимость и недоуменные вопросы на другом конце провода...

— Потребуется облет поселка,— сказал он.— Все заснять на пленку. Все кассеты доставить прямо сюда. Объявить тревогу по лабораториям...

Кроме того, он приказал Камроу вызвать технических специалистов, в частности Джеггера. Джеггерс был неженка и кривляка, и Мэнчик его недолюбливал, но знал: Джеггерс хороший специалист. А сегодня понадобятся только хорошие специалисты.

В 23 часа 07 минут Сэмюэл Уилсон, по прозвищу Стрелок, летел над пустыней Мохаве со скоростью 1000 километров в час. Впереди и выше шли ведущие реактивные самолеты-близнецы; выхлопные сопла двигателей зловеще полыхали в черном небе. Ведущие выглядели неуклюже, словно беременные: под крыльями и фюзеляжем у них висели осветительные бомбы.

Самолет Уилсона был другой — гладкий, длинный, черный. «Скевенджер» — их во всем мире было семь — разведывательный вариант модели «Х-18», реактивный самолет среднего радиуса действия, полностью оборудованный как для дневной, так и для ночной разведки. Под крыльями у него были подвешены две 16-миллиметровые камеры: одна — для съемки в видимой части спектра, вторая — для спектрального фотографирования. Кроме того, он был оснащен инфракрасной камерой «Хоманс» и обычной электронной и радиолокационной аппаратурой. Все пленки и пластики, разумеется, обрабатывались автоматически еще в полете и были готовы для просмотра немедленно по возвращении на базу.

Техническое оснащение «Скевенджеров» позволяло им добиваться почти невозможного. Они могли заснять очертания города при полной светомаскировке и наблюдать за движением отдельных автомашин с высоты 2500 метров. Могли обнаружить подводную лодку на глубине пятьдесят-шестьдесят метров. Могли засечь положение мин в гавани по деформации движения волн и даже получить точные фотоснимки заводов через четыре часа после прекращения там всякой работы, фиксируя остаточное тепловое излучение зданий.

Вот почему «Скевенджер» как нельзя лучше подходил для полета над Пидмонтом глубокой ночью.

Уилсон тщательно проверил оборудование, пробежав пальцами по кнопкам и тумблерам и следя за перемигивающимися зелеными огоньками, которые подтверждали, что все системы исправны.

В наушниках затрещало. Послышался ленивый голос ведущего:

— Подходим к поселку, Стрелок. Видишь его?

Он, сколько мог, подался вперед в своей тесной кабине. Летели они довольно низко, и сначала ничего не было видно, кроме мелькания снега, песка и ветвей юкки. Затем впереди в лунном свете появились очертания домов.

— Вас понял. Вижу.

— Ладно, Стрелок. Дай нам уйти подальше...

Он отстал, увеличив дистанцию между собой и ведущими до одного километра. Они перестраивались в полет, чтобы обеспечить визуальную съемку объекта с помощью осветительных бомб. Собственно, необходимости в прямом видении не было — «Скевенджер» мог бы обойтись и без него. Но база Ванденберг требовала собрать всю информацию о поселке, какая только возможна...

Ведущие разошлись в стороны и легли на курсы, параллельные оси улицы.

— Стрелок, ты готов?

Уилсон осторожно накрыл пальцами кнопки камер. Четыре кнопки — четыре пальца, словно на клавишах рояля.

— Готов.

— Заходим...

Ведущие плавно нырнули вниз, к самому поселку. Теперь они шли далеко друг от друга, и, казалось, до земли оставались считанные метры, когда они сбросили бомбы. При ударе о землю каждая бомба выбросила

вверх ослепительно белый шар, и поселок залило неестественно ярким светом, отразившимся от дюралевых тел самолетов.

Ведущие, выполнив свою задачу, взмыли вверх, но Стрелок уже не видел их. Все его внимание, помыслы и чувства сосредоточились на одном — на поселке Пидмонт...

— Цель твоя, Стрелок.

Уилсон не ответил. Он отдал ручку от себя, выпустил закрылки, и самолет мучительно задрожал, падая камнем вниз. Свет заливал песок на сотни метров вокруг. Уилсон нажал на кнопки и скорее ощутил, чем услышал вибрирующий скрекот камер. Падение продолжалось один бесконечный миг, затем он рванул ручку на себя, самолет словно уцепился за воздух, подтянулся и полез в небо. Взгляд Уилсона скользнул вдоль улицы и запечатлел тела, тела повсюду, распростертые на мостовой...

— Ну и ну,— сказал он.

А потом он снова был наверху и все набирал высоту, одновременно разворачивая машину по широкой дуге, чтобы начать второй заход, и стараясь не думать о том, что видел. Одно из первейших правил воздушной разведки — «снимай побольше, размышляй поменьше»; оценивать, анализировать в обязанности пилота не входит. Это дело специалистов,— летчики, которые слишком интересуются тем, что снимают, обязательно попадают в беду. Чаше всего — гробятся.

Когда самолет вышел на повторный заход, Уилсон старался вовсе не смотреть на землю. Но все же не удержался и взглянул — и опять увидел тела. Фосфорные бомбы уже догорали, внизу стало тусклее и мрачнее. Но тела на улице лежали по-прежнему, они ему не померещились.

— Ну и ну,— повторил он опять.— Вот чертовщина...

Надпись на двери гласила: «Просмотровая Эпсилон». Чуть пониже, красными буквами: «Вход по специальным пропускам». За дверью была комната вроде как для инструктажа, только получше оборудованная: экран во всю стену, перед ним — с десятков железных стульев из гнутых труб с кожаными сиденьями, а у противоположной стены — проектор.

Когда Мэнчик и Камроу вошли, Джеггерс уже поджидал их у экрана. Этот невысокий человечек с упругой походкой и энергичным, довольно выразительным лицом

отнюдь не принадлежал к числу любимцев базы и тем не менее заслуженно считался мастером дешифровки аэрофотоснимков. Ему доставляло истинное наслаждение разгадывать разного рода маленькие загадки, он был будто создан для такой работы.

Мэнчик с Камроу уселись перед экраном.

— Ну так вот,— сказал Джеггерс, потирая руки,— давайте прямо к делу. Кажется, сегодня у нас есть для вас кое-что интересное...— Он подал знак оператору, заставшему у проектора: — Первую картинку!..

Свет в комнате погас, в проекторе что-то щелкнуло, и на экране возник поселочек среди пустыни, снятый сверху.

— Снимок не совсем обычный,— пояснил Джеггерс.— Из архивов. Сделан два месяца назад с нашего разведывательного спутника «Янос-12». Высота — вы, наверное, помните — 299 километров. Качество снимка превосходное. Не можем только прочитать номерные знаки у автомобилей, но работаем в этом направлении. К будущему году, вероятно, сможем...

Мэнчик поерзал на стуле, но ничего не сказал.

— На экране поселок Пидмонт, штат Аризона,— продолжал Джеггерс.— Жителей — сорок восемь человек. Поселок как поселок, ничего особенного, даже с трехсоткилометровой высоты. Вот магазин. Бензоколонка — обратите внимание, как отчетливо читаются буквы на рекламной надписи,— и почта. Вот — мотель. Остальное — частные дома. А это церковь... Давайте следующую картинку.

Еще щелчок. На этот раз изображение было темнее, с красноватым оттенком, явно тоже снимок поселка сверху. Контуры зданий казались очень темными.

— Теперь начнем с инфракрасных снимков, сделанных «Скевенджером». На инфракрасной пленке, как вам известно, изображение получается под воздействием тепловых, а не световых лучей. Теплые предметы получают на пленке светлыми, холодные — темными. Вот, взгляните, здания совсем темные, потому что они холоднее земли. С наступлением ночи здания отдают тепло быстрее...

— А эти белые пятна? — спросил Камроу.

На экране виднелось сорок или пятьдесят белых точек и полосок.

— Это люди,— сказал Джеггерс.— Одни внутри домов, другие на улице. Мы насчитали пятьдесят. В отдельных случаях — вот здесь, например,— ясно видны

четыре конечности и голова. А вот этот распластался прямо на мостовой.

Он закурил сигарету и указал на белый прямоугольник.

— Здесь, по-видимому, автомобиль. Обратите внимание: с одного конца яркое свечение. Значит, мотор все еще работает, все еще сильно разогрет...

— Фургон, — сказал Камроу. Мэнчик кивнул.

— Теперь вопрос, — сказал Джеггерс, — все ли люди мертвы? Уверенности на этот счет у нас нет. Температура тел не одинакова. Сорок семь из них относительно холодные — значит, смерть наступила некоторое время назад. Три тела теплее. Два из них в машине...

— Наши, — заметил Камроу. — А третий?..

— С третьим посложнее. Вот он, на улице, то ли стоит, то ли лежит, свернувшись клубком. Заметьте, пятно совершенно белое, то есть тело достаточно теплое. Мы определили температуру — около тридцати пяти. Конечно, это немного ниже нормы, но такое понижение температуры кожных покровов может быть связано с сужением периферических сосудов. Ночи в пустыне холодные... Следующий диапозитив!..

На экране появилась еще одна картинка. Мэнчик посмотрел на пятно и нахмурился:

— Оно передвинулось!

— Так точно. Снимок сделан при втором заходе. Пятно переместилось метров на двадцать... Еще картинку!.. Новое изображение.

— Опять передвинулось!

— Именно. Еще на пять — десять метров.

— Значит, кто-то там внизу живой?

— Таков предварительный вывод, — ответил Джеггерс.

Мэнчик прокашлялся.

— То есть это ваше мнение?

— Так точно, сэр. Это наше мнение.

— Что один человек остался в живых и разгуливает среди трупов?

Джеггерс пожал плечами и легонько постучал по экрану.

— Трудно истолковать эти данные как-нибудь иначе, да и...

Вошел солдат с тремя круглыми металлическими коробками в руках.

— У нас есть еще пленки прямой съемки, сэр...

— Прокрутить, — приказал Мэнчик.

Оператор вставил пленку в проектор. Секундой позже в комнату впустили лейтенанта Уилсона.

— Эти пленки я еще не просматривал, — заявил Джеггерс. — Пожалуй, лучше попросим летчика прокомментировать их...

Мэнчик кивнул и бросил взгляд на Уилсона; тот вытянулся и, нервно вытерев ладони о брюки, прошел вперед. Встал у экрана, обернулся и начал монотонно, деревянным голосом:

— Сэр, я прошел над целью сегодня вечером, между 23.08 и 23.13. Сделал два захода, первый с востока, затем с запада. Средняя скорость при съемке — триста сорок километров в час. Высота по скорректированному альтиметру двести сорок метров...

— Постой-ка, сынок. — Мэнчик поднял руку, — ты не на допросе. Рассказывай спокойнее, не торопись...

Уилсон кивнул и сглотнул слюну. Свет в комнате погас, застрекотал проектор. На экране появился поселок, залитый ярким белым сиянием осветительных бомб; эти кадры были сняты с малой высоты.

— Первый заход, — сказал Уилсон. — С востока на запад в 23.08. Снято камерой левого крыла со скоростью 96 кадров в секунду. Прямо по курсу улица...

Он запнулся. Явственно видны были тела. И фургон, стоящий на улице, — антенна на крыше все еще медленно вращалась. Когда самолет прошел прямо над фургоном, они заметили шофера, привалившегося к рулю.

— Превосходное качество изображения, — заметил Джеггерс. — Мелкозернистая пленка обладает поразительной разрешающей способностью...

— Уилсон докладывает о своем полете, — напомнил Мэнчик.

— Так точно, сэр, — отозвался Уилсон, чуть поперхнувшись, и вновь уставился на экран. — Я как раз проходил над целью и тут увидел убитых, всех вот этих... Мне тогда показалось, что их человек семьдесят пять...

Голос у него был напряженно тихий.

Изображение на экране исчезло, мелькнули какие-то цифры, потом опять возник поселок.

— Начинаю второй заход, — сказал Уилсон. — Осветительные бомбы уже догорают, и все-таки можно видеть...

— Остановите кадр, — приказал Мэнчик.

Оператор повиновался — изображение на экране застыло. Прямая улица, и на ней тела.

— Прокрутите назад.

Фильм пошел в обратную сторону, будто самолет удалялся от улицы.

— Стоп! Вот он!..

Кадр снова застыл. Мэнчик поднялся, подошел поближе к экрану и пригляделся.

— Посмотрите-ка,— он указал на человека в белой рубашке до колен. Тот стоял и смотрел вверх, на самолет. Старик с морщинистым лицом и широко раскрытыми глазами.— Что вы на это скажете?..

Джеггерс тоже подошел поближе. Сдвинул брови.

— Прокрутите ролик чуточку вперед...

Изображение ожило, и они отчетливо увидели, как человек повернул голову, провожая глазами пролетающий самолет.

— Теперь назад...

Фильм пошел назад. Джеггерс усмехнулся:

— Похоже, что он жив, сэр...

— Вот именно,— резко сказал Мэнчик.— Несомненно жив...

Он встал и пошел к двери. На пороге приостановился и сообщил, что на базе объявляется чрезвычайное положение, всему персоналу надлежит оставаться на своих местах до особого распоряжения, всякие телефонные разговоры и другие контакты с внешним миром прекращены, а все только что увиденное на экране объявляется секретным.

Выйдя в коридор, он зашагал к Центру управления. Камроу последовал за ним.

— Позвоните генералу Уилеру,— распорядился Мэнчик,— и передайте ему, что я ввел чрезвычайное положение, не ожидая санкции, и прошу его немедленно прибыть на базу...

По уставу объявлять чрезвычайное положение имел право только командир базы.

— Может, лучше вам самому доложить? — спросил Камроу.

— У меня других забот хватает,— отрезал Мэнчик.

Тревога

Артур Мэнчик вошел в маленькую звуконепроницаемую кабину и сел за столик у телефона. Он точно знал, что собирается предпринять, — правда, еще не понял до конца зачем.

Как один из старших офицеров, ведающих программой «Скуп», Мэнчик с год назад был ознакомлен с программой «Лесной пожар». Пояснения им давал тогда коренастый человек с сухой и точной манерой речи — профессор какого-то университета. Подробности Мэнчик позабыл, помнил только, что где-то находится какая-то лаборатория и группа из пяти ученых, которых можно вызвать туда по тревоге. Задача группы — исследование внеземных форм жизни в случае, если они будут занесены американскими космическими аппаратами, вернувшимися на Землю.

Имена этих пяти Мэнчику не называли, но он знал, что для их вызова есть специальный прямой провод министерства обороны. Подключиться к прямому проводу можно, набрав определенный условный номер в двоичном исчислении. Он полез в карман за бумажником, порылся там и вытащил карточку, которую передал ему тогда профессор:

В случае пожара
оповестить подразделение 87

Звонить только при чрезвычайных обстоятельствах

Он уставился на карточку и задумался: что же произойдет, когда он наберет двоичный эквивалент числа 87? С кем ему придется говорить? Или кто-нибудь ему позвонит? А может, будут проверять, уточнять, докладывать вышшему начальству?

Он протер глаза, взглянул на карточку еще раз и пожал плечами. Так или иначе, сейчас он все узнает. Вырвал листок из блокнота, лежавшего рядом с телефоном, и принялся писать цифры.

Основа двоичной системы исчисления — 2, возведенное в какую-либо степень. Два в нулевой степени — единица, два в первой — два, два в квадрате — четыре, и так далее.

Мэнчик обратился к двоичному коду, предназначен-

ному для ЭВМ, которые пользуются этим простейшим языком: «Включено» — «Выключено», «Да» — «Нет». Один математик сострил как-то, что двоичные числа — это способ счета, придуманный людьми, у которых на каждой руке всего по одному пальцу. А по существу это перевод обычных чисел, выраженных в десятичной системе с помощью девяти значащих цифр, в систему, имеющую всего две цифры: 1 и 0.

Мэнчик закончил пересчет, посмотрел на выписанные им цифры и поставил черточки: 1—010—111. Вполне правдоподобный телефонный номер. Он снял трубку и набрал этот номер.

Часы показывали ровно полночь.

День второй

ПИДМОНТ

5

Ночь и утро

Все было в полной готовности. Кабели, шифровальные устройства, телетайпы дремали в ожидании долгих два года. Но достаточно было одного звонка Мэнчика — и машина пришла в движение.

Когда он кончил набирать номер, послышалось несколько щелчков, затем низкий жужжащий звук, означавший, как он знал, что вызов переключен на одну из линий шифрованной связи. Через несколько секунд жужжание прекратилось, и раздался голос:

— Разговор записывается на пленку. Назовите вашу фамилию, изложите сообщение и повесьте трубку.

— Докладывает майор Мэнчик, база ВВС Ванденберг, Центр управления программой «Скуп». Считаю необходимым объявить тревогу по режиму «Лесной пожар». Располагаю данными визуальных наблюдений, подтверждающими чрезвычайное происшествие. База по соображениям безопасности изолирована...

Он говорил, а самому ему все это представлялось просто невероятным. Даже магнитофонная лента — и та ему не поверит. Он еще долго сидел с трубкой в руке,

почему-то ожидая ответа. Но ответа не было, лишь щелчок, оповестивший, что линия автоматически отключилась. Трубка безмолвовала, он положил ее на рычаг и вздохнул. Он сделал все, как положено, но не получил ни малейшего удовлетворения.

Мэнчик полагал, что в самые ближайшие минуты его вызовут из Вашингтона, что в ближайшие часы звонки посыплются один за другим, и не отходил от телефона. Но никаких звонков не было; не мог же он знать, что дал толчок автоматическому процессу, независимому от человека. Раз объявленная, тревога по программе «Лесной пожар» протекала строго по плану, и отменить ее можно было не ранее чем через двенадцать часов.

Не прошло и десяти минут, как станция шифрованной связи особой секретности приняла следующее сообщение:

В к л ю ч е н о

совершенно секретно
код CBW 9/9/234/435/6778/900
координаты дельта 8997
следует текст
объявлена тревога режиму лесной пожар повторяем
объявлена тревога лесной пожар компетенция
НАСА — медслужба армии — совет нацбезопасности
режим вступает в действие немедленно
дополнительные указания
прессе не сообщать
возможно применение директивы 7—12
состояние тревоги до особого распоряжения
конец

Сообщение это передавалось автоматически. Все до строчки, включая указания относительно прессы и возможного применения директивы 7—12, было предусмотрено заранее, и теперь, после звонка Мэнчика, начало проводиться в жизнь.

Через пять минут последовала еще одна телеграмма, в которой были названы члены группы «Лесной пожар»:

В к л ю ч е н о

совершенно секретно
код CBW 9/9/234/435/6778/900
следует текст

следующие американские граждане мужского
пола
переводятся на положение зет каппа допуск
совершенно секретным работам подтверждается
фамилии следуют
стоун джереми
ливитт питер
бертон чарлз
кристиансенкрик оставить данную строку
вычеркнуть
читать
керк кристиан
холл марк
перечисленные лица переводятся на положение
зет каппа до особого распоряжения
конец

Предполагалось, что эта телеграмма также имеет совершенно служебный характер; назначение ее было — назвать фамилии пяти лиц, переводимых на положение «зет каппа» — кодовое наименование особого допуска. Но, к несчастью, машина неправильно напечатала одно из имен и затем не передала все сообщение повторно. (Если телетайп на секретной линии связи допускал ошибку, все сообщение полагалось передать заново либо перечитать на ЭВМ, чтобы установить, каков же его точный смысл.)

Поэтому телеграмма вызвала сомнение в ее достоверности. В Вашингтоне и кое-где еще пригласили специалистов по ЭВМ для подтверждения правильности сообщения методом так называемого обратного прослеживания. Вашингтонский специалист высказал на этот счет серьезные опасения, поскольку телетайп допустил еще и другие мелкие ошибки. И привело все это к тому, что допуски получили лишь первые двое по списку, а остальные — нет, впредь до надлежащего подтверждения.

Элисон Стоун устала. В доме на склоне холма, откуда открывалась панорама Стэнфордского университетского городка, она и ее муж, профессор бактериологии, принимали сегодня гостей — пятнадцать супружеских пар, и все засиделись допоздна. Миссис Стоун была раздосадована: она выросла в официальном Вашингтоне, где вторая чашка кофе, предложенная подчеркнуто

без коньяка, воспринималась гостями как сигнал расходиться по домам. К несчастью,— сокрушалась она про себя — ученые не сильны в правилах хорошего тона. Вторую чашку кофе она подала часа полтора, а то и два назад, а они все еще сидели...

Было около часу ночи, когда у входной двери раздался звонок. Она открыла и с удивлением увидела у порога двух военных. Ей показалось, что они взволнованны и смущены, и она решила, что они заблудились — по ночам машины часто плутали в этих жилых районах, застроенных частными особняками...

— Чем могу помочь?

— Извините за беспокойство, мадам,— вежливо сказал один из них.— Здесь проживает доктор Джереми Стоун?

— Да,— ответила она, слегка нахмурясь.— Здесь...

За спинами военных, на дороге, она заметила синюю армейскую машину. Около нее стоял третий человек, и в руках у него поблескивало что-то такое...

— Он что, с оружием? — спросила миссис Стоун.

— Мадам,— сказал военный,— будьте так добры, нам немедленно нужен доктор Стоун.

Все это, право же, было странно, и ей почему-то стало не по себе. Выглянув за дверь, она увидела еще одного, четвертого человека, который подходил к особняку, заглядывая в окна. В бледном свете, падавшем из окон на газон, она ясно увидела в руках у человека карабин.

— Что за представление?

— Мадам, мы не хотели бы тревожить ваших гостей. Будьте любезны вызвать доктора Стоуна сюда...

— Право, не знаю...

— Иначе нам придется зайти самим.

Миссис Стоун колебалась, но сказала:

— Подождите минутку...

Она отступила на шаг и попыталась закрыть дверь, но один из военных уже проскользнул в прихожую. Он встал у самой двери, прямой и корректный, фуражка в руке.

— Я подожду здесь, мадам,— заявил он и даже улыбнулся.

Она вернулась к гостям, стараясь делать вид, будто ничего особенного не случилось. В комнате было шумно и сильно накурено; все шутили, спорили, смеялись. Джереми она нашла в углу, где толковали о последних

беспорядках. Тронув его за плечо, отвела от собеседников.

— Это, может, и нелепо,— сказала Элисон,— но там, в прихожей, тебя спрашивает какой-то в форме, и еще один стоит снаружи у дверей, а двое вооруженных бродят вокруг дома. Они утверждают, что им надо повидать тебя...

Стоун как будто удивился, но тут же кивнул:

— Сейчас я с ними разберусь...

Она обиделась: он вел себя так, словно ждал этого визита.

— Ну, знаешь, если тебе было что-то известно заранее, мог бы по крайней мере предупредить...

— Не мог,— перебил он.— Объясню потом...

Он вышел в прихожую, к военному. Элисон за ним.

— Я доктор Стоун.

— Капитан Мортон,— представился военный, хотя руки и не подал.— Пожар, сэр...

— Понятно,— сказал Стоун. Бросил взгляд на свой вечерний костюм.— Я успею переодеться?

— Боюсь, что нет, сэр.

К своему изумлению, Элисон увидела, как муж согласен кивнул:

— Понятно.

Он повернулся к ней и добавил:

— Придется мне уехать...

Лицо его не выражало ровным счетом ничего, и от этого происходящее становилось похожим на кошмар. Она недоумевала, ей стало страшно.

— Когда ты вернешься?

— Не знаю. Через неделю, через две. А может, позже...

Она старалась говорить тихо, но не могла овладеть собой.

— Что это все-таки значит? Ты арестован?

— Да нет,— ответил он, усмехнувшись.— Ничего подобного. Ты там извинись за меня перед гостями, хорошо?..

— Но эти люди, они с ружьями...

— Миссис Стоун,— вмешался военный,— на нас возложена задача охранять вашего мужа. С этой минуты с ним ничего не должно случиться...

— Вот именно,— сказал Стоун.— Видишь, я неожиданно стал важной персоной...

Он еще раз улыбнулся странной, вымученной улыб-

кой и поцеловал ее. И не успела она до конца осознать, что происходит, как он уже вышел на улицу: капитан Мортон — справа, второй военный — слева. Третий, с карабином, безмолвно пристроился сзади; человек у машины отдал честь и распахнул дверцу.

Вспыхнули фары, дверца захлопнулась, машина дала задний ход, развернулась и исчезла в ночи. Миссис Стоун все стояла у порога, пока один из гостей не подошел и не спросил:

— Элисон, что с вами?

Она нашла в себе силы улыбнуться и ответить:

— Да нет, ничего. Джереми пришлось срочно уехать. Вызвали в лабораторию: опять какой-то затяжной эксперимент и что-то там не получается...

Гость покачал головой и сказал:

— Жаль. У вас сегодня было так славно...

Стоун откинулся на сиденье и пристально взглянул на военных. Лица у них были по-прежнему непроницаемо спокойны.

— Что у вас есть для меня? — спросил он.

— Для вас, сэр?..

— Да, черт побери. Что вам для меня передали? Что-нибудь должны были передать...

— Ах да, сэр.

Ему вручили тоненькую папку. На темной обложке было выведено по трафарету: «Программа «Скуп». Краткие сведения»..

— Это все?

— Все, сэр.

Стоун вздохнул. О программе «Скуп» он никогда до этого дня не слышал; придется проштудировать папку самым тщательным образом. В машине слишком темно. Впрочем, время для чтения будет потом, в самолете. Он стал припоминать события последних пяти лет, начиная с того довольно необычного симпозиума на Лонг-Айленде и выступления коротышки-англичанина, который, если разобраться, положил всему этому начало.

Летом 1962 года на Десятом биологическом симпозиуме, состоявшемся в Коулд-Спринг Харбор на острове Лонг-Айленд, выступил английский биофизик Дж. Меррик. Доклад его назывался «Частоты биологических

контактов в соответствии с вероятностями видообразования». Меррик слыл бунтарем, не признающим авторитетов, и пользовался репутацией человека, не отличающегося особой ясностью мышления; недавний его развод и присутствие на симпозиуме яркой блондинки-секретарши лишь упрочили подобную репутацию. Представленный им доклад не вызвал сколько-нибудь серьезного обсуждения, мало кого заинтересовали и основные его идеи, сжато резюмированные в заключительной части следующим образом:

«Итак, мы установили, что вероятность первого контакта с внеземной жизнью предопределяется вероятностями видообразования. Неоспорим тот факт, что сложных организмов на Земле мало, а простые чрезвычайно многообразны. Существуют миллионы видов бактерий и тысячи видов насекомых; однако приматы представлены очень небольшим числом видов, а человекообразные обезьяны — всего четыремья. И наконец, человек представлен лишь одним-единственным видом.

Аналогичная закономерность проявляется и в отношении численностей отдельных видов. Простые существа встречаются неизмеримо чаще, чем сложные организмы. На Земле живет три миллиарда человек, и нам представляется, что это очень много, пока мы не вспомним, что обыкновенная колба может вместить бактерий в десять и даже в сто раз больше.

Все доступные нам данные о происхождении жизни указывают на эволюционное развитие от простых форм жизни к сложным. Это положение справедливо для Земли, справедливо оно, по-видимому, и для всей Вселенной. Шепли, Мерроу и другие авторы подсчитали число планет в ближайших к нам областях Вселенной, на которых возможна жизнь. Мои расчеты, приведенные выше, касаются относительной распространенности во Вселенной организмов различных видов.

Цель, которую я себе поставил, заключается в определении вероятности контакта человека с другими формами жизни. Вероятности эти воспроизводятся в следующей таблице:

ФОРМЫ ЖИЗНИ

ВЕРОЯТНОСТЬ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Организмы одноклеточные или еще меньшего размера (чистая генетическая информация)	0,784
Организмы многоклеточные, простые	0,194
Организмы многоклеточные, сложные, но не обладающие развитой нервной системой	0,014
Организмы многоклеточные с развитыми системами органов, включая нервную систему	0,0078
Организмы многоклеточные с нервной системой, способной перерабатывать информацию высокой сложности (на уровне возможностей человека)	0,0002

Итого: 1,0000

Исходя из вышеуказанных соображений, я прихожу к выводу, что первым соприкосновением человека с внеземной жизнью будет контакт с организмами, если не идентичными земным бактериям или вирусам, то сходными с ними. Последствия такого контакта внушают серьезные опасения, если принять во внимание, что три процента всех видов земных бактерий способны оказывать то или иное вредное воздействие на человека».

Далее сам Меррик признал возможным, что первым таким контактом станет контакт с бациллами чумы, завезенными с Луны первыми космонавтами, которые там побывали. Это предположение сильно позабавило собравшихся ученых.

Джереми Стоун относился к тем немногим, кто воспринял идеи Меррика всерьез. В свои тридцать шесть лет Стоун был, вероятно, самым известным из участников симпозиума. Уже шесть лет он возглавлял кафедру бактериологии в Стэнфорде, а незадолго до симпозиума удостоился Нобелевской премии.

Список научных достижений Стоуна, не считая даже серии экспериментов, за которую ему присудили Нобелевскую премию, поразителен. В 1955 году он был первым, кто применил особый метод подсчета бактериальных клеток в культуре. В 1957 году разработал интересный метод получения чистых суспензий. В 1960 году опубликовал принципиально новую теорию действия оперонов у *E. coli* и *S. tabuli* и получил данные относительно физической природы индукторов и репрессоров. Его

работа о линейных вирусных превращениях, опубликованная в 1958 году, положила начало новым направлениям научных исследований, развитым, в частности, учеными Пастеровского института, которые в дальнейшем, в 1966 году, получили за эти исследования Нобелевскую премию.

Сам Стоун стал нобелевским лауреатом в 1961 году за работу в области мутантных реверсий бактерий — работу эту он выполнил в свободное время, еще когда был двадцатилетним студентом юридического факультета Мичиганского университета.

Самое значительное свойство Стоуна как личности проявилось, наверное, в том, что, будучи еще студентом-правоведом, он написал работу на уровне нобелевских стандартов, показав поистине необычайную широту и глубину интересов. Как сказал один из его друзей, «Джереми знает все, а всем остальным увлекается». Уже случалось, что его сравнивали и с Эйнштейном, и с Бором как человека, обладающего и совестью ученого, и широтой взглядов, и пониманием значения событий...

Стоун был худощав и лысоват; он отличался феноменальной памятью, которая с равной легкостью хранила как научные факты, так и непристойные анекдоты. Но наиболее характерной чертой Стоуна был витавший вокруг него дух нетерпения: у всех, кто общался с ним, обязательно возникало чувство, что они заставляют его попусту тратить драгоценное время. Он имел отвратительную привычку перебивать собеседников и обрывать разговор на полуслове, привычку, от которой безуспешно пытался избавиться. Держался он высокомерно, а если добавить к этому присуждение Нобелевской премии в молодом возрасте да еще скандальные события его личной жизни — он был женат четыре раза, в том числе дважды на женах своих коллег, — то отнюдь не удивительно, что окружающие не пылали любовью к нему.

Однако именно Стоун в начале 60-х годов пробился в правительственные круги в качестве одного из ходатаев от лица «новой науки». Роль эту он воспринимал с шутливой покорностью — «вакуум жаждет, чтоб его заполнили раскаленным газом», как он сам выразился однажды, — но в действительности оказывал значительное влияние на ход событий.

К началу 60-х годов Америка волей-неволей пришла, наконец, к пониманию того, что она обладает значительным комплексом научных учреждений. По сравнению с Европейским Экономическим Сообществом ученых в

США было больше в четыре раза, а денег они тратили больше в семь раз. Львиная доля этих денег поступала прямо или косвенно от конгресса, и конгрессу были очень нужны люди, способные дать толковый совет, как их лучше истратить.

В 50-е годы все крупнейшие советники были физиками: Теллер и Оппенгеймер, Брэкмен и Уайднер. Но десять лет спустя, когда биология стала привлекать гораздо больше средств и внимания, выделилась новая группа во главе с Дибэйки в Хьюстоне, Фармером в Бостоне, Хеггермэном в Нью-Йорке и Стоуном в Калифорнии.

Выдвижению Стоуна помогли многие обстоятельства: престиж нобелевского лауреата, политические связи, поддержка его последней жены — дочери Томаса Уэйна, сенатора от штата Индиана, — и, наконец, его юридическое образование. Все это, вместе взятое, привело к тому, что Стоун неоднократно выступал перед разными вконец запутавшимися сенатскими подкомитетами и получил немалую власть, какой наделены особо доверенные советники.

Эту власть он использовал в полной мере при проведении научно-исследовательских и строительных работ по программе «Лесной пожар».

Стоун заинтересовался выводами Меррика — ведь они были созвучны его собственным идеям. Идеи эти были изложены в короткой статье под заголовком «Стерилизация космических аппаратов», опубликованной в журнале «Сайенс», а затем перепечатанной в английском журнале «Нейчур». Стоун исходил из той посылки, что угроза бактериального заражения при космических исследованиях — угроза двусторонняя и что защита от нее также должна быть двусторонней.

До статьи Стоуна предметом научного обсуждения служила в основном лишь опасность, угрожающая другим планетам от спутников и космических зондов, которые могут нечаянно занести туда земные микроорганизмы. Подобная возможность учитывалась уже на заре американских космических исследований, и к 1959 году в НАСА были введены строгие правила стерилизации космических аппаратов перед запуском.

Целью введения этих правил было предотвратить загрязнение других миров. Ведь если на зонде, запускаемом к Марсу или Венере в поисках новых форм жизни, окажутся земные бактерии, весь эксперимент неизбежно будет сорван.

Стоун рассмотрел ситуацию, противоположную по характеру. Он указал, что в равной мере вероятно и другое: заражение Земли внеземными организмами через посредство космических зондов. Аппараты, сторающие при вхождении в плотные слои атмосферы, никакой опасности не создают, но любая «мягкая» посадка — как пилотируемых кораблей, так и зондов наподобие спутников «Скуп» — меняет положение коренным образом. Тут, указывал Стоун, опасность внеземного заражения становится очень серьезной.

Статья его вызвала кратковременный и быстро угасший интерес. «Я надеялся на большее», — признался он впоследствии. Поэтому в 1963 году он сколотил неофициальную семинарскую группу, которая дважды в месяц собиралась в комнате 410 на верхнем этаже биохимического корпуса Стэнфордского медицинского института позавтракать и поспорить о проблеме заражения извне. Именно эта группа из пяти человек — Стоун и Джон Блэк из Стэнфорда, Сэмюэл Холден и Терренс Лиссет из Калифорнийского медицинского института и Эндрю Вайс с биофизического факультета университета в Беркли — составила позже первое ядро программы «Лесной пожар». В 1965 году они направили президенту петицию, намеренно копирующую известное письмо Эйнштейна Рузвельту относительно атомной бомбы.

*Стэнфордский университет
Пало-Альто, штат Калифорния
10 января 1965 года*

Президенту Соединенных Штатов
Белый дом
1600, Пенсильвания-авеню
Вашингтон, округ Колумбия

Уважаемый господин президент!

Теоретические работы последнего времени указывают на то, что меры стерилизации космических аппаратов, возвращаемых на Землю, могут оказаться недостаточными для обеспечения стерильности аппаратов при вхождении в земную атмосферу. Вследствие этого существует потенциальная опасность привнесения болезнетворных организмов в существующую земную экологическую структуру.

По нашему мнению, полностью удовлетворительной

стерилизации космических зондов и пилотируемых аппаратов, возвращаемых на Землю, достичь невозможно. Проведенные нами расчеты свидетельствуют, что даже если аппараты будут подвергаться стерилизации в космическом пространстве, то и тогда вероятность заражения все еще составит одну десятитысячную, если не более. Эти расчеты основаны на данных об известных нам формах организованной жизни; другие формы жизни могут быть устойчивы к любым методам стерилизации.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем необходимым безотлагательно создать научный комплекс, способный бороться с внеземными формами жизни, если таковые будут случайно привнесены на Землю. Указанный комплекс преследовал бы двоякую цель: ограничить распространение чуждой формы жизни и обеспечить лабораторное ее исследование и анализ с целью защиты земной жизни от ее вредного воздействия.

Мы рекомендуем расположить указанный комплекс в ненаселенном районе Соединенных Штатов, разместить его под землей, оснастить всеми известными современной науке средствами герметизации и, наконец, предусмотреть в нем ядерное устройство самоликвидации на случай какого-либо чрезвычайного происшествия. Насколько нам известно, никакая форма жизни не в состоянии выдержать температуру в два миллиона градусов, возникающую при ядерном взрыве.

С искренним уважением

*Джереми Стоун, Джон Блэк, Сэмюэл Холден,
Терренс Лиссет, Эндрю Вайс*

Реакция на письмо была обнадеживающе быстрой. Через двадцать четыре часа Стоуну позвонил один из советников президента, а на следующий день он вылетел в Вашингтон для встречи с президентом и членами Совета Национальной Безопасности. Спустя две недели пришлось лететь и в Хьюстон, чтобы обсудить дальнейшие планы с представителями НАСА.

Правда, раз или два, как вспоминает Стоун, ему доводилось слышать шуточки насчет «дурацкой затеи — вытрезвителя для козлявок», но большинство ученых, с которыми он говорил, отнеслось к его проекту благоприятно. Через месяц неофициальная группа Стоуна получила законные права Комитета по изучению проблемы заражения извне и выработке соответствующих рекомендаций.

Комитет был занесен в список мероприятий по пер-

спективным исследованиям (СМПИ) Министерства обороны Соединенных Штатов и субсидировался по линии этого министерства. В это время СМПИ содержал в основном физические и химические исследования: по ионным распылителям, реверсивному дублированию, пимезонным субстратам, однако постепенно министерство обрело интерес и к биологическим вопросам. Например, одна из групп, включенных в СМПИ, разрабатывала методику электронного зондирования мозговой деятельности (а честно говоря, методику управления мышлением); другая группа исследовала возможности биосинергии, то есть совместного существования человека и машин, вживленных в его организм; третья оценивала результаты «проекта Озма» — поиска внеземных цивилизаций, проводившегося в 1961—1964 годах. Была еще четвертая группа — она занималась предварительной разработкой конструкции машины, которая могла бы выполнять все человеческие функции и была бы способна к самовоспроизведению.

Все эти исследования имели сугубо теоретический характер, и возглавляли их довольно известные ученые. Внесение в СМПИ гарантировало определенные, весьма значительные права, а главное — деньги для проведения и расширения экспериментов.

И вот, как только комитет во главе со Стоуном представил предварительный набросок «Методики анализа жизни», где подробно излагались способы изучения любых возможных жизненных форм, Министерство обороны тут же выделило 22 миллиона долларов на строительство специальной изолированной лаборатории. (Выделение столь значительной суммы объяснялось и тем, что полученные здесь результаты могли иметь значение для ряда других, уже начатых разработок. В 1965 году все проблемы стерилизации и борьбы против заражения представлялись первостепенно важными. НАСА, например, начало строительство «приемной лунной лаборатории» для космонавтов кораблей «Аполлон», которые могут занести с Луны на Землю вредные для человека бактерии или вирусы. Каждый, кто побывал на Луне, должен подвергнуться в этой лаборатории трехнедельному карантину до полного завершения дезинфекции. Были и другие смежные и весьма важные проблемы — создание «сверхчистых» цехов в промышленности, где требовалось свести содержание пыли и микробов в воздухе к предельному минимуму, и «стерильных камер» — их проектировали в Национальном институте здравоохранения

в Бетесде. Предполагалось, что в будущем обеспечение асептической среды, «острова жизни» и системы поддержания стерильности приобретут еще большее значение, и средства, выделенные Стоуну, рассматривались как надежное капиталовложение во все эти начинания.)

А как только появились деньги, за строителями дело не стало, и в 1966 году лаборатория «Лесной пожар» во Флэтроке, штат Невада, была закончена. Авторами проекта выступили конструкторы-кораблестроители из отдела электрокораблей компании «Дженерал дайнэмикс» — фирма эта накопила солидный опыт проектирования жилых отсеков на атомных подводных лодках, где людям приходилось жить и работать по многу месяцев подряд.

По проекту лаборатория представляла собой пятиэтажное подземное сооружение конусообразной формы. Каждый этаж, иначе — уровень, представлял собой кольцо; посередине — вертикальный сердечник-шахта, где размещались кабели, трубопроводы, лифты. Каждый последующий уровень более стерилен, чем предыдущий: первый сверху — нестерилен, второй — умеренно стерилен и так далее. Перемещение с уровня на уровень жестко контролировалось; персонал, прежде чем подняться или спуститься, должен был всякий раз проходить целый ряд дезинфекционных и карантинных процедур.

Когда лаборатория была построена, оставалось одно — подобрать группу ученых, которые были бы готовы по первому сигналу приняться за изучение чуждых Земле организмов. Из многих возможных кандидатов в состав группы тревоги по программе «Лесной пожар» были отобраны пять человек, включая самого Джереми Стоуна. Все пятеро согласились в случае биологической тревоги считать себя немедленно мобилизованными.

Не прошло и двух лет после письма президенту, а Стоун уже мог с полным правом сказать, что его страна «теперь способна справиться с любым неведомым биологическим врагом». Он делал вид, что крайне польщен тем, с какой готовностью правительство откликнулось на его предложения и с какой поспешностью претворило их в жизнь. Однако в узком кругу друзей он признался, что все получилось до странности легко, что слишком уж быстро согласился Вашингтон с его планами.

Стоун не знал и не мог знать, что скрывалось за готовностью Вашингтона, не догадывался, что многие правительственные деятели крайне заинтересованы в поста-

новке и решении этой проблемы. Ибо до той ночи, когда Стоун покинул своих гостей и укатил в синем военном лимузине, он и понятия не имел о программе «Скуп».

— Эта пташка — самая быстрая, какую мы сумели найти, сэр, — сказал военный.

Стоун вошел в самолет, смущенный нелепостью происходящего. Огромный «Боинг-727» был совершенно пуст; ряды незанятых кресел уходили куда-то далеко к хвосту.

— Если хотите, садитесь в первом классе, — предложил военный, усмехнувшись. — Нам все равно...

И ушел. Стюардессы в самолете не было; вместо нее явился хмурый солдат военной полиции с пистолетом на боку. Он встал, вытянувшись у двери. Двигатели дрогнули и тихо взвыли в ночи.

Стоун откинулся в кресле, разложил на коленях папку с материалами по программе «Скуп» и стал читать. Вскоре он заинтересовался и пробежал страницу за страницей так быстро, что солдат решил: пассажир просто перелистывает подшивку от нечего делать. Стоун между тем не пропускал ни слова.

Программа «Скуп» была детищем генерал-майора Томаса Спаркса, начальника Управления химического и биологического оружия медицинской службы американской армии. Спаркс руководил исследованиями по этим видам оружия, проводимыми в Форт-Детрике, штат Мэриленд, в Харлее, штат Индиана, и в Дагуэе, штат Юта. Стоун видел Спаркса раз или два и помнил лишь, что тот человек обходительный, носит очки и выглядит совсем не так, как можно бы ожидать от персоны, занимающей подобный пост.

Теперь, читая материалы, Стоун узнал, что контракт на разработку спутников «Скуп» был заключен с лабораторией реактивных двигателей при Калифорнийском технологическом институте в Пасадене в 1963 году. Было объявлено, что цель программы «Скуп» — сбор живых организмов, могущих существовать в верхних слоях атмосферы, иными словами, в ближней зоне космического пространства. На деле это была армейская программа, хотя финансировалась она через Национальное управление аэронавтики и космических исследований — организацию якобы гражданскую. Фактически же НАСА — учреждение правительственное, притом весьма загруженное чисто военными заказами: в 1963 году 43 процента

работ, проводившихся по его заказам, были засекречены.

Формально лаборатория реактивных двигателей проектировала спутник для вывода к нижним границам космического пространства, сбора микроорганизмов и пыли и последующего их изучения. Программа считалась чисто научной, затеянной чуть ли не любопытства ради, — именно так расценивали ее все ученые, которые были с ней связаны.

Истинные цели программы «Скуп» были, однако, совершенно иными. «Скуп» предназначался для обнаружения таких новых форм жизни, которые могли бы пригодиться Форт-Детрику, короче говоря, это была программа, рассчитанная на открытие новых видов бактериологического оружия.

Форт-Детрик в штате Мэриленд — беспорядочная группа зданий, разбросанных на площади 500 гектаров, — строился специально для разработки новых химических и биологических средств ведения войны. Установки и приборы, собранные здесь, оцениваются в 100 миллионов долларов — это один из самых крупных исследовательских центров в Соединенных Штатах. Только 15 процентов проведенных здесь работ освещаются в открытых научных журналах, остальное засекречено, как и все исследования в Харлее и Дагуэе. Харлей представляет собой сверхсекретное учреждение, занимающееся главным образом вирусами; за последние десять лет там выведены многие «новинки», начиная со штамма под кодовым наименованием «Керри Нейшн» (тяжелые расстройства пищеварения) и кончая штаммом «Арнольд» (судороги и смерть). Испытательный полигон Дагуэй в штате Юта, размерами больше целого штата Род-Айленд, используется преимущественно для испытания отравляющих веществ типа «Табун», «Склар» и «Кафф-11».

Стонун знал: не многие американцы представляют себе, какого размаха достигли в США военные химико-биологические приготовления. Сумма правительственных расходов на разработку химического и бактериологического оружия превышает 500 миллионов долларов в год. Значительная доля этой суммы распределяется между такими академическими центрами, как Университет Джона Гопкинса в Пенсильвании и Чикагский университет. Договоры на исследования в области вооружений маскировались здесь нарочито туманными формулировками. Правда, иногда туман чуть-чуть рассеи-

вался. Например, в Университете Джона Гопкинса выполняли программу «сравнительного изучения существующих или потенциально возможных болезней, представляющих интерес для ведения биологической войны, и изучения некоторых химических и иммунологических реакций на отдельные анатоксины и вакцины».

За последние восемь лет о работах, проведенных в Университете Джона Гопкинса, в открытую печать не просочилось ни слова. Результаты, полученные в некоторых других университетах, например, в Чикаго и Лос-Анджелесе, изредка печатались, но военное ведомство рассматривало эти публикации как «пробные шары», предназначенные прежде всего для устрашения иностранных наблюдателей. Классическим примером такого рода была статья Тендрона и еще пяти авторов, озаглавленная «Исследование токсина, быстро прерывающего окислительное фосфорилирование путем абсорбции через кожу». В статье описывался, но не назывался яд, который впитывается через кожу и убивает человека менее чем за минуту. И открыто признавалось, что это еще относительно мелкое «достижение» по сравнению с другими ядами, разработанными за последнее время.

При таких затратах сил и средств, казалось бы, можно ожидать, что с каждым годом будут появляться все новые, все более и более смертоносные виды химико-бактериологического оружия. Однако за пятилетие с 1961 по 1965 год этого не наблюдалось, и сенатский подкомитет по военной готовности еще в 1961 году пришел к выводу, что в этой области «обычные методы научных исследований уже почти исчерпали себя» и что надо «искать новые методы и пути решения проблем».

Именно так и поступил генерал Томас Спаркс, принимаясь за программу «Скуп».

В своем окончательном виде программа «Скуп» была рассчитана на запуск семнадцати спутников, предназначенных для сбора и доставки на Землю внеземных микроорганизмов. Стоун прочитал краткие отчеты по уже состоявшимся полетам.

«Скуп-1», позолоченный конус весом около 17 килограммов, был запущен 12 марта 1966 года с базы ВВС Ванденберг в Калифорнии. Ванденберг используется, как известно, для запусков в направлении с запада на восток в отличие от мыса Кеннеди, где старты ориентированы в обратном направлении — с востока на запад; кроме того, на базе Ванденберг в отличие от мыса Кеннеди легче сохранить все в тайне...

«Скуп-1» шесть дней находился на орбите искусственного спутника Земли, а потом был благополучно посажен в болото близ местечка Атенс в штате Джорджия. Но в контейнере спутника оказались, увы, лишь самые обыкновенные земные бактерии.

«Скуп-2» из-за неполадок с приборами сгорел при вхождении в плотные слои атмосферы. «Скуп-3» тоже сгорел, хотя и был защищен новейшей слоистой пластико-вольфрамовой теплоизоляцией.

«Скуп-4» и «Скуп-5» сели в целости и сохранности, первый в Индийском океане, второй в предгорьях Аппалачей, но ни тот, ни другой не доставили на Землю никаких принципиально новых микроорганизмов. В контейнерах была обнаружена лишь безвредная разновидность *S. albus* — распространенного представителя микрофлоры человеческой кожи. После всех этих неудач пришлось решительно улучшить процедуру стерилизации спутников перед запуском.

«Скуп-6» вышел на орбиту в первый день нового 1967 года. Этот спутник воплотил в себе все возможные усовершенствования, при конструировании его учли все уроки предыдущих запусков, и на него возлагались огромные надежды. Спустя одиннадцать дней он приземлился в Индии, неподалеку от Бомбея. В обстановке строжайшей тайны тридцать четвертая авиадесантная дивизия, дислоцировавшаяся тогда в Эвре, под Парижем, была поднята по тревоге, чтобы разыскать спутник и вернуть его хозяевам. Эта дивизия приводилась в боевую готовность при любом космическом запуске — таковы были условия программы «Скраб», плана, разработанного для прикрытия и возврата пилотируемых кораблей «Меркюри» и «Джеминай» на случай, если приземление одного из них по необходимости произойдет в Советском Союзе или в социалистических странах.

«Скуп-6» разыскали и вернули без особых происшествий. В его контейнере обнаружили неизвестный одноклеточный организм коккобациллярной формы. Однако этот организм оказался в сущности безвредным и поражал только домашних кур, вызывая у них легкое недомогание, проходившее через четыре дня.

Сотрудники Форт-Детрика начали уже терять надежду, что программа «Скуп» даст им когда-либо перспективный патогенный материал. Тем не менее «Скуп-7» запустили вскоре после «Скупа-6». Дата запуска не была объявлена, но, по-видимому, это произошло 5 февраля 1967 года. «Скуп-7» вышел на расчетную орбиту с апо-

геем 508 километров и перигеем 358 километров. Он оставался на орбите в течение четырех суток, но вдруг по неизвестным причинам резко отклонился от расчетных параметров, и было принято решение посадить его по команде с Земли.

Предполагаемое место посадки находилось в пустыне, на северо-востоке штата Аризона...

Где-то в середине полета Стоуну пришлось оторваться от чтения: подошел офицер, поставил перед ним телефон и отступил на почтительное расстояние.

— Да? — спросил Стоун, чувствуя себя довольно странно. Он не привык разговаривать по телефону в самолете.

— С вами говорит генерал Маркус, — донесся усталый голос. Стоун понятия не имел, кто такой генерал Маркус. — Хотел вам сообщить, что мы уже вызвали всех членов группы, за исключением профессора Керка.

— Что с ним?

— Профессор Керк в больнице. Подробности узнаете по прибытии на место...

Разговор закончился, и Стоун отдал аппарат офицеру. Минуту-другую он перебирал в памяти людей, входящих в группу, и пытался вообразить, как они вели себя, когда их вытаскивали из постелей.

Во-первых, Ливитт. Уж он-то, должно быть, собрался быстро. Ливитт был клинический микробиолог, знаток инфекционных заболеваний. На своем веку он перевидел достаточно чумных и любых других эпидемий, чтобы знать цену краткости сборов. Кроме того, Ливитт был закоренелый пессимист. (Однажды он признался, что на собственной свадьбе размышлял лишь о том, какие алименты со временем придется платить.) Он был ворчлив, раздражителен и очень грузен; на лице его лежали угрюмые складки, а в глазах застыла печаль — казалось, эти глаза вглядываются в будущее, но видят там одну унылую безнадежность. И вместе с тем Ливитт был рассудителен, наделен богатым воображением и не боялся мыслить широко и дерзко.

Затем патолог Бертон из Хьюстона. Бертон Стоун никогда особенно не жаловал, хотя и отдавал должное его таланту ученого. Очень уж разные они были: Стоун собран — Бертон неряшлив, Стоун всегда владел собой — Бертоном владели настроения, Стоун был, пожалуй, самоуверен — Бертон нервен, вспыльчив, обидчив.

Коллеги наградили Бертон прозвищем Спотыкач, то ли потому, что он вечно спотыкался, наступал на свои развязанные шнурки и обтрепанные манжеты брюк, то ли потому, что обладал удивительным умением нечаянно патыкаться на важнейшие открытия.

Затем шел Керк, антрополог из Йелльского университета, но он, если генерал не напутал, приехать не сможет. Стоун знал, что Керка ему будет не хватать. Этот не слишком образованный, фатоватый человек был как бы по ошибке наделен исключительной способностью к точному логическому мышлению. Суть проблемы Керк схватывал буквально на лету и, мастерски оперируя исходными данными, выдавал требуемый результат; он не умел свести концы с концами в своем личном бюджете, но математики нередко обращались к нему за помощью в решении сложнейших абстрактных задач.

Однако Керка нет, и это заметная потеря. От пятого участника группы толку, разумеется, будет немного. Стоун даже поморщился, вспомнив о Марке Холле. Холл был компромиссной кандидатурой — Стоун предпочел бы врача, хорошо знакомого с болезнями обмена веществ, и согласился на хирурга крайне неохотно. За Холла горой стояли в Министерстве обороны и в Комиссии по атомной энергии — там очень верили в «гипотезу о решающем голосе случайного человека» — и в конце концов Стоун и другие уступили.

Стоун почти не знал Холла и не мог себе представить, как тот реагировал на сигнал тревоги... И уж никак не мог предположить, что с оповещением остальных выйдет сильная задержка. Например, патолога Бертон вызвали лишь в пять часов утра, а микробиолога Питера Ливита — в половине седьмого, когда тот уже успел прийти к себе в больницу.

А к Холлу явились только в пять минут восьмого.

— Страшная была история, — рассказывал позднее Марк Холл. — Вырвали меня из обыденной, привычной обстановки и швырнули в чужой незнакомый мир...

В 6.45 утра Холл находился в умывальной, примыкающей к операционной № 7, и скреб себе руки перед первой из запланированных на день операций. Он проделывал все обычные процедуры, как делал это каждое утро на протяжении вот уже нескольких лет; настроение было отличное, и он перебрасывался шутками со своим ассистентом, который мылся у соседнего крана. Затем

он прошел в операционную, держа руки на весу, и сестра подала ему полотенце. Там же был еще один ассистент, готовивший больного к операции, — он смазывал операционное поле спиртовым раствором йода — и еще одна сестра. Все они обменялись обычными приветствиями.

В больнице Холл слыл человеком резким, вспыльчивым, из тех, чьи поступки нельзя предвидеть заранее. Оперировал он быстро, почти вдвое быстрее, чем его коллеги. Пока все шло гладко, он смеялся и острил, поддразнивал сестер, ассистентов, анестезиолога. Но если возникали осложнения, если операция продвигалась медленно и трудно, Холл становился непереносимо раздражительным.

Как и большинство хирургов, он настаивал на строгом соблюдении раз и навсегда установленного порядка. Отступления от правил немедленно выводили его из равновесия. Те, кто был в операционной, знали об этом и потому с опаской вскинули глаза вверх, на смоговую галерею, когда на ней появился Ливитт. Тот включил микрофон внутренней связи и сказал:

— Здравствуйте, Марк.

Холл в это время накрывал больного стерильными зелеными простынями, оставляя оголенным лишь операционное поле на животе.

— Здравствуйте, Питер, — ответил он, удивленно взглянув на Ливитта.

— Простите за беспокойство, но обстоятельства чрезвычайные...

— Подождут, — ответил Холл. — У меня операция.

Он закончил подготовку и потребовал скальпель. Одной рукой он пальпировал живот, определяя исходные точки для первого разреза.

— Ждать не могут, — сказал Ливитт.

Холл остановился, положил скальпель и еще раз посмотрел наверх. Воцарилось молчание.

— Какого черта... почему не могут?..

Ливитт сохранял спокойствие.

— Придется вам размыться. Я же сказал — обстоятельства чрезвычайные...

— Послушайте, Питер, у меня больной под наркозом. Полностью подготовленный. Не могу же я вот так, за здорово живешь...

— Операцию сделает Келли.

— Келли?..

Это был один из штатных хирургов.

— Он уже моется. Все согласовано. Жду вас в раздевалке через тридцать секунд...

И ушел.

Холл обвел всех вокруг себя свирепым взглядом. Никто не шевельнулся, не сказал ни слова. Он сорвал перчатки и выкатился из операционной, по дороге громко выругавшись.

Свою роль в программе «Лесной пожар» Холл считал более чем незначительной. В 1966 году к нему однажды подошел главный микробиолог больницы Ливитт и в самых общих чертах рассказал о целях программы. Холлу все это показалось довольно забавным, и он согласился войти в состав группы, если его услуги когда-нибудь потребуются; про себя он был совершенно уверен, что этот «Лесной пожар» — пустая затея.

Ливитт тогда же предложил ознакомить Холла с материалами по этой программе и держать его в курсе дальнейших событий. Холл первое время из вежливости брал папки, но вскоре стало ясно, что он не удосуживается их читать, и Ливитт перестал их ему давать. Холл, пожалуй, только обрадовался: он не любил свалки на своем столе.

Один только раз, год назад, Ливитт спросил, неужели Холлу не интересно узнать хоть что-нибудь о работе, в которой он согласился участвовать и которая может со временем оказаться очень опасной. Хирург ответил коротким «нет».

Теперь, в раздевалке для врачей, он пожалел об этом своем ответе. Комната была тесная, без окон, все четыре стены были заняты шкафами для одежды, а посередине стояла большая кофеварка; рядом с ней высились стопка бумажных стаканчиков. Ливитт как раз наливал себе кофе с унылой миной на серьезной бульдожьей физиономии.

— Кофе наверняка отвратительный, — сказал он. — В больнице ничего приличного не достанешь... Быстрее переодевайтесь!

— А не соблаговолите ли вы сначала сказать мне, зачем...

— Не соблаговолю. Переодевайтесь. Нас ждет машина. Мы опаздываем. Возможно, уже опоздали...

Говорил он с грубовато-мелодраматическими интонациями, и это всегда раздражало Холла.

Ливитт шумно отхлебнул кофе.

— Так я и предполагал. И вы это можете пить!.. Пожалуйста, поскорее...

Холл отпер свой шкафчик и ногой распахнул дверцу. Прислонившись к ней, стащил с ботинок черные пластиковые чехлы, предусмотренные в операционных во избежание накопления электростатических зарядов.

— Вы, наверно, скажете мне, что это связано с той дурацкой программой?

— Вот именно,— ответил Ливитт,— поторапливайтесь. Нас ждет машина, чтобы отвезти в аэропорт, а сейчас утренний час пик...

Холл быстро переоделся, ни о чем больше не думая, в состоянии какого-то внезапного отупения. Ему как-то никогда и в голову не приходило, что это возможно... Одевшись, он зашагал вслед за Ливиттом к выходу. На улице, залитой ярким солнечным светом, их ждала оливковая армейская машина с включенной «мигалкой» на крыше. И вдруг он понял с ужасающей ясностью, что Ливитт не шутит, что никто не шутит, и то, что ему казалось диким бредом, становится реальностью.

Со своей стороны, Питер Ливитт недолюбливал Холла. Он вообще не переваривал врачей-практиков. Хотя у него самого тоже был врачебный диплом, он никогда не практиковал, предпочитая заниматься научными исследованиями. Интересы Ливитта тяготели к клинической микробиологии и эпидемиологии, а узкой специальностью его была паразитология. Изучал он паразитов по всему свету; работа его ознаменовалась открытием бразильского ленточного червя *Taeniarenzi*, описанного в статье, которую он опубликовал в 1953 году.

Однако с возрастом Ливитт прекратил путешествия. «Эпидемиология,— любил повторять он,— это развлечение для молодежи; когда в пятый раз подхватишь амebную дизентерию, пора уходить». Пятый случай с Ливиттом произошел в Родезии в 1955 году; он промучился целых три месяца, потерял сорок фунтов веса, а поправившись, подал в отставку. Ему предложили пост главного микробиолога в этой больнице, и он принял предложение с условием, что значительную часть времени посвятит научной работе.

В больнице он слыл отличным клиническим микробиологом, однако по-настоящему его, как и прежде, интересовали только паразиты. С 1955 по 1964 год он опубликовал серию изящных исследований, посвященных обмену веществ у *Ascaris* и *Necator* и получивших высокую оценку специалистов.

Репутация Ливитта вполне оправдывала его приглашение в состав группы «Лесной пожар»; Ливитт в свою очередь предложил кандидатуру Холла. Известна была Ливитту и причина, почему окончательный выбор пал на Холла,— сам Холл о ней и не догадывался.

Когда Ливитт в свое время предложил ему присоединиться к группе, Холл осведомился, с чего бы это:

— Я же просто хирург...

— Верно,— сказал Ливитт.— Но вы хорошо знаете гематологию.

— Ну и что?

— Это может понадобиться. Химический состав крови, кислотность, щелочность и тому подобное. Со временем это может оказаться решающим.

— Но спецов по крови дай Бог сколько,— заметил Холл.— И многие куда сильнее меня...

— Да,— ответил Ливитт,— но все они женаты.

— Ну и что?

— А нам нужен холостяк.

— Зачем?

— Необходимо, чтобы в составе группы был холостяк.

— Смешно,— сказал Холл.

— Может быть, смешно,— сказал Ливитт,— а может быть, и нет...

Они вышли из больницы и подошли к армейской машине. Застывший у машины молодой офицер откозырял им.

— Доктор Холл?

— Да.

— Будьте добры, предъявите удостоверение...

Холл протянул ему маленькую пластмассовую карточку. Больше года он таскал эту карточку в своем бумажнике; если это и было удостоверение, то довольно странное: фамилия, фотография, отпечаток большого пальца, и все. Никаких признаков, что это официальный документ.

Офицер взглянул на карточку, на Холла, потом снова на карточку.

— Все в порядке, сэр...

Он открыл перед ним заднюю дверцу. Холл влез в машину, Ливитт за ним. Хирург обратил внимание, как тот прикрыл ладонью глаза, защищаясь от красной «мигалки» на крыше.

— Что с вами?

— Да нет, ничего. Просто не выношу мигающего света. Напоминает мне о том, как я был шофером «скорой помощи» во время войны...— Ливитт откинулся на спинку, машина тронулась.— Так вот,— продолжал он,— на аэродроме вам дадут папку, с которой вы ознакомитесь в полете...

— В полете?..

— Вы полетите на истребителе «F—104».

— Куда?

— В Неваду. Постарайтесь прочесть все материалы в самолете. Как только доберемся до места, читать будет некогда.

— А другие где?

Ливитт посмотрел на часы.

— У Керка аппендицит, он в больнице. Остальные уже приступили к работе. В настоящий момент они в вертолете над поселком Пидмонт, штат Арizona...

— Никогда о таком не слышал.

— Никто не слышал,— откликнулся Ливитт,— до этого самого дня...

6

Пидмонт

В 9.59 того же утра с базы Ванденберг, с бетонной площадки особо секретного ангара № 9 поднялся реактивный вертолет «К-4» и взял курс на восток, в сторону Аризоны. Решение отправить вертолет именно из этого ангара майор Мэнчик принял, чтобы не привлекать излишнего интереса к скафандрам. Дело в том, что три человека в вертолете — пилот и двое ученых — были облачены в прозрачные надувные пластиковые костюмы и походили не то на тучных марсиан, не то, как выразился один из техников в ангаре, на рекламные воздушные шары фирмы «Мэйси».

Пока вертолет взбирался в чистое утреннее небо, два пассажира в кабине молча разглядывали друг друга. Один из них был Джереми Стоун, другой — Чарлз Бертон. Оба они прибыли на базу Ванденберг чуть больше часа назад: Стоун из Стэнфорда, Бертон — из Бейлорского университета в Хьюстоне.

Бертону шел пятьдесят пятый год. Он был патологом,

профессором медицинского факультета университета, а кроме того, консультантом Центра пилотируемых космических полетов НАСА в Хьюстоне. До этого он выполнил ряд исследований в Национальном институте здравоохранения в Бетесде, посвященных влиянию бактерий на ткани тела человека.

Уж так получилось в истории науки, что этот жизненно важный ее участок до Бертона, в сущности, оставался нетронутым. То, что болезни вызываются микробами, было известно с 1840 года, когда Генле сформулировал гипотезу, и все-таки к середине XX века человек все еще не постиг, как и почему они оказывают вредоносное влияние. Механизм их действия оставался нераскрытым.

Как и многие его ровесники, Бертон начал с *Diplococcus pneumoniae* возбудителя пневмонии. Перед войной пневмококками занимались многие, но после появления пенициллина в 40-х годах интерес к ним и ассигнования на их исследование сразу сошли на нет. Бертон переключился на *Staphylococcus aureus*, распространенный кожный патоген, вызывающий прыщи и чирья. Когда он занялся этой проблемой, коллеги потешались над ним, ибо стафилококки, как и пневмококки, весьма чувствительны к пенициллину. Коллеги сомневались, удастся ли Бертому добыть средства на проведение подобной работы.

В течение пяти лет казалось, что они правы. Денег было мало, и Бертому зачастую приходилось с шапкой в руке обращаться к филантропам и во всякие частные фонды. Тем не менее он стоял на своем, терпеливо исследуя оболочки клеточных стенок, от которых зависит реакция окружающих тканей, и открыл с полдюжины выделяемых бактериях токсинов, которые разъедают ткани, разносят инфекцию, разрушают красные кровяные тельца.

А в 50-х годах вдруг обнаружили первые штаммы стафилококков, устойчивые к пенициллину, — новые штаммы, очень опасные, вызывающие странные смертные случаи, нередко в результате абсцесса мозга. Чуть ли не наутро после первого такого случая Бертон обнаружил, что его работа приобрела первостепенную важность: десятки лабораторий по всей стране переключились на изучение стафилококков; теперь оно стало настоятельно необходимым. За один только год ассигнования, отпускаемые Бертому, подскочили с 6 до 300 тысяч долларов. Вскоре он стал профессором патологической анатомии.

Но, оглядываясь на свои прошлые достижения, Бертон не ощущал особой гордости: он знал, что это удача и только,— просто так случилось, что он занимался нужным делом и, когда пробил час, оказался, так сказать, под рукой. Теперь, сидя в вертолете, он размышлял о том, что получится из этой воздушной прогулки.

Джереми Стоун сидел напротив и старался скрыть свою неприязнь к обличью Бертон. Под пластиковым костюмом на Бертоне была грязная ковбойка с пятном на левом нагрудном кармашке и мятые обтрепанные брюки; даже волосы — и те были нечесанные и грязные.

Стоун устался в окно, принуждая себя думать о чем-нибудь другом.

— Пятьдесят человек,— сказал он, покачив головой,— умерли в течение восьми часов с момента посадки спутника. Главный вопрос — как распространяется инфекция?

— Надо полагать, по воздуху,— ответил Бертон.

— Надо полагать.

— Все смертные случаи пока что имели место лишь в самом поселке. О жертвах за пределами Пидмонта сведений не поступало?

Стоун покачал головой.

— Я попросил военных выяснить. Они связались с дорожной полицией. Жертв вне поселка пока нет...

— Ветра не было?

— Чистая случайность. Вечером еще был — довольно свежий, пятнадцать километров в час, северный и достаточно устойчивый. А около полуночи прекратился. Говорят, в такое время года безветрие тут редкость...

— Повезло.

Стоун кивнул.

— Именно. И не только в этом. В радиусе двухсот километров — ни одного значительного населенного пункта. Дальше, правда, на севере Лас-Вегас, на западе Сан-Бернардино, на востоке Финикс. Если зараза дойдет до любого из них, дело будет плохо.

— Но пока нет ветра, мы можем кое-что успеть...

— Будем надеяться,— ответил Стоун.

С полчаса ученые обсуждали возможные направления распространения болезни, то и дело обращаясь к вору рабочих карт, выданных за ночь вычислительным центром базы Ванденберг. На такие карты наносятся данные сложного комплексного анализа географических факторов; в данном случае карты представляли собой

контурные модели юго-западной части Соединенных Штатов с учетом направлений господствующих ветров.

Затем они перешли к другому вопросу: как быстро могла наступить смерть? Оба слушали передачу из фургона и сделали один и тот же вывод: по-видимому, смерть настигла всех в Пидмонте внезапно.

— Даже если перерезать человеку горло бритвой, он и то не умрет так быстро,— сказал Бертон.— Если в один прием рассечь обе сонные артерии и яремные вены — и то пройдет от десяти до сорока секунд, пока померкнет сознание, и почти минута, пока наступит смерть.

— В Пидмонте все, очевидно, кончилось за одну-две секунды.

Бертон пожал плечами.

— Травма,— предположил он,— удар по голове.

— Да. Или газ нервно-паралитического действия.

— Тоже возможно.

— Либо газ, либо что-то очень похожее,— сказал Стоун.— Если это произошло из-за блокирования каких-то ферментных систем — вроде того, которое вызывается мышьяком, например, или стрихнином,— смерть наступила бы спустя пятнадцать — тридцать секунд, а то и позднее. А вот блокада нервных путей или нервно-мышечного узла или корковое отравление — они могут оказать стремительное, почти мгновенное действие...

— Если это быстродействующий газ,— откликнулся Бертон,— он должен беспрепятственно диффундировать через легкие...

— Или через кожу. Или через слизистые. В общем через любую пористую поверхность.

— Но если этот газ так активно диффундирует...— Бертон дотронулся до своего костюма.

Стоун усмехнулся:

— Ну, это мы очень скоро выясним...

В переговорном устройстве раздался голос пилота:

— Приближаемся к Пидмонту. Прошу указаний.

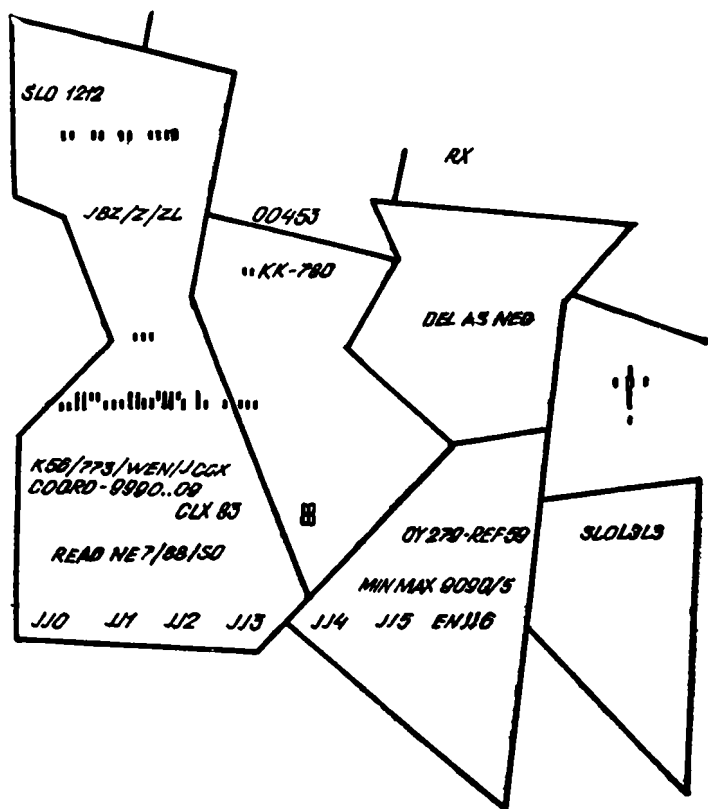
— Сделайте круг, посмотрим сверху,— сказал Стоун.

Вертолет заложил крутой вираж. Оба ученых поглядели вниз, на поселок. Ночью стервятники опустились на землю и теперь густо облепили тела.

— Этого я и боялся,— признался Стоун.

— Они могут стать переносчиками инфекции,— отозвался Бертон.— Наглотаются зараженного мяса и разносят микробы повсюду...

ЭТИ ТРИ СХЕМЫ ПРИВОДЯТСЯ
КАК ПРИМЕР ПОЭТАПНОГО СО-
СТАВЛЕНИЯ ПОДОБНЫХ СХЕМ
ПРИ ПОМОЩИ ЭВМ

Первая схема — это более или менее обычная карта,
на которую нанесены необходимые для ЭВМ координаты
и условные знаки вокруг населенных пунктов
и других важных районов

Стоун кивнул, не отрываясь от иллюминатора.

— Что будем делать?

— Отравим их газом.— Стоун включил переговорное
устройство и осведомился: — Вы захватили баллоны?

— Так точно, сэр.

— Еще один круг, и накройте газом весь поселок.

— Слушаюсь, сэр.

Вертолет накренился и пошел на новый разворот.
Вскоре земля исчезла в клубах бледно-голубого газа.

Вторая схема составлена с учетом направлений господствующих ветров и плотности населения; очертания штатов соответственно искажены

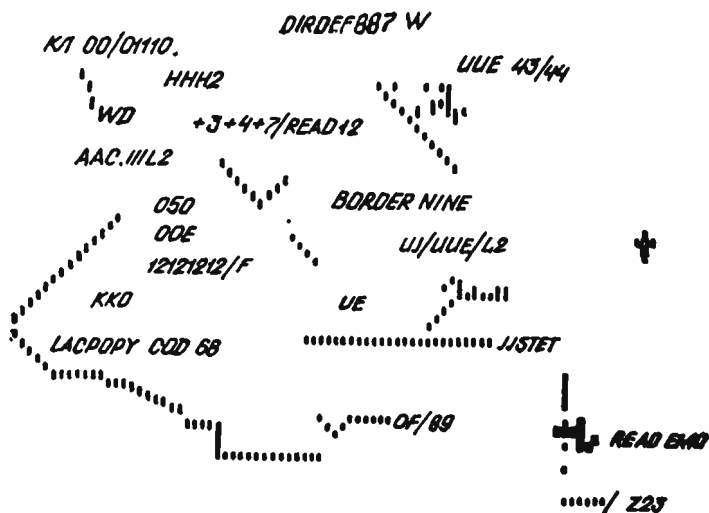
— Что это за газ?

— Хлоразин,— сказал Стоун.— В малых концентрациях чрезвычайно сильно действует на обмен веществ у птиц. Ведь обмен у них идет с особой интенсивностью. Птицы — это мускулы да перья, сердце у них бьется обычно со скоростью сто двадцать ударов в минуту. Многие виды за день съедают больше, чем весят сами...

— Газ расщепляет органические соединения?

— Совершенно верно. Он уложит птиц наповал.

Вертолет сделал еще вираж и завис на месте. Вновь поднявшийся легкий ветерок развеял газ, относя его к югу. Вскоре видимость восстановилась. Сотни птиц лежали на земле, некоторые еще судорожно били крыльями, но большинство было уже мертво.

Третья схема — полученная на ЭВМ проекция влияния ветров и плотности населения, исходя из определенного «сценария».

Приведенные выше схемы не относятся непосредственно к программе «Лесной пожар». Они сходного типа, однако изготовлены по «сценарию» Центрального бюро погоды

Стоун смотрел и хмурился. Где-то в глубине души он уже знал, что проглядел, упустил из виду нечто очень важное. Какой-то факт, какую-то важную нить, тянущуюся от этих птиц, за которую непременно надо было ухватиться...

— Дальнейшие распоряжения, сэр? — спросил пилот.

— Поверните к середине улицы и спустите трап, — сказал Стоун. — Вам оставаться на высоте шести метров и ни в коем случае не приземляться. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Когда мы спустимся на землю, поднимитесь до высоты полутора метров.

— Слушаюсь, сэр.

— Вернитесь, когда подадим сигнал.

— Слушаюсь, сэр.

— И если с нами что-нибудь случится...

— Мне следовать прямым курсом на базу «Лесной пожар», — закончил пилот безжизненным голосом.

— Совершенно верно.

Пилот понимал, что это значит. Ему платили по самым высоким ставкам, какие только существуют в ВВС: основной оклад плюс надбавка за опасность, плюс надбавка за специальное задание в мирное время, плюс надбавка за выполнение задания над территорией противника, плюс особые полетные за каждый час пребывания в воздухе. За один сегодняшний день ему причиталось больше тысячи долларов, а если он не вернется, семья получит еще десять тысяч по краткосрочному страховому полису.

Такие деньги платят, разумеется, не за красивые глаза: если с Бертоном и Стоуном в Пидмонте что-нибудь случится, пилот должен лететь на базу «Лесной пожар», зависнуть там на высоте десяти метров и ждать, пока группа «Лесной пожар» не решит, каким именно способом лучше всего испепелить его и вертолет в воздухе.

Ему платили за риск. Он шел на этот риск добровольно. Он знал, что над ним на высоте шести тысяч метров патрулирует реактивный перехватчик, вооруженный ракетами класса воздух — воздух, и этому перехватчику приказано расстрелять вертолет в случае, если у пилота в последнюю секунду сдадут нервы и он не поведет свою машину на базу «Лесной пожар»...

— Будьте осторожны, — сказал пилот. — Прошу вас, сэр.

Вертолет прошел над улицей и завис. Вниз с треском полетел веревочный трап. Стоун встал, надел шлем, защелкнул герметизирующий замок и открыл клапан. Костюм заполнился кислородом и раздулся. Баллончики, закрепленные на спине, обеспечивали его воздухом на два часа.

Подождав, пока Бертон проделает то же самое, Стоун открыл люк и выглянул наружу. Под вертолетом вздымалось густое облако пыли.

Стоун включил свою рацию:

— Вы готовы?

— Готов.

Он начал спускаться по трапу. Бертон подождал немного и последовал за ним. В клубах пыли Бертону вообще ничего не удавалось разглядеть. Наконец он коснулся ногами земли и отпустил трап. Вокруг стояла мутная, пыльная мгла, в которой еле проступал силуэт Стоуна.

Вертолет взмыл вверх, потянув за собой трап. Пыль осела. Теперь они могли оглядеться.

— Пошли,— сказал Стоун.

Неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, они двинулись по улице поселка Пидмонт.

7

«Совершенно необычный фактор»

Между первым контактом человека со штаммом «Андромеда» и прибытием Стоуна и Бертон в Пидмонт прошло едва двенадцать часов. Много недель спустя, когда уже можно было спокойно разобраться в событиях, они живо помнили все увиденное до мельчайших деталей.

Зимнее солнце висело низко, заливая холодным и безрадостным светом заиндеветую за ночь землю. С места своей высадки они могли видеть улицу из конца в конец — серые, обшарпанные деревянные дома. Но прежде всего их поразила тишина. Мертвая тишина — только ветерок подвывал слегка, проносясь беспрепятственно сквозь осиротевшие постройки. И повсюду лежали тела, тела — одни распростерлись на земле, другие свернулись клубком и застыли, словно скованные морозом...

Ни бодрого пофыркивания автомашин, ни собачьего лая, ни криков детей.

Тишина.

Стоун и Бертон переглянулись. Они с мучительной остротой понимали, как много им предстоит узнать, выяснить, как упорно придется искать. На этот поселок обрушилась катастрофа, и теперь они обязаны узнать о ней все, что только возможно. Но у них не было нитей, за которые можно ухватиться, не было никаких отправных точек.

По существу, им были известны лишь два факта. Первый: все, по-видимому, началось с приземления «Скупа-7». Второй: смерть настигла жителей поселка с потрясающей быстротой. Если эту болезнь занес спутник, то ничего подобного в истории медицины прежде не встречалось.

Они долго стояли и молчали, озираясь по сторонам, сопротивляясь ветру, который давил на их раздутые скафандры. Наконец Стоун прервал молчание:

— Почему все на улице? Если это случилось вечером, то люди должны были сидеть у себя дома...

— А потом,— сказал Бертон,— многие в пижамах. Вечер был холодный. Накинули бы что-нибудь, пиджак там или плащ. Что-нибудь, чтоб не простудиться...

— Может, они спешили...

— Куда?

— Поглазеть на что-то,— ответил Стоун, беспомощно пожав плечами.

Бертон наклонился над ближайшим трупом.

— Странно... Обратите внимание, как он схватился за грудь. И многие другие в той же позе...

Стоун присмотрелся: действительно, у многих руки прижаты к груди. У одних просто прижаты, другие словно вцепились пальцами в грудь.

— Они как будто не испытывали боли. Лица совсем спокойные...

— Пожалуй, даже удивленные,— поддержал Бертон.— Словно бы застигнутые врасплох. И все хватаются за грудь...

— Коронарная? — предположил Стоун.

— Сомневаюсь. Это все-таки болезненно, на лицах оставалась бы гримаса... Легочная эмболия — тоже...

— Но если все случилось очень быстро, они могли и не успеть...

— Что же, возможно. Но мне сдается все же, что смерть пришла без боли. И за грудь они хватались просто потому...

— Что не могли дышать,— закончил Стоун.

Бертон кивнул.

— Очень возможно, что это удушье. Быстрое, безболезненное, почти мгновенное удушье... Нет, все равно не то. Когда человеку не хватает воздуха, он первым делом ослабляет все застежки, особенно на груди и на шее. А взгляните на того мужчину — он даже не дотронулся до галстука. И у этой женщины тугой воротничок...

Бертон уже почти оправился от первого потрясения, мысль его начала работать четко. Они приблизились к фургону — тот стоял посреди улицы, фары все еще слабо светились. Стоун протянул руку к приборному щитку и выключил их. Затем он спихнул с баранки закоченевшее тело водителя и прочел фамилию на нагрудном кармашке куртки:

Шоун.

В задней части кузова неподвижно застыл еще один

человек — рядовой по фамилии Крейн. Оба трупа уже зачоченели. Стоун показал на радиооборудование.

— Работать будет?

— Думаю, что да, — ответил Бертон.

— Тогда давайте найдем спутник. Это наша первая задача. Потом уж займемся...

Он запнулся, вглядываясь в лицо Шоуна, который в момент смерти, очевидно, рухнул всем телом на рулевое колесо. На лице была большая резаная рана, дугой рас-секавшая кожу, переносица была перебита.

— Ничего не понимаю, — сказал Стоун.

— Что? — переспросил Бертон.

— Посмотрите на рану.

— Очень чистая. Прямо-таки удивительно чистая. Кровотечения практически не было.

Тут до Бертон дошло. В изумлении он хотел даже почесать себе голову, но рука уткнулась в пластиковый шлем.

— Такая рана на лице... — сказал он. — Порванные капилляры, раздробленные кости, перебитые вены... Да ведь должна была вытечь уйма крови!

— Вот именно. Должна была. А взгляните на другие тела; даже там, где стервятники рвали мясо, крови нет.

Бертон озибался вокруг со все возрастающим удивлением. Ни один из мертвецов не потерял ни капли крови. И как он раньше не заметил!

— Такова, вероятно, особенность этой болезни.

— Вот именно, — сказал Стоун. — Думаю, вы правы.

Он поднатужился, крикнул и, высвободив из-за руля зачоченевшее тело Шоуна, вытащил его из фургона.

— Давайте найдем этот чертов спутник. Теперь он начинает беспокоить меня всерьез...

Бертон зашел сзади, вытянул тело Крейна из машины, а сам влез на его место. Стоун включил зажигание. Стартер лениво провернулся, но мотор безмолвствовал. Стоун еще и еще раз попытался завести машину, потом признался:

— Не могу понять, в чем дело. Аккумулятор подсел, конечно, но искру давать должен все равно...

— А как насчет бензина?

Стоун громко выругался. Бертон улыбнулся и выкарабкался наружу. Вместе они прошли по улице до бензоколонки, отыскали ведро, налили в него бензина — пришлось повозиться, пока сообразили, как включается насос, — потом вернулись с полным ведром к фургону ■

залили бензин в бак. Стоун вновь нажал на стартер — мотор чихнул и заработал.

— Пошел!..

Бертон запустил вращающуюся антенну. Тотчас же они услышали слабое попискивание спутника.

— Сигнал угасает, но еще различим. Вроде бы где-то слева...

Стоун включил скорость и тронул машину, стараясь не задеть тела. Писк стал сильнее. Проехали бензоколонку и магазин — писк начал слабеть.

— Проскочили. Разворачивайтесь...

Стоун не сразу нашел в коробке передач задний ход. Потом они двинулись назад, ориентируясь по силе радиосигнала. Прошло еще минут пятнадцать, прежде чем удалось установить, что источник его находится на северной окраине поселка. Наконец подъехали к одноэтажному каркасному домику. На ветру скрипела вывеска: «Доктор Ален Бенедикт».

— Ну, конечно, — сказал Стоун, — можно бы и догадаться, что потащат находку к доктору...

Они вылезли из фургона и направились к домику. Входная дверь была открыта и качалась на ветру. Стоун и Бертон прошли в первую комнату — никого. Тогда они повернули направо и очутились в кабинете врача.

Бенедикт, грузный, рыхловатый мужчина, сидел за столом, на котором громоздилась куча раскрытых учебников. У стены расположились пузырьки и шприцы, а над ними висели фотографии семьи и другие снимки — мужчин в военной форме. На одном из них были нацарапаны слова: «Дорогому Бенни от ребят из 87-го. Анцио». Сам Бенедикт смотрел куда-то в угол — незрячие, широко раскрытые глаза, умиротворение на лице...

— Ну что ж, — сказал Бертон, — этот-то по крайней мере помер не на улице...

И тут они увидели спутник.

Он стоял торчком, тускло поблескивающий конус высотой около метра, когда-то полированный, а теперь потрескавшийся и оплавившийся при вхождении в плотные слои атмосферы. Он был вскрыт, и вскрыт ужасно грубо, видимо, при помощи зубила и клещей, которые валялись рядом на полу.

— Полюбопытствовал, — не сдержался Стоун. — Идиот...

— Откуда ему было знать?

— Мог бы хоть осведомиться у кого-нибудь, — Стоун вздохнул. — Зато теперь он в курсе дела. И с ним еще

сорок девять человек...— Он нагнулся и, как мог, прикрыл зияющую треугольную дыру.— Контейнер при вас?..

Бертон вытащил сложенный мешок из пластика и развернул его. Вдвоем они накинули мешок на злополучный спутник и загерметизировали шов.

— Надеюсь, что-нибудь там еще осталось...

— А я, пожалуй, был бы рад,— тихо ответил Стоун,— если б там не осталось ничего...

Они вернулись к телу доктора Бенедикта. Стоун подошел и тряхнул его за плечи. Окоченевший труп свалился со стула на пол.

Бертон обратил внимание на локти, и внезапно его охватило сильное возбуждение. Он склонился над телом.

— Ну-ка помогите мне,— попросил он Стоуна.

— Что делать?

— Его надо раздеть.

— Зачем?

— Хочу проверить, есть ли признаки венозного застоя.

— Но зачем?

— Сейчас увидите,— сказал Бертон.

Он начал расстегивать рубашку и брюки доктора. Оба ученых сосредоточенно возились до тех пор, пока на полу не простерлось обнаженное тело.

— Вот, пожалуйста,— Бертон отступил на шаг.

— Черт возьми,— заявил Стоун.

Никаких следов отечных изменений кожи вследствие венозного застоя! Обычно, когда человек умирает, кровь под воздействием силы тяжести оттекает вниз. Бенедикт умер сидя, кровь должна была оттечь к тканям ягодиц и бедер. И к локтям, опиравшимся на ручки кресла. Должна была — но не отекала.

— Очень странное явление,— сказал Бертон.

Оглядевшись, он увидел небольшой автоклав для инструментов. Достал оттуда скальпель и осторожно, чтобы не проколоть свой костюм, приладил лезвие.

— Попробуем для начала крупные поверхностные артерии и вену,— предложил он.

— А именно?

— Лучевые. У запястья.

Опасливо держа скальпель, Бертон провел им по внутренней стороне запястья доктора, как раз у основания большого пальца. Рана была совершенно бескровной. Он рассек жировую и подкожную ткани. Крови не было.

— Поразительно...

Надрезал еще глубже. Кровь не появлялась. Наконец дошел до крупного сосуда и резко рассек его. На пол посыпались черно-красные крошки.

— Черт побери,— сказал Стоун.

— Свернулась начисто.

— Не удивительно, что ни у кого не было кровотечения...

— Помогите-ка мне,— попросил Бертон.

Вдвоем они повернули тело на спину, и Бертон сделал глубокий разрез в средней части бедра. Добрался до артерии толщиной в палец, но и там не осталось крови, только плотная красноватая масса.

— Невероятно...

Он сделал еще один надрез, на этот раз в области грудной клетки. Обнажил ребра и оглядел кабинет доктора Бенедикта: не попадется ли на глаза какой-нибудь очень острый нож. Нужен был остеотом, инструмент для иссечения кости, но такого нигде не попалось. В конце концов он взял зубило, то самое, которым был вскрыт спутник, и с его помощью перерубил несколько ребер, открыв сердце и легкие. Опять-таки никаких признаков кровотечения!

Бертон глубоко вздохнул и вскрыл левый желудочек. Сердце внутри было наполнено красной губчатой массой. Жидкой крови не было совсем.

— Свернулась полностью,— повторил он.— Сомнений нет.

— А что, по-вашему, способно вызвать такое свертывание?

— Во всей сосудистой системе? Пять с половиной литров крови? Не представляю...

Бертон тяжело опустился в кресло доктора Бенедикта и уставился на тело, которое только что вскрыл.

— Никогда в жизни ни о чем подобном не слышал. Правда, есть такая дрянь — называется «распространенное внутрисосудистое свертывание», но для него необходимо редчайшее стечение обстоятельств.

— А может ли подобный эффект быть вызван каким-нибудь одним токсином?

— Теоретически может, я думаю. Но в действительности такого токсина на Земле нет...

Он внезапно умолк.

— Н-да,— произнес Стоун,— пожалуй, так оно и есть...

Он поднял «Скуп-7» с пола и понес на улицу, к фургону. Вернувшись, предложил:

- Давайте-ка осмотрим все дома...
- Начнем отсюда?
- Можно и отсюда...

Бертону довелось обнаружить миссис Бенедикт. Еще не старая женщина приятной наружности сидела в кресле с книжкой на коленях; казалось, она собирается перевернуть страницу. Бертон начал бегло осматривать ее, но тут его откуда-то с другого конца дома позвал Стоун.

Он нашел Стоуна в маленькой спальне склонившимся над кроватью, на которой лежало тело подростка лет пятнадцати. Несомненно, это была его комната: цветастые картинки на стенах, полка с моделями самолетов...

Мальчик лежал на спине, открытые его глаза смотрели в потолок. Рот был тоже открыт. Одна рука крепко сжимала пустой тюбик из-под специального клея для моделей самолетов; по всей комнате были разбросаны пузырьки из-под лака, разбавителя, скипидара.

Стоун отступил на шаг.

— Смотрите сами...

Бертон заглянул мальчику в рот, ощупал пальцем уже затвердевшую массу.

— Господи Боже,— только и сказал он.

Стоун нахмурился.

— А ведь на такое требовалось время. Независимо от того, что толкнуло его на самоубийство, на это нужно было время. Мы слишком упрощали то, что здесь произошло. Не все умерли мгновенно. Одни погибли дома, другие успели выскочить на воздух, а этот мальчишка... — Он покачал головой. — Давайте заглянем в другие дома...

Прежде чем выйти на улицу, Бертон вернулся в кабинет врача и постоял еще немного над его телом. Странно было видеть разрезанные кисть и ногу, вскрытую грудную клетку — и ни капли крови. Было в этом что-то неестественное, нечеловеческое. Как будто кровоточивость — неотъемлемый признак, отличающий человека... «Ну, что ж,— подумал Бертон,— возможно, так оно и есть. Возможно, способность наша истекать кровью и делает нас людьми...»

Стоуну Пидмонт представлялся головоломкой, разгадать ее стало для него делом чести. Он был убежден, что поселок может, должен раскрыть все до конца: и характер болезни, и ее течение, и ее последствия. Нужно только правильно сопоставить данные наблюдений.

Но по мере того, как они продолжали свои поиски, он не мог не признать, что данные эти становятся все более противоречивыми.

Еще один дом. Муж, жена и их взрослая дочка за обеденным столом. Им, очевидно, было весело и легко, они были счастливы, и никто из них не успел даже отодвинуть свой стул. Так они и застыли на полуслове, ласково улыбаясь друг другу поверх тарелок,— еда на тарелках уже начала портиться, привлекая рой мух. Тихое их жужжание наполняло комнату, и Стоун обратил на это внимание. «Не забыть про мух»,— подумал он.

Старуха с седыми волосами и морщинистым лицом. Она с улыбкой покачивалась в петле, перекинутой через потолочную балку. Веревка терлась о балку, чуть поскрипывая.

У ног старухи лежал конверт. На нем аккуратным, четким, неторопливым почерком было написано: «Тому, кто найдет и поднимет».

Стоун вскрыл конверт и прочел письмо:

«День страшного суда близится. Разверзнутся земля и воды и поглотят весь род людской. Да смилостивится Всевышний над моею душой и над всеми, кто был ко мне милосерд. Остальные пусть убираются ко всем чертям. Аминь».

Бертон выслушал и сказал:

— Помешалась бабушка. Старческий маразм. Увидела, как все вокруг умирают, и тронулась...

— И покончила с собой?

— Очевидно.

— Довольно странный способ самоубийства, вам не кажется?

— Тот мальчишка тоже избрал эксцентричный способ...

Стоун молча кивнул.

Рой Томсон жил один. Судя по замасленной спецовке, он был владельцем местной бензоколонки. Рой, видимо, налил в ванну воды, стал перед ней на колени,

сунул в ванну голову и держал ее под водой, пока не умер. Когда они нашли его, тело уже заковенело, а голова все еще была в воде; вокруг никого, никаких следов борьбы.

— Но это же немыслимо! — пробормотал Стоун. — Покончить с собой подобным способом просто невозможно...

Лидия Эверетт, поселковая портниха, спокойно вышла во двор, села в кресло, облила себя бензином и чиркнула спичкой. Рядом с ее останками они обнаружили обгоревшую канистру из-под бензина.

Шестидесятилетний Питер Арнольд сидел у себя в гостиной, выпятив грудь, в военной форме времен второй мировой войны. Тогда он дослужился до капитана и вот теперь опять стал капитаном перед тем, как выстрелить себе в висок из двенадцатимиллиметрового кольта. Крови вокруг не было, и старик выглядел почти смешно: сидит себе, расправив плечи, с чистенькой сухой дырочкой в голове.

Рядом со стариком стоял магнитофон, и левая его рука покоилась на футляре. Бертон вопросительно взглянул на Стоуна и нажал на клавишу. К ним обратился надтреснутый, раздраженный голос:

— Вы не слишком спешили, как я погляжу... Но я все равно рад, что вы наконец прибыли. Нам нужно подкрепление. Бой, доложу я вам, был жестокий. Прошлой ночью при штурме высоты потеряли сорок процентов личного состава и двоих офицеров впридачу. Плохи дела, очень плохи. Если бы Гэри Купер был с нами! Нам очень нужны такие герои, как он, герои, которые сделали Америку сильной!.. Не могу передать вам, как это ужасно меня волнует, — ведь там, над нами, великаны в летающих блюдцах. Они сжигают нас заживо, душат газом. Вижу, как умирают наши люди, а у меня нет противогазов. Ни одного!.. Но я не намерен ждать. Я исполню свой долг. Жаль только, что у меня лишь одна жизнь, которую я могу отдать во имя своей страны...

Лента продолжала крутиться, но голос умолк. Бертон выключил магнитофон.

— Спят, — сказал он. — Свихнулся начисто...

Стоун кивнул.

— Одни мгновенно погибли, другие... другие сошли с ума.

— И тут мы опять возвращаемся к главному вопросу. Почему они погибли? В чем различие между теми и другими?

— Быть может, разная степень иммунитета? — предположил Бертон. — Одни более подвержены этой инфекции. А у других проявилась защитная реакция, пусть временная.

— Постой-ка, — сказал Стоун, — есть же доклад летчика и пленка — здесь был живой человек. Старик какой-то в белой ночной рубаше...

— Вы думаете, он еще жив?

— Ну, не знаю. Но если одни продержались дольше, чем другие, если кто-то прожил достаточно долго, чтобы записать на пленку целую речь или перед тем, как повеситься, оставить записку, нельзя не поинтересоваться: а не мог ли кто-нибудь прожить еще дольше? Больше того, нет ли сейчас в поселке живых?

В этот момент они и услышали плач.

Сначала они решили, что это ветер: звук был тонюсенький, исчезающе слабый. Затем стали прислушиваться — сначала недоуменно, потом изумленно... Плач продолжался, перемежаясь с сухим, надрывным кашлем.

Они выбежали на улицу. Звук был такой слабый, что трудно было понять, откуда он шел. Они бежали по улице, а звук, казалось, усиливался, и это подгоняло их.

И вдруг плач смолк.

Ученые застыли на месте, тяжело дыша. Они стояли посреди безлюдной улицы и недоуменно смотрели друг на друга.

— Мы что, тоже с ума сошли? — спросил Бертон.

— Да нет, — отозвался Стоун, — слышно было явственно.

Они подождали. Минуту-другую все было тихо. Бертон окинул взглядом улицу, дома, фургон, оставшийся перед домом доктора Бенедикта.

И тут плач возобновился — теперь очень громкий, тоскливый детский плач.

Они пустились бежать. Это оказалось рядом, через два дома по правую руку. Перед домом, на тротуаре, лежали ничком мужчина и женщина, оба схватившись за грудь... Ученые, не останавливаясь, ворвались в дом. Плач слышался все громче, гулко отдаваясь в опустевших комнатах. Они кинулись на второй этаж и ворвались в спальню. Большая незастеленная двухспальная кровать. Комод, зеркало, шкаф.

И детская кровать.

Склонившись над нею, они сдернули одеяла и увидели крошечное, краснолицее, бесконечно несчастное существо. Ребенок мгновенно замолчал и уставился на лица под прозрачными шлемами. Помолчал и залился опять.

— Напугали мы его,— сказал Бертон.— Бедный малыш...

Он неловко поднял младенца на руки и покачал его. Тот продолжал орать. Беззубый рот был широко раскрыт, щеки побагровели, на лбу проступили жилы.

— Голодный, наверно,— догадался Бертон.

Стоун сосредоточенно хмурился.

— Совсем еще маленький. Месяца два, не больше. Мальчик или девочка?

Бертон развернул пеленки.

— Мальчик. Нужно его перепеленать. И накормить...— Он огляделся.— В кухне, наверно, есть какие-нибудь отвары...

— Ни в коем случае,— заявил Стоун.— Кормить его нельзя...

— Это еще почему?

— Нельзя. Ни кормить, ни пеленать — ничего нельзя делать, пока мы не выберемся из Пидмонта. А может, режим питания как-то влияет на ход болезни? Может, не сразу погибли как раз те, кто давно не ел? Может, в пище ребенка были какие-то защитные вещества? Мало ли что может быть...— Он помолчал.— В любом случае рисковать мы не имеем права. Подождем, пока не поместим его в лабораторную обстановку...

Бертон вздохнул. Он знал, что Стоун прав, но знал и то, что ребенок не кормлен по меньшей мере двенадцать часов. Что ж тут удивительного, что он кричит...

— События приняли новый оборот,— сказал Стоун.— Этот ребенок для нас главный ключ к тайне, и надо сбегать его во что бы то ни стало. Я считаю, мы должны немедленно возвращаться.

— Но мы ведь еще не подсчитали число жертв...

— Не имеет значения. У нас есть такая ценная находка, на которую мы не могли и надеяться. Уцелевшее живое существо.

Младенец на мгновение замолчал, сунул палец в рот и вопросительно посмотрел на Бертон. Убедившись, что еды не будет, он опять заревел.

— Жаль, он не может рассказать нам, что здесь случилось...

— А я надеюсь, что может,— заверил Стоун.

Они остановили фургон на середине улицы и дали знак вертолету снизиться. Бертон держал в руках ребенка, Стоун — спутник. «Странные трофеи,— подумалось Стоуну,— из очень странного места под названием Пилмонт». Ребенок наконец замолчал, он просто устал плакать и уснул беспокойным сном, изредка просыпаясь, чтобы всхлипнуть несколько раз, и снова забываясь.

Вертолет опустился, взметнув облако пыли. Бертон прикрыл лицо ребенка одеялом. Когда трап коснулся земли, Бертон не без труда вскарабкался наверх.

Стоун стоял внзду и ждал своей очереди, держа на руках капсулу «Скуп», в облаке пыли, круговороте ветра, оглушенный ревом вертолета. И вдруг ощутил, что он на улице не один. Он обернулся и увидел человека.

Это был очень старый человек. Редкие седые волосы, изможденное морщинистое лицо, босые ноги. Длинная ночная рубаха на нем была вся в грязи и пожелтела от пыли. Качаясь и спотыкаясь, старик брел к Стоуну. Грудь его под рубахой ходила ходуном.

— Кто вы такой? — спросил Стоун, хотя узнал его сразу: это тот, кого они видели на пленке, заснятой со «Скевенджера».

— Вы... — начал старик.

— Кто вы такой?

— Вы... вы это сделали...

— Как вас зовут?

— Не троньте меня... Я не как остальные...

Дрожа от страха, он уставился на Стоуна, на его пластиковый костюм. «В самом деле,— подумал Стоун,— мы, наверно, кажемся ему какими-то чудищами. Марсианами, пришельцами из других миров».

— Не троньте меня...

— Да не тронем. Как вас зовут?

— Джексон. Питер Джексон, сэр. Пожалуйста, не трогайте меня... — Он махнул рукой в сторону трупов, лежащих на улице. — Я не как остальные...

— Не тронем мы вас,— повторил Стоун.

— Других-то вы...

— Нет, не мы.

— Они все умерли.

— Это не мы.

— Врете! — закричал старик; глаза у него округлились. — Все вы врете! Вы не люди! Вы только притворяетесь! Вы знаете, что я человек больной. Вы знаете, что меня легко обмануть. Я больной человек. У меня кровь течет. У меня это... это...

Он пошатнулся, схватился за живот и скорчился от боли.

— Что с вами?

Старик упал. Он побледнел и задышался. На лице у него выступил пот.

— Желудок,— выдавил он.— Это у меня желудок...

Его вырвало, тяжело, с кровью.

— Мистер Джексон...

Но тот потерял сознание. Он лежал на спине с закрытыми глазами, и Стоун подумал было, что старик умер. Но затем увидел, что грудь его вздымается, хотя и очень-очень медленно.

Спустился Бертон.

— Кто это?

— Тот самый странник в белой рубаше. Помогите поднять его в кабину...

— Он жив?

— Пока да.

— Будь я проклят,— подвел черту Бертон.

Чтобы поднять в вертолет обмякшее тело Джексона, пришлось использовать лебедку. Потом спустили трос еще раз и втянули в кабину спутник. И только после этого Бертон и Стоун заняли свои места в вертолете.

Гермокостюмов они не сняли, а лишь подсоединили к ним свежие баллончики с кислородом, тем самым обеспечив себя воздухом еще на два часа. Теперь запаса должно было хватить до конца полета.

Пилот связался с базой Ванденберг, и Стоун вызвал майора Мэнчика.

— Что вы там обнаружили? — спросил Мэнчик.

— Поселок мертв. У нас достаточно доказательств, что здесь действует совершенно необычный фактор.

— Осторожнее,— предупредил Мэнчик.— Разговор идет по открытому каналу...

— Знаю. Вы дадите запрос на применение директивы 7-12?

— Попытаюсь. Вы хотите сразу же?..

— Да, немедленно.

— Пидмонт?

— Да.

— Спутник захватили?

— Разумеется.

— Хорошо,— сказал Мэнчик.— Я дам запрос...

Директива 7-12

Директива 7-12 представляла собой часть документации по программе «Лесной пожар» и предусматривала порядок действий на случай возникновения чрезвычайной биологической ситуации. Согласно этой директиве, на месте соприкосновения земной жизни с внеземными организмами надлежало взорвать термоядерный заряд ограниченной мощности. Кодовым наименованием директивы служило слово «Прижигание»: взрыв преследовал цель «прижечь» заразу, распылить на атомы и тем самым предотвратить возможность ее распространения.

Операция «Прижигание» как пункт программы «Лесной пожар» была утверждена лишь после долгих препирательств между многими ведомствами — канцелярией президента, госдепартаментом, Министерством обороны и Комиссией по атомной энергии. Комиссия, и без того недовольная установкой ядерного устройства в самой лаборатории «Лесной пожар», всячески противилась включению операции в общую программу; госдепартамент и Министерство обороны указывали, что наземный ядерный взрыв, каковы бы ни были его цели, повлечет за собой серьезные международные осложнения.

Президент в конце концов утвердил директиву 7-12 с оговоркой, что окончательное решение о взрыве бомбы при операции «Прижигание» он примет единолично. Стоюна подобная опека не устраивала, но другого выхода не было: на президента сильно давили, чтобы он отказался от этой директивы вообще, и даже на компромисс он пошел лишь после продолжительных споров. К тому же нельзя было пренебречь и докладом Гудзоновского института.

Гудзоновскому институту по контракту было поручено изучить возможные последствия операции «Прижигание». В представленном институтом докладе рассматривались четыре принципиальные ситуации (сценарные разработки), при которых президент может оказаться перед необходимостью отдать приказ о начале операции «Прижигание». По степени серьезности эти сценарные разработки располагались в следующем порядке:

1. *Спутник или пилотируемый космический корабль приземлился в ненаселенном районе Соединенных Штатов.* В этом случае взрыв может быть произведен без

особого шума и с незначительными жертвами. Русских можно неофициально информировать о причинах нарушения Московского договора 1963 года, запрещающего испытания в атмосфере.

2. *Спутник или пилотируемый корабль приземлился в крупном американском городе.* (В качестве примера был взят Чикаго.) В этом случае взрыв приведет к значительным разрушениям и жертвам и серьезным внутренним и несколько меньшим международным последствиям.

3. *Спутник или пилотируемый корабль приземлился в крупном городе нейтралистской страны.* (В качестве примера был взят Дели.) Операция «Прижигание» будет означать в этом случае американскую интервенцию с применением ядерного оружия для предотвращения дальнейшего распространения болезни. Сценарные разработки содержали семнадцать вариантов возможного развития американо-советских отношений после разрушения города Дели. Двенадцать из них непосредственно вели к термоядерной войне.

4. *Спутник или пилотируемый корабль приземлился в каком-нибудь из крупных советских городов.* В таком случае по плану операции «Прижигание» Соединенным Штатам Америки нужно будет оповестить Советский Союз о случившемся и предложить русским разрушить город самим. Сценарные разработки Гудзоновского института предусматривали шесть возможных вариантов дальнейшего развития американо-советских отношений, и все шесть вариантов кончались войной. Исходя из этого было рекомендовано, чтобы Соединенные Штаты в случае приземления спутника на территории Советского Союза или социалистических стран хранили полное молчание. В основе такого предложения лежал прогностический расчет, что эпидемия в России унесет от двух до пяти миллионов человек, в то время как взаимные термоядерные удары и контрудары обойдутся по меньшей мере в 250 миллионов жизней.

После ознакомления с докладом Гудзоновского института президент и его советники решили, что контроль над операцией «Прижигание» и ответственность за нее должны оставаться в руках политиков, а не ученых. Разумеется, конечные последствия такого подхода в то время никто не мог себе представить.

Решение по докладу Мэнчика Вашингтон принял меньше чем через час. Мотивы решения президента так и остались неясны, но суть его была весьма проста:

Президент почел за благо отложить применение директивы 7-12 на срок от 24 до 48 часов. Вместо бомбардировщиков он вызвал национальную гвардию и приказал ей оцепить район вокруг Пидмонта в радиусе ста шестидесяти километров. И стал ждать, что будет дальше.

9

Флэтрок

Дипломированный хирург Марк Уильям Холл сидел на тесном заднем сиденье истребителя «F—104», упершись глазами в папку, лежавшую на коленях. В последнюю минуту перед вылетом Ливитт передал ему эту папку,— тяжелую, толстую кипу бумаг в серой картонной обложке. Предполагалось, что Холл прочтет все это в полете, однако «F—104» был не слишком приспособлен для чтения: места едва хватало, чтобы держать руки на коленях, не говоря уже о том, чтобы раскрыть папку и читать.

И все-таки Холл ухитрился читать.

На обложке печатными буквами по трафарету было выведено «Лесной пожар», а ниже шла зловещая надпись:

Все материалы настоящего дела совершенно секретны.
Ознакомление с ними лиц, не имеющих на то полномочий, карается тюремным заключением сроком до 20 лет и штрафом 20 тысяч долларов

Когда Ливитт вручил ему папку, Холл прочел предупреждение и присвистнул.

— Не принимайте этого всерьез,— откликнулся Ливитт.

— А что, только страшат?

— Черта с два! Если в эту папку заглянет кто-нибудь, кому не положено, он просто-напросто исчезнет...

— Очень мило!..

— Прочтете, тогда увидите, почему,— сказал Ливитт.

Полет продолжался час сорок минут. Час сорок минут полнейшей, сверхъестественной тишины — скорость самолета в 1,8 раза превышала скорость звука. Холл пролистал почти всю папку; прочитать эти материалы ему оказалось не под силу. Многие страницы объемис-

той папки были заполнены перекрестными ссылками и служебными заметками, начисто ему непонятными. Первая страница была не менее заумна, чем последующие:

Стр. 1 (всего 274 страницы)

Программа: «Лесной пожар»

Компетенция: НАСА—Медслужба армии

Гриф: совершенно секретно

Классификация: государственной важности

Содержание: создание особо секретной лаборатории с целью предотвратить распространение токсичных внеземных агентов

Сопутствующие программы: «Чистота», «Нуль-загрязнение», «Прижигание»

Краткое содержание: Строительство лаборатории предписано распоряжением президента в январе 1965 г. Начало проектирования—март 1965 г. Консультации—Форт-Детрик и «Дженерал дайнэмикс»—июль 1965 г. Рекомендована постройка многоэтажного комплекса в пустынной местности для изучения возможных или вероятных вредоносных агентов. Спецификация рассмотрена в августе 1965 г. Утверждена с поправками тогда же. Окончательный проект составлен и зарегистрирован Медслужбой армии под кодовым наименованием «Лесной пожар» (копии: Детрик, Хоукинз). Площадка для строительства на северо-востоке штата Монтана рассмотрена в августе 1965 г. Площадка на юго-западе штата Аризона рассмотрена в августе 1965 г. Площадка на северо-западе штата Невада рассмотрена в сентябре 1965 г. Площадка в Неваде утверждена в октябре 1965 г.

Строительство закончено в июле 1966 г. Финансирование по бюджету НАСА, Медслужбы армии, Министерства обороны (графа — неподотчетные резервы). Ассигнования на содержание и персонал лаборатории утверждены конгрессом по той же графе.

Основные последующие изменения: микропористые фильтры — см. стр. 74. Самоликвидационное устройство (ядерное) — стр. 88. Демонтирование ультрафиолетовых излучателей — стр. 81. Теория самоликвидации (теория решающего голоса) — стр. 255.

Штатное расписание из настоящего дела изъято. Данные по кадрам — только в делах Медслужбы армии («Лесной пожар»).

На второй странице были приведены основные параметры системы в целом, разработанные группой первичного планирования программы «Лесной пожар». Здесь была изложена общая конструктивная идея: лаборатория располагается на нескольких примерно однотипных горизонтах, и чем ниже уровень, тем он более стерильен.

Стр. 2 (всего 274 страницы)

Программа: «Лесной пожар»

Основные параметры

1. Предусматривается пять уровней:

Первый уровень. Не обеззараженный, но чистый. По стерильности соответствует больничной операционной или «чистому цеху» по техническим условиям НАСА. Вход без предварительного карантина.

Второй уровень. Минимальная стерилизация — гексахлорофеновая и метилтолуоловая ванны без полного погружения. Карантин в течение часа со сменой спецодежды.

Третий уровень. Усиленная стерилизация — ванна с полным погружением, ультрафиолетовое облучение, обязательный двухчасовой карантин для предварительных лабораторных исследований. Разрешен допуск персонала при наличии бестемпературных инфекций верхних дыхательных и мочеполовых путей. Допускается также вирусная симптоматика.

Четвертый уровень. Максимальная стерилизация — полное погружение последовательно в биокаинную, моноклорофеновую, ксантолизиновую и профиновую ванны с промежуточным ультрафиолетовым и инфракрасным облучением в течение тридцати минут. Запрещен допуск лиц с любыми видами инфекции, обнаруживаемыми симптоматически или по клиническим данным. Ежедневная медицинская проверка всего персонала. Карантин — шесть часов.

Пятый уровень. Многократная стерилизация — без ванн и анализов, но с уничтожением спецодежды два раза в день. Профилактическое введение антибиотиков в течение сорока восьми часов. Ежедневная проверка на привнесенную инфекцию на протяжении первых восьми дней пребывания.

2. На каждом уровне имеются:

а) *жилые помещения* (индивидуальные);

б) *помещения для отдыха*, в том числе кинозал и зал для спортивных игр;

в) *кафетерий-автомат*;

г) *библиотека* — ведущие периодические издания, размноженные на аппарате «Ксерокс», рассылаются из главной библиотеки на первом уровне или передаются по телевидению;

д) *убежище* — особонадежный антимикробный комплекс с полной защитой на случай заражения уровня;

е) *лаборатории*:

1) биохимическая, со всем необходимым оборудованием для автоматического анализа аминокислотного состава, определения последовательности аминокислот, окислительно-восстановительного потенциала, жиров и углеводов у людей, животных и других объектов;

2) патогистологическая, с электронным, фазово-контрастным и световым микроскопами, микротомами и лечебными кабинетами. На каждом уровне — пять штатных технических работников. Секционный зал. Комната для подопытных животных;

3) микробиологическая, со всем необходимым оборудованием, для исследования роста, питания, а также для аналитических и иммунологических исследований. Секции бактериологическая, вирусологическая, паразитологическая и т. д.;

4) фармакологическая, со всеми необходимыми материалами для изучения дозировок и специфичности действия известных соединений на рецепторы. Постоянный запас лекарственных средств, в том числе наркотиков (см. приложение);

5) главный зал подопытных животных: 75 генетически чистых мышей, 27 крыс, 17 кошек, 12 собак, 8 приматов;

6) резервная лаборатория для непредвиденных экспериментов;

ж) *медицинская часть* для лечения персонала, включая операционную на случай неотложного хирургического вмешательства;

з) *средства связи* для бесперебойного поддержания видеотелефонной и другой связи между уровнями.

Проверяйте нумерацию страниц

Если обнаружите, что какой-либо страницы не хватает, докладывайте немедленно

Проверяйте нумерацию страниц

Читая дальше, Холл узнал, что на самом верхнем, первом уровне расположен крупный комплекс электронно-вычислительных машин для анализа поступающей информации, который обслуживает все уровни. Такая система была признана приемлемой, поскольку при решении биологических задач реальное астрономическое время не имеет особого значения по сравнению с возможностью полного использования машинного времени; к тому же комплекс способен обрабатывать несколько задач одновременно.

Он продолжал листать папку в поисках раздела, который его заинтересовал — «Гипотеза решающего голоса», — и наткнулся на весьма необычную страницу.

Стр. 255 (всего 274 страницы)

По распоряжению Министра обороны данная страница из настоящего дела изъята

Номер страницы: двести пятьдесят пять (255).

Кодовое наименование программы: «Лесной пожар».

Содержание изъятых материалов: Гипотеза решающего голоса.

Для сведения читающего: данная страница изъята в соответствии с установленными правилами. Докладывать об ее отсутствии нет необходимости.

Холл хмурился, разглядывая страницу и пытаясь уразуметь, что это значит, когда его окликнул пилот:

— Доктор Холл!

— Да?

— Только что прошли последний контрольный пункт. Через четыре минуты посадка...

— Хорошо. — Холл помолчал, потом спросил: — Вам известно, где мы садимся?

— Полагаю, во Флэтроке, штат Невада...

— Ясно, — сказал Холл.

Через несколько минут самолет выпустил закрылки и начал гасить скорость.

Невада — идеальное место для базы «Лесной пожар». Из пятидесяти штатов это седьмой по размерам территории и сорок девятый по численности населения, иначе говоря, самый малонаселенный штат после Аляски. А если учесть, что из 440 тысяч жителей «Серебряного штата» 85 процентов сосредоточены в трех городах — Лас-Вегасе, Рено и Керзон-Сити — и что средняя плотность населения здесь всего 1 человек на квадратный километр, то для выполнения программ, подобных «Лесному пожару», лучших условий просто не придумаешь. Не случайно на территории Невады размещено так много секретных баз.

Наряду с известным атомным полигоном Винтон-Флэтс Невада может похвастаться станцией сверхвысоких энергий в Мартиндейле и координационным центром ВВС вблизи поселка Лос-Гадос. Большинство таких учреждений расположено в южной части штата — они родились еще до того, как Лас-Вегас разросся и стал привлекать по 20 миллионов гостей в год. В более поздние времена для правительственных исследовательских станций была облюбована северо-западная, почти безлюдная окраина штата. В секретных списках Пентагона значится пять новых объектов в этом районе; чем там занимаются — никому не известно.

10

Первый уровень

Холл приземлился сразу после полудня, в самое жаркое время суток. Небо было бледное, безоблачное, солнце нещадно палило; и когда Холл шел по взлетной полосе к единственному строению — приземистому железному бараку, то, невзирая на февраль, размягченный асфальт проминался под ногами. Холл подумал даже, что аэродром этот, вероятно, предназначен в основном для ночных полетов: ногами здесь холодно и асфальт, естественно, твердеет...

Внутри барака была прохлада — ее поддерживали два массивных рокошущих кондиционера. В углу пригнулся карточный столик, и за ним два летчика играли в покер, попивая кофе; в другом углу часовой с автоматом на ремне разговаривал по телефону. На Холла часовой даже и не глянул.

Рядом с телефоном стояла кофеварка. Холл подошел к ней вместе со своим пилотом, и они налили себе по чашке.

— А где же городок? — спросил Холл, глотая кофе. — Когда мы подлетали, я что-то ничего не видел.

— Не знаю, сэр.

— Вы что, никогда здесь не бывали?

— Никак нет, сэр. Этот аэродром — в стороне от основных маршрутов...

— Кого же он тогда обслуживает?..

Летчик не ответил — в комнате появился Ливитт и жестом подозвал Холла. Тот последовал за микробиологом в конец барака, и они вышли снова в полдневную теплынь, к светло-голубой легковой машине. На ней не было ни номера, ни других опознавательных знаков; не было и шофера. Ливитт втиснулся за руль и кивнул Холлу, чтобы тот сел рядом.

— Невысоко нас тут ценят, я вижу, — сказал Холл, когда машина тронулась.

— Еще как ценят! Просто шоферов здесь не держат. Численность персонала сокращена до минимума. Чтобы поменьше было праздных болтунов.

Они ехали по унылой всхолмленной местности. Вдалеке маячили голубые горы, дрожащие в полуденном мареве. Дорога была ухабистая и пыльная, казалось, она заброшена много лет назад. Холл спросил, как это понять.

— Надувательство, — усмехнулся Ливитт. — Пришлось немало повозиться с этой дорожкой. Она обошлась в пять тысяч долларов...

— Почему?

Ливитт пожал плечами.

— Надо было убрать следы тракторов. Здесь и по соседним дорогам перевезено в разное время до черта всякого тяжелого оборудования. И нам совершенно не нужны расспросы...

— Кстати, о предосторожностях, — заметил Холл, помолчав. — Я в самолете читал материалы. Там упоминается ядерный самоликвидатор...

— Ну и что?

— Он существует?

— Существует.

Для организаторов лаборатории «Лесной пожар» это устройство было в свое время форменным камнем преткновения. Стоун и другие настаивали на том, чтобы право окончательного решения — взрывать или не взрывать — оставалось за ними. Комиссия по атомной энер-

гии и исполнительные власти упирались. Ведь правительство никогда еще не выпускало контроль над ядерным устройством из своих рук. Стоун утверждал, что, если в лаборатории произойдет утечка, у них попросту не будет времени, чтобы запросить Вашингтон и получить санкцию президента. Прошло немало месяцев, прежде чем президент внял этим доводам.

— Я там прочитал,— сказал Холл,— что устройство связано с какой-то «гипотезой решающего голоса».

— Так оно и есть.

— Но в чем там дело? Эта страница из моей папки изъята.

— Знаю,— сказал Ливитт.— Мы поговорим об этом потом.

Машина свернула с выщербленного асфальта на грунтовую дорогу и подняла такое облако пыли, что пришлось закрыть все окна. Холл достал сигарету.

— Это ваша последняя,— предупредил Ливитт.

— Ладно. Дайте хоть эту выкурить со вкусом...

По правую руку мелькнули щит с надписью «Государственная собственность. Вход воспрещен», но ни забора, ни охраны, ни собак не было — один только этот обшарпанный, облезлый щит.

— Грандиозные меры безопасности,— заметил Холл.

— Не беспокойтесь, нас охраняют гораздо лучше, чем кажется. Просто мы стараемся не привлекать внимания...

Они проехали еще километра полтора, подсакивая на ухабах, и наконец перевалили через бугор. Перед Холлом открылся круг метров ста в диаметре, обнесенный высоким крепким забором, с колючей проволокой поверху. Внутри круга на неубранном кукурузном поле стояло небольшое деревянное здание.

— Кукуруза? — удивился Холл.

— А что? Разве не остроумно?

Подъехали к воротам. Навстречу вышел человек в грубых фермерских штанах и тенниске, с бутербродом в руке. Энергично работая челюстями, он отпер ворота. Потом подмигнул, улыбнулся и, не переставая жевать, махнул, чтобы проезжали. Вывеска у ворот гласила:

Государственная собственность
Министерство сельского хозяйства США
Опытная станция по освоению пустынных земель

Ливитт провел машину в ворота, затормозил у деревянного здания и вылез, оставив ключ в замке. Холл последовал за ним.

— А теперь куда?

— В дом,— ответил Ливитт.

Они вошли в здание и попали прямо в небольшую комнату. У шаткого столика сидел мужчина в ковбойской шляпе и клетчатой рубаше с плетеным галстуком. Он читал газету и, как тот сторож у ворот, закусывал. Подняв на них глаза, он добродушно осклабился.

— Привет,— сказал он.

— Здравствуйте,— ответил Ливитт.

— Могу помочь?

— Да мы проездом,— ответил Ливитт.— Едем в Рим. Мужчина кивнул.

— А сколько времени?

— Часы вчера остановились,— ответил Ливитт.

— Обида какая,— сказал мужчина.

— А все из-за жары...

Удовлетворенный ответами, мужчина снова кивнул. Они прошли мимо него, через дверь и по коридору. С дверей по обе стороны на них смотрели написанные от руки печатными буквами таблички: «Выращивание саженцев», «Контроль влажности», «Анализ почв». В комнатах работало с полдюжины людей, разношерстно одетых и, по всей видимости, занятых делом.

— Это настоящая сельскохозяйственная станция,— пояснил Ливитт.— Если надо, тот мужчина может провести вас по комнатам и растолковать, чем занимается станция и какие опыты на ней поставлены. В основном они тут пытаются вывести сорт кукурузы для возделывания на сухих высокощелочных почвах...

— А «Лесной пожар»?..

— Здесь.

Ливитт открыл дверь, украшенную табличкой «Склад», и Холл увидел узкую каморку, заваленную граблями, мотыгами и шлангами для поливки.

— Входите же...

Холл вошел. Ливитт закрыл дверь — и Холл почувствовал, как пол начал проваливаться под ногами и они поехали куда-то вниз вместе с граблями и прочим барахлом.

Через несколько мгновений они очутились во вполне современной комнате, освещенной лампами дневного света. Стены были покрашены в красный цвет. Комната была пустой, если не считать прямоугольного ящика по

пояс человеку, похожего на лекционную кафедру. Сверху ящик прикрывало светящееся зеленоватое стекло.

— Подойдите к анализатору,— предложил Ливитт.— Руки положите на стекло ладонями вниз.

Холл так и сделал. Пальцы слегка кольнуло, и ящик издал гудящий звук.

— Все в порядке. Отойдите.

Ливитт в свою очередь положил руки на ящик, подождал, когда тот загудит, и сказал:

— Теперь, пожалуйста, сюда. Вас интересовали меры безопасности. Сейчас, прежде чем мы войдем в основные помещения, я вам кое-что покажу...

— А что это за ящик?

— Анализатор отпечатков пальцев и ладоней. Работает автоматически. Считывает до десяти тысяч дерматогрифических линий, так что ошибки быть не может. В блоке памяти у него заложены данные обо всех, кому разрешен доступ к «Лесному пожару».

Ливитт толкнул дверь в углу. За нею оказалась другая дверь с надписью «Охрана», бесшумно скользнувшая в сторону. Они вошли в затемненную комнату, где в окружении панелей с множеством светящихся шкал сидел один-единственный человек.

— Здравствуйте, Джон,— сказал Ливитт.— Как дела?

— Спасибо, доктор Ливитт, неплохо. Я видел, как вы подъехали.

Ливитт познакомил Холла с дежурным, и тот показал новичку свое хозяйство. На холмах вокруг базы были надежно укрыты два обзорных радиолокатора, которые контролировали подступы к ней. Немного ближе к ограде располагалось кольцо закопанных в грунт датчиков, сигнализирующих о приближении любого живого существа весом более сорока килограммов.

— Мы еще ни разу никого не упустили,— сказал дежурный.— А если и недоглядим...— Он пожал плечами и, повернувшись к Ливитту, спросил: — Покажем ему собачек?..

— Покажем,— ответил Ливитт.

Они прошли в соседнюю комнату. В ней сильно пахло зверинцем. Там стояли девять просторных клеток с девятью немецкими овчарками, самыми рослыми, каких Холлу когда-либо доводилось видеть.

Едва увидев людей, собаки принялись лаять, но Холл не услышал ни звука. Он изумленно смотрел, как

они разевают пасти и трясут головами, будто лают,— и все равно ни звука.

— Это сторожевые псы армейской дрессировки,— сказал дежурный.— Злобные, как черти. Прогуливаешь их — и то приходится надевать защитный костюм и толстые перчатки. Голосовые связки у них вырезаны, потому их и не слышно. Безмолвные злобные черти...

— А приходилось вам... гм... использовать этих милых собачек?

— Нет,— сказал дежурный.— К счастью, не приходилось.

Маленькая комната со шкафчиками. На одном из них Холл увидел свою фамилию.

— Здесь переодеваемся,— пояснил Ливитт. Кивнул на вешалку с розовыми комбинезонами в углу.— Снимайте с себя все и надевайте один из этих...

Холл быстро переоделся. Просторный комбинезон застегивался сбоку на молнию. Потом они зашагали дальше по коридору.

Внезапно раздался резкий звонок, и коридор перед ними перегородила решетка. Над головами замигала белая лампочка. Холл растерялся. Ливитт поспешно отвернулся от слепящих вспышек. Холлу это показалось странным, но по-настоящему он вспомнил об этом лишь несколько дней спустя.

— Что-то не так,— сказал Ливитт.— Вы все с себя сняли? Кольцо, часы, совершенно все?

Холл глянул на правую руку — часы остались при нем.

— Идите назад,— сказал Ливитт,— и положите часы в свой шкафчик.

Холл повиновался. Когда он вернулся и они продолжили свой путь, решетка не закрылась и звонок не зазвонил.

— Тоже автоматика? — поинтересовался Холл.

— Конечно,— сказал Ливитт.— Реагирует на любой посторонний предмет. Признаться, мы немного беспокоились, как быть с искусственными глазами, вставными зубами, сердечными стимуляторами, с любыми протезами вообще. Но, по счастью, ни у кого на базе таких протезов нет...

— А пломбы?

— Устройство запрограммировано так, что на пломбы оно не реагирует.

— Как оно работает?

— Что-то там с емкостными сопротивлениями. Я в этом не особенно разбираюсь...

Перед ними вспыхнуло табло:

Вы вступаете на первый уровень
Следуйте в кабинет контроля иммунизации

Холл заметил, что все стены выкрашены в красный цвет.

— Да,— подтвердил Ливитт.— У каждого уровня свой цвет: у первого — красный, у второго — желтый, у третьего — белый, у четвертого — зеленый, у пятого — голубой...

— При выборе цветов придерживались какой-нибудь определенной системы?

— Кажется, несколько лет назад на флоте собрали данные по психологическому воздействию цветового окружения,— ответил Ливитт.— Ну, а мы этими данными воспользовались...

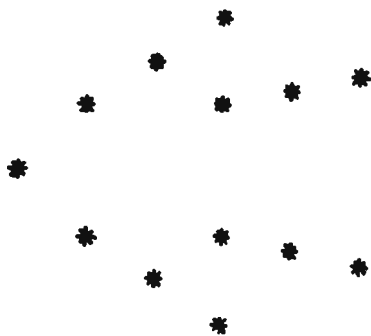
Они подошли к кабинету иммунизации. Дверь скользнула в сторону, открыв три застекленные будки.

— Садитесь в любую.

— И тут автоматика?

— Разумеется...

Холл вошел в будку и закрыл за собой дверь. В будке было много всякой сложной аппаратуры и стояла кушетка. Перед нею — телевизионный экран, на котором светилось несколько точек.

— Прошу сесть,— раздался тусклый металлический голос.— Прошу сесть. Прошу сесть.

Холл сел.

— Следите за экраном. Лягте на кушетку так, чтобы точки погасли все до одной.

Он взглянул на экран и заметил теперь, что расположение точек примерно соответствует контурам человеческого тела.

Он поерзал на кушетке, и точки одна за другой исчезли.

— Очень хорошо,— продолжал голос.— Приступим. Прошу назвать свою фамилию и имя. Сначала фамилию, затем имя.

— Марк Холл.

— Прошу назвать свою фамилию и имя. Сначала фамилию, затем имя.

Одновременно на экране засветились слова:

Ответ не кодируется

— Холл Марк.

— Благодарю вас,— сказал голос.— Прочитайте стихок «У попа была собака».

— Бросьте шутить,— сказал Холл.

Последовала пауза. Из динамика доносился лишь слабый гул и щелканье реле. Наконец экран засветился снова:

Ответ не кодируется

— Прошу прочитать стихок «У попа была собака». Чувствуя себя совершенным идиотом, Холл начал:

— У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил...

Снова пауза. Затем голос:

— Благодарю вас.

И на экране зажглось:

Анализаторы удостоверяют личность

Холл Марк

— Прошу слушать внимательно,— сказал металлический голос.— На все последующие вопросы вы будете отвечать «да» или «нет». Воздерживайтесь от других ответов. Делали ли вам прививку от оспы на протяжении последних двенадцати месяцев?

— Да.

— От дифтерии?

— Да.

— От тифа и паратифа А и Б?

— Да.

— От столбняка?

— Да.
— От желтой лихорадки?
— Да, да, да! Все прививки делали...
— Прошу отвечать односложно. Несоблюдение правил влечет за собой пустую трату ценного машинного времени.

— Да,— повторил Холл, присмирив. Когда его вовлекли в группу «Лесной пожар», он подвергся предохранительным прививкам от всего на свете, включая чуму и холеру, и эти прививки возобновлялись каждые шесть месяцев; кроме того, ему впрыснули гамма-глобулин против вирусных инфекций.

— Болели ли вы когда-либо туберкулезом или другим микобактериальным заболеванием, не было ли у вас положительной кожной реакции на туберкулез?

— Нет.

— Болели ли вы когда-либо сифилисом или другим спирохетным заболеванием, не было ли у вас положительной серологической реакции на сифилис?

— Нет.

— Не было ли у вас за последний год болезней, вызванных грамположительной бактериальной флорой, например стрептококковой, стафилококковой или пневмококковой?

— Нет.

— Болезней, вызванных грамотрицательным возбудителем, например гонококком, менингококком, протеем, псевдомонасом, сальмонеллой или шигеллой?

— Нет.

— Нет ли и не было у вас грибковых заболеваний, в том числе бластомикоза, гистоплазмоза или кокцидиомикоза, не было ли у вас положительной кожной реакции на грибковые заболевания?

— Нет.

— Не было ли у вас в недавнем прошлом какой-либо вирусной инфекции, включая полиомиелит, гепатит, моноуклеоз, свинку, корь, ветрянную оспу, лишай?

— Нет.

— Бородавки есть?

— Нет.

— Страдаете ли от какой-либо известной вам аллергии?

— Да. На пыльцу крестовика лугового.

На экране появились слова:

Крестовик роговой

И через секунду:

Ответ не кодируется

— Прошу ответ повторить для наших блоков памяти медленнее и отчетливее.

Холл старательно выговорил:

— Крестовик луговой.

На экране зажглось:

Крестовик луговой закодировано

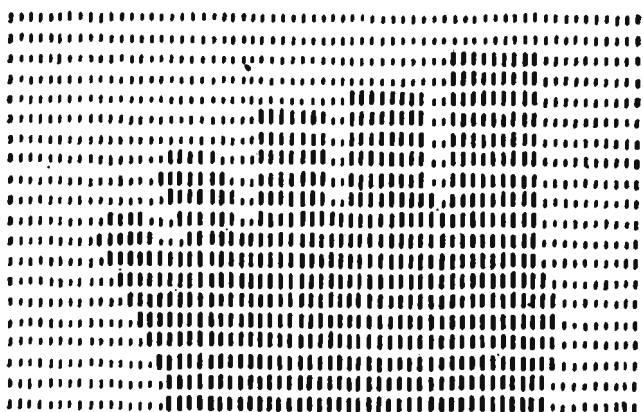
— Страдаете ли аллергией к белковым веществам? — продолжал голос.

— Нет.

— Опрос закончен. Прошу раздеться и лечь на кушетку, как прежде, чтобы все точки исчезли.

Он повиновался. Мгновение спустя над ним повисла и опустилась совсем близко к телу ультрафиолетовая лампа на длинном кронштейне: рядом с ней было укреплено нечто вроде объектива. Холл увидел, как параллельно движению лампы на экране проступает развертка контуров его тела, начиная с ног.

— Производится обследование на грибок, — сообщил голос.

Через несколько минут Холлу было предложено перевернуться на живот, и процедура повторилась сначала. Потом ему велели снова лечь на спину, погасив точки на экране.

Сейчас будут произведены замеры физических параметров, — продолжал голос. — Просьба не шевелиться на протяжении всего осмотра.

К нему змеями протянулись всевозможные провода с датчиками, и манипуляторы прижали их к телу. Назначение некоторых датчиков было ему понятно, например с полдюжины присосков на грудь — для электрокардиограммы, двадцать один на голову — для электроэнцефалограммы. Но датчики крепились и на живот, и на руки, и на ноги.

— Поднимите левую руку, — приказал голос.

Холл подчинился, и спустившаяся сверху механическая рука, на которой по обе стороны были укреплены электрические глаза, обследовала его руку.

— Положите ладонь на панель слева. Не двигайтесь. При введении иглы в вену вы почувствуете легкий укол.

На экране вспыхнуло цветное изображение руки Холла — на голубом фоне зеленым узором проступали вены. Машина, видимо, была чувствительна к температуре тканей и органов человека. Он собрался было выразить протест, но тут ощутил резкий укол.

Взглянул опять на экран. Игла вошла в вену.

— Теперь только лежите спокойно. Расслабьтесь.

Секунд пятнадцать механизмы жужжали и щелкали. Затем провода были убраны. Механические руки аккумуляторненько наложили на место укола заплатку из лейкопластыря.

— Замеры физических параметров окончены.

— Можно одеться?

— Пожалуйста, сядьте и повернитесь правым плечом в сторону телеэкрана. Вам будут сделаны пневмоинъекции.

Из стены выползла пушка на длинном кабеле, прижалась дулом к предплечью и выстрелила. Он услышал шипение и ощутил боль.

— Теперь можете одеться, — сказал голос. — Имейте в виду, что в течение нескольких часов у вас может быть легкое головокружение. Вы подверглись принудительной иммунизации, вам введен гамма-глобулин. Если закружится голова, посидите. Если появится сильная реакция — тошнота, рвота, повышенная температура, — немедленно сообщите об этом врачу, обслуживающему соответствующий уровень. Все ясно?

— Да.

— Выход направо. Спасибо за точное выполнение всех указаний. Обследование закончено.

Холл шел за Ливиттом по длинному красному коридору. Рука все еще побаливала.

— Ну и машина,— сказал он.— Постарайтесь, чтобы Медицинская ассоциация о ней не пронюхала.

— Уже постарались...

Электронный анализатор организма был сконструирован фирмой «Сандеман индастриз» еще в 1965 году по общему правительственному заказу на разработку системы датчиков для контроля за жизнедеятельностью в условиях космического полета. Тогда правительство имело в виду, что такая установка, хотя и стоит ни много ни мало 87 тысяч долларов, со временем заменит врача как диагноста. Всем было ясно, конечно, что привыкнуть к новой машине и больным и врачам будет не так-то просто. Впрочем, анализатор не предполагалось рассекречивать до 1971 года, да и после этого срока правительство собиралось дать разрешение на его приобретение только крупнейшим лечебным учреждениям.

Холл заметил, что стены коридора слегка искривлены.

— Где мы, собственно, сейчас находимся?

— На периметре первого уровня. Слева от нас лаборатория. Справа — ничего, кроме массива скальных пород.

По коридору прошли несколько человек, одетых в розовые комбинезоны; вид у всех был деловитый и озабоченный.

— А где остальные из нашей группы? — спросил Холл.

— Вот они.

Ливитт распахнул дверь с табличкой «Конференц-зал № 7», и они попали в комнату с большим дубовым столом посередине. У стола стоял Стоун, подтянутый и бодрый, будто только что принял холодный душ, а рядом с ним Бертон, какой-то жалкий и растерянный, с усталым испуганным выражением глаз.

Они поздоровались и сели за стол. Стоун достал из кармана два ключа, один серебристый, другой красный. Красный ключ Стоун протянул Холлу:

— Повесьте на шею.

Холл уставился на ключ.

— Что это такое?

— Боюсь, что Марк еще ничего не знает о решающем голосе,— вставил Ливитт.

— Я думал, он в самолете прочтет.

— Ему достался экземпляр с купюрами.

— А, вот оно что...— Стоун повернулся к Холлу.— Так вы ничего не знаете о решающем голосе?

— Ничего.— Холл хмуро глядел на ключ.

— И никто вам не говорил, что важнейшим доводом в пользу вашего зачисления в группу было то, что вы холостяк?..

— А причем тут...

— А притом,— сказал Стоун,— что вы и есть этот «решающий голос». Вы ключ ко всему этому делу. В буквальном смысле слова.

Он взял серебристый ключ и направился в дальний угол комнаты. Нажал на потайную кнопку, и кусок деревянной панели ушел в стену, обнажив блестящий металлический пульт. Стоун вставил свой ключ в прорезь и повернул его. На пульте зажглась зеленая лампочка. Он чуть отступил, и панель вернулась на место.

— Ниже самого нижнего, пятого уровня «Лесного пожара» находится ядерное самоликвидационное устройство,— сказал Стоун.— Управляется оно отсюда, из лаборатории. Только что, всунув ключ в замок, я поставил механизм на боевой взвод. Теперь устройство готово к взрыву. Ключ вставлен намертво, и вынуть его нельзя. Ваш ключ, наоборот, можно и вставить и вытащить. Детонатор бомбы срабатывает с трехминутным замедлением. Эти три минуты даются вам на то, чтобы еще подумать и, если найдете нужным, отменить взрыв.

Холл по-прежнему тупо смотрел на ключ.

— Но почему именно я?

— Потому что вы холостяк. Один из участников группы обязательно должен быть неженатым.

Стоун открыл портфель, вынул оттуда папку и подал Холлу.

— Прочтите...

Это был еще один экземпляр материалов по «Лесному пожару».

— Страница 255,— уточнил Стоун.

Холл отыскал ее.

Программа: «Лесной пожар»

Изменения:

1. Микропористые фильтры для установки в вентиляционной системе, по первоначальному проекту — однослойные полистироловые фильтры с максимальным захватом 97,4 %. Заменены в 1966 г. фильтрами Апджона,

способными задерживать организмы размером 1 микрон. При захвате каждым слоем до 90 % трехслойный фильтр обеспечивает захват 99,9 %. Остаточная возможность заражения, равная 0,1 %, практического значения не имеет. Стоимость четырех- или пятислойных фильтров, уменьшающих возможность заражения до 0,001 %, признана несоразмерной с увеличением надежности. Допуск в 1/1000 признан достаточным. Монтаж закончен 8.12. 1966.

2. Ядерное самоликвидационное устройство, реконструкция замедляющего устройства взрывателя. См. дело КАЭ/МО 77—12—0918.

3. Ядерное самоликвидационное устройство, изменение графика технического обслуживания активной зоны. См. дело КАЭ/Варбург 77—14—0014.

4. Ядерное самоликвидационное устройство, изменение процедуры принятия окончательного решения. См. дело КАЭ/МО 77—14—0023.

Краткая справка прилагается

Справка о гипотезе решающего голоса. Впервые рассмотрена в качестве нулевой гипотезы консультативным комитетом по программе «Лесной пожар». Сформулирована на основе проведенных ВВС (Объединенное командование ПВО Северо-Американского континента) тестов на определение способности командиров принимать решения, влекущие за собой гибель людей. Тесты предусматривали принятие решений по десяти различным вводным с заранее заданными альтернативами, разработанными психиатрическим отделением клиники Уолтера Рида на основе многократного анализа тестов, проведенного отделом биостатистики Национального института здравоохранения в Бетесде.

Тесту подверглись летчики стратегической авиации, наземный персонал, офицеры штаба ПВО и другие лица, по роду службы обязанные принимать решения или предпринимать самостоятельные действия. Десять вводных были разработаны Гудзоновским институтом; по каждой из вводных испытуемые должны были принять решение в форме «да» или «нет». Все решения были со-

пряжены с уничтожением объектов противника термоядерными или химико-бактериологическими средствами.

Данные по 7420 испытуемым обработаны по программе H_1H_2 многофакториального дисперсионного анализа; последующая обработка — по программе «Ановар»; окончательное просеивание данных по программе «Классификация», сущность которой охарактеризована отделом биостатистики Национального института здравоохранения следующим образом:

Цель настоящей программы — установить эффективность распределения отдельных лиц по различным группам на основании объективных количественных оценок. Программа позволяет установить границы групп и вероятностную достоверность классификации отдельных лиц как функции определенных данных.

Программа предусматривает выдачу ЭВМ средних оценок по группам, пределов достоверности разграничения, оценки отдельных испытуемых.

*К. Г. Боргранд, доктор наук
Национальный институт здравоохранения*

Результаты изучения гипотезы решающего голоса

По некоторым параметрам теста лица, не имеющие семьи, действовали иначе, чем семейные. Гудзоновский институт подготовил усредненные, «теоретически правильные» решения, полученные по аналогичным вводным на ЭВМ. На основе сравнения ответов различных групп испытуемых с этими решениями выведен индекс дееспособности, показатель числа правильных решений.

ГРУППА	ИНДЕКС ДЕЕСПОСОБНОСТИ
Женатые мужчины	0,343
Замужние женщины	0,399
Незамужние женщины	0,402
Холостые мужчины	0,824

Из этих данных явствует, что женатые мужчины принимают правильное решение лишь один раз из трех, в то время как холостые — четыре раза из пяти. Группа холостых мужчин была затем разделена на подгруппы в поисках возможно более точной классификации.

ПОДГРУППА

ИНДЕКС
ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Холостые мужчины в среднем	0,824
Военнослужащие:	
офицеры	0,655
младший командный состав	0,624
Инженерно-технические работники:	
инженеры	0,877
наземный персонал	0,901
Обслуживающий персонал (ремонт и служба быта)	0,758
Научные работники	0,946

Из приведенной таблицы не следует делать поспешных выводов относительно способности или неспособности лиц различных категорий принимать решения. По этим данным представляется, что дворники способны принимать более правильные решения, чем генералы, однако в действительности все много сложнее. Выданные машиной оценки являются суммарными по результатам испытаний и индивидуальным вариациям. Это следует учитывать при их истолковании, иначе возможны ошибочные выводы, чреватые опасными последствиями.

По требованию Комиссии по атомной энергии в период монтажа ядерного самоликвидатора тесту согласно вышеописанной методике подвергался командный состав базы, а также и весь остальной персонал, связанный с программой «Лесной пожар». Материалы по тесту находятся в деле «Лесной пожар»: тест «Классификация», «Персонал» (см. 77—14—0023). Данные теста по руководящей группе:

ФАМИЛИЯ

ИНДЕКС
ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Бертон	0,543
Рейнолдс	0,601
Керк	0,614
Стоун	0,678
Холл	0,899

Результаты специального теста подтверждают гипотезу решающего голоса, согласно которой окончательное решение по применению термоядерного или химико-бактериологического оружия должны принимать холостые мужчины.

— Чушь какая-то,— сказал Холл, когда кончил читать.

— Тем не менее,— отозвался Стоун,— только таким

путем мы смогли убедить правительство передать контроль над оружием в наши руки...

— И вы всерьез рассчитываете, что я поверну свой ключ и взорву все это?

— Боюсь, что вы меня не поняли. Взрыватель действует автоматически. Если в лаборатории произойдет утечка инфекции и заражение распространится по всему пятому уровню, через три минуты произойдет взрыв. Это случится, если вы не вставите свой ключ и тем самым не отмените приказ.

— Ах, та-ак...— спокойно отозвался Холл.

II

Все ниже и ниже

Где-то неподалеку зазвенел звонок. Стоун бросил взгляд на стенные часы: было уже поздно. Он начал излагать участникам группы их задачу; говорил он быстро, шагая взад-вперед по комнате и непрерывно жестикулируя.

— Как вам известно, мы сейчас находимся на самом верхнем уровне пятиэтажного подземного сооружения. Согласно инструкции, понадобятся почти сутки, чтобы пройти все стерилизационные и дезинфекционные процедуры и спуститься на нижний уровень. Чем раньше мы начнем, тем раньше кончим. Капсулу «Скуп» уже спускают вниз...

Он нажал кнопку на пульте с краю стола. Ожил телевизионный экран, и они увидели конусообразную капсулу в пластиковом мешке — она опускалась вниз, поддерживаемая автоматическими манипуляторами.

— В центральной шахте лаборатории,— продолжал Стоун,— располагаются лифты и коммуникации — трубы, кабели и тому подобное. Капсула сейчас там, но скоро она будет стоять в сверхстерильном боксе на нижнем уровне...

Он рассказал и о двух других неожиданных «находках», вывезенных из Пидмонта. На экране появилось изображение Питера Джексона на носилках. К венам обеих его рук сверху спускались какие-то трубки.

— Этот человек уцелел. Это он бродил по поселку ночью, когда самолеты проводили съемку. Он был жив еще сегодня утром.

— Каково его состояние сейчас?

— Неопределенное. Устойчивая потеря сознания. Утром рвало кровью. Его держат на глюкозе, пока мы сами не доберемся до нижнего уровня.

Стоун щелкнул переключателем, и на экране показался грудной ребенок. Он был привязан к кровати и орал благим матом. В височную вену ему вливали питательный раствор.

— Этот малыш тоже выжил, так что пришлось прихватить и его, тем более что в действие введена директива 7-12. Сейчас поселка Пидмонт больше нет, он уничтожен ядерным взрывом. И, кроме того, малыш и Джексон — живые ключи к разгадке...

Затем Стоун и Бертон рассказали обо всем, что увидели и узнали в Пидмонте. Они сообщили об очевидных признаках мгновенной смерти, о странных самоубийствах, об отсутствии кровотечения, о свертывании крови во всей сосудистой системе...

Холл изумленно слушал. Ливитт только качал головой.

Когда все было рассказано, Стоун спросил:

— Вопросы будут?

— С вопросами можно подождать, — откликнулся Ливитт.

— Тогда начнем...

Начали они с двери, на которой простыми белыми буквами было написано: «На второй уровень». Надпись показалась Холлу очень уж незначительной, элементарной, будничной, что ли. Он ожидал чего-нибудь повнушительнее, например неприступного часового с автоматом или хотя бы вахтера, проверяющего пропуск. Но ничего такого не было. Не было ни пропусков, ни значков, ни удостоверений личности. Холл высказал Стоуну свое недоумение.

— Ну, — ответил тот, — от значков мы отказались с самого начала. Они могут переносить инфекцию, а стерилизовать их трудно: как правило, они пластмассовые и при высокой температуре плавятся...

Все четверо друг за другом переступили порог; дверь тяжело захлопнулась за ними и герметизировалась с шипящим звуком. Холл оказался в комнате, облицованной кафелем, где не было ничего, кроме ящика с надписью «Одежда». Он расстегнул молнию своего комбинезона, снял его и бросил в ящик. Вспыхнуло пламя, и комбине-

зон сгорел. Обернувшись на дверь, в которую он только что вошел, Холл увидел на ней табличку: «Выхода на первый уровень здесь НЕТ».

Он пожал плечами. Остальные уже проходили через другую дверь, на которой значилось всего одно слово: «Выход». Холл последовал за ними и погрузился в сплошное облако пара со странным запахом, слегка отдающим хвоей, — нетрудно было догадаться, что пахнет какое-то ароматизированное дезинфицирующее средство. Он сел на лавку, расслабил мышцы, и его начало обволакивать паром. Назначение парной было очевидно: от тепла раскрываются поры, и к тому же пар проникает в легкие.

Они сидели, почти не разговаривая, до тех пор, пока все тело с головы до ног не заблестело от пота, и только потом перешли в следующее помещение.

— Ну, и как вам? — спросил у Холла Ливитт.

— Похоже на римские бани...

В следующей комнатке были неглубокая ванночка («Опустить ноги») и душ («Раствор не глотать. Беречь глаза и слизистые оболочки от прямого воздействия»). Словно их старались запугать. Холл попытался определить состав растворов по запаху, но не сумел; впрочем, душевая вода явно содержала щелочи — на ощупь она казалась мыльной. Он спросил у Ливитта, и тот ответил, что это раствор альфа-хлорофина при pH^1 7,7. Еще Ливитт сказал, что, где только возможно, кислые и щелочные растворы чередуются.

— Если разобраться, — сказал Ливитт, — так это проблема из проблем. Как дезинфицировать человеческое тело, грязней которого, наверно, нет ничего во всей Вселенной, не уморив при этом человека? Любопытная задача...

Сказал — и побрел прочь. Холл вышел из-под душа, поискал глазами полотенце, но не обнаружил ничего похожего. Тогда он прошел еще через одну дверь — и с толка на него обрушились потоки горячего воздуха. У стен зажглись кварцевые лампы, залив комнату неправдоподобно густым фиолетовым светом. Так он стоял, пока не прозвучал зуммер и сушильные вентиляторы не выключились. Ощущая на коже легкое жжение, он шагнул в очередную комнату, где их ждала одежда. Костюмы были другого фасона: уже не комбинезоны, а нечто вроде хирургической одежды желтого цвета — простор-

¹ pH — показатель концентрации водородных ионов.

ная рубаша с открытым воротом и короткими рукавами, брюки на резинке, а на ноги — открытые туфли на резиновой подошве, удобные и легкие.

Ткань была мягкая, видимо, синтетическая. Холл оделся, вместе со всеми прошел в дверь с табличкой «Выход на второй уровень» и сразу попал в лифт. Подождав, когда лифт остановится, он вышел в коридор, покрашенный уже не красной краской, как на первом уровне, а желтой. Весь персонал тут был в желтой одежде. Медсестра, поджидавшая их у лифта, сообщила:

— Сейчас 14 часов 47 минут. Через час вы сможете продолжить спуск...

В небольшой комнате, где на дверях было обозначено «Промежуточный отдых», стояло с полдюжины диванчиков, покрытых пластиковыми простынями одноразового использования.

— Отдохните, — посоветовал Стоун. — Если можете, усните. На пятом уровне вам будет не до сна, так что набирайтесь сил заранее. — Подошел к Холлу: — Как вам понравилась методика обеззараживания?

— Любопытно, — ответил хирург. — Вы могли бы продать ее шведам и заработать кучу денег. Но я, признаться, ожидал чего-нибудь построжее.

— Погодите, будет и построжее. На третьем и четвертом уровнях — медицинский осмотр. А потом — краткое совещание...

С этими словами Стоун прилег на диванчик и мгновенно уснул. Он научился этому много лет назад, когда проводил серию круглосуточных опытов. Приходилось принаравливать, спать урывками. Теперь давнишние навыки понадобились снова.

Второй цикл дезинфекционных процедур в общем был похож на первый. Желтую одежду Холла тоже сожгли, хотя проносил он ее всего час.

— Вы не находите, что это расточительство? — спросил он у Бертон. Тот равнодушно передернул плечами:

— Это же бумага...

— Бумага? Эта материя — бумага?..

— Да не материя, а бумага, — покачал головой Бертон. — Новая технология...

Потом они оказались в бассейне, и их заставили окунуться в воду с головой. Добивались этого очень просто: попасть из бассейна в следующее помещение можно было лишь через подводный проем. Инструкция требовала

открыть под водой глаза. Когда Холл нырнул, он ощутил под веками несильное жжение, но все обошлось благополучно.

В очередной комнате их ждали шесть застекленных будок, похожих на телефонные. На табличке Холл прочитал: «Войти и закрыть глаза. Стать прямо, руки отвести от тела, ноги на ширине плеч. До сигнала зуммера глаза не открывать. Воздействие длинноволнового излучения может привести к слепоте».

Холл сделал все, что предписывалось, и ощутил, как на тело повеяло каким-то прохладным теплом. Минут через пять он услышал зуммер и открыл глаза. Тело было сухое. Следом за остальными он прошел поочередно под четырьмя душами и в конце концов добрался до вентиляторов, а затем и до одежды, теперь уже белой.

Лифт спустил их на следующий уровень — третий.

Здесь их встретили четыре медсестры, и одна из сестер проводила Холла в кабинет для осмотра. Осмотр длился два часа, но вела его не машина, а весьма дотошный и внешне совершенно равнодушный молодой врач. Холла эта невозмутимость раздражала, и ему подумалось, что лучше уж просто машина.

Врач интересовался всем: годом рождения, образованием, сведениями о членах семьи, перенесенными заболеваниями и случаями госпитализации. Так же исчерпывающе он провел и медицинский осмотр. Холл рассвирепел: кому все это, в самом деле, нужно! Но врач лишь пожал плечами:

— Таков порядок.

Через два часа он присоединился к своим товарищам, и они проследовали на четвертый уровень.

Еще четырежды он погружался в воду с головой, трижды подвергался попеременно ультрафиолетовому и инфракрасному облучению и дважды воздействию ультразвука, а под конец испытал нечто совсем потрясающее. Стальная кабинка, внутри — шлем на крючке. И надпись: «Аппарат «Ультравспышка». Для защиты волос на голове и на лице надежно прикройте шлемом голову, затем нажмите кнопку».

Холл не имел ни малейшего представления об ультравспышке и следовал инструкции, не ведая, что его ждет. Надел шлем и нажал кнопку.

Последовала мгновенная ослепительная вспышка света, и кабинку заполнила волна тепла. Еще была боль, настолько скоротечная, что едва он успел ощутить ее, как она уже прошла. Он осторожно снял шлем и оглядел себя. Все тело было покрыто тончайшим слоем белесого пепла, и он сообразил: этот пепел — собственная его кожа, вернее то, что от нее осталось, — машина начисто сожгла верхний эпителиальный слой. Он пошел в душ и смыл с себя пепел, а когда добрался до раздевалки, там его ожидала зеленая одежда.

Еще один осмотр. Анализы — все, какие известны медицине: мокроты, эпителия полости рта, крови, мочи, кала. Он покорно дал осмотреть себя, прошел все обследования, отвечал на все вопросы. Он устал и начал немного ошалевать. Бесчисленные процедуры, новые ощущения, смена окраски на стенах — и повсюду этот безразличный искусственный свет...

Наконец, его привели обратно к Стоуну и остальным.

— На этом уровне мы пробудем шесть часов, до получения результатов всех анализов, — сказал Стоун. — Так что можете прикорнуть. Дальше по коридору комнаты с нашими именами на дверях. Еще дальше буфет. Встретимся там через пять часов, а потом проведем небольшое совещание. Все ясно?

Холл нашел свою комнату по пластмассовой табличке на двери. Вошел и приятно удивился тому, что комната достаточно большая. Он ожидал увидеть что-нибудь вроде купе мягкого вагона, а эта была гораздо больше и лучше обставлена. Кровать, стул, письменный стол и панель ЭВМ со встроенным телеэкраном. ЭВМ его заинтересовала, но он ужасно устал. Лег и тотчас же уснул.

А Бертону не спалось. Он лежал на спине, смотрел в потолок и думал. Ему все мерещился поселок, распростерты на улице тела — и ни капли крови...

Он не был гематологом, но по роду работы ему иногда приходилось заниматься исследованием крови. Он знал, что на ее состав воздействуют многие бактерии. Например, его собственная работа по стафилококкам показала, что они выделяют два фермента, воздействующих на кровь. Один из этих ферментов, так называемый экзотоксин, помимо разрушения кожи, растворял красные кровяные тельца. Другой был коагулянт, обволаки-

вавший бактерию белком, чтобы противодействовать разрушительному действию лейкоцитов.

Следовательно, бактерии могут изменять состав крови. И делают это разными способами. Стрептококки выделяют фермент стрептокиназу, который растворяет сгустки крови; клостридии и пневмококки выделяют целый ряд гемолизинов, разрушающих эритроциты; малярийные плазмодии и амебы также уничтожают эритроцитов — это их пища. Да и другие паразиты питаются аналогичным образом.

Значит, все это вполне возможно.

Однако до выяснения того, как именно действует микроорганизм, занесенный «Скупом-7», отсюда еще очень далеко.

Бертон попытался припомнить, в какой последовательности протекает свертывание крови. Вроде бы процесс напоминает ступенчатый водопад: один фермент активизируется и воздействует на другой, тот — на третий, третий — на четвертый, и так двенадцать или тринадцать ступеней, пока кровь, наконец, не свернется. И уж совсем смутно вспоминалось, какие именно это ступени, какие ферменты, какова роль металлов, ионов, местных факторов. Сложная, очень сложная механика...

Он мотнул головой и принудил себя заснуть.

Врач-микробиолог Питер Ливитт размышлял о том, как же выделить и определить возбудителя болезни. Ему уже приходилось думать над этим раньше: ведь он был одним из основателей группы, одним из тех, кто составил «Методику анализа жизни». Однако теперь, когда предстояло впервые осуществить разработанную методику на практике, им овладели сомнения.

Тогда, два года назад, во время бесед после завтраков их чисто умозрительные построения казались необыкновенно точными и бесспорными. Это была занятая интеллектуальная игра, своего рода испытание ума. А теперь, когда им предстоит встретиться с реальным агентом, вызывающим вполне реальную, притом загадочную смерть, окажутся ли их планы на деле столь эффективными и полными, какими рисовались тогда?

Первые-то шаги легки. Скрупулезно обследовать капсулу, и все, что будет найдено, высеять на питательных средах. А дальше? Удастся ли сразу же выявить организм, с которым можно будет работать, экспериментировать, который можно будет опознать?

Главный вопрос — как он действует, почему убивает — можно поставить только потом. Правда, есть предположение, что смерть наступает из-за свертывания крови; если это подтвердится, то они уже на верном пути, но если нет? Тогда они попросту потеряют драгоценное время.

На ум пришел пример с холерой. Веками было известно, что холера смертельна, что она вызывает жесточайший понос, при котором организм теряет подчас более 30 литров жидкости в сутки. Это было известно доподлинно — и все же люди почему-то думали, что смертельный исход болезни никак не связан с поносом; они искали противоядие, лекарство, какой-нибудь способ убить бактерию. И только в самое последнее время удалось доказать, что холера смертельна главным образом вследствие обезвоживания организма. Достаточно только быстро возмещать потерю жидкости — и больной выздоревает без всяких других лекарств.

Старинное врачебное правило: устрани симптомы — болезнь исчезнет сама. Но применимо ли это правило к организму, занесенному извне? Можно ли побороть болезнь, препятствуя свертыванию крови? Или же свертывание — явление производное, а первичное поражение гораздо глубже, гораздо серьезнее?

Был и другой вопрос, который мучил его еще на ранней стадии подготовки программы «Лесной пожар». Уже тогда, на предварительных совещаниях, Ливитт предупреждал, что участники группы могут невзначай стать убийцами внеземных разумных существ.

«Все люди, — говорил он, — даже наиболее объективные, не могут избавиться от некоторых врожденных предрассудков, когда дело касается проблем жизни. Один из таких предрассудков — уверенность, что высоко развитый организм по своим размерам всегда крупнее организма простого. На Земле это, несомненно, так. Чем выше развитие организма, тем он крупнее — от одной клетки к многоклеточным существам и далее к животным с функционально дифференцированными клетками, объединенными в группы, которые называются органами. На Земле развитие животного мира всегда шло от малого к большому, от простого к сложному.

А вне Земли? В какой-то нной точке Вселенной развитие могло идти в обратном направлении, ко все более мелким формам. Подобно тому как прогресс человеческой техники ведет к миниатюризации многих вещей, так и эволюция на какой-то более совершенной стадии, впол-

не возможно, приводит ко все более и более мелким формам жизни. Кстати, у этих форм жизни есть определенные преимущества перед крупными: им нужно меньше сырья, меньше пищи, космические полеты будут им стоить много дешевле...

Может статься, на некой отдаленной планете самые разумные существа размерами не больше блохи. А может, не больше бактерии. В этом случае программа «Лесной пожар» привела бы к уничтожению высокоразвитой формы жизни, причем ученые даже не осознали бы, что они натворили...»

Впрочем, такие мысли приходили в голову не одному только Ливитту. До него подобные идеи высказывали Мертон в Гарварде и Чалмерс в Оксфорде. Чалмерс со свойственным ему чувством юмора рисовал такую картину: представьте себе, что вы смотрите в микроскоп, а бактерии на предметном стекле выстраиваются в слова: «Отнесите нас к своему вождю...»

Это казалось очень забавной шуткой. Ливитт частенько вспоминал слова Чалмерса, потому что такая шутка может, вполне может обернуться правдой.

Перед тем как уснуть, Стоун успел подумать о предстоящем совещании. И еще о метеорите. «Интересно,— подумал он,— что сказали бы Надь или Карп, узнай они о метеорите? Очень может быть, просто свихнулись бы. Может, мы еще и сами свихнемся...»

С тем он и заснул.

Три комнаты на первом уровне, где размещались все средства связи, обслуживающие лабораторию «Лесной пожар», были известны как сектор «Дельта». Через этот сектор проходили все линии связи между уровнями, все телефонные и телетайпные кабели, соединяющие лабораторию с внешним миром. И линии в библиотеку и на центральный склад также управлялись отсюда, из сектора «Дельта».

По сути дела, сектор представлял собой гигантский автоматический коммутатор, управляемый ЭВМ. В трех залах сектора царила тишина, нарушаемая лишь мягким шелестом магнитофонных лент да слабым пощелкиванием реле. Работал здесь всего один человек — он сидел у пульта, окруженный перемигивающимися огоньками. Собственно, в его присутствии здесь не было необходи-

мости. ЭВМ представляли собой саморегулирующиеся устройства, через каждые двенадцать минут по всем схемам запускались проверочные задачи, и при малейшем отклонении в контрольных результатах машины автоматически отключались.

По инструкции на дежурном лежала одна обязанность — следить по секретной военной линии связи за сообщениями, о поступлении которых оповещал звонок на телетайпе. Когда он звякал, дежурный извещал об этом центры управления всех пяти уровней. Он был обязан также доложить командованию первого уровня о любой неполадке в работе ЭВМ — если такое невероятное происшествие когда-либо случится.

День третий

«ЛЕСНОЙ ПОЖАР»

12

Совещание

— Пора вставать, сэр...

Марк Холл открыл глаза. Комнату заливал ровный неяркий свет. Холл поморгал и перевернулся на живот.

— Пора вставать, сэр...

Очаровательный женский голос, тихий и обольстительный. Холл сел рывком на кровати и огляделся. Никого.

— Кто здесь?

— Пора вставать, сэр...

— Кто вы?

— Пора вставать, сэр...

Он дотянулся и нащупал кнопку на столике рядом с кроватью. Ночник погас. Он ждал, что голос зазвучит опять, но не дождался.

«Недурно придумано, — решил он, — мертвый и тот проснется...» Одеваясь, он прикидывал, как это может быть устроено. Явно не простая магнитофонная запись — действует наподобие рефлекса на внешний раздражитель. Предложение вставать повторялось, только если

Холл говорил что-нибудь. Чтобы проверить свой вывод, он вновь нажал на кнопку ночника.

— Что вам угодно, сэр? — спросил тот же вкрадчивый голос.

— Я хотел бы знать, как вас зовут.

— Это все, сэр?

— Да, как будто все.

— Это все, сэр?..

Он подождал. Свет выключился сам собой. Он надел туфли и собирался уже выйти в коридор, когда услышал голос, на сей раз мужской:

— Доктор Холл! Говорит начальник службы оповещения. Попрошу вас впредь относиться к установленным у нас порядкам более серьезно.

Холл расхохотался. Выходит, не только отвечают на его замечания, но еще и записывают их на пленку. Остроумная система.

— Извините меня, — сказал он. — Я почему-то не сразу сообразил, что это магнитофон. Голос был такой обольстительный...

— Голос, — внушительно произнес начальник, — принадлежит мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха, шестидесяти трех лет от роду. Это ее профессия — надиктовывать команды для экипажей стратегических бомбардировщиков и всевозможные тексты программ голосового напоминания...

— Вот оно что, — сказал Холл.

Он вышел в коридор и направился в кафетерий. По дороге до него, наконец, дошло, почему проектировать «Лесной пожар» было поручено конструкторам подводных лодок. Оставшись без часов, он не имел ни малейшего представления о том, который теперь час и даже ночь снаружи или день. Интересно, много ли в кафетерии народу? И вообще — обед сейчас или завтрак?

В кафетерии, как оказалось, не было никого, кроме Ливитта. Тот сообщил, что остальные уже перешли в комнату для совещаний, пододвинул Холлу стакан с какой-то темно-коричневой жидкостью и предложил позавтракать.

— А что это такое? — спросил Холл.

— Питательная жидкость сорок два — пять. Содержит все необходимые компоненты для поддержания жизнедеятельности организма мужчины весом в семьдесят килограммов на протяжении восемнадцати часов...

Холл выпил — жидкость напоминала густой сироп, ароматизированный под апельсиновый сок. Пить корич-

исвый апельсиновый сок было, разумеется, не очень привычно, но вкус был относительно сносный. Ливитт пояснил, что напиток разрабатывали для космонавтов — в нем содержалось все, кроме растворимых в воздухе витаминов.

— Они вот в этой таблетке.

Холл проглотил таблетку и нацедил себе чашечку кофе из стоявшего в углу автомата.

— А где сахар?

Ливитт покачал головой.

— Сахара вы здесь не найдете. Никаких веществ, которые могли бы стать питательной средой для бактерий. Отныне все мы на высокобелковой диете. Необходимый нам сахар мы будем вырабатывать сами в результате разложения белков. Через пищевод вы никакого сахара не получите. А вот с другой стороны...

Он сунул руку в карман.

— Ну уж нет...

— Да,— сказал Ливитт и подал Холлу маленький цилиндр, завернутый в серебряную фольгу.

— Нет,— повторил Холл.

— Другие уже получили. Комплексное действие. Заходите к себе в комнату и введите перед началом заключительных дезинфекционных процедур...

— Я терпел, когда меня вымачивали во всяких вонючих ваннах. Не говорил ни слова, когда меня облучали. Но будь я проклят, если...

— Идея заключается в том, чтобы на пятом уровне вы были стерильны, насколько это вообще возможно. Кожа и слизистая дыхательных путей уже продезинфицированы самым тщательным образом. Остался кишечник...

— Допустим. Но зачем свечи?..

— Ничего, привыкнете. Их выдают здесь всем первые четыре дня. Толку, конечно, от них мало...— добавил он с обычно пессимистической гримасой.— Пошли на совещание. Стоун хочет побеседовать с нами о Карпе.

— О ком, о ком?

— О Рудольфе Карпе.

Биохимик венгерского происхождения Рудольф Карп переехал в США из Англии в 1951 году. Он получил должность в Мичиганском университете и проработал там тихо и незаметно пять лет. Затем по предложению коллег из обсерватории Анн-Арбор он занялся изу-

чением метеоритов. Перед ним была поставлена задача установить, не содержат ли метеориты живых организмов или хотя бы следов их существования. Карп отнесся к предложению очень серьезно и работал упорно, не сделав ни одной публикации на эту тему вплоть до начала шестидесятых годов, в то время как Келвин, Воон, Надь и многие другие выступали со статьями на аналогичные темы, одна сенсационнее другой.

Все доводы и контрдоводы, которыми они обменивались, выглядели крайне сложными, но результат, в сущности, был весьма прост: едва какой-нибудь ученый объявлял, что обнаружил окаменелость, или углеводород белкового происхождения, или какой-нибудь иной признак наличия живой материи в составе метеорита, критики тотчас же обвиняли смельчака в неряшливом проведении эксперимента и загрязнении объекта исследования веществами или организмами земного происхождения.

Карп, применявший скрупулезную, неторопливую методику, решил покончить со всеми этими препирательствами раз и навсегда. Он объявил, что принял особые меры против загрязнения: каждый исследуемый им метеорит предварительно промывался в двенадцати растворах, в том числе перекиси водорода, воде, гипертоническом растворе и растворах кислот. После этого метеорит подвергался воздействию мощного ультрафиолетового излучения в течение двух дней. Наконец, Карп погружал его в бактерицидную жидкость и помещал в изолированную, абсолютно стерильную камеру, где и проводил остальные работы.

Расколов свои метеориты, Карп сумел выделить внеземные бактерии. Он установил, что они представляют собой кольцеобразные организмы, нечто вроде крохотной автомобильной камеры с волнистой поверхностью, и способны расти и размножаться. Карп заявил, что по своей структуре они в основном сходны с земными бактериями, построены из белков, углеводов и липоидов, но клеточное ядро у них отсутствует, и потому способ их размножения остается тайной.

Сообщение обо всем этом Карп сделал в своей обычной сдержанной, мягкой манере и надеялся, что оно будет встречено благожелательно. Этого, увы, не случилось: на седьмой конференции по астрофизике и геофизике, состоявшейся в Лондоне в 1961 году, Карпа попросту высмеяли. Отчаявшись, он забросил работу с метеоритами, и выделенные им организмы погибли при

случайном взрыве в лаборатории в ночь на 27 июня 1963 года.

Таким образом, Карпу довелось пережить почти то же, что Надю и всем остальным. В начале шестидесятых годов ученые противились самой мысли о возможности существования жизни в метеоритах — любые доказательства в пользу такой возможности отвергались, высмеивались, игнорировались.

Тем не менее горсточка людей в ряде стран все же продолжала интересоваться этой проблемой. Одним из них был Джереми Стоун, другим — Питер Ливитт. Именно Ливитт еще за несколько лет до того сформулировал «Правило сорока восьми». «Правило» служило шуточным напоминанием о безбрежном море литературы, написанной в конце сороковых — пятидесятых годах по вопросу о числе хромосом у человека.

Много лет считалось, что в клетках человеческих тканей насчитывается по 48 хромосом; это подтверждалось фотографиями и множеством точнейших исследований. А в 1953 году группа американских цитологов объявила всему миру, что число хромосом у человека вовсе не 48, а 46. И опять в подтверждение приводились фотографии и составлялись монографии. Но эти цитологи пошли еще дальше, они подняли старые снимки и старые исследования и установили, что на тех снимках тоже было только 46, а не 48 хромосом.

Ливиттово «Правило сорока восьми» формулировалось просто: «Все ученые слепы». И Ливитт вспомнил о нем, когда увидел, какой прием был оказан Карпу и его единомышленникам. Ливитт просмотрел все публикации и статьи и не нашел никаких причин для того, чтобы спалету отвергать все исследования по метеоритам, — многие эксперименты были тщательно выполнены, очень обоснованны и убедительны.

Все это пришло ему на память, когда авторы программы «Лесной пожар» работали над исследованием, получившим название «Вектор-3». «Вектор-3» и еще одна работа — «Токсин-5» — составили теоретическое обоснование всего проекта.

«Вектор-3» рассматривал основной вопрос: если на Землю попадут чужеродные бактерии, которые вызовут неизвестную болезнь, то откуда могут быть занесены эти бактерии?

Ученые из группы «Лесной пожар» запросили мнение астрономов и специалистов по эволюционной теории и

пришли к заключению, что источников тут может быть три.

Первый из них самоочевиден: бактерии занесены с другой планеты или из другой звездной системы, у них есть защитные средства, позволяющие им выжить в условиях сверхнизких температур и глубокого вакуума космического пространства. Возможность такая, несомненно, существует. Известно, например, что так называемые термофильные бактерии растут и бурно размножаются при температурах порядка $+70^{\circ}\text{C}$. Известно также, что микроорганизмы, обнаруженные в египетских гробницах и прошедшие там тысячи лет, оказались все-таки жизнеспособными.

Секрет заключается в том, что бактерии способны принимать форму спор, образуя вокруг себя твердую оболочку из солей кальция. Эта оболочка помогает им противостоять как замораживанию, так и температуре кипения, а при необходимости тысячелетиями обходиться без пищи. Оболочка как бы сочетает в себе достоинства анабиотической камеры и космического скафандра.

Нет сомнений и в том, что споры могут перемещаться в космическом пространстве. Можно ли, однако, утверждать, что другая планета или другая галактика — наиболее вероятные источники заражения извне?

На такой вопрос ответ ясен: нет, нельзя! Наиболее вероятный источник гораздо ближе — это сама Земля.

В работе «Вектор-3» высказывалось предположение, что миллиарды лет назад, когда жизнь в земных океанах и на жарких континентах только зарождалась, какие-то бактерии могли покинуть свою земную колыбель. Еще до появления рыб, до примитивных млекопитающих, задолго до первого обезьяночеловека бактерии могли быть подхвачены восходящими воздушными потоками и постепенно поднимались все выше, пока не оказывались, наконец, в космическом пространстве. Так бактерии могли эволюционировать, принимая самые неожиданные формы, например, научиться получать необходимую для жизни энергию прямо от Солнца и обходиться без пищи. А возможно, даже непосредственно преобразовывать энергию и материю.

Ливитт проводил аналогии между верхними слоями атмосферы и глубинами морей. И та и другая среды в равной степени враждебны жизни, и тем не менее и та и другая способны поддерживать жизнь. В глубочайших и мрачайших океанских впадинах, где кислорода крайне мало, а света вовсе нет, найдены разнообразные живые

существа. Так почему бы им не сыскаться в самых верхних слоях атмосферы? Да, с кислородом там плохо. Да, пищи там почти нет. Но если жизнь могла спуститься на несколько километров ниже уровня моря, то почему она не могла подняться на много километров выше него?

И если там, на высоте, и вправду есть какие-то микроорганизмы, возникшие на Земле, но расставшиеся с нею задолго до появления первого человеческого существа, то для современных людей они окажутся опасными незнакомцами: против этих организмов у людей не может быть иммунитета, они не могли ни приспособиться к этим бактериям, ни выработать антитела. Эти примитивные чужаки опасны для современного человека, подобно тому как акулы, примитивные рыбы, не изменившиеся на протяжении ста миллионов лет, представляли собой опасность для человека, когда он посмел впервые вторгнуться в океан...

Третий источник заражения извне, третий из рассмотренных в работе векторов, самый вероятный и в то же время сопряженный с наибольшими трудностями, — это современные земные микроорганизмы, вынесенные во внеземное пространство на недостаточно стерилизованных космических кораблях. В космосе эти бактерии встретятся с невесомостью, жесткой радиацией и другими факторами, обладающими мутагенным, вызывающим изменения организмов, действием. И когда они вернутся назад на Землю, то окажутся неизвестными.

Поднимите в космос бактерию, практически безвредную, к примеру, вызывающую гнойничковую сыпь или катар горла, — вернуться назад она может в самой неожиданной и смертоносной форме. От нее можно ожидать чего угодно. Она может предпочтительно поражать глазное яблоко, может питаться кислотными выделениями желудка, а может размножаться в слабых токах, генерируемых мозгом, и сводить людей с ума...

Однако самым членом группы «Лесной пожар» идея насчет мутантных бактерий казалась надуманной и мало правдоподобной. Это смешно, особенно в свете последующей истории со штаммом «Андромеда», но факт остается фактом: группа упорно игнорировала как данные собственного опыта о способности бактерий к стремительным и резким мутациям, так и эксперименты, проведенные на биологических спутниках, когда некоторые земные формы жизни были отправлены в космос, а затем возвращены на родную планету.

Спутник «Биосателлит-2» среди прочих организмов

вынес во взнезменное пространство и несколько видов бактерий. Впоследствии было сообщено, что они размножались в космосе в двадцать или тридцать раз быстрее обычного. Почему — оставалось неясным, но вывод сам по себе был неоспорим: космос способен воздействовать на размножение и рост микроорганизмов.

И все ж никто из группы «Лесной пожар» не внял голосу фактов, пока не оказалось слишком поздно.

Сделав краткий обзор современных представлений о возможности существования определенных форм жизни в космосе, Стоун вручил всем членам группы по картонной папке.

— Здесь полный отчет о полете «Скупа-7», — сказал он. — Записи произведены с автоматической фиксацией времени. Все это надо просмотреть и постараться понять, что же случилось со спутником на орбите...

— А с ним что-нибудь случилось? — спросил Холл.

— В соответствии с программой, — пояснил Литтл, — спутник должен был оставаться на орбите шесть дней. Ясно ведь, что вероятность уловить неизвестные организмы прямо пропорциональна продолжительности полета. Орбита после запуска строго соответствовала расчетной, но на пятый день «Скуп» сошел с орбиты...

Холл задумчиво кивнул.

— Начнем с первой страницы, — предложил Стоун.

Холл открыл свою папку.

— Как видите, протокол идеального запуска. Пожалуй, на этом нет смысла задерживаться. Здесь, да и в течение последующих 96 часов полета нет и намека на какую-либо неисправность на борту спутника. Откройте теперь страницу 10.

Они повиновались.

СТЕНОГРАММА СЛЕ-
ЖЕНИЯ
ДАТА ЗАПУСКА
СОКРАЩЕННЫЙ ВА-
РИАНТ

«СКУП-7»

ЧАСЫ МИН. СЕК.

ОПЕРАЦИЯ

0096 10 12

Станция Грэнд-Багама — по данным
проверки орбита стабильная

0096 34 19

Сидней — по данным проверки орбита
стабильная

<u>ЧАСЫ</u>	<u>МИН.</u>	<u>СЕК.</u>	<u>ОПЕРАЦИЯ</u>
0096	47	34	Ванденбер — по данным проверки орбиты стабильная
0097	04	12	Мыс Кеннеди — орбита стабильная, но отмечена неисправность бортовых систем
0097	05	18	Неисправность подтверждена
0097	07	22	Грэнд-Багама: неисправность подтверждена. По данным ЭВМ наблюдаются орбитальные отклонения
0097	34	54	Сидней сообщает: орбитальные отклонения
0097	39	02	Ванденберг: расчеты указывают на схождение с орбиты
0098	27	14	Ванденберг: центр управления принял решение передать сигнал на вхождение в плотные слои атмосферы
0099	12	56	Сигнал передан
0099	13	13	Хьюстон сообщает: началось вхождение в плотные слои атмосферы. Снижение устойчивое

— Хорошо бы посмотреть переговоры между станциями в этот период.

— Центр говорил с Сиднеем, мысом Кеннеди и Грэнд-Багамой, все через Хьюстон. Кстати, в Хьюстоне работает большая ЭВМ. Однако в данном случае Хьюстон только помогал — все решения принимались в Центре управления программой «Скуп» в Ванденберге. Стенограмма с пленок — в самом конце. Она кое-что раскрывает...

ЗАПИСЬ МИКРОФОН-
НОЙ СВЯЗИ ПРО-
ГРАММА «СКУП» —
ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ
БАЗА ВВС ВАНДЕН-
БЕРГ

ВРЕМЯ ОТ 0096.59 ДО
0097.39

СЕКРЕТНО

ПОЛНАЯ СТЕНО-
ГРАММА

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.
------	------	------

0096	59	00
------	----	----

РАДИОГРАММЫ

АЛЛО, КЕННЕДИ, Я ЦЕНТР УПРАВ-
ЛЕНИЯ «СКУП». К КОНЦУ 96 ЧАСА
ПОЛЕТА ВСЕ СТАНЦИИ СООБ-
ЩАЮТ: ОРБИТА СТАБИЛЬНАЯ,
ДАЙТЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

0097	00	00
------	----	----

Наверно, дадим. Проверяем. Подождите,
ребята, несколько минут Оставайтесь на
приеме

0097	03	31
------	----	----

Алло, ЦУ «Скуп». Я Кеннеди. Стабиль-
ность орбиты на последнем витке под-
тверждаю. Прошу извинить за задерж-
ку, барахлит какая-то система

0097	03	34
------	----	----

КЕННЕДИ. ПРОШУ УТОЧНИТЬ: БА-
РАХЛИТ НА ЗЕМЛЕ ИЛИ НА СПУТ-
НИКЕ?

0097	03	39
------	----	----

Пока еще не установлено. Кажется, на
Земле

0097	04	12
------	----	----

Алло, ЦУ «Скуп». Я Кеннеди. По пред-
варительным данным отмечается неис-
правность бортовых систем спутника.
Повторяю, по предварительным данным
неисправность на спутнике. Жду под-
тверждения

0097	04	15
------	----	----

КЕННЕДИ, УТОЧНИТЕ, В КАКОЙ
СИСТЕМЕ?

0097	04	18
------	----	----

К сожалению, данных пока не имею.
Ждем окончательных результатов

0097	04	21
------	----	----

ПОДТВЕРЖДАЕТЕ ЛИ ПО-ПРЕЖНЕ-
МУ СТАБИЛЬНОСТЬ ОРБИТЫ?

0097	04	22
------	----	----

Ванденберг, подтверждаю ваши данные;
орбита стабильная. Повторяю, орбита
стабильная

0097	05	18
------	----	----

Эй, Ванденберг, подтверждаю еще и
другое. По нашим данным — на спутни-

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММЫ
			ке неисправность бортовых систем. В частности, системы стабилизации. Стрелка указателя стабилизации — у отметки двенадцать. Повторяю, у отметки двенадцать
0097	05	30	А ВЫ ПРОВЕРИЛИ ДОСТОВЕРНОСТЬ ДАННЫХ НА ЭВМ?
0097	05	35	Очень жаль, ребята, но наши ЭВМ все подтвердили. Сомнений нет, это неисправность на борту
0097	05	45	АЛЛО, ХЬЮСТОН, ДАЙТЕ СВЯЗЬ НА СИДНЕЙ. ХОТИМ ПРОВЕРИТЬ ПОСТУПИВШИЕ СВЕДЕНИЯ
0097	05	51	Центр управления «Скуп», я станция Сидней. Подтверждаю наше предыдущее сообщение. На последнем витке над нами на спутнике никаких неисправностей не отмечалось
0097	06	12	ПО ДАННЫМ ПРОВЕРКИ НА ЭВМ НЕИСПРАВНОСТИ В СИСТЕМАХ ОТСУТСТВУЮТ, ОРБИТА СТАБИЛЬНАЯ. СОМНЕВАЕМСЯ В ТОЧНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПРИБОРОВ КЕННЕДИ
0097	06	18	ЦУ «Скуп», я Кеннеди. Провели повторную проверку. Неисправность систем спутника по-прежнему подтверждаю. Есть ли у вас что-нибудь с Багамы?
0097	06	23	ПОКА ЧТО НЕТ, КЕННЕДИ. ЖДЕМ
0097	06	36	ХЬЮСТОН, Я ЦУ «СКУП», ЧТО ДАЕТ ДЛЯ НАС ВАША ГРУППА РАСЧЕТА ОРБИТЫ?
0097	06	46	Пока ничего нет. Для наших ЭВМ слишком мало данных. Они все еще подтверждают: орбита стабильная, все системы исправны
0097	07	22	ЦУ «Скуп», я станция Грэнд-Багама. Докладываю прохождение спутника «Скуп-7» согласно программе. Предварительно радиолокационные засечки в норме, но время прохождения почему-то увеличилось. Оставляйтесь на приеме до получения данных телеметрии
0097	07	25	ЖДУ, ГРЭНД-БАГАМА
0097	07	29	ЦУ «Скуп», к сожалению, наблюдения

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММЫ
			Кеннеди подтверждаю. Повторяю, подтверждаю наблюдения Кеннеди о несправности систем. Наши данные немедленно передаются в Хьюстон. Надо ли адресовать их параллельно и вам?
0097	07	34	НЕ НАДО, ПОДОЖДЕМ, ЧТО ВЫДАСТ ЭВМ ИЗ ХЬЮСТОНА. У НИХ ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ БЛОКИ МОЩНЕЕ
0097	07	36	ЦУ «Скуп», Хьюстон получил данные Багамы. Они обрабатываются по программе «Диспар». Дайте нам десять секунд
0097	07	47	«ЦУ «Скуп», я Хьюстон. Программа «Диспар» подтверждает неисправность систем. Орбита спутника нестабильна, время прохождения увеличилось на ноль запятая три секунды на дуговую единицу. Анализируем параметры орбиты. Что проанализировать для вас еще?
0097	07	59	ДА ВРОДЕ НИЧЕГО. ПОХОЖЕ, ВЫ РАБОТАЕТЕ ОТЛИЧНО
0097	08	10	Обидно, «Скуп». Дело дрянь
0097	08	18	ДАЙТЕ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ПОКАЗАТЕЛИ СХОЖДЕНИЯ С ОРБИТЫ. КОМАНДОВАНИЕ ХОЧЕТ ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ НА УПРАВЛЯЕМЫЙ СПУСК В ПРЕДЕЛАХ ДВУХ ОЧЕРЕДНЫХ ВИТКОВ
0097	08	32	Вас понял, «Скуп». Наши соболезнавания
0097	11	35	«Скуп», Хьюстонская группа расчета орбиты подтверждает нарушение стабильности. Параметры схода уже передаются вам по другому каналу
0097	11	44	КАК ОНИ ВЫГЛЯДЯТ, ХЬЮСТОН?
0097	11	51	Плохо
0097	11	59	ВАС НЕ ПОНЯЛ. ПРОШУ ПОВТОРИТЬ
0097	12	07	Плохо. По буквам: полет, липа, орбита, хлам, осечка
0097	12	15	ХЬЮСТОН, ВЫЯСНИЛИ, В ЧЕМ ДЕЛО? СПУТНИК ПРОБЫЛ НА РАСЧЕТНОЙ ОРБИТЕ ПОЧТИ СТО ЧАСОВ. ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ?

<u>ЧАСЫ</u>	<u>МИН.</u>	<u>СЕК.</u>	<u>РАДИОГРАММЫ</u>
0097	12	29	Сами не понимаем. Может, столкновение? На новой орбите значительная процессия
0097	12	44	ХЬЮСТОН, НАШИ ЭВМ ОБРАБАТЫВАЮТ ПЕРЕДАННЫЕ ВАМИ ДАННЫЕ. МЫ ТОЖЕ ДУМАЕМ, ЧТО БЫЛО СТОЛКНОВЕНИЕ. У ВАС ТАМ, РЕБЯТА, ПО СОСЕДСТВУ В КОСМОСЕ НИКТО НЕ БОЛТАЕТСЯ?
0097	13	01	Служба наблюдения ВВС подтверждает, что вокруг вашего малыша все чисто, «Скуп»
0097	13	50	ХЬЮСТОН, НАШИ ЭВМ РАСЦЕНИВАЮТ ЭТО КАК СЛУЧАЙНОЕ СОБЫТИЕ. ВЕРОЯТНОСТЬ БОЛЬШЕ ЧЕМ НОЛЬ ЗАПЯТАЯ СЕМЬ ДЕВЯТЬ
0097	15	00	Что тут еще скажешь? Наверно, так и есть. Будете сажать?
0097	15	15	РЕШЕНИЕ ПОКА ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ, ХЬЮСТОН. КАК ТОЛЬКО ПРИЕМ — СООБЩИМ ХЬЮСТОН, У НАШЕГО КОМАНДОВАНИЯ ЕСТЬ ВОПРОС, НЕ МОГЛО ЛИ СЛУЧИТЬСЯ, ЧТО...
0097	17	54
0097	17	59	(ответ из Хьюстона изъят)
0097	18	43	(вопрос ЦУ «Скуп» Хьюстону изъят)
0097	19	03	(ответ из Хьюстона изъят)
0097	19	11	СОГЛАСНЫ, ХЬЮСТОН. ПРИЕМ РЕШЕНИЕ, КАК ТОЛЬКО ПОЛУЧИМ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СХОЖДЕНИЯ С ОРБИТЫ ИЗ СИДНЕЯ. ВАС ЭТО УСТРОИТ?
0097	19	50	Вполне, «Скуп». Жду
0097	24	32	ХЬЮСТОН, МЫ ТУТ ПЕРЕСМОТРЕЛИ ВСЕ ДАННЫЕ И ТЕПЕРЬ СЧИТАЕМ, ЧТО... НЕ МОГЛО БЫТЬ...
0097	24	36	Вас понял, «Скуп»
0097	29	13	ХЬЮСТОН, ВОТ-ВОТ ЖДУ СВЯЗИ С СИДНЕЕМ
0097	34	54	Центр управления «Скуп», я станция Сидней. Только что проследили пролет спутника. Наши первоначальные данные подтверждаются. Время прохождения

<u>ЧАСЫ</u>	<u>МИН.</u>	<u>СЕК.</u>	<u>РАДИОГРАММЫ</u>
			возросло. Для данной стадии оно поразительно велико
0097	35	12	БЛАГОДАРИЮ, СИДНЕЙ
0097	35	22	Не повезло вам, «Скуп». Сожалею
0097	39	02	ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ «СКУП» КО ВСЕМ СТАНЦИЯМ СЛЕЖЕНИЯ. НАШИ ЭВМ РАССЧИТАЛИ ПАРАМЕТРЫ СХОДА СПУТНИКА С ОРБИТЫ. ЖДИТЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ — КОГДА НАЧНЕМ ЕГО СНИЖАТЬ

— А что здесь за купюры? — спросил Холл.

— Майор Мэнчик с базы Ванденберг сообщил мне, — ответил Стоун, — что речь шла о русских спутниках в этой зоне. Но в конце концов и в Хьюстоне и в Ванденберге пришли к выводу, что русские ни случайно, ни умышленно не сбивали «Скуп» с орбиты. Других мнений никто не высказывал...

Все согласно кивиули.

— Соблазн, конечно, велик, — продолжал Стоун, — Но в системе ВВС есть специальная станция в Кентукки, которая следит за всеми спутниками на околоземных орбитах. Задача у этой станции двойная: наблюдать за спутниками, уже известными ранее, и обнаруживать новые. В настоящее время вокруг Земли обращается двенадцать неопознанных спутников; точнее, это не наши, но и не те из советских, о запуске которых было объявлено. Но главное в другом: русские они или там какие, а наверху сейчас болтается до черта всяких спутников. На прошлую пятницу, согласно данным ВВС, на орбитах вокруг Земли обращалось 587 искусственных тел. Сюда входят старые, давно уже не функционирующие американские спутники «Эксплорер» и русские первые серий. В это число включены также носители и последние ступени ракет, короче, все объекты на стабильных орбитах, фиксируемые лучом локатора...

— Вот не знал, что спутников так много, — заметил Холл.

— Вероятно, их гораздо больше. Специалисты из ВВС считают, что вокруг Земли летает множество всякого лома — гайки, болты, куски металла — и по доволь-

но стабильным орбитам. Конечно, совершенно стабильных орбит, как вам известно, не бывает. Без регулярных коррекций спутник в конечном счете сойдет с орбиты и начнет по спирали снижаться к Земле, пока не сгорит в плотных слоях атмосферы. Но с момента запуска до гибели спутника могут пройти годы и даже десятилетия. В общем ВВС ориентировочно оценивают общее число объектов, летающих по орбитам спутников Земли, тысяч в семьдесят пять...

— Так что «Скуп» мог и столкнуться с каким-нибудь мелким обломком?

— Вот именно. Вполне мог.

— А с метеоритом?

— Такая возможность тоже есть, я Ванденберг отдает предпочтение именно ей. Случайное событие, вероятнее всего, метеорит...

— Были в эти дни метеоритные ливни?

— Судя по всему, нет. Но это отнюдь не исключает столкновения с метеоритом-одиночкой...

— Хи,— прокашлялся Ливитт,— не забудьте, что есть еще одна возможность...

Стоун поморщился. Он знал, что микробиолог наделен богатым воображением и что это качество составляет и силу и слабость Ливитта как ученого. По временам предположения Ливитта ошеломяли и от них захватывало дух, иногда же они вызывали просто раздражение.

— Не слишком ли фантастично предполагать,— сказал Стоун,— что спутник обязательно наскочил на обломок внегалактического происхождения? Скорее все же...

— Согласен,— перебил Ливитт,— это фантастично. Гипотеза, что называется, притянута за уши. Но думаю, что и забывать о ней мы не имеем права...

Раздался глухой удар гонга. Вкрадчивый голос уже знакомой Холлу мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха тихо сказал:

— Господа, вы можете проследовать на пятый уровень.

13

Пятый уровень

Стены тут были окрашены в спокойный голубой цвет, и комбинезоны тоже были голубые. Бертон показал Холлу все помещения.

— Этот уровень в плане выглядит так же, как и другие: кольцо, вернее несколько концентрических колец. Сейчас мы с вами во внешнем кольце — здесь мы живем, здесь же кафетерий, спальни и все такое. В следующем кольце — лаборатории. А за ними — герметически изолированная от нас центральная часть. Там-то и находятся сейчас спутники и оба выживших...

— Так они от нас изолированы?

— Совершенно верно.

— Как же мы до них доберемся?

— Вы когда-нибудь пользовались защитной камерой с перчатками? — спросил Бертон.

Холл покачал головой. Бертон объяснил, что так называются прозрачные камеры для работы со стерильными материалами. В стенках камер прорезаны дырки с герметически закрепленными перчатками. Всунешь руки в перчатки — и работаешь с материалами в камере, прикасаясь к ним не пальцами, а стерильной поверхностью перчаток.

— Мы пошли еще дальше, — продолжал Бертон. — У нас целые комнаты представляют собой гипертрофированные защитные камеры. Там уже не рукавицы, а комбинезоны из пластика, куда можно влезть целиком. В общем увидите...

По дугообразному коридору они подошли к двери с табличкой «Главный контроль». Ливитт и Стоун уже были там и молча работали. «Контроль» представлял собой довольно тесную комнату, забитую всевозможной электронной аппаратурой. Одна стена была стеклянной, и сквозь нее можно было видеть все, что делается в соседнем помещении.

Холл, никогда раньше не видевший капсулу «Скуп», с интересом следил сквозь стекло, как механические руки подняли ее и бережно опустили на стол. Она оказалась меньше, чем он ожидал, — всего около метра длиной; один ее конец был опален и оплавлен при вхождении в плотные слои атмосферы. Механические руки откинули маленький ковшеобразный лоток на боковой поверхности капсулы и открыли доступ внутрь.

— Ну вот, — сказал Стоун, снимая пальцы с рукояток управления. Рукоятки были похожи на медные кастеты. Оператор вставлял в них свои руки, и манипуляторы за стеной в точности повторяли любое его движение. — Следующая наша задача — определить, сохранились ли в капсуле биологически активные агенты. Какие будут предложения?

— Крыса,— ответил Ливитт.— Черная норвежская крыса.

Черная норвежская крыса на самом деле совсем не черная: название просто обозначает породу лабораторных животных, вероятно, самую знаменитую в истории науки. Когда-то, разумеется, крыса эта была и черной, и норвежской; но за многие годы, что ее разводили искусственно, она постепенно сделалась белой, маленькой и совершенно ручной. «Биологический взрыв» создал огромный спрос на генетически однообразных животных, и за последние тридцать лет было выведено более тысячи «чистых», специально лабораторных пород. Теперь любой ученый в любой стране может ставить на черной норвежской крысе любые опыты с полной уверенностью, что другие ученые в других странах могут проверить или продолжить его работу на практически идентичном материале.

— И повторить на резусе,— добавил Бертон.— Рано или поздно придется перейти к приматам...

Возражений не последовало. Программа «Лесной пожар» предусматривала, что наряду с опытами на мелких животных может возникнуть необходимость использовать низших и даже высших обезьян. Вообще говоря, с обезьянами работать очень нелегко: приматы слишком враждебны, слишком быстры и сообразительны. Особенно не любят ученые южноамериканских обезьян с хватательными хвостами: во время укола обезьяну держат три-четыре лаборанта и все же та ухитряется цапнуть шприц хвостом и зашвырнуть в другой угол лаборатории...

Теоретическое обоснование опытов с приматами очевидно: биологически они ближе всего к человеку. В пятидесятых годах отдельные экспериментаторы, не останавливаясь перед хлопотами и расходами, пытались ставить опыты на гориллах — внешне самых похожих на человека животных. Но к 1960 году было доказано, что биохимически ближайший родственник человека — не горилла, а шимпанзе. (Вообще подбор лабораторных животных по принципу сходства с человеком приводит подчас к удивительным результатам. Например, для иммунологических и онкологических исследований лучше всего, как оказалось, подходит хомяк, поскольку реакция его весьма близка человеческим, а при изучении деятельности сердца и системы кровообращения человека самый подходящий объект, как ни странно, свинья.)

Стоун снова взялся за рукоятки манипулятора и на-

чал осторожно двигать ими. Сквозь стекло было отчетливо видно, как металлические пальцы протянулись к дальней стене смежного помещения — там стояло несколько клеток с лабораторными животными, отделенных от комнаты герметической переборкой с несколькими дверцами. Эти дверцы почему-то напомнили Холлу автоматы для продажи закусок.

Механические руки открыли одну дверцу, вынули клетку с крысой, вынесли на середину и поставили рядом с капсулой. Крыса огляделась, принялась, вытянув шею, и тут же свалилась на бок, дернулась разок и застыла. Все произошло с такой ошеломляющей скоростью, что Холл едва поверил своим глазам.

— Боже! — вымолвил Стоун. — Вот это быстрота!..

— Трудновато нам будет, — пробурчал Ливитт.

— Можно попробовать меченые атомы, — предложил Бертон.

— Да, потом придется, — согласился Стоун. — А пока скажите, с какой скоростью работает наше сканирующее устройство?

— Миллисекунды, если понадобится.

— Безусловно понадобится.

— Давайте попробуем на резусе, — повторил свое Бертон. — И для вскрытия удобнее.

Стоун повел механические руки обратно к стене, открыл другую дверцу и вытянул клетку, в которой сидела большая взрослая обезьяна-резус. Когда клетка оторвалась от пола, обезьяна взвизгнула и забилась о прутья решетки. И, вскинув лапу к груди, умерла с гримасой удивления на морде.

Стоун покачал головой.

— По крайней мере теперь мы знаем одно: убийца из Пидмонта по-прежнему биологически активен. Он не исчез, он все так же могуществен. — Стоун вздохнул. — Если только «могуществен» — достаточно точное слово...

— Начнем сканирование капсулы, — сказал Ливитт.

— А я заберу трупы, — добавил Бертон, — и постараюсь выяснить, с чего начинается болезнь. Вскрою потом.

Стоун вновь повернулся к манипулятору. Поднял клетки с крысой и обезьяной и установил их на гибкую ленту транспортера у противоположной стены. Нажал на пульте кнопку, помеченную «Секционная». Транспортер пришел в движение. Бертон вышел из лаборатории и по коридору направился туда же, куда унес клетки транспортер, — в секционную при патологической лаборатории.

— Вы среди нас единственный врач, — обратился

Стоун к Холлу. — Боюсь, что теперь вам предстоит крепко поработать.

— В качестве геронтолога и педиатра?

— Вот именно. Увидите сами, что там удастся выяснить. Оба ваши пациента в так называемой общей лаборатории, предназначенной как раз для всяких неожиданных случаев вроде этого. Там есть пульт для связи с вычислительным центром. Лаборантка покажет вам, как этой связью пользоваться...

14

Общая лаборатория

Холл распахнул дверь с табличкой «Общая лаборатория» и подумал, что название звучит иронически: что общего может быть между стариком и грудным младенцем, кроме общей задачи — сохранить жизнь обоим? Оба они крайне нужны для успеха программы в целом, но справиться с подобной задачей будет, разумеется, нелегко...

Очутился он в небольшой комнате вроде той, какую только что покинул. Здесь тоже было широкое окно, и сквозь него просматривалось внутреннее помещение. Там стояли две кровати — на одной лежал Питер Джексон, на другой младенец. Но поразительнее всего были четыре раздутых прозрачных костюма, формой напоминавших человеческие фигуры. Они стояли рядом с кроватями; от каждого костюма к стене лаборатории тянулся толстый туннель — шланг.

Очевидно, по туннелю можно было проползти к костюму, залезть в него и тогда уже работать с пациентами, не прикасаясь к ним.

Лаборантка, назначенная ему в помощь, сидела, склонившись над панелью ЭВМ. Увидев Холла, она сказала, что зовут ее Карен Ансон, и объяснила, как действует вычислительная система.

— Это только одна из подстанций, а по всему «Лесному пожару» их тридцать, и все подключены к электронно-вычислительному центру на первом уровне. Ему могут давать задания одновременно тридцать человек..

Холл кивнул. Принцип экономии машинного времени был ему понятен. Благодаря этому принципу услугами одной вычислительной машины могут пользоваться од-

новременно до двухсот человек. Машина срабатывает за доли секунды, а человек на любое действие тратит секунды и минуты. Чтобы пуншировать ленту с командой, требуется несколько минут, а когда команда введена, машина выдает ответ почти мгновенно. Иначе говоря, если на машине работает лишь один человек, она большую часть времени простаивает. Но если одновременно ставить машине много задач, то можно достичь почти полной ее загрузки.

— При большой загрузке машины, — продолжала лан-барантка, — ответ может задержаться на одну-две секунды. Но, как правило, он выдается сразу же. Мы здесь работаем по программе «Медком». Слышали вы о ней?

Холл покачал головой.

— Программа анализа медицинских данных. Вы вводите информацию, а машина ставит диагноз, рекомендует метод лечения или указывает, какие еще данные нужны, чтобы подтвердить диагноз...

— Что ж, это, должно быть, удобно.

— Главное — быстро, — сказала Карен. — Все лабораторные исследования производятся у нас автоматически, так что на постановку самого сложного диагноза уходит всего несколько минут...

Холл взглянул сквозь стекло на пациентов.

— Им что-нибудь уже делали?

— Нет, ничего. Еще на первом уровне начали внутривенные вливания. В настоящее время водный баланс у обоих, по-видимому, восстановлен, опасности для жизни нет. Джексон все еще без сознания. Реакция зрачков отсутствует, на внешние раздражители тоже не реагирует. Анемичен.

Холл коротко кивнул.

— Анализы здесь возможны любые?

— Любые. Хотите — на гормоны надпочечников, хотите — на протромбиновое время. В общем все, какие известны в лабораторной практике.

— Хорошо. Тогда начнем...

Карен нажала клавишу, подключающую ЭВМ.

— Анализы закажите сами. Возьмите этот световой карандаш и отметьте нужные. Просто прикоснитесь карандашом к экрану...

Она подала ему миниатюрный карандаш и нажала еще одну кнопку.

Экран засветился. На нем появился перечень всех анализов, какие могут быть заказаны машине.

Холл уставился на перечень, затем прикоснулся ка-

рандашом к названиям анализов, которые хотел получить; они тут же исчезли с экрана. Затребовав пятнадцать — двадцать различных анализов, он отошел от пульта.

Изображение исчезло с экрана, его сменило новое:

Для заказанных анализов от каждого пациента потребуется

20 куб. см цельной крови

10 куб. см щавелевокислой крови

12 куб. см лимоннокислой крови

15 куб. см мочи

— Я возьму кровь для анализов, — сказала лаборантка. — Вы, наверно, не бывали раньше в такой лаборатории?

Холл нехотя покачал головой.

— Все очень просто. Мы проползаем по туннелям к костюмам, а туннели герметически перекрываются...

— Вот как?

— Это на случай, если с нами что-нибудь произойдет. Например, надрыв или прокол; как говорится в инструкции — «если нарушится целостность поверхности костюма». Чтобы бактерии не смогли проникнуть наружу...

— Значит, мы там будем взаперти?

— Да, конечно. Воздух в костюмы поступает из автономной системы, — вон, видите, такие тоненькие трубочки... По существу, внутри костюма вы изолированы от всего мира. Но волноваться из-за этого не стоит. Повредить костюм можно, только случайно прорезав его скальпелем, а вы попробуйте прорежьте: рукавицы трехслойные...

Карен показала Холлу, как пролезть в туннель, он повторил ее движения — и встал на ноги внутри прозрачной оболочки. Он почувствовал себя каким-то неуклюжим допотопным пресмыкающимся, ходить было тяжело и неудобно, а сзади, как огромный хвост, волочился туннель-шланг.

Через мгновение раздался шипящий звук: костюм загерметизировался. Еще шипение — включилась автономная воздушная система. Карен подала необходимые инструменты. И, пока она брала у ребенка кровь из височной вены, Холл сосредоточил свое внимание на Питере Джексоне.

Старый человек и бледный — анемия. Кроме того, очень худой. Первая мысль — рак. Или, может быть, туберкулез, алкоголизм, какой-нибудь хронический про-

цесс... И без сознания. Холл быстро перебрал в уме все возможности — от эпилепсии до гипогликемического шока и кровоизлияния в мозг.

Позже Холл признавался, что почувствовал себя совершеннейшим идиотом, когда ЭВМ почти мгновенно выдала ему полный анализ состояния пациента с указанием возможных диагнозов. Тогда, в первые часы своего пребывания на пятом уровне, Холл еще ничего не знал ни о возможностях ЭВМ «Лесного пожара», ни о качестве ее программ.

Проверил у Джексона кровяное давление — пониженное, 85/50. Пульс учащенный, 110. Температура 36,5. Дыхание 30 и достаточно глубокое. Холл последовательно осмотрел все тело, с головы до ног. Когда он причинил пациенту боль, нажимая на ответвление тройничного нерва под надбровной дугой, старик поморщился и приподнял руки, будто хотел оттолкнуть Холла.

А может, он вовсе и не без сознания, а просто оцепенел? Холл потряс старика за плечи:

— Мистер Джексон! Мистер Джексон!..

Тот не ответил, но потом как будто стал медленно приходить в себя. Холл еще раз крикнул в самое ухо: «Мистер Джексон!» и сильно встряхнул его. Старик на мгновение открыл глаза и проговорил отдельно:

— Оставьте... меня...

Холл продолжал его трясти, но Джексон уже расслабился, тело его обмякло, и он вновь перестал реагировать на окружающее. Оставив попытки привести его в чувство, Холл возобновил осмотр. В легких чисто, и сердце как будто в норме. А вот живот слишком напряжен, и к тому же один раз был рвотный позыв — изо рта у Джексона вытекла кровавистая струйка. Холл поспешно провел анализ крови на базофилы — реакция оказалась положительной. Он обследовал ректум и тоже обнаружил следы крови. Повернулся к лаборантке — та уже справилась со своим делом и теперь вводила пробирки в анализатор ЭВМ, стоящий в углу.

— У старика, оказывается, кровь в кишечнике, — сказал Холл. — Скоро мы получим результаты анализов?

Карен показала на экран под потолком.

— Результаты передаются немедленно, как только поступают из лаборатории. Одновременно сюда и на панель в соседней комнате. Сначала, конечно, самые легкие анализы. Гематокрит, наверно, будет готов через минуту-другую...

Холл подождал. На экране действительно пропечатались слова:

Джексон Питер

Анализ крови

Вид анализа

Гематокрит

Норма

38-54

Фактически

21

— Половина нормы,— констатировал Холл, надел Джексону кислородную маску и приладил ремешки.— Нам потребуется по крайней мере четыре дозы. Плюс две дозы плазмы...

— Я закажу.

— И, пожалуйста, поскорее...

Она подошла к телефону и, позвонив на склад консервированной крови на втором уровне, попросила их поспешить. А Холл тем временем повернулся к ребенку. Прошло немало лет с тех пор, как он последний раз осматривал младенца, и он напрочь забыл, как это трудно. Он пытался заглянуть ребенку в глаза — тот жмурился. Думал посмотреть горло — пациент плотно закрывал рот. Хотел послушать сердце — младенец поднял такой рев, что заглушил все сердечные тоны.

Но Холл настойчиво продолжал осмотр, памятуя слова Стоуна: как бы различны ни были эти двое, они — единственные, кто остался в живых. Каким-то образом они сумели справиться с болезнью. Значит, между ними, между сморщенным стариком, которого рвет кровью, и розовым, заходящимся в плаче младенцем, есть какая-то общность, какая-то связь. С первого взгляда они являют собой две крайности, находятся по разные стороны жизненного спектра, у них просто не может быть ничего общего. И все-таки что-то есть...

На осмотр младенца ему потребовалось полчаса. И в результате Холл был вынужден сделать вывод, что ребенок, судя по всему, совершенно здоров. Абсолютно нормальный и обыкновенный ребенок. Ничего примечательного.

Если не считать того, что он каким-то загадочным образом выжил.

«Главный контроль»

Стоун с Ливиттом сидели в помещении «Главного контроля», глядя сквозь стекло на капсулу в изолированной внутренней комнате. «Главный контроль» был центром пятого уровня и представлял собой сложнейшее и крайне дорогостоящее хозяйство: оно обошлось в два миллиона долларов — дороже любого другого объекта во всем комплексе базы «Лесной пожар». Но роль его в работе комплекса была решающей.

«Главный контроль» обеспечивал первый этап научного обследования капсулы. Все здесь было нацелено на одну задачу — обнаружить и выделить чуждые микроорганизмы. «Методика анализа жизни» предусматривала три этапа работы по программе «Лесной пожар»: обнаружение, выявление и анализ свойств и, наконец, контроль над микроорганизмами. Сначала бактерию необходимо найти, затем изучить и понять ее свойства. И только тогда можно начинать поиски путей обуздания внеземной жизни.

«Главный контроль» служил первой и главной цели — обнаружить.

Ливитт и Стоун сидели перед пультом со множеством кнопок, рычажков и шкал. Стоун управлял манипулятором, Ливитт работал с микроскопом. Естественно, войти в комнату, где находился спутник, и непосредственно осмотреть его было нельзя. На то существовали микроскопы с полуавтоматическим дистанционным управлением и экранами, вынесенными в лабораторию.

Еще на ранней стадии проектирования возник вопрос, что лучше — телевидение или определенная система прямого визуального наблюдения? Телевизионная установка стоила бы дешевле, и смонтировать ее было бы проще, тем более что телевизионные усилители изображения уже применялись на электронных микроскопах, рентгеновских аппаратах и в некоторых других устройствах. Однако группа «Лесной пожар» в конце концов решила, что для их целей телеэкран недостаточно точен. Даже камера с двойной разверткой, с лучшей разрешающей способностью, дающая вдвое большую частоту строк, чем обычно, еще не то, что нужно. После долгих споров остановились на волоконной оптической системе, в которой изображение передается непосредственно через змеевид-

ный жгут из стекловолокна и воспроизводится на специальном экране с надлежащей резкостью и чистотой.

Стоун развернул капсулу и нажал соответствующие кнопки. С потолка спустилась черная камера и начала методический осмотр капсулы. Исследователи прильнули к экранам.

— Начнем с пятикратного, — сказал Стоун.

Ливитт установил требуемое увеличение. Они наблюдали, а камера автоматически двигалась вокруг капсулы, фокусируясь на поверхности металла. Завершив общий осмотр, они переключили увеличение на двадцатикратное. Теперь для осмотра нужно было значительно больше времени: поле зрения прибора стало гораздо уже. Но и на этот раз они не заметили на поверхности ничего необычного: ни пробоин, ни вмятин, ни наростов.

— Перейдем на стократное, — предложил Стоун.

Ливитт отрегулировал оптику и откинулся на спинку кресла. Теперь начинался еще более длительный и нудный осмотр, который, вероятно, тоже ничего не даст. Потом они обследуют капсулу изнутри и, возможно, обнаружат что-нибудь там. А возможно, и нет. В любом случае придется брать образцы для дальнейших анализов и помещать соскобы и мазки в питательные среды...

Он отвел глаза от экранов и бросил взгляд на стекло. Камера, висевшая на сложном переплетении тяг и проводов, медленно перемещалась вокруг капсулы. Ливитт опять повернулся к экранам: их в лаборатории было три, и изображение на всех трех было одинаковое. Теоретически можно было бы включить не один, а три сканирующих прибора — по одному на каждый экран — и осмотреть капсулу в три раза быстрее. Однако этого-то они и не хотели, по крайней мере пока. Ведь как бы они ни старались, нельзя бесконечно оставаться настороже. Интерес постепенно снизится, внимание ослабнет. А если за одним и тем же изображением следят двое, то и шансы упустить что-либо важное снижаются вдвое...

Поверхность конической капсулы высотой 92,5 см и диаметром у основания 30 см составляет около 2800 квадратных сантиметров. Три последовательных осмотра — при пяти-, двадцати- и стократном увеличении — отняли два часа с небольшим. Когда эти два часа истекли, Стоун сказал:

— Надо было бы перейти к 440-кратному увеличению...

— Но?

— Я склонен сразу начать осмотр внутренней поверх-

...

ности. Если ничего не найдем, всегда сумеем вернуться к наружной и закончить...

— Согласен.

— Начнем опять с пятикратного...

Ливитт припал к панели управления. Осмотр на автоматическом режиме стал теперь невозможен. Сканирующий аппарат был рассчитан на автоматическое слежение по контурам любого предмета правильной формы — куба, шара, конуса, но при осмотре капсулы изнутри камеру предстояло вести вручную. Ливитт установил линзы на пятикратное увеличение, включил ручное дистанционное управление и затем ввел камеру в отверстие контейнера.

— Больше света,— сказал Стоун, наблюдая за экраном.

Ливитт повожился у пульта — и пять дополнительных светильников спустились с потолка и вспыхнули, осветив внутренность контейнера.

— Лучше?

— Отлично.

Вглядываясь в экран, Ливитт начал осторожно передвигать камеру. Понадобилось несколько минут, чтобы приспособиться и вести камеру плавно, без рывков: координировать свои движения, глядя на экран, оказалось не легче, чем писать, наблюдая за строкой в зеркало. Однако вскоре все пошло гладко.

Осмотр контейнера при пятикратном увеличении занял двадцать минут. Они не обнаружили ничего, если не считать вмятины размером с острей карандаша. По предложению Стоуна осмотр при двадцатикратном увеличении начался именно с этой точки. Вмятинка выросла в размерах, и тут они увидели его — черное пятнышко размером с песчинку, обыкновенную иззубренную черную песчинку. На черном фоне мерещились какие-то зеленые вкрапления.

Ни тот ни другой не шевельнулись, хотя впоследствии Ливитт признавался, что буквально дрожал от возбуждения и ему все думалось: неужели это действительно совершенно новая, неизвестная форма жизни? Но вслух он промолвил всего лишь:

— Интересно...

— Давайте сначала закончим осмотр при двадцатикратном,— сказал Стоун. При всем его внешнем спокойствии видно было, что и он взволнован.

Ливитту хотелось немедленно осмотреть пятнышко при большом увеличении, но он понимал, что Стоун прав.

Они не имели права на скороспелые выводы. Только тщательность, бесконечная, утомительно монотонная тщательность могла обещать им успех. Нужно было методично переходить от этапа к этапу, на каждом шагу удостоверяясь, что ничто не упущено. Иначе, ухватившись за первую попавшуюся нить, можно было затратить на исследования долгие часы и дни лишь для того, чтобы вдруг обнаружить, что нить эта никуда не ведет, что они ошиблись, неверно оценили факты и без толку потеряли время.

Поэтому Ливитт завершил скрупулезный осмотр внутренней поверхности контейнера при двадцатикратном увеличении. Раз или два он останавливал камеру, когда им казалось, что на экране мелькнули новые зеленые пятнышки; он записывал координаты, чтобы отыскать эти пятнышки при большем увеличении. Через полчаса Стоун объявил, что вполне удовлетворен осмотром при двадцатикратном.

Они оторвались на секунду, проглотили по две таблетки кофеина и запили их водой. Члены группы заранее договорились не принимать амфетамины, за исключением особо серьезных случаев: в аптечке пятого уровня эти препараты были, но для повседневного употребления все предпочитали кофеин.

Еще не исчезла горечь от кофеина во рту, а Ливитт уже включил стократные линзы и приступил к третьему осмотру. Как и в прошлый раз, он начал с вмятины и с черного пятнышка в ней.

Их постигло разочарование: при стократном увеличении никаких дополнительных деталей не прибавилось, только все выросло в размерах. Теперь, однако, было видно, что пятнышко представляет собой неправильной формы крупинку какого-то тускло-черного вещества, похожего на камень. Явственно заметны были частички зелени, вкрапленные в иззубренную поверхность.

— Ну, что скажете? — спросил Стоун.

— Если это и есть объект, с которым столкнулась капсула, то либо он двигался с сумасшедшей скоростью, либо чудовищно тяжел. Он слишком мал, чтобы...

— Чтобы сбить спутник с орбиты? Разумеется. Но ведь и вмятинка очень неглубокая.

— Стало быть?..

Стоун пожал плечами.

— Стало быть, либо изменение орбиты произошло по каким-нибудь другим причинам, либо эта песчинка

обладает такой упругостью, какая еще не известна науке...

— А что вы думаете об этой зелени?

— Не понимаете,— улыбнулся Стоун.— Пока что я только смотрю — и ничего больше...

Ливитт весело хмыкнул и продолжал осмотр. Настроение у обоих было приподнятое, внутренне они были уверены, что открытие сделано. Обследовали другие места, где замечали зелень, и убедились, что это не ошибка. Правда, зелень отличалась от той, что на крупинке. Во-первых, пятнышки были побольше и как будто светились, а во-вторых, границы пятнышек казались правильными, округленными.

— Слово брызги зеленой краски,— сказал Стоун.

— Надеюсь, это все-таки не краска.

— Легко проверить.

— Сначала просмотрим при 440-кратном.

Стоун согласился. Уже почти четыре часа они исследовали капсулу, но усталости не чувствовали. Экран на секунду затуманился — один объектив заменялся другим. Когда резкость изображения восстановилась, перед ними вновь возникла вмятина и засевшее в ней черное зерно с зелеными разводами. При таком увеличении неровности песчинки были просто поразительны — целая планета в миниатюре с остrokонечными пиками и глубокими долинами. Ливитту почудилось на миг, что это и есть она — настоящая крохотная планетка, и на ней жизнь во всем своем многообразии. Он тряхнул головой, гоня от себя подобную мысль. Слишком уж это невероятно.

— Если это метеорит, то чертовски странный,— заметил Стоун.

— Что вас удивляет?

— Вон тот левый край,— указал Стоун на экране.— Поверхность камня,— если только это камень, конечно,— всюду шероховатая, а здесь она гладкая, почти зеркальная...

— Будто бы искусственная?

Стоун перевел дыхание.

— Тогда и гляди мне померещится что-то в этом роде. Лучше пока займемся теми зелеными пятнами...

Ливитт установил камеру по записанным координатам и навел на резкость. На экранах появилось новое изображение — одно из зеленых пятен крупным планом. При таком увеличении границы участка обозначились совершенно четко. Они оказались не ровными, а слегка

зазубренными, почти как шестеренка часового механизма.

— Черт меня побери,— сказал Ливитт.

— Что угодно, только не краска. Зазубрины слишком правильные.

И тут, у них на глазах, это и случилось: зеленое пятно на короткое, едва уловимое мгновение стало фиолетовым, затем опять зеленым.

— Видели?

— Видел. Вы не меняли освещение?

— Нет, ничего не трогал...

Через минуту повторилось: зеленое, вспышка фиолетового и вновь зеленое.

— Поразительно!..

— А если это...

И вдруг пятно вспыхнуло, да так и осталось фиолетовым. Зубцы исчезли, промежутки между ними заполнились, и пятно, слегка увеличившись в размерах, стало совершенно круглым и опять позеленело.

— Оно растет,— прошептал Стоун.

Работа шла полным ходом. Сверху спустились кинокамеры и засняли объект с пяти точек при скорости 96 кадров в секунду. Еще одна камера замедленной съемки отщелкивала кадры с интервалами в полсекунды. Затем Ливитт опустил две дополнительные телекамеры с дистанционным управлением и установил их под разными углами к основной. Три экрана в центральной лаборатории показывали теперь зеленое пятно в трех различных ракурсах.

— Можем мы дать еще большее увеличение? — спросил Стоун.

— Нет. Помните, мы решили остановиться на 440-кратном?..

Стоун чертыхнулся. Чтобы получить большее увеличение, пришлось бы перейти в другую лабораторию или прибегнуть к электронному микроскопу. И то и другое отняло бы слишком много времени.

— Тогда давайте высеем культуру и попробуем выделить организм,— предложил Ливитт.

— Ну что ж, пожалуй...

Ливитт переключил сканирующее устройство опять на двадцатикратное увеличение. Не оставалось сомнений, что на внутренней поверхности контейнера представляют интерес четыре точки: три отдельных зеленых

пятнышка и вмятинка с песчинкой. На контрольном пульте он нажал кнопку, обозначенную «Культуры», и из стены комнаты вылез шарнирный рычаг с подносом, на котором стояли круглые, прикрытые пластмассовыми крышечками чашки Петри. В каждой чашке был тонкий слой питательной среды.

Программа «Лесной пожар» предусматривала применение почти всех питательных сред, известных науке. В их студенистых массах содержались питательные вещества, необходимые для жизни и размножения любых бактерий. Наряду с обычными лабораторными средами, такими, как конский и овечий кровяной агар, шоколадный агар, чистый агар и среда Сабуроа, применялось десятка три диагностических сред, содержащих различные сахара и минеральные вещества. Были еще сорок три специализированные питательные среды, в том числе среды для высевания туберкулезных палочек и редкостных грибов, а также сугубо экспериментальные среды, обозначенные индексами ME-997, ME-423, ME-A12 и т. д.

На том же подносе лежала кучка стерильных тампонов. С помощью механических рук Стоун по одному поднимал тампоны, брал мазки с поверхности капсулы и переносил их на чашечки со средой. Ливитт выстукивал на клавиатуре входного устройства ЭВМ необходимые данные, чтобы впоследствии не перепутать, откуда какой мазок взят. Покончив с наружной поверхностью, они перешли к контейнеру. С предельной осторожностью, включив максимальное увеличение, Стоун взял соскобы с зеленых пятнышек и перенес их в различные питательные среды. В заключение он подцепил крохотным пинцетом саму песчинку и перенес ее в чистую стеклянную чашечку.

Вся эта работа отняла больше двух часов; затем Ливитт ввел в ЭВМ программу под названием «Маскульт». Эта программа перекладывала на ЭВМ все заботы о сотнях культур, посеянных в чашках Петри. Одни чашки будут выдерживаться при нормальном давлении и комнатной температуре в обычной земной атмосфере, другие подвергнутся воздействию тепла и холода, высоких давлений и вакуума, бескислородной и избыточно кислородной атмосферы, света и темноты. Человеку потребовалось бы несколько дней только на то, чтобы рассовать все чашки по нужным камерам. ЭВМ могла это сделать за несколько секунд.

Когда программа была запущена, Стоун установил

чашки Петри стопками на конвейерную ленту, и та понесла их к камерам выращивания культур. Теперь им оставалось только ждать, ждать сутки, а то и двое, чтобы узнать, что именно выросло на этих посевах.

— А тем временем,— сказал Стоун,— можно приступить к анализу песчинки — если это действительно песчинка. Вы в ладах с электронным микроскопом?

— Подзабыл, наверно,— признался Ливитт. С электронным микроскопом ему не приходилось работать уже без малого год.

— Тогда я подготовлю образец. Еще надо будет произвести масс-спектрометрию. Впрочем, это делается автоматически. Но сначала нужно большее увеличение. Какое у нас максимальное оптическое увеличение в морфологической?

— Тысячекратное.

— Начнем с этого. Направьте песчинку в морфологическую лабораторию...

Ливитт бросил взгляд на пульт и нажал кнопку «Морфология». Стоун манипуляторами бережно установил чашечку с песчинкой на конвейерную ленту. Не сговариваясь, они обернулись и посмотрели на стенные часы. 11.00 — они работали без отдыха уже 11 часов.

— Ну что ж,— заметил Стоун,— пока все вроде бы хорошо...

Ливитт улыбнулся и, как суеверный школьник, скрестил средний и указательный пальцы.

16

Секционная

Бертон работал в секционной. Он нервничал, все еще не в силах отделаться от воспоминаний о Пидмонте. Позже, анализируя свою работу и ход мыслей, он горько сожалел, что тогда, на пятом уровне, не сумел взять себя в руки.

Ибо уже в самой первой серии опытов Бертон допустил несколько ошибок.

По инструкции в его обязанности входило патологоанатомическое исследование мертвых животных, но на него возложили также и предварительное определение путей распространения болезни. По правде говоря, такая работа была не под силу Бертому; Ливитт подошел бы

для нее куда больше. Однако считалось, что Ливитт будет полезнее на предварительном этапе выделения и распознавания чуждого микроорганизма. Поэтому исследовать пути распространения болезни поручили Бертону.

Эксперименты эти были достаточно просты и элементарны. Для начала Бертон поставил в ряд несколько клеток. Каждая из них снабжалась воздухом автономно; системы подачи воздуха можно было соединять между собой различными способами. Герметизированную клетку с трупом норвежской крысы он поставил рядом с другой клеткой, где сидела живая крыса. Нажал несколько кнопок и открыл свободный доступ воздуха из первой клетки во вторую. Крыса кувыркнулась и сдохла.

«Любопытно,— подумал Бертон,— перенос по воздуху...»

Подцепил еще одну клетку с крысой и поставил возле двух предыдущих, но в соединительном воздухопроводе установил микропористый фильтр с диаметром пор 100 ангстрем — размер мелкого вируса. Открыл доступ воздуха через фильтр. Крыса осталась жива. Подождал еще минуту-другую. Вывод был ясен: каков бы ни был возбудитель болезни, по размеру он больше вируса.

Бертон несколько раз менял фильтры, ставил все более и более крупнопористые, пока возбудитель наконец не прорвался через поры и крыса не сдохла. Проверил диаметр пор: два микрона — величина небольшого одноклеточного организма.

«Это уже нечто ценное,— подумал он,— теперь я знаю размеры возбудителя...»

Открытие было и вправду важное: одним простым экспериментом он исключил возможность того, что болезнь вызывается белковой или иной молекулой. В Пидмонте они со Стоуном подумали было, что разносчик болезни — газ, например, выделяемый патогенным организмом. Теперь стало ясно, что газ ни при чем: возбудитель болезни имеет размеры клетки, иначе говоря, много крупнее молекулы или частицы газа.

Следующий шаг представлялся не более сложным — определить, заразны ли трупы.

Из клетки, где лежала одна из мертвых крыс, он выкачал воздух. От спада давления крысу разорвало, но Бертон, не обращая на это внимания, продолжал откачивать воздух, пока не достиг предельного вакуума. Затем заполнил клетку чистым, профильтрованным воздухом и открыл этому воздуху доступ к клетке с живой крысой.

Ничего не произошло.

«Любопытно», — подумал он снова. При помощи дистанционно управляемого скальпеля он вскрыл мертвое животное, чтобы микроорганизмы могли из внутренностей перейти в воздух.

И опять ничего не произошло. Живая крыса весело бегала по своей клетке.

Результат был ясен: мертвые животные не заразны. «Вот почему остались живы стервятники в Пидмонте, — подумал он. — Болезнь не может передаваться через трупы — ее передают бациллы, или как их там еще, и только по воздуху...»

Бациллы в воздухе — смертельны.

Бациллы в трупах — безвредны.

В определенном смысле это можно было предвидеть. Такой результат хорошо увязывался с теориями аккомодации, взаимной приспособляемости бактерий и человека. Бертон давно интересовался проблемой приспособляемости и даже прочитал несколько лекций на эту тему в Бейлорском медицинском институте.

Большинство людей, едва заслышав о бактериях, тут же вспоминают о болезнях. На деле же болезнетворны лишь три процента бактерий; остальные либо безвредны для человека, либо даже полезны. В нашем пищеварительном тракте живут, например, многие виды бактерий, способствующие лучшему усвоению пищи. Человек нуждается в них, он от них зависит.

По существу мы обитаем в океане бактерий. Они всюду — на коже, в ушах и во рту, в легких и в желудке. Все, что у нас есть, все, к чему мы прикасаемся, каждый наш вдох — все насыщено бактериями. Они везде, но мы, как правило, даже не подозреваем об этом.

И тому есть причина: как человек, так и бактерии привыкли, приспособились друг к другу, выработали своего рода взаимный иммунитет.

И этому тоже есть веская причина. Один из основополагающих принципов биологии гласит, что эволюция направлена к тому, чтобы возможность продолжения рода непрерывно возрастала. Если человек быстро погибает от бактериальной инфекции, значит, он плохо приспособлен к существованию; он не проживет достаточно долго для того, чтобы воспроизвести себя в потомстве. Но и бактерии, убивающие своего хозяина, приспособлены не лучше. Ведь паразит, убивающий организм, на котором паразитирует, тоже обречен и должен погнбнуть вместе с ним. По-настоящему преуспевают те пар-

зиты, которые питаются за счет своего хозяина, не убивая его. А наиболее приспособленный хозяин — тот, кто не только сосуществует с паразитом, но и извлекает из него пользу, заставляя работать на себя.

— Самые приспособившиеся из бактерий, — любил повторять Бертон, — это те, которые вызывают легкие болезни или же не вызывают вообще никаких. Одну и ту же клетку стрептококка вы можете носить в своем организме шестьдесят — семьдесят лет, благополучно жить, вырасти и произвести потомство, и стрептококк будет жить не менее благополучно. Равным образом в вас годами может жить стафилококк, и единственной вашей расплатой за это будут несколько угрей или прыщиков. С туберкулезом можно жить многие десятилетия, а с сифилисом — и всю жизнь. Эти две болезни отнюдь не из легких, но они стали гораздо менее опасны, чем были некогда, — человек и бактерия взаимно приспособились друг к другу...

Известно, например, что лет четыреста назад сифилис был чрезвычайно опасной болезнью, вызывавшей огромные гнойные язвы по всему телу и убивавшей зачастую в течение нескольких недель. Но прошли столетия, и человек и спирохета стали взаимно более терпимыми.

Эти рассуждения отнюдь не столь абстрактны и теоретичны, как может показаться на первый взгляд. На начальной стадии разработки программы «Лесной пожар» Стоун заметил как-то, что сорок процентов всех болезней человека вызываются микроорганизмами. Бертон резонно возразил, что болезнетворны лишь три процента всех существующих микроорганизмов. И хотя от бактерий происходят многие человеческие страдания, вероятность того, что какая-то отдельно взятая бактерия опасна для людей, очень незначительна. Такое кажущееся противоречие объясняется тем, что процесс взаимного приспособления, «притирки» человека и бактерии сам по себе достаточно сложен.

— Большинство бактерий, — указывал тогда Бертон, — просто не в состоянии прожить в нашем теле так долго, чтобы принести ему вред. В том или ином отношении эта среда для них неблагоприятна. Им либо слишком жарко, либо слишком холодно, среда либо слишком кислая, либо слишком щелочная, кислорода либо слишком много, либо слишком мало. В общем для большинства бактерий человеческий организм так же негостеприимен, как Антарктида...

Отсюда вытекало, что вероятность опасных послед-

ствий от контакта человека с внеземными микроорганизмами весьма невелика. Собственно, так думали все, признавая вместе с тем, что базу «Лесной пожар» в любом случае нужно строить. Бертон разделял это мнение, но теперь чувствовал себя довольно странно: ведь его предсказание сбылось.

Да, конечно, организм, который они обнаружили, убивал людей. Но он не был приспособлен к человеку — убивая, он погибал и сам. Он не передавался от одного тела к другому. Секунду-две он жил в теле хозяина и тут же погибал вместе с ним.

Бертон ощутил удовлетворение.

Но пока что перед ними стояла вполне практическая задача: выделить микроорганизм, понять его свойства и найти средства для борьбы с ним.

О способе распространения болезни Бертон кое-что уже узнал. Кое-что он знал и о механизме смерти — свертывание крови. Оставался вопрос: как микроорганизм проникает в тело?

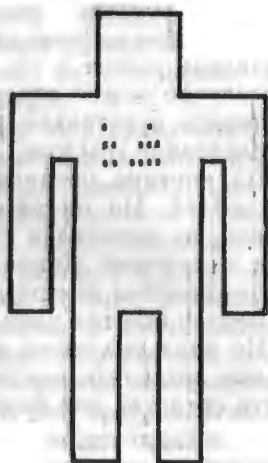
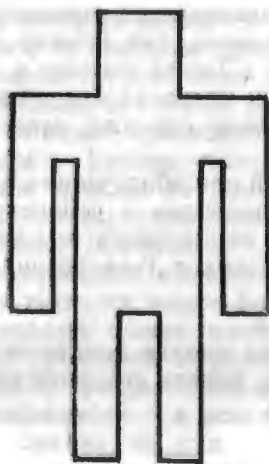
Поскольку инфекция переносится явно по воздуху, вероятен контакт через кожу или через легкие. Микроорганизм может внедряться непосредственно сквозь кожный покров. Или попадать в легкие при дыхании. Или и то и другое.

Как же это выяснить?

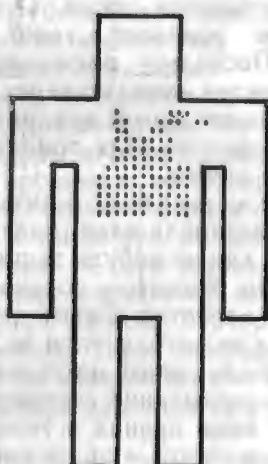
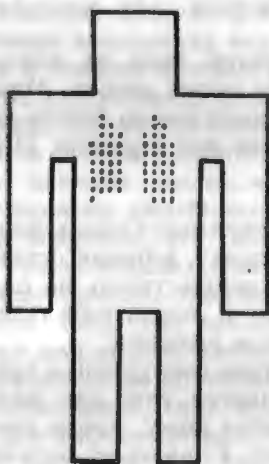
Возникла идея: надеть на экспериментальных животных какую-нибудь защитную оболочку, которая оставляла бы открытым только рот. Это осуществимо, но слишком хлопотно. Битый час он сидел и ломал себе голову, пока не натолкнулся на приемлемое решение.

Если смерть наступает вследствие свертывания крови, то свертывание, вероятно, начинается там, где микроорганизм проник в тело. Если через кожу, кровь сначала свернется в подкожных сосудах. Если через легкие — процесс начнется в груди и будет распространяться от легких к конечностям. И это поддается экспериментальной проверке. Применив метод меченых атомов, придав радиоактивные свойства белковым компонентам крови, можно с помощью сканирующего сцинтилляционного устройства определить, где именно начинается свертывание крови.

Для опыта Бертон выбрал обезьяну-резуса, анатомически куда более близкую человеку, чем крыса. Ввел ей

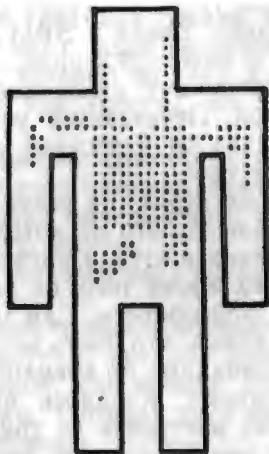
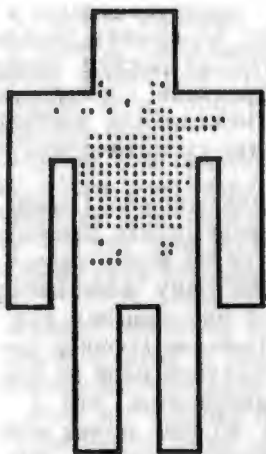
EXP 1 2 3 4 5 6 7

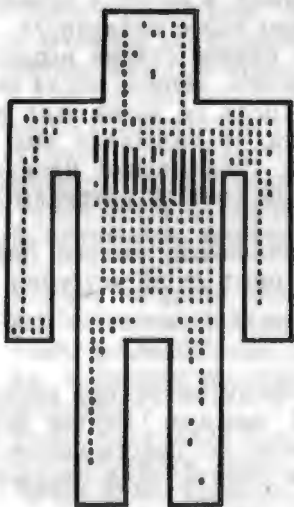
8 9 10 11 12 13 14 15 16 17

Далее без перемен. Конец программы.
Конец печати на отметке 3,5 сек.

в кровь радиоактивное вещество — изотоп магния — и на-
строил сканирующий сцинтиллограф. Выждав некоторое
время, чтобы изотоп равномерно распределился по кро-

1.8 1.9 2.0 2.1 2.2 2.3 2.4 2.5 2.6 2.7

2.8 2.9 3.0 3.1 3.2

веносной системе, он привязал обезьяну к столу и установил над ней аппарат.

Теперь можно было начинать.

Сканирующий сцинтиллограф, управляемый ЭВМ, за-

фиксирует, где начинается и как распространяется свертывание. Введя в ЭВМ программу на выдачу результатов в печатной форме, Бертон открыл доступ воздуху, содержащему смертоносный организм, в клетку с обезьяной. Печатающее устройство немедленно застучало, выдавая на бумажной ленте серию схематических контуров тела.

Уже через три секунды все было кончено. Схемы сообщили то, что он хотел знать: свертывание начинается в легких и оттуда распространяется по всему телу.

Но, кроме того, он выяснил еще одну небезынтeресную подробность. Сам он об этом рассказывал так: «Я все думал, что, быть может, свертывание крови и смерть не совпадают по времени или по крайней мере не вполне совпадают. Казалось просто невероятным, что смерть может наступить за три секунды, но еще менее вероятным представлялось, чтобы вся кровь — пять с лишним литров — свернулась за столь короткое время. Мне хотелось выяснить: может быть, смерть вызывается каким-либо одним тромбом, например, в мозгу, а процесс свертывания всей крови протекает более медленно?»

Таким образом, уже на ранней стадии исследований Бертон задумался о роли мозга. Теперь, когда все позади, просто обидно, что он тогда не довел этих исследований до логического конца. И помешали ему именно показания сцинтиллографа: свертывание начинается в легких и распространяется по сонным артериям к мозгу спустя одну-две секунды.

Так или иначе, первоначальный интерес Бертона к мозгу отпал, а следующий опыт лишь усугубил эту его ошибку.

Опыт был простой и не предусмотренный инструкциями по программе «Лесной пожар». Бертон знал, что смерть совпадает по времени со свертыванием крови. А нельзя ли предотвратить смерть, если предотвратить свертывание?

Он взял несколько крыс и ввел им гепарин — антикоагулянт, препятствующий образованию тромбов. Гепарин — быстродействующее лекарство, широко применяемое в медицине; действие его изучено досконально. Бертон ввел препарат внутривенно, различными дозами — от минимальной до массивированной, избыточной. Затем все подопытные крысы подверглись действию воздуха, содержащего смертоносный организм.

Крыса с минимальной дозой гепарина сдохла через пять секунд. Остальные сдохли тоже, одна за другой, в течение первой минуты. Крыса, которой он ввел максимальную дозу, прожила почти три минуты, но затем свалилась и она.

Бертон был обескуражен: смерть хотя и оттягивалась, но не предотвращалась. Метод симптоматического лечения не действовал. Он отложил мертвых крыс в сторону — и тут совершил решающую ошибку.

Он не стал вскрывать крыс, которым ввел антикоагулянт.

Вместо этого он занялся животными — черной норвежской крысой и обезьяной-резусом, которые погибли первыми от контакта с капсулой. Он провел полное вскрытие их трупов. А к крысам, которым был введен антикоагулянт, даже не притронулся.

Прошло больше суток, прежде чем он осознал свою ошибку.

Вскрытие Бертон провел особенно тщательно, не спеша, постоянно напоминая себе, что не вправе ничего упустить. Отделив внутренние органы крысы и обезьяны, он обследовал каждый отдельно и взял пробы для оптической и электронной микроскопии.

Первичный общий осмотр выявил, что животные погибли от распространенного внутрисосудистого свертывания крови. Артерии, сердце, легкие, почки, печень, селезенка — все органы, обильно снабжаемые кровью, затвердели, окаменели. Впрочем, он и не ждал ничего другого.

Он перенес ломтики тканей в другой угол секционной, чтобы приготовить замороженные срезы для микроскопического исследования. Лаборант готовил один срез за другим, а Бертон исследовал их под микроскопом и фотографировал.

Все ткани выглядели совершенно нормально. Если не считать свернувшейся крови, ничего необычного в них не было. Бертон знал, конечно, что те же кусочки тканей будут впоследствии переданы в гистологическую лабораторию, где другой лаборант приготовит окрашенные срезы, пустив в дело гематоксилин-эозин, йодиую кислоту (по Шиффу) и формалин (по Ценкеру). Срезы нервных тканей будут окрашены препаратами золота по Нисслу и Кахалу. На это уйдет еще двенадцать — пятнадцать часов. Хорошо, если бы окрашенные срезы выявили что-нибудь новое, но оснований ожидать этого у него в сущности не было.

Не менее пессимистически был настроен Бертон и относительно результатов электронной микроскопии. Электронный микроскоп, конечно, ценный инструмент, но иногда он не облегчает задачу, а, напротив, затрудняет ее. Он дает огромное увеличение и выявляет множество деталей — если только вы знаете, куда смотреть. Электронный микроскоп очень хорош для исследования отдельной клетки или части клетки — но сначала надо решить, какую именно клетку исследовать. А в человеческом организме клеток миллиарды.

К концу десятого часа непрерывной работы Бертон откинувшись на спинку кресла и подвел итоги своим наблюдениям. Он составил краткое резюме:

1. Смертоносный агент имеет размер приблизительно один микрон. Таким образом, это не газ, не молекула, даже не белковая молекула и не вирус. Размер его соответствует размеру клетки, и он, вполне возможно, и есть какой-то одноклеточный организм.

2. Агент переносится по воздуху. Мертвые организмы не заразны.

3. Агент проникает в организм жертвы через легкие при вдохе. Оттуда он предположительно проходит в кровь и вызывает свертывание.

4. Агент вызывает смерть вследствие свертывания крови. Смерть наступает через несколько секунд и совпадает по времени со свертыванием крови по всей кровеносной системе.

5. Антикоагуляционные препараты не предотвращают смертельного исхода.

6. Никаких других патологических изменений, помимо свертывания крови, в организме умершего животного не обнаружено.

Бертон перечитал написанное и покачал головой. Антикоагулянты, быть может, и не действуют, но факт остается фактом: есть что-то, способное приостановить процесс. Есть какой-то способ предотвратить смерть. Он знал это наверняка.

Потому что два человека выжили.

Пришел в себя

В 11.47 Марк Холл склонился над панелью ЭВМ, на которой светились результаты лабораторных анализов, взятых у Питера Джексона и ребенка. ЭВМ выдавала результаты, как только они поступали из автоматической лабораторной аппаратуры; к этому времени почти все анализы были уже готовы.

Ребенок, как убедился Холл, был совершенно здоров, ЭВМ сообщила об этом недвусмысленно:

Пациент: ребенок

Все показатели в пределах нормы

С Питером Джексоном дело обстояло иначе. Тут имелись отклонения от нормы, и весьма существенные.

ПАЦИЕНТ: ДЖЕКСОН ПИТЕР ПОКАЗАТЕЛИ, ОТКЛОНЯЮЩИЕСЯ ОТ НОРМЫ:

<u>ВИД АНАЛИЗА</u>	<u>НОРМА</u>	<u>ФАКТИЧЕСКИ</u>
Гематокрит	38—54	21 первичн. 25 повторн. 29 повторн. 33 повторн. 37 повторн.
Остаточный азот	10—20	50
Ретикулоциты	1	6
В крови значительное количество незрелых эритроцитов		
pH крови	7,40	7,31
РОЭ	9	29
Амилаза	70—200	450

Некоторые результаты было нетрудно понять, другие пока представляли собой загадку. Гематокрит, например, повысился, поскольку Джексону переливали кровь, насыщенную эритроцитами. Остаточный азот, характеризующий работу почек, оказался выше нормы, вероятно, вследствие недостаточности кровообращения.

Другие показатели были характерны для потери крови. Ретикулоциты поднялись с 1 до 6 процентов в связи с общим анемичным состоянием пациента. Обилие незрелых эритроцитов показало, что организм стремится возместить потерю крови, вводя в общий ток молодые, незрелые клетки. Протромбиновое время свидетельствова-

ло, что, несмотря на кровотечение где-то в желудочно-кишечном тракте, свертываемость крови у Джексона вполне нормальная. Скорость оседания эритроцитов указывала на наличие процесса разрушения тканей. Какие-то ткани в организме Джексона отмирали.

А вот значение рН объяснить было гораздо сложнее. Цифра 7,31 указывала на повышенную кислотность крови, хотя и не чрезмерную. В чем тут дело, Холл понять не мог. ЭВМ, впрочем, тоже.

Пациент: Джексон Питер

Вероятный диагноз

1. Острая и хроническая кровопотеря, вероятность желудочно-кишечного происхождения — 0,884

Других статически существенных источников нет

2. Повышенная кислотность крови

Происхождение неизвестно

Требуется дополнительные данные. Запросить историю болезни

Холл перечитал рекомендации ЭВМ и пожал плечами. Не хватало еще, чтобы она предложила поговорить с пациентом! Легко сказать — ведь Джексон был без сознания, и даже если он принял что-нибудь, от чего кровь стала кислой, узнать об этом, пока он не придет в себя, нельзя.

А может, попробовать анализ на газы крови? Холл отстучал на клавишах ввода дополнительное задание.

Но ЭВМ стояла на своем:

История болезни предпочтительнее новых анализов

Холл отстучал: «Пациент без сознания».

ЭВМ как будто призадумалась — и вдруг зажегся ответ:

Объективно потери сознания нет. Электроэнцефалограмма регистрирует альфа-ритм, соответствующий обычному сну

— Да будь ты проклята, — выругался Холл. Он глянул сквозь окно на Джексона и увидел, что тот и в самом деле шевелится во сне. Холл торопливо прополз по туннелю-шлангу к комбинезону и склонился над своим пациентом:

— Мистер Джексон, проснитесь...

Старик медленно открыл глаза и уставился на Холла. Моргнул удивленно раз, другой.

— Не пугайтесь, — спокойно сказал Холл. — Вы больны, и мы вас лечим. Вам уже лучше, не правда ли?..

Джексон проглотил слюну и кивнул. Казалось, он

боится проронить слово. Но мертвенная бледность уже сменилась румянцем на щеках и из-под ногтей ушла синева.

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего... Как вы?..

— Меня зовут доктор Холл. Я ваш лечащий врач. У вас было сильное кровотечение. Пришлось сделать вам переливание крови.

Джексон кивнул, вроде бы даже не удивившись. Холл отметил про себя неожиданно спокойную реакцию старика, и его осенило:

— У вас это и раньше бывало?

— Бывало. Дважды.

— А как начиналось раньше?

— Что-то не пойму, где я,— сказал старик озираясь.— Это что, больница? И почему на вас эта штука?..

— Нет, это не больница, а специальная лаборатория в штате Невада.

— Невада? — Он закрыл глаза и помотал головой.— Но я живу в Аризоне...

— Теперь вы в Неваде. Мы привезли вас сюда, чтобы вам помочь...

— А почему на вас эта штука?

— Мы привезли вас из Пидмонта. Там была эпидемия. Вы сейчас в изоляторе.

— Значит, я заразный?

— Пока еще не ясно. Но мы обязаны...

— Слушайте,— сказал вдруг Джексон и попытался встать.— Не нравится мне тут. Страшно. Я домой пойду. Я не хочу...

Он сделал еще одну попытку встать, тщетно борясь с ремнями. Холл мягко толкнул его обратно на подушку.

— Успокойтесь, мистер Джексон. Все будет хорошо, успокойтесь. Поймите, вы очень больны...

Джексон нехотя откинулся на спину.

— Дайте сигарету...

— Извините, но придется вам обойтись без сигарет.

нбл. Какого черта! Я курить хочу.

— К сожалению, курить здесь нельзя.

— Слушай-ка, милый, поживи с мое, так сам будешь знать, что тебе можно, а чего нельзя. Мне и раньше твердили: острого нельзя, курева нельзя, выпить тоже нельзя. Я попробовал. Думаешь, лучше стало? Хуже некуда...

— Кто вам говорил обо всем этом?

— Как кто? Врачи.

— Какие врачи?

— Да в Финиксе. Шикарная больница — машинки всякие блестят, халаты накрахмалены. Да, шикарная больница. Я бы нипочем туда не пошел, если б не сестра. Она там, понимаешь, в этом Финиксе живет. С мужем со своим, с Джорджем, дурак он набитый... Я и не хотел совсем туда в эту больницу, я отдохнуть хотел, и все. А она уперлась, ну я и пошел...

— Когда это было?

— Да в прошлом году. В июне, не то в июле...

— А почему вы обратились в больницу?

— Почему все люди обращаются в больницу? Болен был, черт побери...

— Что у вас болело?

— Да, как всегда, желудок проклятый.

— Кровотечение?

— Еще какое! Как икну, так кровь. Даже и не знал, что у человека столько крови...

— Значит, желудочное кровотечение?

— Ну, я же сказал. И тоже иголки втыкали, — он кивнул на трубки внутривенного вливания, — и кровь переливали... В прошлом году в Финиксе, а за год до того в Туксоне. Вот в Туксоне действительно было здорово. Сестричка там за мной ходила — ягодка... — Он неожиданно замолчал. — Слушай, сынок, а сколько тебе лет? Что-то слишком молод ты для врача...

— Я хирург.

— Хирург? Ну, уж нет, не выйдет. Они и тогда все меня уламывали, но я им наотрез — не дам, не позволю. Ни за что. Ничего вы у меня не вырежете...

— Значит, у вас язва уже два года?

— Да побольше даже. Никогда ничего со мною не было, и вдруг скрутило. Думал, съел чего-нибудь не то, а тут кровь пошла...

«Два года, — про себя отметил Холл. — Определенно язва, а не рак».

— И вы, стало быть, легли в больницу?

— Ну лег. Подлечили меня там, точно. Предупредили, чтоб ни острого, ни спиртного, ни табака — ни-ни. Я старался, сынок, правда, старался. Все одно без толку. Ведь привычка у меня...

— И через год вы попали в больницу снова...

— Ну да. Здоровенная такая больница в Финиксе. Да еще этот идиот Джордж с сестрицей каждый день навещали. Ученый он, знаешь, книги читает, а все дурак дураком. Адвокат! Говорит как пишет, а у самого ума-то, как у сверчка в ляжке...

— И в Финиксе вас хотели оперировать?

— То-то и оно. Не обижайся, сынок, но врачам только волю дай, они тебя тут же взрежут. Не могут они без этого. А я им тогда: я, мол, со своим желудком столько лет прожил, ну уж и до конца с ним как-нибудь дотяну...

— Когда вы выписались из больницы?

— Да в начале августа, наверно. Что-нибудь числа пятого или десятого.

— И как выписались, опять начали курить, пить и есть что не положено?

— Знаешь что, сынок, давай без проповедей,— сказал Джексон.— Я уже шестьдесят девять лет ем, что не положено, и делаю, что не положено. Мне так нравится. А если нельзя, тогда к чертям собачьим...

— Но у вас, наверно, были сильные боли...

— А то нет! Особенно на голодный желудок. Но я придумал, как с ними управляться...

— Да ну?

— Еще как! В больнице мне снадобье сунули, вроде молока. Глотать велели понемногу раз сто на день. Противное, вроде мела на вкус... Но я нашел кое-что лучше.

— Что же это вы нашли?

— Аспирин,— торжествующе сказал Джексон.

— Аспирин?

— Ну да. Помогает — будь здоров.

— Сколько же аспирина вы принимали?

— Да прилично, особенно в последнее время. Бывало, что и пузырек в день. Знаешь, его в таких пузыречках продают...

Холл кивнул. Вот вам и разгадка повышенной кислотности. Аспирин — это же ацетилсалициловая кислота, и если принимать его в таких количествах, кислотность просто не может не повыситься. Но, с другой стороны, аспирин раздражает слизистую желудка и способен лишь усилить кровотечение...

— А вам никто не говорил, что от аспирина кровь пойдет сильнее?

— А как же, говорили. Только я на это без внимания. Потому что боли-то снимает. Особенно если еще глотнешь «Стерно»...

— Чего-чего?

— «Стерно». Ну, цеженка...

Холл ничего не понимал.

— Денатурат. Процедишь его сквозь тряпочку и пьешь...

— Так вы еще и денатурат пили,— со вздохом сказал Холл.

— Ну, это когда ничего другого не было. А глотнешь аспирину, цеженкой запьешь — и боли как рукой снимет...

— А вам известно, что денатурат — это смесь обычного спирта с метиловым?

— А что, от этого разве что-нибудь может быть? — спросил Джексон с неожиданной тревогой в голосе.

— В том-то и дело, что может. От денатурата можно ослепнуть, а можно и умереть...

— Но мне-то от него было лучше!..

— А на дыхание аспирин с денатуратом не влияли?

— Да уж раз ты спросил, так вроде воздуха не хватало чуток. Но в моем-то возрасте, черт возьми, не много и надо...

Старик зевнул и закрыл глаза.

— Уж больно ты дотошный, сынок. Спать хочу...

Холл взглянул на него и решил, что Джексон прав. Лучше не донимать старика вопросами, особенно в первое время. По туннелю Холл прополз обратно в лабораторию и сообщил лаборантке:

— У нашего друга Джексона язва желудка двухлетней давности. Продолжайте переливание, дайте ему еще одну-две единицы, потом прекратите — посмотрим, что получится. Кроме того, введите желудочный зонд и сделайте промывание ледяной водой...

Раздался удар гонга, и стены отозвались тихим эхом.

— Это еще что?

— Двенадцать часов прошло. Пора менять одежду. А вам идти на совещание.

— Мне? Куда?

— Конференц-зал рядом с кафетерием...

Холл кивнул и вышел.

Электронные устройства сектора «Дельта» слабо гудели и пощелкивали. Капитан Артур Моррис у пульта вводил в систему новую программу. Капитан Моррис был программист; в сектор «Дельта» его направили, поскольку вот уже девять часов командование первого уровня не получало ни одного сообщения по линии военной спецсвязи. Могло случиться, конечно, что таких срочных сообщений и вправду не поступало, но это было маловероятно.

А если сообщения были, но остались неполученными,

значит, в системах сектора есть какая-то неисправность. Капитан Моррис проследил за тем, как ЭВМ выполнила программу самопроверки и выдала результат: все цепи работают нормально.

Но это не успокоило его; он задал машине расширенную программу проверки всех цепей и блоков. Потребовалось всего 0,03 секунды, чтобы ЭВМ выдала ответ — на панели замигал ряд из пяти зеленых лампочек. Капитан подошел к телетайпу и прочитал:

Все цепи функционируют в пределах допустимых характеристик

Теперь он был удовлетворен. Не мог же он знать, хоть и стоял у телетайпа, что неисправность есть, только не электронная, а чисто механическая, какую не выразишь никакими проверочными программами. Неисправность таилась в самом телетайпе: от края рулона оторвалась полоска бумаги и, загнувшись вверх, засела между звонком и молоточком. Звонок, естественно, не звонил и поступление сообщений по секретной линии Министерства обороны не регистрировал.

Подобной мелочи не могли обнаружить ни человек, ни машина.

18

Совещание в полдень

По инструкции через каждые двенадцать часов группе полагалось проводить краткие совещания, подытоживать полученные результаты, намечать очередные задачи. Ради экономии времени совещания проводились в комнате, примыкающей к кафетерия: обмениваясь мнениями, можно заодно и поест.

Холл явился последним. Он опустился в кресло и обнаружил перед собой завтрак — два стакана жидкости и три разноцветные таблетки — и успел услышать, как Стоун предоставил слово Бертону.

Тяжело распрямившись, Бертон начал медленно, каким-то неуверенным голосом докладывать о проведенных экспериментах. Он объявил прежде всего, что установлен размер безвредного агента — примерно один микрон. Стоун и Ливитт переглянулись: виденные ими зеленые пятнышки были гораздо крупнее; значит, для

передачи инфекции достаточно микроскопической доли зеленой крапинки.

Затем Бертон рассказал коллегам о том, как он выяснил, что инфекция передается по воздуху и что свертывание начинается в легких, и в заключение описал свои попытки применить антикоагуляционную терапию.

— А вскрытие? — спросил Стоун. — Что показало вскрытие?

— Ничего нового. Кровь свернулась во всей кровеносной системе. Других заметных отклонений от нормы не обнаружено, по крайней мере на уровне оптических наблюдений...

— И свертывание начинается в легких?

— Да. По-видимому, там микроорганизмы переходят в кровь или выделяют токсин, переходящий в кровь. Более определенно можно будет ответить, исследовав окрашенные срезы. В частности, мы будем искать поражение стенок сосудов, поскольку при этом выделяются тканевые тромбопласты и стимулируется свертывание у места поражения.

Стоун кивнул и повернулся к Холлу. Тот сообщил об анализе, взятых у обоих пациентов, сказал, что у младенца все показатели в норме, а у Джексона — кровоточащая язва желудка и ему производится переливание крови.

— Он пришел в себя, и мы немножко поговорили...

Все оживились.

— Мистер Джексон — взбалмошный старый осел шестидесяти девяти лет от роду. Язва у него уже два года. Дважды, в позапрошлом и прошлом году, было кровотечение. Оба раза его предупреждали, чтоб он изменил свои привычки, но он продолжал жить по-старому, и кровотечение возобновлялось. Ко времени пидмонтской трагедии он лечился по собственному рецепту — принимал ежедневно пузырек аспирина и запивал его денатуратом. Говорит, что от этого возникала небольшая одышка...

— И чудовищный ацидоз, — вставил Бертон.

— Совершенно верно.

Метиловый спирт в организме превращается в формальдегид и муравьиную кислоту. Это означает, что в сочетании с аспирином Джексон потреблял огромное количество кислот. А организм должен поддерживать довольно точное кислотно-щелочное равновесие, иначе наступит смерть. Один из способов поддерживать такое равновесие — учащенно дышать, выводя из легких как

можно больше углекислого газа и тем самым снижая содержание углекислоты в крови.

— Быть может, это кислота и защитила его от инфекции? — спросил Стоун.

Холл пожал плечами:

— Пока сказать трудно...

— А как младенец? — спросил Ливитт. — Малокровия нет?

— Нет, — ответил Холл. — Но, с другой стороны, мы не можем быть уверены, что младенец выжил благодаря тому же защитному механизму. А может, его спасло что-нибудь другое?

— Как у него кислотно-щелочное равновесие?

— Нормальное. Совершенно нормальное. По крайней мере сейчас.

Наступила пауза. Наконец Стоун сказал:

— Ну что же, у вас есть, пожалуй, кое-что обещающее. Задача остается прежняя — определить, что общего между ребенком и стариком. Может статься, действительно, что и вовсе ничего. Но для начала мы вынуждены исходить из предположения, что их спас одним и тем же способом один и тот же механизм.

Холл кивнул.

— А теперь расскажите нам, что вы нашли в капсуле, — обратился к Стоуну Бертон.

— Лучше мы вам покажем.

— Что покажете?

— А этот самый микроорганизм, — сказал Стоун.

На двери было написано: «Морфология». Комната за дверью была разделена на кабинет для экспериментаторов и изолированную камеру за стеклянной стеной. При помощи специальных перчаток экспериментаторы могли работать с приборами в камере.

Стоун показал на стеклянную чашечку с крошечной черной песчинкой посередине.

— Вот это, как мы полагаем, наш «метеорит». На его поверхности мы обнаружили нечто, по-видимому, живое. Кроме того, на внутренней поверхности контейнера имеются зоны с определенными признаками жизни. Мы перенесли «метеорит» сюда, чтобы рассмотреть его под оптическим микроскопом...

Засунув руки в перчатки, Стоун установил чашку в нишу большого хромированного ящика, потом высвободил руки.

— Этот ящик,— пояснил он,— в сущности, обыкновенный микроскоп, оборудованный обычными увеличительными и разрешающими устройствами. Здесь достигается тысячекратное увеличение и изображение проектируется на этот экран...

Ливитт взялся за ручки управления. Холл и все остальные не сводили глаз с экрана.

— Десятикратное...

Холл увидел, что поверхность образца тускло-черноватая, иззубренная. Стоун обратил внимание всех на зеленые крапинки.

— Стократное...

Теперь зеленые крапинки стали крупнее и гораздо четче.

— Видимо, это и есть наш организм. Мы наблюдали, как он растет: из зеленого становится фиолетовым, вероятно, в момент клеточного деления...

— Спектральный сдвиг?

— Что-то в этом роде.

— Тысячекратное,— сказал Ливитт.

Экран целиком заполнило одно зеленое пятно, лежащее во впадине между острыми зубцами. Холл обратил внимание на то, что поверхность пятна гладкая и блестящая, почти маслянистая.

— Думаете, это бактериальная колония?

— Вряд ли колония в обычном нашем понимании,— ответил Стоун.— Пока мы не узнали об опытах Бертона, мы вообще не думали, что это колония. Полагали, что наблюдаем, возможно, единый организм. Но размер отдельной частицы должен быть порядка одного микрона; пятно слишком велико. Значит, здесь мы видим более сложную структуру — колонию или что-нибудь в этом роде...

На глазах у них пятно стало фиолетовым, затем опять позеленело.

— Деление продолжается,— сказал Стоун.— Превосходно.

Ливитт включил кинокамеры.

— Теперь смотрите внимательно.

тэ

Пятно вновь сделалось фиолетовым и некоторое время сохраняло свой цвет. Казалось, оно слегка раздалось и в какую-то долю секунды распалось на шестиугольные дольки, наподобие кафельных плиток.

— Видели?

— Оно вроде бы распадается...

— На шестиугольники.

— Я вот что думаю,— сказал Стоун,— а может, эти шестиугольники и есть единичные организмы...

— И еще интересно, сохраняют ли они свою правильную геометрическую форму постоянно или она возникает только во время деления?..

— Под электронным микроскопом узнаем больше.— Струн повернулся к Бертону.— Вы закончили вскрытия?

— Да.

— Умеете работать со спектрометром?

— Думаю, что сумею.

— Тогда приступайте. Задача нетрудная — спектрометр работает в блоке с ЭВМ. Нужен анализ как самой породы, так и зеленого пятна...

— Образец вы дадите?

— Дам.— И к Ливитту: — Вы знакомы с аминокислотным анализом?

— Конечно.

— Такие же образцы исследуйте на аминокислоты.

— И провести фракционирование?

— Пожалуй,— согласился Стоун.— Только это придется делать вручную...

Ливитт не возражал. Стоун снова всунул руки в перчатки и, вынув чашечку из-под микроскопа, перенес ее к небольшому прибору, похожему на миниатюрный эшафот. Это был аппарат для микрохирургии.

Микрохирургия — относительно новый метод в биологии; в сущности, это искусство проведения тончайших операций на единичной клетке. Применяя микрохирургическую технику, биолог может удалить из клетки ядро или часть протоплазмы так же чисто и аккуратно, как хирург производит ампутацию. Прибор сконструирован таким образом, что движение руки с помощью ряда передач и сервомеханизмов превращается в тончайшее микродвижение скальпеля; вы шевелите пальцем, а нож перемещается на миллионную долю сантиметра.

Глядя в увеличивающий видеонистатель, Стоун начал осторожно долбить песчинку. Отколов от нее две частички, разложил их по отдельным чашечкам и отставил в сторону. Затем принялся отбивать два крохотных кусочка от зеленого пятна. Зеленое тотчас же стало фиолетовым и выросло в размерах.

— А ему не нравится,— хохотнул Ливитт.

Стоун нахмурился.

— Занятно. Как вы думаете, это неспецифическая реакция роста или же реакция трофическая — на повреждение и облучение?

— Я думаю,— ответил Ливитт,— пятно попросту не любит, чтобы его ковыряли...

— Продолжим,— только и сказал Стоун.

19

Катастрофа

Этот телефонный звонок обрушился на Артура Мэнчика, как кошмар. Мэнчик был уже дома, только что пообедал и присел почитать газеты — последние два дня, в тех пор как заварилась эта история с Пидмонтом, ему стало просто не до газет. Когда зазвонил телефон, он решил: звонят жене. Но она пришла за ним в гостиную со словами:

— Это тебя. С базы.

Он взял трубку со смутным чувством тревоги.

— Майор Мэнчик слушает.

— Говорит полковник Бернс из подразделения восемь...

Подразделение восемь ведало в Ванденберге засекречиванием и допусками, выдавало разрешения на вход и выход с базы, а кроме того, прослушивало все телефонные разговоры.

— Что скажете, полковник?

— Вы состоите в списке лиц, которых приказано оповещать в случае некоторых ЧП...— Бернс говорил осторожно и выбирал слова, памятуя, что звонит по открытой линии.— Сорок две минуты назад в районе Биг-Хед, штат Юта, разбился учебно-тренировочный самолет...

Мэнчик нахмурился. С чего это вдруг понадобилось оповещать его об аварии обычного учебного самолета? Это вовсе не его печаль.

— Какой самолет?

— «Фантом». Следовал из Сан-Франциско на Топпику...

— Ясно,— ответил Мэнчик, хотя ему не было ясно ровным счетом ничего.

— Годдард потребовал сообщить вам об этом, чтобы вы могли присоединиться к комиссии по расследованию...

— Годдард? А причем тут Годдард?

Какое-то время Мэнчик сидел, тупо глядя на заголовок в газете «Угроза нового кризиса в Берлине» и

полагая, что полковник имеет в виду Льюиса Годдарда, начальника шифровального отдела базы. Потом он сообразил, что речь идет о Годдардском космическом центре близ Вашингтона. Среди многих задач, которыми занимался этот центр, была и координация некоторых специальных программ, находящихся в одновременном ведении Хьюстона и центральных правительственных учреждений.

— Дело в том,— продолжал Бернс,— что через сорок минут после вылета из Сан-Франциско самолет отклонился от курса и прошел над районом ЛП...

Мэнчик почувствовал, как что-то в нем словно за-
тормаживается. Им овладела сонливость.

— Над районом ЛП?

— Так точно.

— Когда?

— За двадцать минут до катастрофы.

— На какой высоте?

— Шесть тысяч девятьсот метров.

— Когда выезжает комиссия?

— Через полчаса. С базы.

— Хорошо,— сказал Мэнчик.— Буду.

Он повесил трубку и еще раз поглядел на телефон. Как он устал! Больше всего ему сейчас хотелось бы лечь спать. Район ЛП — так условились называть оцепленный район Пидмонта. «Надо было сбросить бомбу,— подумал он.— Надо было сбросить ее сразу же, еще вчера утром»...

Ему стало не по себе уже в тот момент, когда его уведомили о решении отсрочить применение директивы 7-12. Но он не имел права лезть со своим мнением и ждал, когда же группа «Лесной пожар», теперь уже собравшаяся в подземной лаборатории, опротестует решение Вашингтона. Ждал напрасно. А ведь сообщение им передали. Он сам, своими глазами видел телеграмму, адресованную всем закрытым подразделениям, там было сказано об этом недвусмысленно.

Но «Лесной пожар» почему-то не протестовал. Он вообще никак не прореагировал на телеграмму.

Странно. Очень странно.

А теперь эта катастрофа. Он разжег трубку и, посаывая ее, размышлял о том, что бы это могло означать. Конечно, скорее всего какой-нибудь стажер замечтался, сбился с курса, а потом испугался и полностью потерял контроль над машиной. Такое случалось и раньше, сотни раз случалось. Комиссия по расследованию причин ава-

рии, выезжая на место, давала обычно заключение, что авария произошла «вследствие отказа одной из систем» — принятый у военных уклончивый оборот речи, означающий, в сущности, аварию по неизвестным причинам. Формулировка не признавала никакой разницы между неисправностью самой машины и ошибкой в действиях летчика, но ни для кого не было секретом, что виноват был, как правило, летчик. Человек не имеет права грезить, управляя сложнейшей машиной на скорости три тысячи километров в час. Статистика неопровержимо свидетельствовала: хотя полеты после краткосрочного отпуска или воскресного увольнения из части составляли лишь 9 процентов всех полетов, на них падало 27 процентов летных происшествий.

Трубка у Мэнчика погасла. Он встал, уронил газету и направился на кухню сообщить жене, что уезжает.

— Тут только фильмы снимать, — заметил кто-то, глядя на крутые песчаные утесы, ярко-красные на фоне сгущающейся синевы неба. Собственно, так оно и было — многие фильмы снимались здесь, в этом районе Юты. Однако Мэнчику было не до кино. Расположившись на заднем сиденье лимузина, отъезжающего от аэропорта Юта, он пытался осмыслить то, что ему сообщили.

Во время перелета с базы Ванденберг комиссия прослушала запись радиопереговоров «Фантома» с землей. Большая часть пленки не представляла интереса, за исключением нескольких последних секунд перед катастрофой.

— Что-то не в порядке, — сказал пилот. И через секунду: — Воздушный шланг расплзается. Наверно, от вибрации. Рассыпается в пыль... — И еще секунд через десять слабый, затухающий голос: — Все, что есть в кабине резинового, все — в пыль...

И передача оборвалась.

В мозгу Мэнчика все звучали эти короткие фразы, и они казались ему все более странными и страшными.

Он выглянул в окно, посмотрел на пробегающие мимо скалы. Солнце садилось, и только вершины были освещены угасающим красноватым светом; долины уже окутывал мрак. Мэнчик поглядел на идущую впереди другую машину с членами комиссии, на маленькое облачко пыли позади нее.

— Я раньше очень любил вестерны, — сказал кто-то

рядом.— Их снимали именно здесь. Красивейшая местность...

Мэнчик хмуро молчал. Его всегда удвляло, как могут люди тратить время на пустую болтовню. Наверное, они просто хотят убежать от реальности.

А реальность была жестокой. «Фантом» сбился с курса и залетел довольно далеко в запретную зону — прошло шесть минут, прежде чем пилот опомнился и повернул обратно на север. Однако именно над зоной самолет начал терять устойчивость. И вскоре разбился.

— На базу «Лесной пожар» сообщили? — осведомился Мэнчик.

Один из членов комиссии, психиатр (в комиссию по расследованию аварий обязательно включали как минимум одного психиатра), спросил:

— Вы про бактериологов?

— Именно.

— Сообщили, — ответил кто-то. — Час назад передали по шифрованной связи.

«Теперь-то, — подумал Мэнчик, — они откликнутся. Такое происшествие — тут уж нельзя отмолчаться».

Если только... если они вообще читают телеграммы. Раньше это не приходило ему в голову, а ведь вполне возможно, что они не читают никаких сообщений. Так заняты своим делом, что им не до телеграмм.

— Вон обломки, — сказал кто-то. — Вон, впереди...

Всякий раз, когда Мэнчику доводилось попадать на место аварии самолета, он изумлялся. Трудно было отождествить разбросанные там и сям обломки с могучей машиной, несшейся со скоростью несколько тысяч километров в час. Мэнчик всегда ожидал увидеть аккуратную плотную грудку металла, но ни разу не видел ничего похожего.

Обломки «Фантома» разлетелись по пустыне на площади пять квадратных километров. Стоя у обуглившегося остова левого крыла, Мэнчик еле видел где-то вдалеке остальных членов комиссии, собравшихся около правого крыла. Повсюду валялись куски почерневшего, искореженного металла с облезшей краской. На одном из обломков ясно читалась частица какой-то предупредительной надписи: «Не...» Остальное не сохранилось.

Установить причину аварии по обломкам было попросту невозможно. Фюзеляж, кабина, фонарь рассу-

пались на миллион мелких кусков, огонь довершил разрушение.

Солнце уже садилось, когда Мэнчик остановился у обломков хвостового оперения. Металл все еще излучал тепло, какие-то детали дымились. И тут у самых своих ног, в песке майор заметил полузасыпанную кость. Он поднял ее и, к ужасу своему, понял, что кость человеческая. Довольно длинная, надломленная, обугленная с одного конца, очевидно, кость руки или ноги. И при этом до странности чистая — ни следа мягких тканей, совершенно гладкая кость...

Стемнело. Члены комиссии вытащили фонари и ходили среди еще дымящегося металла, разбрасывая вокруг желтые пятна света.

Было уже совсем темно, когда к Мэнчику подошел биохимик — майор не знал даже его фамилии.

— Понимаете, — сказал биохимик, — эти слова пилота, что резина рассыпается в пыль...

— А что такого?

— Да ведь на «Фантоме» нет резины. Только синтетика. Полимеры. Последняя новинка фирмы «Анкро», предмет их особой гордости. У этого полимера есть характеристики, общие с человеческими тканями. Очень эластичный, множество областей применения...

— А полимер не мог рассыпаться от вибрации?

— Ну уж нет, — сказал биохимик. — Тысячи «Фантомов» летают по всему миру. На всех один и тот же пластик. А такого еще не случалось ни разу...

— И что из того?

— А то, что я ни черта не понимаю...

20

Будни

Мало-помалу в лаборатории «Лесной пожар» установилась будничная обстановка, в подземных казематах сложился свой особый ритм работы, не различающий ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера. Люди ложились спать, когда уставали, вставали, когда чувствовали себя отдохнувшими, и продолжали выполнять каждый свое дело.

Большая часть их работы не давала никаких ощутимых результатов. Они были готовы к этому и воспри-

нимали все как должное. Стоун любил повторять, что научные исследования похожи на геологическую разведку: выходишь в поиск и рыщешь, вооруженный картами и приборами, но в конечном счете ни приготовления, ни даже интуиция ничего не значат — нужна удача. И если усердие вознаграждается, то лишь ценой кропотливого, упорного, тяжелого труда.

В лаборатории, где теперь распоряжался Бертон, наряду со спектрометром стояла аппаратура для анализа на радиоактивность, для термоэлектрического и рентгенокристаллографического анализов.

Спектрометр, установленный на пятом уровне, представлял собой стандартную модель «К-5» фирмы «Уиттингтон» и состоял, как и все спектрометры, в основном из испарителя, призмы и экрана для наблюдения. Материал, предназначенный для анализа, помещается в испаритель и сжигается. Свет от пламени пропускается сквозь призму, и образующийся спектр проецируется на экран. Так как при горении различные элементы излучают световые волны различной длины, то по световому спектру данного вещества можно судить о его химическом составе.

Теоретически все просто, однако на практике чтение спектрограмм — работа сложная и трудная. Настоящих специалистов по этой части в лаборатории «Лесной пожар» не было, поэтому результаты спектрометрии вводились непосредственно в ЭВМ, а она выдавала анализ, и притом даже с примерным содержанием элементов в процентах.

Бертон установил в испарителе первый образец, взятый с черной песчинки, и нажал кнопку. На мгновение вспыхнул нестерпимо яркий свет, Бертон отвернулся, щадя глаза, затем проделал все сызнова с другим контрольным образцом. Он знал — ЭВМ уже начала анализ излучения первой вспышки.

Повторив все процедуры с пробой зеленого пятна еще раз, Бертон засекал время. Теперь ЭВМ, по-видимому, приступает к «просмотру» самопроявляющихся фотопластинок — они подготавливаются за несколько секунд. Само исследование, однако, займет часа два, не меньше — электрический глаз считывает спектральные линии очень неторопливо. Зато по окончании считывания ЭВМ проделает анализ и выдаст печатные данные за пять секунд.

Стенные часы показывали 15.00. Три часа пополудни. Он вдруг почувствовал сильную усталость. Отстучав приказ разбудить его, как только будет готов анализ, он отправился спать.

В одной из соседних лабораторий Ливитт осторожно вкладывал такие же образцы в другой аппарат — автоматический анализатор аминокислот — и улыбался, припоминая, как хлопотно это было раньше, без автоматики. В начале 50-х годов анализ аминокислотного состава белков требовал недель и даже месяцев, а иногда и лет. Сегодня анализ будет готов через несколько часов, самое большее через сутки...

Аминокислоты — строительный материал белков. Известно двадцать четыре аминокислоты, и все состоят из различных сочетаний одних и тех же элементов — углерода, водорода, кислорода и азота. В белках они соединены между собой в цепочку, словно товарный поезд. Все белки сформированы из одних и тех же «вагонов», из одних и тех же аминокислот; вид белка — будет ли это инсулин, гемоглобин или гормон роста — определяется лишь порядком их взаимного расположения. В одних белках больше «вагонов» определенного типа, в других меньше или же «вагоны» расположены в ином порядке. Но сами «вагоны» — аминокислоты — одни и те же в белках всех живых существ, от человека до блохи.

Без малого двадцать лет потребовалось на то, чтобы установить этот факт.

Но что же управляет порядком расположения аминокислот в составе белка? Оказалось — ДНК, носитель генетического кода, своего рода диспетчер на сортировочной станции.

На то, чтобы установить этот факт, понадобилось еще двадцать лет.

Нужно добавить, что цепочка аминокислот, едва возникнув, начинает скручиваться, свертываться в спираль; цепочка становится похожей скорее на змею, чем на поезд. Характер спирали определяется порядком аминокислот и весьма специфичен: молекула данного конкретного белка может быть свернута только одним определенным образом, иначе белок будет нежизнеспособен.

Еще десять лет.

«Ну, не странно ли? — подумал Ливитт. — Сотни институтов, тысячи ученых во всем мире потратили годы

и десятилетия упорного труда, чтобы установить такие, в сущности, простые факты...»

А теперь изобретена эта машина. Конечно, автомат не устанавливает точного взаиморасположения аминокислот. Зато он дает приближенное содержание их в процентах: столько-то валина, аргинина, цистина, пролина, лейцина. И такие данные несут в себе огромную информацию.

Правда, на сей раз анализатор — выстрел наугад, вслепую. Ведь нет ровным счетом никаких оснований полагать, что черное вещество или зеленый организм состоят хотя бы частично из белков. Да, на Земле всё живое построено из белков, но разве отсюда следует, что эта закономерность распространяется и на внеземные формы жизни?

Ливитт попытался представить себе безбелковую жизнь. Это было трудно, почти невозможно: на Земле белки входят в состав клеточных оболочек, в состав всех известных ферментов. А жизнь без ферментов — возможна ли она? Он припомнил реплику английского биохимика Джорджа Томпсона, который назвал ферменты «сватами жизни». И не преувеличил: ферменты служат катализаторами при всех химических реакциях — именно на поверхности фермента две молекулы встречаются и вступают в реакцию. Существуют сотни тысяч, а быть может, и миллионы ферментов — и каждый способствует одной-единственной, строго определенной реакции. Без ферментов не может быть реакции. Без реакции не может быть жизни.

А что, если может?..

Проблема эта не нова. Еще на самой ранней стадии подготовки программы «Лесной пожар» был поставлен вопрос: как подходить к изучению форм жизни, совершенно не похожих на земные? Как вообще узнать, жизнь это или не жизнь?

Ответ был необходим не ради академического интереса. Джордж Уолд указывал, что биология — наука уникальная в том смысле, что она никак не может определить свой предмет. Ведь до сих пор никто не сумел предложить исчерпывающего определения жизни. По существу, никто и не знает, что такое жизнь. Все прежние формулы — материя, обладающая свойствами потребления пищи, обмена веществ, извержения отходов, воспроизводства и т. д., — явно недостаточны, поскольку всегда можно найти исключения из правил.

В конце концов группа «Лесной пожар» пришла к

выводу, что отличительным признаком жизни является превращение энергии. Все живые организмы так или иначе поглощают энергию — в виде пищи или солнечного света, — превращают в другую форму и затем используют ее. (Вирусы составляют исключение из этого правила, но участники группы были склонны не относить вирусы к числу живых организмов.)

Ливитта попросили опровергнуть это «энергетическое» определение. Неделью он размышлял, а затем явился на совещание с тремя предметами — отрезком черной ткани, наручными часами и куском гранита. Выставил их на обозрение коллег и сказал:

— Господа, перед вами три живых существа...

И предложил группе опровергнуть это утверждение.

Он положил черную ткань на солнце — она нагрелась. «Вот, — объявил он, — пример превращения энергии: световой в тепловую». Ему возразили, что здесь имеет место пассивное поглощение энергии, а вовсе не превращение. Если даже и считать поглощение превращением, оно не целенаправленно, не обеспечивает выполнения какой-либо жизненной функции.

— А откуда вы это знаете? — спросил Ливитт.

Следующим «живым» объектом были часы. Ливитт указал на светящийся циферблат: происходит радиоактивный распад, излучается свет. Остальные заговорили наперебой, что это всего лишь выделение потенциальной энергии неустойчивых электронных оболочек. Однако замешательство нарастало — аргументы Ливитта достигали своей цели.

Наконец они перешли к граниту.

— Он живой, — заявил Ливитт. — Он дышит, ходит и говорит. Только мы не замечаем этого, потому что все это происходит слишком медленно. Камень живет три миллиарда лет, мы — шестьдесят — семьдесят. Мы не в состоянии заметить, что происходит с этим камнем, по той же причине, по какой были бы не в силах распознать мелодию на пластинке, вращающейся со скоростью один оборот в столетие. А камень, со своей стороны, и не подозревает о нашем существовании, ибо для него наша жизнь длится долю мгновения. Для него мы не более чем искры в ночи.

И он поднял вверх свою руку с часами.

Точка зрения Ливитта была ясна. Пришлось участникам группы пересмотреть один из основополагающих пунктов своей теоретической позиции. Пришлось согласиться, что возможен и такой случай, когда они не су-

меют проанализировать какие-то формы жизни. Не сумеют продвинуться ни на шаг, не сумеют даже изыскать метод подхода к их анализу.

Ливитта, однако, волновал еще более общий вопрос — о принципах действий в условиях неопределенности. Он внимательно перечитал книгу Толберта Грегсона «Планирование непланируемого», изучил сложные математические модели, разработанные автором для анализа этой проблемы.

У Грегсона сказано:

«Все решения, включающие в себя элемент неопределенности, делятся на две резко очерченные группы в зависимости от того, можно ли предвидеть последствия этих решений. Очевидно, решения, влекущие за собой непредвидимые последствия, принимать неизмеримо сложнее.

Большинство решений, в том числе почти все решения, касающиеся человеческих взаимоотношений, могут быть воспроизведены моделью с предвидимыми последствиями. Например, президент может объявить войну, бизнесмен — продать свое дело, муж — развестись с женой. Любое такое действие вызовет некоторые последствия; количество возможных последствий бесконечно, однако количество вероятных последствий достаточно невелико. Перед тем как принять решение, человек может взвесить его последствия и таким образом более успешно оценить свои первоначальные намерения.

Однако существует и категория решений, которые нельзя оценить на основании анализа их последствий. К этой категории относятся решения, связанные с абсолютно непредвиденными событиями и ситуациями, причем не только с катастрофами разного рода, но и с редкостными мгновениями озарений и внезапных открытий, таких, как лазер и пенициллин. Поскольку подобные события не могут быть предвидимы, они не поддаются никакому логическому планированию. Математический аппарат тут совершенно непригоден.

Мы можем лишь утешать себя мыслью, что в обыденной жизни такие события, к лучшему или к худшему, необыкновенно редки.

Чрезвычайно бережно Джереми Стоун опустил крохотную зеленую частичку на расплавленную пластмассу. Потом подождал, пока частичка полностью не погрузилась в пластмассовую ванночку, размером и формой напоминавшую медицинскую облатку, залил поверх нее еще один слой пластмассы и перенес «облатку» в термостат.

Стоун завидовал другим членам группы, в чьем расположении было множество автоматических помощников. Подготовка образцов для электронной микроскопии все еще оставалась делом настолько тонким, что непременно требовала умелых человеческих рук. Подготовка хорошего образца требовала тончайшего мастерства, не меньшего, чем, скажем, ремесло ювелира, и для овладения этим мастерством нужно учиться почти так же долго. Стоуну, чтобы достичь известной степени совершенства, понадобилось пять лет.

Пластмассовая «облатка» выдерживалась в специальном скоростном термостате, и все же нужно было ждать пять часов, чтобы она затвердела до надлежащей консистенции. В термостате поддерживалась постоянная температура $+61^{\circ}\text{C}$ при относительной влажности 10 %. Когда пластик затвердеет, Стоун сможет убрать верхний слой и срезать микротомом пластинку зелени круглой формы и строго определенной толщины — не более 1500 ангстрем. После этого можно будет рассмотреть зеленое вещество под электронным микроскопом при увеличении в 60 тысяч раз.

«Вот это будет интересно», — подумал Стоун.

В целом, по мнению Стоуна, дела у них шли неплохо. Группа быстро продвигается одновременно по нескольким направлениям, сулящим успех. И самое главное — у них теперь сколько угодно времени. Нет ни спешки, ни паники, ни оснований для страхов. На Пидмонт сброшена бомба. Микроорганизмы, какие имелись в воздухе, уничтожены, источник инфекции нейтрализован. Единственная точка, откуда могла бы распространиться инфекция, — «Лесной пожар», но «Лесной пожар» построен с тем расчетом, чтобы именно этого и не допустить. При малейшем повреждении изоляции хотя бы в одной из лабораторий зараженная зона будет автоматически отсечена. За полсекунды закроются герметические двери, и соответственно изменится внутренняя планировка всего сооружения.

Опыт других лабораторий, работающих в условиях так называемых аксеничных атмосфер, полностью сво-

бодных от любых микробов, учил, что вероятность заражения составляет 15 %. Причины тут различны, по большей части конструктивного характера — прорыв герметизирующей прокладки, порез перчатки, нарушение шва, но, так или иначе, случаи прорыва инфекции имели место.

База «Лесной пожар» была готова к таким случайностям. По всей вероятности, никаких случайностей и не будет. А если так, то знай себе работай — работай столько, сколько понадобится: месяц и даже год. Предусмотрено все, беспокоиться просто не о чем...

Холл бродил по коридору, присматриваясь к командным подстанциям ядерного устройства и стараясь запомнить их расположение. На уровне таких подстанций было пять — одинаковые серебристые коробочки размером с пачку сигарет, размещенные с интервалами вдоль главного коридора. На каждой коробочке имелась прорезь для ключа и две лампочки — зеленая и красная. Зеленая горела.

Принцип работы подстанций Холл узнал из объяснений Бертона.

— Во всех лабораториях и во всех вентиляционных каналах закреплены датчики. Они проверяют стерильность воздуха посредством различных химических и электронных определителей и прямых биоанализаторов. Биоанализаторы — это живые мыши, у которых постоянно регистрируется пульс. Если хоть один датчик подает сигнал о заражении воздуха, данная лаборатория автоматически изолируется. Если заражение охватит весь уровень, сработает механизм ядерного устройства. Зеленая лампочка погаснет, начнет мигать красная. Это означает, что до взрыва осталось три минуты. Если вы не вставите и не повернете свой ключ, по истечении трех минут ядерный заряд взорвется.

— И вставить ключ должен именно я?

— Именно вы. В замок вмонтирован приборчик, записывающий емкостные характеристики человека, вставившего ключ. Замок реагирует на общие размеры тела, в особенности на вес и солевой состав пота. В общем распоряжаться ключом можете только вы и никто другой.

— Значит, как ни крути, а я единственный?..

— Единственный. И у вас единственный ключ. Но есть еще один осложняющий момент. Строители допу-

стили отклонение от проекта. Когда весь комплекс был уже готов и ядерное устройство смонтировано, мы обнаружили, что на уровне недостает трех подстанций. Их установили только пять вместо восьми.

— И что из этого следует?

— А то, что если на уровне начнется утечка, вы должны бегом бежать к ближайшей подстанции. Иначе может получиться так, что вы будете изолированы в секторе, где нет подстанции. И, если какой-нибудь из бактериологических датчиков выйдет из строя и подаст ложный сигнал тревоги, комплекс взлетит на воздух без всяких на то причин...

— Довольно серьезное упущение...

— Видите ли, — сказал Бертон, — три недостающие подстанции должны установить в марте. Но пока еще февраль, так что нам от этого не легче. Вы только не забывайте: чуть что — к ближайшей подстанции, и все будет в порядке.

Ливитт мгновенно проснулся, выкатился из кровати и принялся одеваться. Он был возбужден — ему пришла в голову мысль; занятная мысль, дикая, сумасшедшая, но чертовски занятная...

Пришла эта мысль во сне.

А снился ему дом и вокруг дома город, огромный, многоэтажный, опутанный магистралями город. В доме жил человек, жил со своей семьей; работал он в городе и ездил по городу, двигался туда и сюда, делал что-то — и что-то получал взамен.

А потом, во сне, город вдруг исчез. Остался только дом. И как все изменилось! Один-единственный дом, сам по себе, лишенный всяких связей с внешним миром, лишенный воды, канализации, электричества. Даже улица, на которой стоял дом, и та исчезла. Семья осталась без магазинов, без школ и аптек. И глава семьи, работавший в городе, связанный как-то со всеми другими в городе, тоже остался сам по себе, один...

Дом переродился, стал качественно иным организмом. Отсюда до организма, изолированного в лаборатории, — всего один шаг. Скачок воображения, и...

Надо будет обсудить это со Стоуном. Стоун, конечно, рассмеется — он всегда смеется, — но и задумается. Ливитт знал, что некоторым образом играет роль возмутителя спокойствия, поставщика идей для всей группы

в целом. Самых невероятных и неприемлемых, зато новых идей.

Ну что ж, по меньшей мере Стоун заинтересуется.

Ливитт посмотрел на часы. 22.00. Скоро полночь. Быстрее одеваться! Он достал новенький бумажный комбинезон и сунул в него ноги. Комбинезон на ощупь был прохладным.

И вдруг стал теплым. Странная смена ощущений. Он натянул его, встал, застегнул молнию. Уходя, снова бросил взгляд на часы.

22.10.

О Боже! Опять... Опять это случилось. На этот раз целых десять минут. Что же с ним было? Он ничего не мог припомнить. Десять минут, целых десять минут ушли, улетучились, пока он одевался, а одевание не могло, не должно было занять более тридцати секунд...

Он снова сел на кровать и попытался вспомнить, что же произошло, но не мог.

Целых десять минут...

Это страшно. Он-то надеялся, что это никогда не повторится, и вот повторилось. Уже несколько месяцев с ним ничего подобного не было и опять. Из-за волнения, из-за ломки режима, из-за нарушенного распорядка дня началось опять...

На миг подумалось: надо бы рассказать коллегам. Да нет, обойдется. Больше не повторится. Все будет хорошо...

Он встал. Он ведь собирался пойти к Стоуну, чтобы обсудить что-то. Что-то важное, очень важное.

Он постоял.

Нет, забыл.

Мысль, образ, волнение, вызванное образом,— все исчезло. Стерлось из памяти. Улетучилось без следа...

Разумеется, надо бы сказать Стоуну, признаться во всем. Но ведь ясно, что ответит и что сделает Стоун. А что это будет означать для него, для Ливитта! Достаточно кому-нибудь узнать — и все переменится. ~~С~~ «Лесным пожаром» придется расстаться. Он никогда уже не вернется к нормальной жизни — придется бросить работу, поломать все свои привычки, бесконечно к чему-то приспосабливаться. Даже машину водить и то нельзя будет...

Нет, решил он. Ничего он никому не скажет. И все обойдется. Только не надо смотреть на мигающие огни.

Джереми Стоун очень устал, но чувствовал, что заснуть все равно не сможет. Он шагал взад и вперед по коридорам и думал. Ему никак не давали покоя эти птицы в Пидмонте. Он мысленно проследил секунда за секундой все, что было связано с птицами: как они с Бертоном заметили птиц с вертолета, и как отравили их хлоразином, и как те погибли. Мысленно Стоун снова и снова возвращался к впечатлениям вчерашнего утра.

Что-то он упустил, что-то очень существенное. Это беспокоило его уже там, в Пидмонте. Потом пидмонтские сомнения оттеснились, отошли на задний план, но на дневном совещании, когда Холл докладывал о своих пациентах, вспыхнули вновь. Что-то сказанное Холлом, какой-то упомянутый им факт был, неведомо почему, связан с птицами. Но что? Какой факт? Какая именно мысль, какие точно слова навели на ассоциацию?

Стоун тряхнул головой. Никак, ну никак не удалось вспомнить... Нити, связи, ключи — все было где-то тут, у него в голове, но никак, ни за что не желало всплыть на поверхность. Он взялся за голову руками и сдвигал череп изо всех сил, проклиная мозг за упрямство...

Как и многие интеллигенты, Стоун относился к собственному мозгу с известной подозрительностью. Мозг представлялся ему точной и тонкой, но слишком уж капризной машиной. И он не удивлялся, что время от времени эта машина начинает буксовать, хотя страшился таких минут и ненавидел их. В часы мрачных раздумий Стоун вообще уже сомневался в плодотворности всякой мысли и разума как такового. Порой он даже завидовал своим подопытным крысам: их мозг так прост. Во всяком случае, у них никогда не хватит разума, чтобы уничтожить самих себя; до этого мог додуматься только человек...

Стоун часто повторял, что от разума беды куда больше, чем пользы. Разум больше разрушает, чем создает, способен скорее запутать, чем прояснить любую проблему, порождает больше безнадежности, чем удовлетворения, творит больше зла, чем добра.

Временами он сравнивал человека и его гигантский мозг с динозаврами. Любому школьнику известно, что динозавры переросли самих себя, стали такими огромными и тяжелыми, что не смогли выжить. Но никому никогда не приходила в голову мысль: а нет ли некоторой аналогии между динозаврами и человеческим моз-

гом — самой сложной органической структурой из всех известных во Вселенной? А может быть, мозг уже сделал человека своего рода динозавром и в конце концов приведет его к гибели?

Уже сейчас мозг потребляет четверть всей крови организма. Четверть всей крови, перекачиваемой сердцем, идет в мозг — орган, составляющий лишь незначительную часть массы тела. А если мозг станет еще больше, еще совершеннее, то и потреблять он, вероятно, будет еще больше — настолько больше, что, подобно инфекции, обернется против взрастившего его организма и убьет его.

Или — еще того вероятнее — в своей безграничной умудренности мозг изыщет способ уничтожить и себя, и себе подобных. Порой, сидя на совещаниях в госдепартаменте и в Министерстве обороны и оглядывая сидящих вокруг, Стоун видел за столом не людей, а просто дюжину серых, изборожденных извилинами мозгов. Ни плоти, ни крови, ни рук, ни глаз, ни пальцев, ни ртов, ни половых органов — все это лишнее.

Одни мозги. Сидят вокруг стола и размышляют, как перехитрить другие мозги, заседающие за другими столами.

Идиотизм.

Стоун тряхнул головой и подумал, что уподобляется Ливитту с его способностью измышлять сумасшедшие, неправдоподобные схемы. И все же в его построениях была своя логика. Если ты боишься своего мозга и ненавидишь его, то рано или поздно попытаешься уничтожить. И его и ему подобных.

— Я выдохся, — сказал Стоун вслух и взглянул на стенные часы. 23.40. Скоро начало полночного совещания.

21

Совещание в полночь

И вновь они собрались в той же комнате, за тем же столом. Стоун с первого взгляда понял, что все устали. Все, включая его самого, явно недосыпали.

— Мы слишком ретиво взялись, — сказал он. — Нет никакой нужды работать круглые сутки. Переутомление неизбежно порождает ошибки — ошибки в суждениях, ошибки в действиях. Скоро мы начнем ронять приборы, путаться и небрежничать. Будем делать неверные пред-

положения и на их основании строить неверные гипотезы. А на это мы не имеем права...

Группа решила: всем спать не меньше шести часов в сутки. Такое решение представлялось вполне разумным: людям на поверхности ничто не угрожало, опасность распространения инфекции из Пидмонта предотвращена атомной бомбой.

Они, наверно, продолжали бы оставаться в подобном заблуждении, если бы Ливитт не предложил подать заявку на кодовое наименование. Он заявил, что пора дать новооткрытому организму имя, и все остальные согласились с этим.

В углу комнаты стоял телетайп шифрованной связи. Он стучал чуть ли не круглые сутки, печатая сообщения, поступающие извне. Это был аппарат двусторонней связи.

Правда, на эти данные с самого прибытия группы на пятый уровень никто не удосуживался взглянуть. Слишком много было серьезных дел, чтобы еще читать всякую военно-штабную писанину, в большинстве своем никак не касающуюся «Лесного пожара». Депеши шли, поскольку база считалась одной из подстанций сети «Кулер» — чаще эту сеть шутливо именовали «Первой двадцаткой»; эти двадцать подстанций, связанных непосредственно с подвалом Белого дома, были расположены на наиболее важных стратегических объектах, в число которых входили база Ванденберг, мыс Кеннеди, объединенное командование ПВО, «Райт Паттерсон», Форт-Детрик, Вирджиния Ки. И каждый получал все текущие распоряжения и сообщения в виде циркуляторов.

Стоун подошел к телетайпу и отстучал короткую телеграмму. ЭВМ направила ее центральному бюро кодирования, которое устанавливало и регистрировало кодовые наименования для всех мероприятий по объектам, охватываемым системой «Кулер».

Телетайпная лента зафиксировала следующий диалог:

прошу линию для передачи
понято даю линию сообщите откуда

стоун программа лесной пожар
сообщите куда
центральное бюро кодирования
понято бюро кодирования

передаю сообщение
п е р е д а в а й т е
выделен внеземной организм занесенный на зем-
лю спутником скуп семь прошу кодовое наиме-
нование организма
конец сообщения
сообщение передано

Последовала долгая пауза. Телетайп гудел и шелкал,
но ничего не печатал. Потом из него пополз бумажный
рулон:

передаем сообщение центрально-
го бюро кодирования
понято выделен новый организм
просим характеристику
конец сообщения

Стоун нахмурился:

— Но мы же сами еще почти ничего не
знаем...

Телетайп, однако, был нетерпелив:
дайте ответ бюро кодирования
Помедлив, Стоун отстучал:
передаю сообщение центральному бюро кодиро-
вания настоящее время дать характеристику не
могу предлагаю предварительную классифика-
цию как бактериальный штамм
конец сообщения
передаем сообщение центрально-
го бюро кодирования
понято заявка на классификацию
бактерии открывающей
новый раздел классификации со-
ответствии принятой системой
кодовое название организма
андромеда
полное кодовое наименование
штамм андромеда
зарегистрировано каталоге но-
мером 053.9 (неопознанный орга-
низм)
дополнительный номер E 866 (авиа-
ционное происшествие)
такая регистрация наиболее
близка установленным
категориям

Стоун улыбнулся:

— Похоже, мы не очень-то подпадаем под установленные категории...

Он отстучал в ответ:

понято кодовое наименование штамм андромеда
согласны

конец сообщения

сообщение передано

— Ну вот,— сказал Стоун,— так-то...

Бертон тем временем просматривал грудку бумаги за телетайпом. Аппарат печатал свои сообщения на бумажном рулоне, который строка за строкой сползал в ящик. Там лежали десятки метров рулона, которые никто до сих пор еще не видел.

Он пробежал глазами одно из сообщений, оторвал от рулона и передал Стоуну

1134/443/КК/У — U/9

информационное сообщение

всем подразделениям

совершенно секретно

сегодня президент и совет нац-
безопасности — кобра
получили запрос на применение
директивы 7-12

отправитель вандерберг/лесной
пожар подтверждение

наса/медслужба армии передал

запрос майор мэнчик артур

на закрытом заседании директи-
ва в действие не приведена

окончательное решение отложено

срок двадцать четыре до сорока

восьми часов затем повторное

рассмотрение

введен в действие альтернатив-

ный вариант развертывание

войск согласно директиве 7-11

квитанции не требуется

конец сообщения

всем подразделениям

совершенно секретно

конец передачи

Все смотрели на этот листок, не веря своим глазам. Долго никто не мог вымолвить ни слова. Наконец Стоун притронулся к верхней кромке листа и сказал тихо:

— Здесь стоит индекс 443. Значит, передача шла по специальной сети. У нас должен был зазвенеть звонок...

— На этом телетайпе нет звонка,— заметил Литтл.— Звонит только на первом уровне, в пятом секторе. Но они обязаны были сообщить нам...

— Вызовите пятый сектор по внутреннему,— сказал Стоун.

Через десять минут перепуганный сержант-связист соединил Стоуна с Хьюстоном — там находился Робертсон, глава Научного консультативного совета при президенте США.

Разговор продолжался довольно долго. Робертсон прежде всего выразил удивление, что никто из «Лесного пожара» не связался с ним раньше. Потом Стоун, не стесняясь в выражениях, перешел к решению президента не применять директиву 7-12.

— Президент не доверяет ученым,— начал объяснять Робертсон.— Ему с ними как-то не по себе...

— Это ваш долг позаботиться, чтоб ему стало по себе. А вы своего долга не выполняете.

— Но, Джереми...

— Существует всего два источника заражения — Пидмонт и наш комплекс. У нас тут защита надежная, а вот поселок...

— Джереми, я согласен: бомбу следовало сбросить.

— Так убедите его! Сядьте ему на голову! Пусть даст санкцию на применение 7-12, и как можно скорее. Если только уже не слишком поздно...

Робертсон согласился и обещал позвонить еще раз. Уже заканчивая разговор, он спросил:

— Да, а что вы думаете по поводу «Фантома»?

— По поводу чего?..

— «Фантома», который разбился в Юте...

Последовало секундное замешательство — участники группы «Лесной пожар» поняли, что пропустили еще одно важное сообщение.

— Обычный тренировочный полет. Но самолет сбился с курса и прошел под закрытой зоной. В том-то и загвоздка...

— Что еще известно?

— Летчик успел сообщить, что воздушный шланг рассыпается в пыль. Вроде от вибрации или чего-то такого еще. Вообще последние его слова были довольно странные...

— Будто он сошел с ума?

— Похоже.

— Комиссия по расследованию аварии уже на месте?

— Да, и мы ждем от нее сообщений. Вот-вот должны быть.

— Не забудьте передать нам,— сказал Стоун и вдруг запнулся.— Постойте, но если вместо 7-12 дан приказ T-11, значит, Пидмонт оцеплен войсками?

— Да, национальной гвардией.

— Чертовски глупо.

— Послушайте, Джереми, я с вами согласен...

— Когда они начнут умирать, я хочу знать, кто умер и как. А главное, где. Господствующие ветры там с востока. Если начнутся смертные случаи к западу от Пидмонта...

— Я позвоню, я немедленно позвоню, Джереми.

Разговор закончился, и ученые один за другим побрели из комнаты прочь. Холл ненадолго задержался, вытащил смятый рулон из ящика и просмотрел несколько сообщений. Большинство из них было для него совершенно непонятно — какая-то бессмысленная кодированная тарабарщина. И он бросил это безнадежное занятие — бросил, не дойдя немного до перепечатки газетного сообщения о странной смерти полицейского Мартина Уиллиса из дорожной полиции штата Аризона.

День четвертый

ПОЖАР РАЗГОРАЕТСЯ

22

Анализы

Теперь, когда выяснилось, что время не ждет, результаты спектрального и биохимического анализов, представлявшие ранее весьма отдаленный интерес, приобрели первостепенное значение. Группа надеялась, что эти анализы покажут, пусть приблизительно, есть ли

между штаммом «Андромеда» и земными формами жизни хоть какое-нибудь сходство. И так только ЭВМ выдала результаты анализов — колонку цифр на полоске зеленой бумаги, — Ливитт и Бертон немедленно занялись ими.

ДАННЫЕ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ

ОБРАЗЕЦ 1 — ЧЕРНЫЙ ПРЕДМЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРОЦЕНТЫ СОСТАВ

H	He									
21,07	0									
Li	Be	B	C	N	O	F				
0	0	0	54,90	0	18,00	0				
Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl				
0	0	0	00,20	—	01,01	0				
K	Ca	Sc	Ti	V	Cr	Mn	Fe	Co	Ni	
0	0	0	—	—	—	—	—	—	—	
Cu	Zn	Ga	Ge	As	Se	Br				
—	—	0	0	0	00,34	0				

СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НУЛЕВОЕ

ОБРАЗЕЦ 2 — ЗЕЛЕНый ПРЕДМЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРОЦЕНТЫ СОСТАВ

H	He						
27,00	0						
Li	Be	B	C	N	O	F	
0	0	0	45,00	05,00	23,00	0	

СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НУЛЕВОЕ
КОНЕЦ ПРОГРАММЫ
ВЫКЛЮЧЕНО

Результаты были достаточно ясны. Черное вещество содержит водород, углерод и кислород со значительными примесями серы, кремния и селена и следами некоторых других элементов.

Зеленое пятно — водород, углерод, азот и кислород. И ничего больше.

Примечательно было, что черная песчинка и зеленое пятно в общем сходны по химическому составу. Правда, зеленое пятно содержит азот, а песчинка — нет. Вывод очевиден: черная «песчинка» — вовсе не песчинка, а какой-то материал, аналогичный земному органическому веществу, некое подобие пластмассы. А зеленое пятно, по-видимому, живое. Оно содержит элементы приблизительно в том же соотношении, что и земные организмы. Ведь на Земле живые организмы на 99 процентов состоят из этих же четырех элементов — водорода, углерода, азота и кислорода...

Результаты анализа обрадовали ученых. Они свидетельствовали о некоторой общности между зеленым пятном и земной жизнью. Однако, как только группа заглянула в данные аминокислотного анализа, все надежды рухнули.

На полоске бумаги, выданной ЭВМ, аккуратным столбиком стояли названия всех аминокислот и против каждого названия по два нуля — для черного и зеленого «предметов».

— Черт возьми, — сказал Ливитт, уставившись на листок. — Нет, вы только взгляните на это...

— Никаких аминокислот, — сказал Бертон. — Никаких белков...

— Безбелковая жизнь, — добавил Ливитт и покачал головой. Похоже было на то, что подтвердились самые худшие его опасения.

На Земле организмы эволюционировали благодаря тому, что развили способность осуществлять биохимические реакции на малом пространстве с помощью белковых ферментов. Биохимики учатся воспроизводить эти реакции, но только каждую по отдельности, изолируя ее от всех остальных.

В живой клетке все иначе. Внутри нее, на крохотном по объему пространстве одновременно и нераздельно идут реакции, обеспечивающие рост, энергию, движение. Человек не в силах воспроизвести эту нераздельность, как не в силах приготовить полный обед от закуски до десерта, смешав и сварив все ингредиенты в одной кастрюле в надежде, что потом сумеет отделить яблочный пирог от жаркого.

В клетках с помощью ферментов одновременно проходят сотни различных реакций. Каждый фермент — как отдельный работник на кухне, который знает себе делает свое дело: пекарь не возьмется за бифштексы, а шашлычник на своих шампурах не сможет приготовить суп.

Но ферменты исполняют еще и одну общую функцию: они делают возможными химические реакции, которые иначе не возникали бы. Биохимик воспроизводит эти реакции, используя высокую температуру, высокое давление или сильные кислоты. Но человеческий организм или отдельная клетка не могут выдержать таких экстремальных условий. Ферменты, эти «сваты жизни», способствуют возникновению и протеканию реакции при обычной температуре тела и нормальном атмосферном давлении.

Ферменты необходимы для земной жизни. И если какая-то форма жизни научилась обходиться без ферментов, то, значит, и развивалась она совершенно иными путями.

Отсюда следовало, что они имеют теперь дело с совершенно чуждым Земле организмом. А это в свою очередь означало, что и изучение чуждого организма, и поиски способов обезвреживания его продлятся долго, очень долго.

Джереми Стоун работал в морфологической лаборатории. Он вынул маленькую пластмассовую облатку, внутри которой находилась крупца зеленого «пятна», прочно зажал эту облатку в тисочках и с помощью зубо-врачебного бора принялся состругивать слой за слоем, пока не добрался до зелени.

Работа была крайне тонкая и требовала длительного сосредоточенного внимания. В конце концов Стоун обтесал облатку таким образом, что получился пластмассовый конус с зеленой крапичкой на самой вершине. Тогда он разжал тиски и вытащил конус, перенес на микротом и ножом с вращающимся лезвием срезал тоненькие ломтики пластмассы с вкрапленным зеленым существом. Срезы получались круглые; отделяясь от конуса, они падали в чашечку с водой. Толщину среза можно было измерить, наблюдая за отраженным от него светом: если свет серебристый, значит, срез слишком толст. А вот если он отливает всеми цветами радуги, тогда достигнута нужная толщина в пределах нескольких молекул.

Именно такой должна быть толщина среза для исследования под электронным микроскопом.

Выбрав лучший срез, Стоун осторожно поднял его пинцетом и положил на небольшую круглую медную сетку. Затем вставил сетку в плоскую металлическую

капсулу-пуговку, вложил пуговку в электронный микроскоп и, наконец, герметически закрыл его.

В распоряжении группы «Лесной пожар» был электронный микроскоп типа BVJ модель JJ-42, с большой интенсивностью электронного излучения и с разрешающей приставкой. Принцип действия электронного микроскопа достаточно прост — он действует точно так же, как и простой оптический, однако вместо световых лучей фокусирует пучки электронов. Свет фокусируется при помощи линз — выпуклых и вогнутых стекол, электроны — при помощи магнитных полей.

Во многих отношениях электронный микроскоп не слишком отличается от телевизора, и изображение проецируется на обычный телевизионный экран — поверхность, покрытую слоем, который под ударами электронов светится. Преимущество электронного микроскопирования перед оптическим в том, что здесь достигается гораздо большее увеличение. Объяснение этому дает квантовая механика и волновая теория радиации, а наилучшую из популярных аналогий нашел специалист по электронной микроскопии Сидней Полтон, по совместительству еще и любитель автомобильных гонок.

— Представьте себе, — говорил Полтон, — что перед вами дорога и на ней крутой поворот. Предположим, что по дороге едут два автомобиля — спортивная машина и большой грузовик. Грузовик при попытке преодолеть этот крутой поворот сползает с дороги, спортивная же машина поворачивает без труда. Почему, спрашивается? А потому, что спортивная машина много легче, меньше, быстрее, она лучше приспособлена для крутых, резких поворотов. Плавные повороты обе машины преодолевают одинаково легко, но на крутых спортивная держится гораздо лучше.

— Точно так же, — продолжал Полтон, — и электронный микроскоп «держит дорогу» легче, чем оптический. Любой объект состоит из углов и краев, а длина волны электрона меньше, чем светового кванта. Электроны точнее «срезают углы», следуют по «дороге», повторяя все ее изгибы. Оптический микроскоп — как грузовик: пригоден лишь для езды по большой дороге с плавными поворотами. В данном случае под такой дорогой мы подразумеваем крупные объекты с крупными гранями и плавными кривыми линиями — клетки и ядра. Электронный же микроскоп может следовать по самым узким дорожкам и тропкам, выявляя контуры самых мелких

внутриклеточных структур — митохондрий, рибосом, мембран, сетчатых структур...

Однако у электронной микроскопии есть и существенные недостатки, до известной степени уравнивающие преимущества большого увеличения. Во-первых, так как вместо светового луча применяется пучок электронов, внутри микроскопа нужно поддерживать вакуум, а это значит, что рассматривать под микроскопом живые объекты нельзя. Но наиболее серьезный его недостаток связан с требованиями к срезам — они должны быть чрезвычайно тонкими, а это крайне затрудняет ясное трехмерное представление об изучаемом объекте. Тут Полтон тоже предложил простую аналогию:

— Допустим, вы разрежете автомобиль пополам по его продольной оси. В этом случае вы еще можете составить себе представление о нем в целом. Но если вы сделаете тонкий срез автомобиля, да еще под каким-нибудь неудачным углом, ваша задача сильно осложнится. На вашем срезе может оказаться лишь кусочек бампера, резиновой шины, стекла. По такому срезу определить, что представляет собой машина в целом и как она действует, прямо скажем, мудрено...

Стоун, разумеется, прекрасно помнил обо всех недостатках электронной микроскопии, когда заправил металлическую пуговку в микроскоп, загерметизировал его и включил вакуумный насос. Он все знал, но выбора у него просто не было. При всех своих недостатках электронный микроскоп оставался самым мощным инструментом, каким они располагали.

Притушив в лаборатории свет, он включил электронный пучок. Повернув несколько рукояток, сфокусировал пучок, и изображение на экране стало совершенно четким; черное и зеленое...

Он не сразу поверил в то, что увидел.

Перед глазами Джереми Стоуна возник элемент организма — идеально правильный шестиугольник, каждой своей стороной примыкающий к другим шестиугольникам. Внутри шестиугольник был рассечен клиньями, которые сходились в самом центре структуры. Все это производило впечатление какой-то математической точности, никак не вязавшейся с земными представлениями о жизни.

Это было похоже на кристалл.

Стоун улыбнулся, представив себе, как порадует Ливитт — уж очень тот был падок на всякие эффектные, головоломные вещи. К тому же Ливитт и раньше вы-

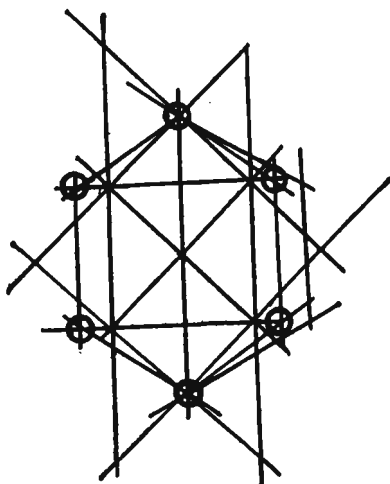
сказывал мысль, что жизнь может основываться на тех или иных кристаллических формах, что она может подчиняться какой-либо строго упорядоченной схеме.

«Позову-ка я Ливитта»,— решил Стоун.

Едва войдя в комнату, Ливитт сказал:

— Ну, вот вам и ответ...

— Ответ на что?..

Одна из первых зарисовок шестигранной структуры штамма «Андромеда», выполненная Джереми Стоуном.

Фото с разрешения лаборатории «Лесной пожар»

— На вопрос, как функционирует этот организм. Получены результаты спектрометрии и аминокислотного анализа...

— Ну?..

— Организм состоит из водорода, углерода, кислорода и азота. Никаких аминокислот. Ни одной. А значит, никаких известных нам белков или ферментов. Я ломал голову, как же он может существовать на безбелковой основе. Теперь я знаю.

— Кристаллическая структура...

— Похоже на то,— Ливитт уставился на экран.— В трех измерениях каждая единица, вероятно, представляет собой шестигранную пластину, нечто вроде кафельной плитки в миниатюре. Восьмигранник, и каждая из двух больших граней — шестиугольник. А внутри сходящиеся в середине клиновидные отсеки...

— Отсеки могут отлично служить для разделения биохимических функций...

— Вот именно...— и Ливитт нахмурился.

— Что с вами?..

Ливитт мучительно думал, припоминал что-то такое забытое... Сон! Про дом и про город. Он сделал еще одно усилие — и все начало всплывать в памяти. Как дом живет, когда он сам по себе, и как — в составе целого города.

Он вспомнил все до конца.

— Знаете,— сказал он,— самое интересное, как эта отдельная единица связана с другими...

— Вы думаете, это, быть может, лишь часть более сложного организма?

— Вот именно. Жизнеспособна ли эта единица, как, например, бактерия, или же это лишь кирпичик более крупного органа, более крупного существа? В конце концов, когда вы смотрите на одну, отдельно взятую клетку печени, вы же не в состоянии догадаться, откуда она. И что толку в изолированной клетке мозга без остального мозга?

Стоун долго смотрел на экран.

— Довольно необычная аналогия. Ибо печень может восстанавливаться, регенерировать, а мозг-то не может...

— «Теория посланца»,— с улыбкой напомнил Ливитт.

— Да, тут задумаешься,— пробормотал Стоун.

Автором «теории посланца» был инженер-связист Джон Р. Сэмюэлс. Выступая на Пятой ежегодной конференции по космонавтике и проблемам связи, он рассмотрел некоторые гипотезы относительно того, какие способы может применить внеземная цивилизация для установления контактов с другими цивилизациями. Он заявил, что самые передовые достижения техники связи на Земле для этой цели непригодны и что более развитые внеземные культуры найдут лучшие способы...

— Предположим, какая-то цивилизация хочет прозондировать Вселенную,— говорил Сэмюэлс.— Предположим, она пожелала, скажем, формально заявить о своем существовании в галактическом масштабе. Она хочет послать информацию, свидетельство своего существования, во всех направлениях одновременно. Каким образом лучше всего это сделать? По радио? Вряд ли — слишком медленно, слишком дорого, да и сигналы слишком быстро угасают. Самый мощный сигнал угаснет через несколько миллиардов километров. Телевидение

еще хуже. Генерировать световые лучи фантастически дорого. Даже если научиться разрушать целые звезды, взрывать солища, чтобы подать о себе сигнал, очень уж дорого это обойдется...

Кроме чрезмерной стоимости, все эти методы страдают и другим, естественным для всякого излучения недостатком: с расстоянием сила сигнала резко уменьшается. Лампочка, невыносимо яркая на расстоянии трех метров, достаточно мощная в трехстах метрах, видимая за пятнадцать километров, через миллион километров совершенно неразличима. Лучистая энергия затухает пропорционально четвертой степени расстояния. Простой, но непреодолимый закон физики.

Так что для надежной передачи сигнала придется прибегнуть вовсе не к физике, а к биологии. Только биология может создать такую систему связи, которая не слабеет на расстоянии, а в миллионах километров остается столь же мощной, как и рядом с источником. Короче говоря, создать организм, который служил бы передатчиком вашего сообщения, самовоспроизводящийся, дешевый, легко размножаемый в фантастических количествах. Затратив минимальную сумму, можно изготовить триллионы таких посланцев и направить их во все концы космического пространства. Это будут стойкие, неприхотливые козявки, способные противостоять суровым условиям космоса; они будут расти, плодиться и размножаться. Через несколько лет бесчисленные множества их будут нестись во все стороны галактики в ожидании контакта с жизнью.

А что произойдет, когда они встретят чуждую жизнь? Каждый такой посланец потенциально способен развиваться в полноценный орган или полноценный организм. Вступив в контакт с иной жизнью, они начнут разрастаться в законченный механизм связи. Это все равно что разбросать миллиард клеток мозга, каждая из которых способна при соответствующих условиях вырасти в целый мозг. И выросший из одной-единственной клетки мозг сумеет уже разговаривать с иной цивилизацией, сообщить ей о существовании своей родной цивилизации и подсказать пути установления контактов...

Ученые-практики, присутствовавшие на конференции, нашли теорию козявки-посланца весьма забавной. Теперь ею больше нельзя было пренебрегать как курьезом.

— Вы полагаете, что эта козявка у нас на глазах превращается в какое-то средство связи? — спросил Стоун.

— Быть может, посевы культур помогут нам найти ответ на ваш вопрос,— откликнулся Ливитт.

— Или рентгенокристаллография. Я сейчас же распоряжусь...

На пятом уровне была установка для рентгенокристаллографии, хотя при подготовке программы «Лесной пожар» вопрос о том, нужна ли она, вызвал жаркие споры. Рентгенокристаллография — наиболее новый, сложный и дорогой метод структурного анализа в современной биологии. В нем есть нечто общее с электронной микроскопией, но по сравнению с ней это еще один шаг вперед. Метод рентгенокристаллографии еще более чувствителен, он проникает в тайны живой материи еще глубже, но ценой огромных затрат времени, оборудования и человеческих сил.

Биолог Р. А. Янек заметил однажды: «Чем ближе к истине, тем дороже обходится каждый шаг». Он подразумевал при этом, что цена установок, позволяющих человеку видеть глубже и точнее, растет быстрее, чем их разрешающая способность. Эту жестокую закономерность первыми из ученых открыли астрономы, на собственном горьком опыте убедившиеся в том, что сделать шестиметровое зеркало для телескопа неизмеримо труднее и дороже, чем трехметровое.

Но прежде всего сказанное Янеком справедливо для биологии. Оптический микроскоп, к примеру,— небольшой прибор, который легко переставить с места на место одной рукой. В такой микроскоп можно рассмотреть клетку, и обходится он ученому примерно в тысячу долларов.

При помощи электронного микроскопа можно рассмотреть мелкие структуры внутри клетки. Но это уже большой аппарат стоимостью до ста тысяч долларов.

Рентгенокристаллография способна на большее: она позволяет исследовать отдельные молекулы; это максимальное приближение к наблюдению отдельных атомов, какое вообще доступно современной науке. Но зато такая установка величиной с добрый грузовик; она занимает целую комнату, требует специально подготовленных операторов, и для расшифровки выдаваемых ею результатов нужна ЭВМ. Дело в том, что рентгенокристаллографическая установка не дает прямой визуальной картины исследуемого объекта. В этом смысле она совсем не похожа на микроскоп, и принцип ее действия

отличается от принципа действия как оптической, так и электронной микроскопии. Вместо изображения здесь на фотопластинке получается дифракционный рисунок, геометрический узор из точек, для непосвященного совершенно загадочный. С помощью ЭВМ можно проанализировать расположение точек и получить картину молекулярной структуры объекта.

Наука эта относительно новая, хотя название у нее старомодное. Термин «рентгенокристаллография» родился в те времена, когда объектом исследования служили в основном кристаллы; теперь они мало кого интересуют. У кристалла структура упорядоченная, и узор, полученный при прохождении рентгеновского луча сквозь кристалл, относительно легко поддается анализу. Однако в последнее время рентгеновскими лучами стали просвечивать и объекты, отнюдь не упорядоченные. При этом лучи отражаются под самыми разными углами, и только ЭВМ способна «считать» фотопластинку, измерить все углы и на этой основе определить форму объекта, давшего подобное отражение.

Вообще на долю ЭВМ в комплексе «Лесной пожар» выпало бесконечное множество нудных вычислений. Если бы за такую работу взялись люди, она заняла бы годы, а может, и века. Машина делала ее за секунды.

— Как вы себя чувствуете, мистер Джексон?

Старик часто-часто моргал, глядя на Холла и его прозрачный скафандр.

— Ничего. Не очень, но ничего...

И криво усмехнулся.

— Можно с вами поговорить?

— О чем?

— О Пидмонте.

— А что там о Пидмонте?

— О том вечере. О вечере, когда все случилось...

— Ну что ж, можно. Я-то ведь всю жизнь в Пидмонте прожил. Поездил немножко: в Лос-Андже был и даже во Фриско. На восток до Сен-Луи. И с меня довольно. Но в Пидмонте-то я жил. И скажу тебе...

— Пожалуйста, про тот вечер, — прервал старика Холл.

Джексон замолчал и отвернулся:

— Не хочу про это думать.

— Нужно. Очень нужно.

— Не хочу...

Он еще помолчал, глядя в сторону, и наконец спросил:

— Все там померли, да?

— Не все. Вот еще один выжил.— Холл кивнул на кровать рядом. Старик уставился на сверток из одеял:

— Кто это?

— Ребенок.

— Ребенок? Должно, Риттеров. Джейми Риттер. Маленький совсем, да?

— Месяца два.

— Ну да. Он самый и есть. Характер дрянной, просто как у старика. Старик-то Риттер — хлебом не корми, а дай побушевать. И этот точно такой же. Орал с утра до ночи. Окошки в доме и то не могли из-за крика открыть...

— А не знаете, не было у Джейми еще чего-нибудь особенного?

— Да ничего. Здоров как буйвол, только блажит. Помнится, он в тот вечер орал, чертенок проклятый...

— В какой вечер?

— Да когда Чарли Томас приволок эту чертову штуку. Мы ее все видели. Будто звезда упала, так и светится, и шлепнулась где-то к северу от поселка. Ну, все всполошились, а Чарли Томас поехал ее искать. Вернулся минут через двадцать и достает эту штуку из багажника своего «форда». Совсем новенький «форд». Очень он им гордился...

— И что было дальше?

— Ну, собрались мы все вокруг, глазеем. Сообразили, что, наверно, спутник. Только Анни тут выскочила — это, мол, с Марса, но, понимаешь, Анни у нас такая — ее то и дело заносит не разберешь куда. Мы все, конечно, сообразили, что ни с какого не с Марса, а с мыса Канаверал. Слышал, мыс такой во Флориде, где запускают ракеты?

— Слышал. Дальше.

— Ну вот, сообразить-то сообразили, а что делать — не знаем. Понимаешь, никогда ничего подобного в Пидмонте не бывало. То есть был однажды этот турист с ружьем, поднял пальбу в мотеле «Вождь команчей», так это еще в сорок восьмом. И эти были, как их, смущающие обстоятельства. Перебрал он маленько, и девочка от него сбежала, пока он в солдатах в Германии служил или где-то там еще. В общем никто у нас на него не взъелся: понятно, со всяким может случиться. А с тех

пор ничего не бывало. Тихое местечко. Потому-то нам в Пидмонте и нравилось...

— Так что вы все-таки сделали с капсулой?

— Да не знали мы, что с ней и делать. Эл говорит, давай ее откроем, но мы посчитали, что неправильно это будет, особенно если там внутри какие ученые приборы. Ну, пораскинул мозгами. Потом Чарли, тот, что приволок ее, и говорит: давай, мол, снесем доктору. Доктору Бенедикту, значит. Наш поселковый врач. Он не только в поселке, всех в округе лечит, даже индейцев. Но ничего мужик, сильно ученый — где только не учился. Ну, решили мы, доктор-то уж сообразит, что с этой штукой делать. И снесли ее к нему домой.

— А потом?

— Старик ее взял — дане такой уж он и старый, — взял, значит, и осмотрел ее кругом внимательно, будто больного смотрит. И говорит, что ясно, штука эта из космоса, и, может, говорит, наша, а может — ихняя. И говорит, что присмотрит за ней, и может, кому позвонит, а потом скажет нам через часок-другой. Понимаешь, по понедельникам он всегда в покер играл с Чарли, Элом и Хербом Джонстоном у Херба дома, вот мы и решили, что после покера он закинет словечко кому надо. Тем более, время ужинать подошло, есть хотелось, так мы все там у него и оставили...

— В котором это было часу?

— Да так в полвосьмого.

— И что Бенедикт сделал со спутником?

— Забрал его к себе в дом, и никто его больше в глаза не видел. А началось уже потом, в восемь, или, может, в полдевятого. Я как раз на бензоколонку зашел с Элом потолковать, он в ночную работал. Прохладно было, а мне хотелось потолковать, потому как за разговором боль забывается. И содовой думал из автомата взять, чтобы аспирин запить. Да и жажда мучила: от цеженки, знаешь, какая жажда бывает!..

— Вы в тот день пили денатурат?

— Да принял малость часов в шесть.

— И как вы себя чувствовали?

— Когда там с Элом сидел, так вроде ничего. Голова кружилась маленько, да желудок тянуло, но ничего. Ну, значит, сидим мы с Элом в конторке, о том о сем, и вдруг он как закричит: «Ой, голова!..» Вскочил — и со всех ног на улицу. И кувыркнулся. Прямо на улице, и больше ни слова не сказал... Ну, а я сижу и не знаю, что и думать. Может, сердце или кондрашка его хва-

тила, так ведь молод еще. Вышел к нему на улицу — мертвый. А тут... тут все как стали выскакивать! Сначала, кажется, миссис Лэнгдон — вдова Лэнгдон. А потом, потом я уж и не помню, кто, сколько их было. Так и прут на улицу. И сразу — рукой за грудь и валятся, как подкошенные. И никто не встает. И ни от кого ни слова...

— Что же вы подумали?

— Да прямо не знал, что и подумать. Больно уж чудно было. Испугался, по правде-то говоря. Стараюсь взять себя в руки — и не могу. Сердце бултыхается, дышу через силу. Еще бы не испугаться: думал, все померли. Но тут как раз услышал — ребенок кричит, значит, все да не все. А потом генерала увидел...

— Генерала?

— Да нет, это мы его просто так называли. Никакой он не генерал, только был на войне и любил, чтобы все про это помнили. Постарше моего. Хороший мужик, Питер Арнольд звать. Крепкий такой, самостоятельный, а тут стоит у себя на крыльце и вырядился в военную форму. Стениело уже, зато луна вышла, так он меня заметил на улице и спрашивает: «Питер, это ты?» Мы, понимаешь, тетки. А я отвечаю: да, мол, я... А он говорит: «Что тут творится? Япошки пришли, что ли?» А я себе думаю: что за чушь он несет. А он говорит: «Сдается мне, что это япошки. Всех теперь перестреляют». А я спрашиваю: «Питер, ты что, чокнулся?» А он говорит, что неважно себя чувствует, и пошел в дом. Должно, все-таки чокнулся, ведь после сам застрелился. Да и другие тоже чокнулись. А все эта зараза...

— Откуда вы знаете, что зараза?

— Да разве тот, кто в своем уме, себя сожжет или утопит? До того вечера у нас в поселке все были в своем уме и на здоровье не жаловались. А тут все сразу будто рехнулись...

— Ну и что же вы сделали?

— Я про себя подумал: Питер, это тебе все снится. Ты перебрал. Так я тоже пошел домой и лег спать. Утро, думаю, вечера мудренее. Только часов в десять слышу: машина идет. Вышел посмотреть, кто же это. Гляжу — грузовик крытый, военный фургон, а в фургоне двое. Подхожу к ним, а они, чтобы мне лопнуть, тут же за мертво. Жуть и только. Но ведь чудно...

— Что чудно?

— А то, что за весь вечер это была всего вторая машина. Обычно их, знаешь, сколько проходит!..

— Значит, была еще одна машина, до фургона?

— А как же! Уиллис, патрульной дорожной полиции. Проехал, ну, может, за полминуты перед тем, как это все началось. Правда, не останавливался. Он ведь по графику ездит, так если опаздывает, то и не останавливается...

Джексон помолчал, вздохнул и откинул голову на подушку.

— А теперь, если не возражаешь, я сосну чуток. Выдохся я что-то...

Он закрыл глаза. Холл прополз по туннелю-шлангу обратно в лабораторию и долго сидел там, глядя через окно на Джексона и на ребенка рядом с ним.

23

Толика

Зал был громадный, размером с футбольное поле, и на всем этом пространстве лишь кое-где стояло несколько столов. Гулко перекликались техники, раскладываявшие по полу обломки «Фантома». Комиссия воссоздавала катастрофу — куски искореженного металла размещались в тех же положениях, в каких они были найдены в песке. Только после завершения этой процедуры можно было начинать настоящее расследование.

Майор Мэнчик, усталый, с воспаленными глазами, пристроился в углу, держа чашку кофе в руке, и наблюдал. Десяток людей в длинном, выбеленном зале, занятых реконструкцией аварии, — сцена казалась Мэнчику совершенно сюрреалистической...

К нему подбежал один из биохимиков и помахал у него перед носом прозрачным целлофановым мешочком.

— Только что получил из лаборатории...

— Что это?

— Ни за что не догадаетесь!

Глаза у биохимика горели от возбуждения. «Ну и ладно, — подумал Мэнчик раздраженно. — Пусть не догадаюсь...»

— Так что это все-таки?

— Деполимеризованный полимер, — сообщил биохимик, причмокивая от удовольствия. — Только-только из лаборатории...

— Какой еще полимер?

Полимер — это многократно повторяющая себя молекула, построенная из тысячи одинаковых частиц — вроде цепочки костяшек домино. Большинство пластмасс, нейлон, вискоза, клетчатка и даже гликоген, синтезируемый печенью, — все это полимеры.

— Тот самый полимер — пластик, из которого на «Фантоме» изготовлен воздушный шланг, ведущий к маске пилота. Да и сама маска тоже...

Мэнчик хмуро поглядел на черные крошки в мешочке.

— Полимер, говорите?

— Ну да. Полимер деполимеризовался. Разрушился. Вибрация тут ни при чем. Воздействие было биохимическое, чисто органическое.

Мало-помалу Мэнчик начинал понимать.

— Вы хотите сказать, что какая-то внешняя сила разрушила пластик?

— Можно считать и так. Это, конечно, упрощение, однако...

— Что же такое могло его разрушить?

Биохимик пожал плечами.

— Какая-то химическая реакция. Кислота, или сильный нагрев, или...

— Или что?

— Или какой-нибудь микроорганизм. Если существует микроорганизм, поедающий пластик. Вам, наверное, непонятно...

— Нет, почему же, — ответил Мэнчик. — Кажется, мне понятно.

Он вышел из зала и направился на телеграф, расположенный в другой части здания. Написал телеграмму на базу «Лесной пожар», передал телеграфисту и заодно спросил:

— Ответа еще не было?

— Ответа, сэр?..

— От «Лесного пожара», — сказал Мэнчик. — Казалось просто невероятным, что никто не реагировал на аварию «Фантома». Ведь она так явно связана...

— От «Лесного пожара», сэр?..

Мэнчик протер глаза. Он переутомился; следовало бы получше помнить насчет языка за зубами.

— Да нет, это я так, — сказал он.

После беседы со своим пациентом Холл направился к Бертону. Тот был в секционной и просматривал срезы, сделанные накануне.

— Нашли что-нибудь? — поинтересовался Холл.

Бертон оторвался от микроскопа и вздохнул:

— Пока ничего...

— Я все думаю об этих сумасшедших. Разговор с Джексоном напомнил мне о многом. В поселке в тот вечер несколько человек сошли с ума. И большинство из них — люди пожилые...

Бертон сдвинул брови.

— Ну и что?

— Пожилые люди вроде Джексона. У них множество всяких недугов. Организм разрушается по-разному. У кого легкие не в порядке, у кого — сердце. Поражение печени. Склероз сосудов...

— И все это меняет ход болезни?

— Очень может быть. Я все думаю: отчего человек может мгновенно сойти с ума?

Бертон неопределенно покачал головой.

— И еще одно, — продолжал Холл. — Джексон вспомнил, что один из погибших перед смертью воскликнул: «Ой, голова!..»

— Перед самой смертью? — переспросил Бертон, глядя в пространство.

— Да.

— Вы думаете, кровоизлияние?

Холл кивнул:

— Похоже. Во всяком случае, стоит проверить.

Действительно, если штамм «Андромеда» каким-то образом вызывает кровоизлияние в мозг, то он может и мгновенно вызывать самые необычайные психические расстройства.

— Но мы же знаем, что смерть наступает от свертывания...

— Да, — ответил Холл, — у большинства людей. Но не у всех. Некоторые выживают, а другие сходят с ума...

Бертон кивнул задумчиво — и вдруг пришел в возбуждение. Предположим, «Андромеда» поражает кровеносные сосуды. Поражение стенки сосуда дает толчок свертыванию крови. Стоит поранить, порезать, прижечь стенку сосуда, как начинается свертывание. Сначала вокруг пораженного места собираются тромбоциты, защищая его, не допуская потери крови. Затем скапливаются красные кровяные тельца. Затем фибриновая масса связывает все вместе. И наконец сгусток затвердевает.

Таков нормальный процесс. Но если поражение об-

ширнее, если начинается оно в легких и распространяется по сосудам до...

— Я начинаю думать,— сказал Холл,— не поражает ли наш микроб стенки сосудов. Если да, то вот вам и начало процесса свертывания. Но если свертывания почему-либо не происходит, тогда штамм, продолжая разъедать сосуды, вызывает кровоизлияние...

— И сумасшествие,— отозвался Бертон, спешно перебирая свои срезы. Нашел три среза мозга и тут же просмотрел их. Сомнений не оставалось. Патология была очевидна. Во внутреннем слое стенок мозговых сосудов виднелись мелкие зеленые вкрапления. Бертон не испытывал и тени сомнения, что при большем увеличении зелень распадется на шестиугольники...

Он быстренько проверил и другие срезы — сосудов в легких, печени и селезенке. На некоторых срезах в стенках сосудов тоже обнаруживались зеленые пятнышки, но нигде они не встречались в таком изобилии, как в сосудах мозга.

Штамм «Андромеда» отдавал явное предпочтение именно церебральным сосудам. Трудно сказать почему, но ведь известно, что сосуды мозга имеют некоторые отличительные свойства. Например, в условиях, когда остальные кровеносные сосуды расширяются или сокращаются — при охлаждении организма или при физической нагрузке, — церебральные сосуды не изменяются, обеспечивая мозгу постоянный приток крови.

При резких физических усилиях приток крови к мускулам может увеличиться в пять, а может и в двадцать раз. Приток крови к мозгу неизменен, независимо от того, сдает ли человек экзамен или спит, рубит ли дрова или смотрит телевизор. Мозг получает одно и то же количество крови минута за минутой, час за часом, день за днем. Никто не знает, зачем это нужно, не знает, как именно осуществляется саморегулирование мозговых сосудов. Однако само явление установлено твердо, и церебральные сосуды рассматриваются наукой как особый случай среди всех других артерий и вен. Отличия неясны, но они, несомненно, есть.

А теперь появился и микроорганизм, который поражает выборочно именно сосуды мозга. Поразыскав, Бертон нашел даже, что ничего особенного в подобной выборочности нет. Сифилис, например, вызывает воспаление аорты — крайне специфичную и частную реакцию. Шистозомоз — паразитарная инфекция — отдает предпочтение мочевому пузырю, кишечному тракту или сосу-

дам кишечника, в зависимости от вида. Так что «узкая специализация» среди микроорганизмов вовсе не исключается.

— Но тут есть еще одна проблема,— сказал Бертон.— У большинства людей, как мы знаем, свертывание крови под действием штамма начинается в легких. По-видимому, и разрушение сосудов начинается там же. Чем же отличаются...

Он запнулся.

Вспомнил крыс, которым ввел гепарин. Тех, которые все равно погибли, но которых он не вскрывал.

— Господи Боже,— прошептал он.

Извлек одну крысу из холодильника и вскрыл. Кровь. Быстро вскрыл черепную коробку и осмотрел мозг. На серой поверхности мозгового вещества была обширная область кровоизлияния.

— Вот оно,— сказал Холл.

— Если животное здоровое, оно погибает от свертывания крови. Но если свертывание предотвращено, штамм разъедает сосуды мозга, вызывая кровоизлияние.

— И сумасшествие.

— Да, да,— Бертон был теперь возбужден до крайности.— А свертыванию может помешать какая-нибудь болезнь крови. Или недостаток витамина К. Плохая усвояемость питательных веществ. Функциональная недостаточность печени. Нарушения белкового синтеза. Да десятки различных расстройств!

— Которые скорее всего будут у пожилого человека,— сказал Холл.

— А Джексон страдает чем-нибудь подобным?

Холл помедлил.

— Нет. У него не в порядке печень, но не до такой степени.

— Ну, вот мы и вернулись к исходному пункту,— вздохнул Бертон.

— Не совсем. Потому что Джексон и ребенок выжили. И ни у того, ни у другого кровоизлияний, насколько мы знаем, не было вообще. Оба просто не затронуты болезнью. Не затронуты совсем...

— И что же?

— А то, что у них каким-то образом был предотвращен первичный процесс, внедрение «Андромеды» в стенки сосудов. У моих пациентов штамп не проник ни в легкие, ни в мозг. Никуда не проник.

— Но почему? Почему?

— Это мы узнаем, когда поймем, в чем сходство

между шестидесятидевятилетним стариком, страдающим язвой желудка и лакающим «Стерно», и двухмесячным младенцем,— сказал Холл.

— Судя по всему, они абсолютные антиподы.

— Вот именно,— откликнулся Холл.

Прошло много часов, прежде чем он понял, что в ответе Бертона и таилось решение загадки.

24

Переоценка ценностей

Сэр Уинстон Черчилль сказал однажды: «Истинная гениальность состоит в способности к оценке сведений неточных, противоречивых и чреватых опасностями». Но, как ни странно, группа «Лесной пожар», несмотря на блестящие индивидуальные способности каждого из ее членов, несколько раз допускала грубейшие ошибки в оценке информации, которой располагала.

Стоит вспомнить ядовитое замечание Монтеня: «Под воздействием сильного напряжения люди глупеют и дурачат самих себя». Нет сомнения, что все члены группы «Лесной пожар» работали в обстановке огромного нервного напряжения, но они были готовы к возможности ошибок. Они даже предвидели, что какие-то ошибки неизбежны. Чего они не предугадали — так это масштаба, поистине потрясающего масштаба своей ошибки. Они не ожидали, что конечная ошибка сложится из десятка мелких недосмотров, из горсточки упущенных ключевых фактов.

У группы было одно общее «слепое пятно», которое Стоун впоследствии охарактеризовал так: «Мы были нацелены на одну проблему. Все, что мы делали, все наши мысли были направлены на одно — на поиск лечения от «Андромеды». И еще, разумеется, мы не могли ни на минуту забыть о Пидмонте. Нам казалось, что, не найди мы решения, его никто не найдет и участь Пидмонта в конце концов постигнет весь мир. Мы никак не могли перестроиться...»

Ошибка эта начала приобретать внушительные размеры, когда дело дошло до исследования высеянных культур.

Ведь Стоун и Ливнтт высеяли тысячи культур, взятых из контейнеров спутника. Эти культуры были

помещены в термостаты с самыми различными составами атмосфер при различных температурах и давлениях. Данные такого массового эксперимента можно было проанализировать только с помощью вычислительной машины.

По программе «Рост/Трансматрица» ЭВМ выдавала в печатном виде данные не обо всех примененных сочетаниях факторов роста, а лишь наиболее важные положительные и отрицательные результаты. Оценка результатов в ЭВМ слагалась на основе автоматического взвешивания каждой чашки Петри и фиксации роста культур с помощью фотоэлектрического глаза.

Когда Стоун и Ливитт приступили к анализу результатов, то обнаружили некоторые интересные закономерности. Прежде всего — питательная среда не имела ровным счетом никакого значения: организмы росли с одинаковым успехом на сахаре, крови, шоколаде, агар-агаре и на чистом стекле. А вот газовая среда и условия освещенности играли серьезную роль. Ультрафиолетовое освещение стимулировало рост при всех условиях; абсолютная темнота и в меньшей степени инфракрасное освещение тормозили его. Кислород задерживал рост безотносительно к другим условиям; углекислый газ способствовал ему; азот не оказывал никакого влияния. Наибольший рост достигался в атмосфере чистого углекислого газа при ультрафиолетовом освещении, наименьший — в чистом кислороде при полной темноте.

— Ну, и что вы об этом думаете? — спросил Стоун.

— Похоже на прямое превращение энергии, — задумчиво сказал Ливитт.

— Да, пожалуй... — согласился Стоун.

Он отступал на входном устройстве координаты изолированной системы. Такие системы применяются для исследования обмена веществ у бактерий; в них измеряется потребление газов и питательных веществ и выход отбросов; они герметизированы и полностью автономны. Если в такую систему помещено, например, растение, то в ней будет измеряться потребление углекислого газа и выделение воды и кислорода.

А штамм «Андромеда» в изолированной системе проявил свойства совершенно удивительные. «Андромеда» не знала экскрементов. В атмосфере углекислого газа, при ультрафиолетовом освещении рост продолжался непрерывно до полного поглощения углекислоты. Тогда

— Надеюсь, мы не опоздали...

Ливитт впился взглядом в телевизионный экран, вмонтированный в пульт управления ЭВМ.

Стоун утвердительно мотнул головой и сказал:

— Если организм действительно превращает материю в энергию и энергию в материю — и притом непосредственно, — значит, он действует наподобие маленького реактора.

— И ядерный взрыв...

— Невероятно, — сказал Стоун, — просто невероятно...

На экране появился Робертсон. Выглядел он усталым и нервно курил.

— Джереми, ну дайте же мне хоть какое-то время. Я просто еще не сумел прорваться...

— Слушайте меня внимательно, — сказал Стоун. — Проследите, чтобы директива 7-12 не была применена ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах. Это совершенно необходимо. Взрывать ядерное устройство в соседстве с «Андромедой» нельзя. Это было бы в буквальном смысле слова самое худшее, что только можно придумать...

Он кратко объяснил, в чем дело. Робертсон пристынул:

— Выходит, мы создали бы невероятно обильную питательную среду...

— Вот именно.

Проблема чрезвычайно благоприятной питательной среды была предметом особого беспокойства группы «Лесной пожар». В обычных условиях, как известно, существует множество всякого рода сдерживающих и уравнивающих факторов, которые так или иначе препятствуют безудержному росту бактерий. Математическая картина неконтролируемого роста бактерий поистине устрашающая. В идеальных условиях клетка бактерии *E. coli* делится каждые двадцать минут. Как будто ничего особенного, но если задуматься... Бактерии размножаются в геометрической прогрессии: из одной образуются две, из двух четыре, из четырех восемь и т. д. Таким образом, выходит, что в течение суток одна-единственная клетка *E. coli* способна вырасти в сверхколонию размером и весом с планету Земля.

Этого не случается по той простой причине, что вечных «идеальных условий» для роста нет и не может быть. Иссякает пища. Иссякает кислород. Меняются условия внутри самой колонии, и рост приостанавливается...

Однако если штатм «Андромеда» способен непосредственно превращать энергию в материю, то достаточно дать ему мощный источник энергии, такой, как ядерный взрыв...

— Я передам вашу рекомендацию президенту,— сказал Робертсон.— Он будет рад узнать, что принял правильное решение.

— Можете поздравить его от моего имени с блестящей научной интуицией,— заметил Стоун.

Робертсон почесал голову.

— У меня тут новые данные о «Фантоме». Произошло это в районе к западу от Пидмонта, на высоте шесть тысяч девятьсот метров. Комиссия обнаружила следы разрушений, о которых успел упомянуть летчик. Только это не резина, а пластик. Он оказался деполимеризованным...

— Что думает об этом комиссия?

— Они в полном недоумении,— признался Робертсон.— И вот еще что. Они нашли куски человеческой кости — плечевой и большой берцовой. Примечательно, что кость совершенно чиста, почти отполирована...

— Мягкие ткани сгорели?

— На это не похоже.

Стоун, нахмурившись, бросил взгляд на Ливитта.

— А на что похоже?

— Просто чистая, полированная кость. Они там ни черта понять не могут. И еще такая новость. Мы проверили личный состав национальной гвардии, оцепившей Пидмонт. Это 112-й полк, расположен он в радиусе ста пятидесяти километров вокруг поселка; на восемьдесят километров в глубь зоны высылались патрули. К западу от Пидмонта находилось до ста человек. Потерь среди них нет.

— Никаких потерь? Вы уверены?

— Совершенно.

— А в районе, над которым пролетел «Фантом», солдаты были?

— Да, были. Двенадцать человек. Это они доложили на базу о пролете самолета.

— Похоже на то, что катастрофа — это чистое совпадение,— сказал Ливитт.

— Я склонен согласиться с Питером,— заметил Стоун, подтверждая свое согласие кивком.— При отсутствии жертв на земле...

— А может, организм только в верхней атмосфере...

— Все может быть. Но пока мы твердо знаем по

меньшей мере одно: как «Андромеда» убивает свои жертвы. Свертыванием крови. Не разрушением тканей, не полировкой костей. Свертыванием и никак иначе.

— Ладно,— сказал Робертсон.— Давайте пока не будем вспоминать про этот самолет...

На этом их совещание окончилось.

— Я считаю, что пора проверить посевы на биологическую активность,— заявил Стоун.

— Проведем испытание на крысах?

— Нужно удостовериться, что штамм по-прежнему вирулентен. Что он не изменился,— кивнул Стоун.

Ливитт согласился. Действительно, необходимо было проследить, не смутировал ли организм, не изменились ли кардинальным образом его свойства.

Они уже собрались приступить к работе, когда динамик внутренней связи пятого уровня щелкнул и оповестил:

— Доктор Ливитт! Доктор Ливитт!..

— Да?..— отозвался тот.

На экране показался молодой человек приятной наружности в белом халате.

— Доктор Ливитт, мы только что получили обратно электроэнцефалограммы после детальной проверки на ЭВМ. Здесь, по-видимому, какая-то ошибка, но...

Он запнулся.

— Ну? — поторопился Ливитт.— Что-нибудь не в порядке?

— Дело в том, сэр, что ваша ЭЭГ отнесена к четвертой группе, она атипична, хотя, по-видимому, вполне благоприятна. Однако все же надо бы сделать повторную запись...

— Должно быть, это ошибка,— вмешался Стоун.

— Конечно, ошибка,— сказал молодой человек.— Но мы хотели бы все же повторить запись, чтобы полностью удостовериться.

— Я сейчас занят.

Стоун обратился непосредственно к лаборанту:

— Доктор Ливитт сделает повторную энцефалограмму, как только немного освободится...

— Хорошо, сэр.

Когда экран погас, Стоун заметил:

— Иногда все эти обязательные процедуры чертовски раздражают.

— Вот именно,— согласился Ливитт.

Они принялись было за биологическую проверку различных культур бактерий, но тут на экране ЭВМ появилось сообщение, что готовы предварительные данные рентгенокристаллографии. Стоун и Ливитт отправились посмотреть эти данные, отложив биологическую проверку, что было весьма прискорбно. Такая проверка показала бы, что в своих рассуждениях ученые уже сбились со следа и пошли по ложному пути.

25

Уиллис

По данным рентгенокристаллографического анализа, у «Андромеды» не оказалось никаких компонентов, присущих обычной клетке,— ни ядра, ни митохондрий, ни рибосом. В шестиугольниках не было никаких внутренних членений, никаких более мелких частичек. Напротив, как их стенки, так и внутренняя часть состояли, по-видимому, из одного и того же вещества. Вещество это давало на фотографиях характерную картину какого-то колебательного процесса, прецессии, или, иначе, рассеяния рентгеновских лучей.

Просматривая результаты, Стоун заметил:

— Просто ряд одинаковых шестиугольных колец...

— И ничего больше,— добавил Ливитт.— Как же, к дьяволу, этот штамм ухитряется жить?..

Они не могли представить себе, как организм, столь просто устроенный, способен непосредственно использовать энергию для роста.

— Совершенно заурядная кольцевая структура,— сказал Ливитт.— Вроде феиольной группы, только и всего. Такая структура должна быть довольно инертной...

— А она превращает энергию в материю...

Ливитт почесал затылок. Он опять припомнил свою аналогию с городом, аналогию с клеткой мозга. Любая молекула построена из простейших кирпичиков. Взятая отдельно, она не обладает никакими примечательными свойствами. Однако в составе какой-то общности обретает огромную силу.

— Быть может, существует какой-то критический уровень,— предположил Ливитт.— Сложная структура

подчас проявляет свойства, какие просто невозможны у подобной же, но более простой...

— Давняя острота насчет мозга шимпанзе, — напомнил Стоун.

Ливитт молча кивнул. По всем основным характеристикам мозг шимпанзе устроен не менее сложно, чем мозг человека. Существуют мелкие различия, но главное — в размере: человеческий мозг крупнее, в нем значительно больше клеток, больше и различных связей между ними. И именно это — не совсем понятно как — делает мозг человека качественно иным. Как однажды заметил в шутку нейрофизиолог Томас Уолдрен, решающее различие между мозгом шимпанзе и мозгом человека состоит в том, что «мы используем шимпанзе в качестве подопытного животного, а не наоборот».

Стоун и Ливитт несколько минут ломали себе голову над структурой штамма и, не придя ни к какому выводу, перешли к анализу плотности распределения электронов методом разложения в ряд. Вероятностное местоположение электронов для этой структуры было изображено на схеме, напоминающей топографическую карту. И сразу же обнаружилась новая странность. Структура на схеме оставалась неизменной, но величины коэффициентов Фурье для разных точек оказались неодинаковыми.

— Похоже, что часть структуры каким-то образом отключается, — сказал Стоун.

— Главное, она все-таки не однородна, — поддержал Ливитт.

Стоун уставился на полученную схему и вздохнул:

— Черт возьми, надо было взять в группу физико-химика... «Вместо Холла», — добавил он про себя.

Холл устало тер глаза, прихлебывал кофе и очень жалел, что к нему не полагается сахару. В буфете больше никого не было, и тишину нарушало лишь приглушенное шелканье телетайпа в соседней совещательной комнате.

Спустя минуту он встал, подошел к телетайпу и стал просматривать рулоны поступивших сообщений. Большинство из них было лишено для него всякого смысла, но в конце концов он натолкнулся на страничку текста, поступившего по программе «Обзор смертей». Эта программа предусматривала регистрацию всех сколько-нибудь значительных смертных случаев, соответствующих определенным критериям. Для «Лесного

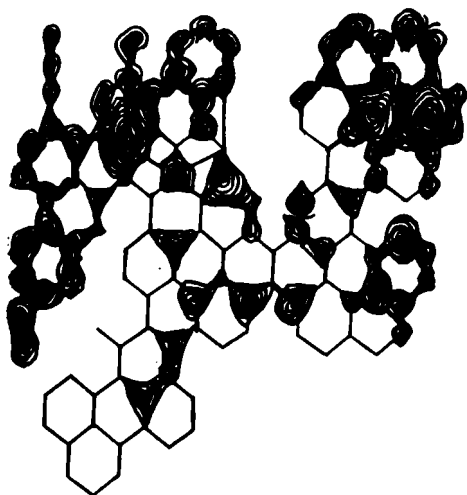

Схема плотности электронов в структуре штамма «Андромеда», полученная на основе микрофотографических исследований.

Именно эта схема позволила обнаружить вариации активности внутри однородной в остальном структуры.

Фото представлено группой «Лесной пожар»

пожара» ЭВМ сейчас подбирала сообщения обо всех неожиданных смертях в Аризоне, Неваде и Калифорнии.

Холл не обратил бы внимания на эту страничку, если бы не недавний разговор с Джексонном. Тогда ему этот разговор показался, по правде говоря, бесполезным, и он пожалел затраченного времени. Теперь он призадумался.

телетайп программа

обзор смертей

сообщение 998

координаты 7, Y, O, X, 4, O

дословный текст сообщения ассо-

шиэйтед пресс 778—778

браш ридж, аризона

Как сообщают, сегодня полицейский дорожной полиции штата Аризона убил пять человек в закусочной у шоссе. Мисс Сэлли Коноувер, официантка из закусочной на маршруте 15 в десяти милях к югу от Флагстаффа,— единственная свидетельница происшествия, оставшаяся в живых.

Мисс Коноувер сообщила следователю, что в 2.40 пополудни полицейский Мартин Уиллис вошел в закусочную и попросил кофе с пончиком. Уиллис и раньше довольно часто заходил сюда. На этот раз он, выпив свой кофе, сказал, что у него сильно болит голова и «язва разбушевалась». Мисс Коноувер подала ему две таблетки аспирина и столовую ложку питьевой соды. По ее словам, в этот самый момент Уиллис подозрительно взглянул на других посетителей и прошептал: «Они охотятся за мной».

Прежде чем официантка успела ответить, Уиллис выхватил пистолет и начал стрелять в посетителей, методически переходя от одного к другому. Затем он якобы повернулся к мисс Коноувер, улыбнулся и, сказав: «Я люблю тебя, Ширли Темпл», сунул дуло пистолета в рот и нажал спуск.

После допроса в полиции мисс Коноувер была отпущена. Опознать убитых пока не удалось.

к о н е ц с о о б щ е н и я
к о н е ц п р о г р а м м ы

Холл не мог не припомнить, что этот самый Уиллис проехал через Пидмонт незадолго, буквально за несколько минут до вспышки болезни, проехал, не остановившись.

И вскоре сошел с ума.

Есть тут какая-нибудь связь?

Он задумался. Вполне возможно... Во всяком случае, налицо много общего: Уиллис страдал язвой желудка, принимал аспирин, а потом взял да и покончил с собой.

Конечно, все это еще ничего не доказывало. Все эти события могли быть совершенно не связаны друг с другом. Но проверить догадку стоило.

Он нажал кнопку на панели. Телеэкран вспыхнул, и на нем появилось лицо девушки у коммутатора с наушниками поверх прически. Девушка улыбнулась.

— Мне нужен главный врач дорожной полиции штата Аризона, — сказал Холл. — Или западного сектора штата, если там есть такой.

— Хорошо, сэр, — ответила девушка без тени удивления.

Через несколько минут девушка появилась на экране вновь.

— Мы разыскивали доктора Смитсона, врача арн-зонской дорожной полиции к западу от Флагстаффа. У него нет телепередатчика, но вы можете переговорить с ним по звуковому каналу.

— Превосходно,— сказал Холл.

Что-то шелкнуло и загудело. Холл не отрываясь смотрел на экран, но девушка выключила звук и занялась каким-то другим абонентом. И вдруг Холл услышал низкий медлительный голос, позвавший нерешительно:

— Алло! Кто меня вызывает?..

— Здравствуйте, доктор,— откликнулся Холл.— С вами говорит ваш коллега Марк Холл из... Финикса. Я хотел бы уточнить кое-что относительно одного из ваших инспекторов, полицейского Уиллиса...

— Телефонистка сказала, что вызов правительственный,— произнес Смитсон нараспев.— Это верно?

— Да, верно. Мы хотели бы...

— Доктор Холл,— сказал Смитсон все тем же тягучим голосом,— быть может, вы сначала удостоверите свою личность и назовете свое учреждение?

Холл сообразил, что смерть Уиллиса, вероятно, уже привлекла внимание блюстителей закона. Доктор Смитсон, ясное дело, обеспокоен этим.

— К сожалению, я не вправе ответить на ваш вопрос.

— Ну, так вот, доктор, по телефону я никаких сведений давать не буду, тем более что человек на другом конце провода не желает сказать, зачем они ему нужны.

Холл тяжело вздохнул.

— Доктор Смитсон, я вынужден тем не менее просить вас...

— Просите, сколько хотите. Только я все равно не...

И тут в трубке внезапно прозвенел звонок, и бесстрастный механический голос оповестил:

— Прошу внимания. Это запись. Кибернетическое контрольное устройство произвело проверку линии, по которой ведется настоящий разговор, и установило, что разговор записывается на магнитофон внешним абонентом. Доводится до сведения, что запись секретных правительственных переговоров лицами, на то специально не уполномоченными, карается тюремным заключением на срок от пяти лет и выше. Если запись не

будет прекращена, связь автоматически выключается. Благодарю за внимание.

Последовала долгая пауза. Холл легко мог себе представить изумление Смитсона; он и сам был немало удивлен.

— Из какого же чертова логова вы звоните, а? — выговорил наконец Смитсон.

— Выключите магнитофон, — предложил Холл.

Еще пауза, легкий щелчок, затем:

— Ладно. Выключил...

— Я говорю с секретного правительственного объекта.

— Но послушайте, мистер...

— Постарайтесь понять, что я говорю, — сказал Холл. — Дело это чрезвычайной важности, и касается оно полицейского Уиллса. Несомненно, по этому поводу будет проведено судебное расследование и, разумеется, тогда потянут и вас. А мы, возможно, сумеем доказать, что Уиллис не отвечал за свои поступки, что это был чисто клинический случай. Но мы ничего не сможем сделать, если вы не сообщите нам все, что знаете о состоянии его здоровья. И если вы, доктор Смитсон, не скажете все, что знаете, и притом немедленно, мы вправе засадить вас за решетку лет на двенадцать за отказ содействовать официальному правительственному расследованию. Дело ваше — вернуть мне или нет. Для вас будет лучше, если поверите...

Последовала еще одна долгая пауза, и в конце концов Смитсон ответил все так же неторопливо:

— Ну зачем же волноваться, доктор? Разумеется, теперь, когда я уяснил себе ситуацию...

— Уиллис страдал язвой желудка?

— Язвой? Нет. Просто он так сказал, или, во всяком случае, так сообщили. Насколько мне известно, язвы у него никогда не было...

— А чем-нибудь вообще он болел?

— Диабетом.

— Диабетом?

— Да. И относился он к своей болезни довольно небрежно. Диагноз мы поставили лет пять-шесть назад, когда Уиллису было тридцать. Довольно серьезный случай. Назначили ему инсулин, пятьдесят единиц в день, но я сказал уже — он был довольно небрежен. Два раза привозили в больницу в коматозном состоянии — и все из-за того, что забывал про инсулин. Уверял, что терпеть не может шприца. Хотели даже уволить его из

полиции: как его, в самом деле, пускать за руль? А если вдруг приступ ацидоза и обморок на полном ходу? Здорово тогда его напугали, и он поклялся, что будет выполнять все предписания. Это случилось три года назад, и с тех пор, насколько мне известно, он вводил инсулин регулярно...

— Вы в этом уверены?

— Ну, более или менее. Правда, официантка эта из закуской, Сэлли Коноувер, сообщила следователю, что Уиллис, по-видимому, был пьян: от него будто бы несло спиртным. Но я-то знаю точно, что Уиллис в жизни к рюмке не притрагивался. Он был из истинно верующих, никогда не курил и не пил. Вел размеренную, правильную жизнь. Потому и из-за своего диабета так переживал: ему казалось, что он такой напасти не заслужил...

Холл откинулся в кресле. Вот теперь он подошел близко, совсем близко. Ответ — где-то рядом, протяни руку. Ответ окончательный, разрешающий все сомнения...

— Последний вопрос, — сказал он. — Уиллис проезжал через Пидмонт незадолго до своей смерти?

— Да, проезжал. Он радировал нам оттуда. Правда, он немного опаздывал против графика, но через поселок проехал. А что? Это связано с правительственными испытаниями, которые там ведутся?

— Нет, — ответил Холл, хотя и был убежден, что Смитсон ему не поверит.

— Но, послушайте, мы тут с этим Уиллисом влипли в скверную историю, и если у вас есть какие-нибудь факты, которые...

— Мы еще с вами свяжемся, — пообещал Холл и отключился.

На экране вновь появилась девушка.

— Вы закончили разговор, доктор Холл?

— Да, закончил. Но мне нужна одна справка.

— Какого рода справка?

— Я хочу знать, имею ли я право кого-нибудь арестовать.

— Сейчас проверю, сэр. По какому обвинению?

— Без всякого обвинения. Просто задержать человека.

С минуту девушка разглядывала что-то на панели перед собой.

— Доктор Холл, вы имеете право потребовать официального военного допроса любого человека по делам,

связанным с программой нашего комплекса. Допрос может длиться не более сорока восьми часов.

— Хорошо, — сказал Холл. — Организуйте мне это.

— Да, сэр. Кого вы имеете в виду?

— Доктора Смитсона.

Девушка кивнула в знак того, что поняла, и экран погас. Холлу стало даже жаль Смитсона, правда, не очень — придется несколько часов попотеть со страху, только и всего. Что делать — необходимо приостановить распространение слухов о Пидмонте.

Он по привычке откинулся на спинку стула и начал размышлять о том, что узнал. Он был немного взволнован, чувствовал, что стоит на пороге важного открытия.

Три человека:

Диабетик, страдающий ацидозом вследствие нерегулярного приема инсулина.

Старик, любитель денатурата и аспирина, тоже с резко повышенной кислотностью.

И младенец.

Один прожил несколько часов, другие два, очевидно, выжили окончательно. Один сошел с ума, другие — нет. И все это как-то взаимосвязано.

Какой-то совсем не сложной связью.

Ацидоз. Ускоренное дыхание. Повышенное выделение углекислого газа. Кислородное насыщение. Головокружения. Утомляемость. И все это как-то логически связано. Где-то в этой цепочке — ключ к борьбе с «Андромедой»...

В этот миг на пятом уровне пронзительно зазвенел сигнал общей тревоги и зажглись пульсирующие ярко-желтые лампы.

Холл вскочил и выбежал в коридор.

26

Прорваласы..

Мигающее табло в коридорах указывало место происшествия: «Секционная». Холл сразу сообразил — произошла разгерметизация, прорвалась инфекция.

Он побежал по коридору, а над ним громкоговорители повторяли мягким, ласковым голосом: «В секционной разгерметизация. В секционной разгерметизация. Объявлена тревога».

Из приоткрывшейся двери выглянула лаборантка:

— Что случилось?

— У Бертона как будто. Прорыв инфекции.

— А он-то цел?

— Сомневаюсь,— кинул он на бегу. Она пустилась за ним вдогонку.

Из морфологической лаборатории вышел Ливитт и присоединился к ним. Теперь они бежали втроем, бежали что есть мочи по плавно изгибающемуся коридору, и Холлу еще подумалось, что для своего возраста Ливитт бежит очень легко. И вдруг тот остановился. Замер как вкопанный. И не мигая уставился на мерцающее табло и на лампочку над ним, которая вспыхивала и гасла, вспыхивала и гасла.

Холл оглянулся:

— Пошли скорее...

— Ему плохо,— сказала лаборантка.

Ливитт не двигался. Он стоял с раскрытыми глазами и в то же время как будто спал. Руки плетью бессильно свисали по бокам.

— Доктор Холл!

Холл остановился, потом повернул назад.

— Питер, старик, пошли, нам нужна ваша...

Он не договорил, потому что Ливитт уже не слышал его. Ливитт глядел прямо перед собой на мигающий свет. Когда Холл провел рукой у него перед глазами, Ливитт не среагировал — не заметил. И тут Холл вспомнил, что микробиолог и раньше боялся мигающего света, отворачивался от пульсирующих ламп и отшучивался, когда его расспрашивали об этом.

— Вот чертов сын,— сказал Холл.— И надо же, чтобы это началось именно сейчас...

— Да что с ним? — спросила лаборантка.

Из уголка рта у Ливитта вытекла струйка слюны. Холл быстро подошел к нему сзади и обратился к лаборантке:

— Встаньте прямо перед ним и прикройте ему глаза рукой. Не позволяйте ему смотреть на лампу...

— Почему?

— Потому что она мигает три раза в секунду.

— Вы хотите сказать...

— Что вот-вот начнется припадок.

И тут как раз припадок и начался.

Колени Ливитта мгновенно подогнулись, и он рухнул на пол. Упал он на спину, и по телу его прока-

тилась волна крупной дрожи. Сначала задрожали кисти рук и ступни, потом тряска охватила руки до плеч и ноги и наконец все тело. Судорожно стиснув зубы, он издал прерывистый стон. Голова заколотилась по полу. Холл подсунил ему под затылок ногу: уж лучше пусть колотится о ногу, чем о твердый пол.

— И не пытайтесь открыть ему рот,— сказал Холл.— Все равно не сможете — судорога...

На брюках у Ливитта появилось и стало разливаться желтое пятно.

— Сейчас может начаться общий спазм,— продолжал Холл.— Бегите в аптеку — сто миллиграммов люминала. Быстро, как только можете. И шприц. Потом, если надо, переведем его на дилантин...

Ливитт всхлипывал сквозь судорожно сжатые зубы, по-звериному завывая. Скованное судорогой тело его стучало о пол, словно бревно.

Но тут подоспела лаборантка со шприцем. Холл подождал, когда судороги стихнут, и сделал укол.

— Останьтесь с ним,— обратился он к девушке.— Если приступ повторится, сделайте то же, что я,— подложите ногу ему под голову. Думаю, что все обойдется. Только не трогайте его с места...

И Холл бегом бросился в секционную.

Он подергал ручку — и только через несколько секунд сообразил, что лаборатория отсечена и герметически изолирована: значит, туда прорвалась инфекция. Холл прошел в комнату Главного контроля. Там сидел Стоун, а с экрана внутреннего телевидения на него смотрел насмерть перепуганный Бертон.

Вид у Бертона был страшный, лицо бледное, дыхание отрывистое, речь несвязная. В общем выглядел он, как приговоренный к смерти, да, собственно, так оно и было.

— Ну, не волнуйтесь, старина, не волнуйтесь,— пытался успокоить его Стоун.— Все будет хорошо. Главное — не волнуйтесь...

— Мне страшно,— шептал Бертон.— Господи, как мне страшно...

— Успокойтесь, старина,— увещевал Стоун.— Мы же знаем, что «Андромеде» не нравится кислород. Вот мы и накачиваем сейчас в вашу лабораторию чистый кислород. Это поможет вам продержаться...— Он повернулся к Холлу.— Почему так долго? Где Ливитт?

— У него припадок.

— Что?

— Ваши лампочки мигают три раза в секунду, и у него случился припадок.

— Что-о?

— Эпилепсия. Сначала легкий припадок, а потом очень тяжелый — с тоническими судорогами, недержанием мочи и всем прочим. Я ввел ему люмнал — и сразу же сюда...

— У Ливитта — эпилепсия?

— Выходит, что да.

— Должно быть, он и сам не знал, — сказал Стоун. — Не понимал, наверно...

И тут Стоун вспомнил про запрос на повторную энцефалограмму.

— О нет, — сказал Холл, — отлично знал. Сознательно избегал глядеть на мигающий свет, знал, что это может вызвать припадок. Я уверен, что знал. Уверен, что случались приступы, когда он вдруг терял представление, что с ним происходило, когда какие-то минуты начисто выпадали из жизни и он не мог ничего вспомнить...

— Сейчас ему лучше?

— Ничего. Держим на успокаивающих...

— Бертону мы качаем чистый кислород, — пояснил Стоун. — Это должно помочь ему, пока мы не разберемся... С этими словами он отключил микрофон внутренней связи с Бертоном. — Фактически кислород начнет поступать к нему лишь через несколько минут, но я ему сказал, что уже начал. Он там герметически изолирован, так что распространение инфекции приостановлено. В остальных помещениях базы все в порядке — пока...

— Как это могло случиться? — спросил Холл. — Как могла произойти утечка?

— Должно быть, где-нибудь полетела прокладка, — ответил Стоун. И понизил голос: — Мы знали, что рано или поздно это должно произойти. Любая изоляция со временем сдает...

— Вы думаете, это случайность?

— Конечно. Просто авария. Здесь так много всяких прокладок, так много резины разной толщины. Дайте срок, они все посыплются. Бертону просто повезло очутиться там, где случился первый прорыв.

Холл отнюдь не испытывал уверенности, что все действительно так просто. Он глянул на экран — Бертон дышал учащенно, грудь его от ужаса ходила ходуном.

— И давно это произошло?

Стоун бросил взгляд на часы, отрегулированные на остановку в случае ЧП. Теперь они показывали время, прошедшее с момента разгерметизации.

— Четыре минуты назад.

— И Бертон все еще жив?

— Да, слава Богу...

И тут Стоун нахмурился. До него дошло, что это действительно странно.

— Почему? Почему он все еще жив? — раздельно и медленно повторил Холл.

— Кислород...

— Вы сами сказали, что кислород еще не подали. Что же защищает Бертон сейчас?

В этот миг переговорное устройство донесло до них голос Бертон:

— Послушайте... Я хотел бы, чтобы вы попробовали на мне одну вещь...

Стоун включил микрофон.

— Какую?

— Калоцин.

— Нет, — отрезал Стоун.

— Черт возьми, ведь речь идет о моей жизни...

— Нет.

— А может, попробовать? — начал Холл.

— Ни в коем случае. Мы не имеем права. Даже пробовать не имеем права...

Калоцин представлял собою, вероятно, самый строго охраняемый американский секрет за последние десять лет. Это был медикамент, выделенный фармацевтической фирмой Йенсена весной 1965 года под индексом UJ-44759W, или сокращенно К-9. Открытие произошло случайно, в ходе цикла обычных проверочных испытаний, которые Йенсен проводил со всеми вновь полученными соединениями.

Все фармацевтические компании проводят подобные испытания с целью выявления потенциальных биологических возможностей новых препаратов. В цикл испытаний входят в общей сложности 24 различные пробы, и выполняются они на лабораторных животных — крысах, собаках и обезьянах.

Препарат К-9 проявил на испытаниях довольно странные свойства. Он подавлял рост. Детеныш, кото-

рому вводили препарат, никогда не достигал размеров взрослой особи.

Этот факт послужил толчком к новой серии испытаний, и та дала еще более интригующие результаты. Препарат, как выяснил Йенсен, подавлял метаплазию, то есть превращение нормальных клеток организма в аномальные предшественники раковых клеток. Йенсен пришел в восторг и незамедлительно начал еще более интенсивные исследования.

К сентябрю 1965 года уже не оставалось сомнений, что калоцин способен приостанавливать рак. Механизм действия препарата был по-прежнему неясен, но он, несомненно, препятствовал размножению вируса, вызывающего миелонднуую лейкемию. Животные, которым был введен препарат, не заболели, а больные показывали заметное улучшение.

Персонал фирмы был взволнован. Вскоре обнаружилось, что калоцин — противовирусный препарат широчайшего спектра действия. Он убивал возбудителей полиомиелита, бешенства, лейкемии и бородавок. Мало того, как ни странно, калоцин убивал также и бактерии.

И грибки.

И паразитов.

Каким-то неведомым образом препарат уничтожал любые организмы одноклеточной или еще более простой структуры — и совершенно не влиял на сложные системы органов, на группы клеток, образующие крупные общности. В этом смысле действие калоцина было на редкость избирательным.

По существу калоцин представлял собою универсальный антибиотик. Он убивал любые микробы, даже те, которые вызывают обычную простуду. Естественно, возникали и побочные явления: заодно уничтожались и полезные бактерии кишечного тракта — все животные, на которых пробовали препарат, поголовно страдали расстройствами желудка. Но разве это можно было назвать высокой ценой за излечение от рака?

В декабре 1965 года сведения о препарате были неофициально сообщены некоторым правительственным учреждениям и ответственным работникам здравоохранения. И тогда-то у калоцина впервые нашлись противники. Многие, включая Джереми Стоуна, потребовали даже запрещения препарата.

Однако аргументы, которые они выдвигали, казались чисто теоретическими, а фирма, чуя миллиард-

ные прибыли, упорно настаивала на проведении клинических испытаний. В конце концов правительство, Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения и Управление продовольственных и медицинских товаров пошли навстречу Йенсену и дали санкцию на клинические испытания препарата. Они были начаты в феврале 1966 года, и первыми людьми, получившими калоцин, были 20 неизлечимо больных раком и 20 добровольцев из тюрьмы штата Алабама. Все 40 пациентов принимали препарат ежедневно в течение месяца. Результаты соответствовали ожидаемым: добровольцы испытывали побочные неприятные явления, однако ничего серьезного, а у больных раком наблюдалась поразительная ремиссия симптомов — свидетельство излечения. Первого марта 1966 года всем сорока перестали давать калоцин. Через шесть часов все сорок умерли.

Произошло то, что Стоун предсказывал с самого начала. Он говорил, что за многие века сосуществования человек постепенно выработал очень точно сбалансированный иммунитет по отношению к большинству микроорганизмов. Сотни различных видов вирусов и бактерий обитают на коже, в легких, кишечнике и даже в крови. Потенциально все они смертельно опасны, однако человек постепенно приспособился к ним, и лишь некоторые из них способны теперь вызывать у него болезни.

Этим обеспечивалось весьма точно отрегулированное равновесие. С привнесением препарата, убивающего все бактерии, мы нарушаем равновесие, уничтожаем плод многих веков эволюции. Мы открываем путь сверхинфекциям, и перед ними возникает проблема новых микроорганизмов, вызывающих новые болезни.

Стоун оказался прав: все сорок человек умерли от ужасных и непонятных, ранее никогда не виданных болезней. У одного все тело с головы до ног раздувалось до тех пор, пока он не погиб от отека легких. Другой пал жертвой бактерии, в течение нескольких часов начисто разъевшей его желудок, третий был поражен вирусом, который превратил его мозг в желеобразную массу.

И так все сорок.

Йенсен был вынужден прекратить испытания препарата. Правительство, убедившись, что Стоун сумел понять суть дела, приняло его первоначальное предложение и наложило категорический запрет на любую информацию и любые опыты, связанные с калоцином.

С тех пор прошло уже два года. И вот теперь Бер-тон попросил дать ему калоцин...

— Нет,— повторил Стоун еще раз,— у вас не будет и одного шанса из тысячи. На время он, возможно, вас поддержит, но, как только мы лишим вас калоци-на, вы не выживаете...

— Вам-то легко говорить, сидя там, где вы сидите.

— Мне совсем нелегко. Поверьте...

Стоун вновь прикрыл микрофон рукой и повернулся к Холлу:

— Мы же знаем, что кислород подавляет рост штамма. Будем давать Бертону кислород — на время это поможет. Чуть-чуть покружится голова, зато он не-много отдохнет и дыхание у него успокоится. Бедняга напуган до смерти...

Холл кивнул. Почему-то слова Стоуна поразили его. Напуган до смерти... Ему вдруг стало ясно, что Стоун натолкнулся на что-то чрезвычайно важное. В этих словах — ключ. В этих словах — ответ...

Он встал и пошел прочь.

— Куда вы?

— Мне надо подумать...

— О чем?

— О том, что значит — напуган до смерти...

27

Напуган до смерти

Холл вернулся к себе в лабораторию и уставился сквозь стекло на старика и младенца. Хотелось при-вести в порядок мысли, но они гнались друг за другом, кружась в бешеном темпе. Добиться логической строй-ности никак не удавалось, и испытанное только что чувство, что он на пороге открытия, исчезло.

Минуту-другую он не отрываясь смотрел на старше-го своего пациента, а перед мысленным его взором мелькали стремительные картины: умирающий Бертон — рука прижата к груди, Лос-Анджелес в панике, повсюду тела, и взбесившиеся, вышедшие из-под контроля автомобили...

Тут он понял, что и сам напуган. Напуган до смер-ти. Он вспомнил эти слова.

Напуган до смерти.

В них был какой-то смысл, какой-то ответ. Но какой?

Неторопливо, принуждая свой мозг к методичности, он еще раз взвесил все, что знал.

Полисмен с диабетом. Полисмен, который подчас пренебрегал инсулином и впадал в ацидоз.

Старикан, взявший себе в привычку пить «Стерно», что вело к насыщению организма метило и ацидозу.

Младенец, который... Который что? Откуда у него ацидоз?

Холд замотал головой. Во всех своих построениях он неизменно возвращался к этому младенцу — у того все было в норме, и никакой повышенной кислотности.

Он вздохнул. «Начни с начала, с самого начала, — сказал он себе. — Будь логичен. Если у человека обменный ацидоз — да любой ацидоз, — что с ним происходит?»

В его организме создается избыток кислоты. От такого избытка можно умереть, как, например, при вприскивании в вену соляной кислоты.

Слишком много кислоты — смерть.

Но организм может уравновесить этот избыток. Учащением дыхания. Ибо тогда легкие станут выводить больше углекислого газа и количество угольной кислоты, образуемой углекислым газом в крови, несколько снизится.

Значит, есть способ избавиться от высокой кислотности.

Учащенное дыхание.

А «Андромеда»? Что происходит с этим штаммом, если у вас ацидоз и вы учащенно дышите?

Может быть, при учащенном дыхании штамм не успевает попасть из легких в кровеносные сосуды? Может быть, и так. Но, не успев даже довести мысль до конца, он покачал головой. Нет, не то. Здесь что-то другое. Какой-то совсем простой, элементарный факт. Не что давно им известное. Только никак не удавалось ухватиться — что...

Итак, «Андромеда» проникает в организм через легкие.

Проходит в кровь.

Сосредоточивается в стенках кровеносных сосудов, особенно сосудов мозга.

Разрушает стенки.

Это ведет к свертыванию крови — или к внутреннему кровоизлиянию, сумасшествию и смерти.

Но, чтобы вызвать такое быстрое и сильное разрушение сосудов, нужно множество микроорганизмов. Миллионы миллионов их должны накопиться в артериях и венах. Вряд ли можно столько вдохнуть.

Значит, «Андромеда» размножается в крови.

Стремительно. С фантастической скоростью.

А если у вас ацидоз? Это приостанавливает размножение?

Может быть.

И снова Холл мотнул головой. У Уиллиса и у Джексона ацидоз — это одно дело. А у младенца?..

Ребенок совершенно здоров. Если он учащенно дышит, у него наступает алкалоз — защелочение, уменьшение кислотности крови, а вовсе не ацидоз. Тут противоположная крайность.

Холл глянул сквозь стекло, и в этот миг ребенок проснулся. И почти немедленно залился плачем: личико посинело, глазенки сморщились, обнажились беззубые десны...

Напуган до смерти.

И потом птицы с их ускоренным обменом веществ, ускоренным пульсом, ускоренным дыханием. Птицы, у которых ускорены все процессы. Они ведь тоже выжили.

Ускоренное дыхание?

Так просто?

Он опять покачал головой. Нет. Не может быть.

Ожесточенно протер глаза. Сильно болела голова, он ощущал такую усталость... Мысль вернулась к Бертону, который в любую минуту мог умереть, наглухо запертый в своей секционной. Напряжение становилось невыносимым. Холл вдруг почувствовал, что им овладевает желание убежать, исчезнуть, спрятаться от всего этого...

Вспыхнул телевизионный экран, и на нем появилась лаборантка.

— Доктор Холл, — позвала она, — мы перенесли доктора Ливитта в лазарет.

— Сейчас приду, — машинально ответил Холл.

Он знал, что ведет себя странно. Никакой нужды осматривать Ливитта не было. С ним ничего уже не случится, и никакой опасности для его жизни нет. Просто Холл старался отогнать от себя другие, более срочные заботы. Когда он вошел в лазарет, ему стало стыдно.

— Он спит,— сказала лаборантка.

— После приступа это нормально.

— Начнем диалог?

— Нет пока. Подождем, посмотрим. Может, обойдемся люминалом...

Он начал тщательный и подробный осмотр больного.

— Вы устали,— наблюдая за ним, сказала лаборантка.

— Да,— ответил Холл.— В это время я, как правило, уже сплю.

В обычный день он давно уже кончил бы свои дела в больнице и ехал бы домой. И Ливитт тоже ехал бы к себе домой, в Пэсифик-Пэлисейдз. По автострате Санта-Моника...

На секунду Холл явственно представил себе поток медленно движущихся автомашин. И дорожные знаки на обочине. Ограничение скорости: максимум — 100 километров в час, минимум — 60. В часы пик эти знаки выглядели как злая насмешка.

Максимум и минимум.

Вести машину слишком медленно плохо, даже опасно. Нужно, чтобы машины шли с какой-то более или менее постоянной скоростью. Нужно, чтобы разрыв между максимальной и минимальной скоростью был небольшим. Нужно...

Он замер и воскликнул:

— Какой же я идиот!..

И бросился к ближайшей панели ЭВМ.

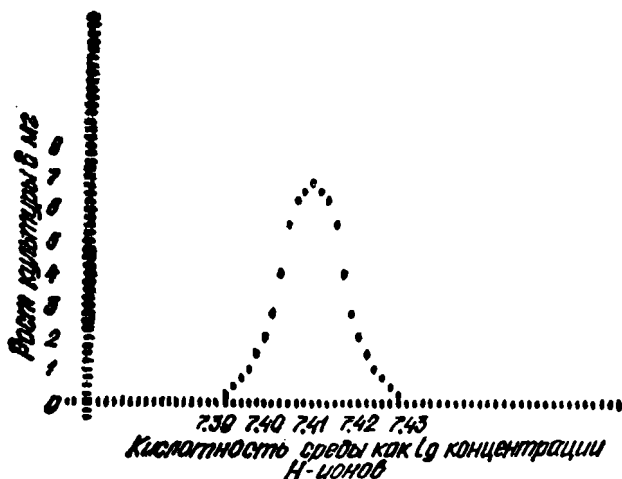
Позже, много недель спустя, Холл окрестил эту свою догадку «шоссейным диагнозом». Принцип был так прост, так ясен и очевиден, что оставалось только диву даваться, как он никому раньше не пришел в голову.

Отстукивая на клавишах уточнение к программе «Рост», он был настолько взволнован, что пришлось повторить операцию трижды — пальцы не слушались.

Наконец это все-таки удалось. И он увидел то, что хотел: рост штамма «Андромеда» как функцию рН, кислотно-щелочного равновесия.

Результат был абсолютно ясен.

Штамм «Андромеда» сохранял способность к росту лишь в узком диапазоне значений рН! Если среда оказалась слишком кислой, он не размножался. Если слишком щелочной — тоже. Штамм быстро рос только в диапазоне от 7,39 до 7,43.

Поправка на асимметрию введена.
Методика, стандартные отклонения и др. данные см.
в соответствующей печатной форме ММ-76.
Вызывные координаты 0, v, 88, z, 09.
Повторная проверка проведена

Холя всмотрелся в график, выданный ЭВМ, и кинулся к двери. По дороге вспомнил про лаборантку и улыбнулся:

— Все в порядке. Все наши беды позади...
Он жестоко заблуждался.

28

Испытание

Стоун по-прежнему следил за Бертоном на телеэкране и встретил Холла сообщением:

- Кислород уже поступает...
- Прекращайте.
- Что?!
- Прекращайте. Подавайте обычный воздух.

Холл внимательно посмотрел на Бертона. Даже по телевидению было заметно, что кислород уже начал оказывать свое действие. Бертон дышал уже не так

часто, грудь его подымалась медленнее. Холя поднял микрофон.

— Бертон, говорит Холя. Я нашел ответ: «Андромеда» растет лишь в узком диапазоне значений pH. Вы понимаете? В очень узком диапазоне. Если у вас избыток кислотности либо избыток щелочности, тогда вам ничто не грозит. Я хочу привести вас в состояние респираторного алкалоза. Дышите быстро, как только можете...

— Но здесь же чистый кислород,— отвечал Бертон.— Наступит перенасыщение, и я потеряю сознание. У меня и без того уже голова кружится...

— Мы переходим снова на обычный воздух. Начните дышать быстрее, как можно быстрее.

Холя повернулся к Стоуну:

— Дайте повышенную концентрацию углекислого газа.

— Но «Андромеда» лучше всего развивается именно в атмосфере углекислого газа...

— Знаю, но не при неблагоприятном pH крови. Поймите, суть вопроса не в составе воздуха, а в составе крови. Мы должны сейчас поддерживать в крови у Бертонна неблагоприятный кислотный баланс...

Стоун внезапно понял.

— Младенец. Он же все время кричал...

— Верно.

— А у старика с его аспирином было учащенное дыхание...

— Да. И, кроме того, он вил денатурат.

— И в результате и у того, и у другого совершенно нарушилось кислотно-щелочное равновесие...

— Вот именно. Вся беда в том, что я прицепился к этой кислотности и никак не мог понять, откуда у ребенка ацидоз. А его, ацидоза, там и в помине не было. Это же все равно: слишком много кислоты или слишком мало — лишь бы вне пределов диапазона роста «Андромеды»...

Он вновь обратился к Бертону.

— Теперь все в порядке. Продолжайте дышать часто. Не останавливайтесь. Работайте легкими, откачивайте углекислый газ. Как вы себя чувствуете?

— Ничего,— пропыхтел Бертон.— Страшновато... но ничего.

— Ну, вот и хорошо.

— Послушайте,— сказал Стоун,— мы же не можем вечно держать его на таком режиме. Рано или поздно...

— Конечно, — поняв Холл, — мы перенасытим его кровь щелочью. — И к Бертону: — Посмотрите там у себя в лаборатории. Нет ли у нас чего-нибудь такого, чем можно изменить рН крови?

Бертон огляделся вокруг.

— Да вроде нет...

— Сода? Аскорбиновая кислота? Уксус?

Бертон начал судорожно перебирать пузырьки и реактивы на полках. Наконец, пришел к выводу:

— Ничего такого тут нет...

Холл, впрочем, уже почти не слушал Бертона. Он подсчитывал частоту его дыхания: 36 вдохов в минуту. Дыхание было глубокое, полное — какое-то время он продержится. Но затем неизбежно устанет: дыхание — достаточно тяжелая работа. Устанет или потеряет сознание...

Со своей безопасной позиции у телевизоров он внимательно осмотрел лабораторию Бертона. И увидел крысу. Черную норвежскую крысу, которая преспокойно сидела в клетке в углу и разглядывала ученого.

Холл даже вздрогнул.

— Крыса-то...

А она дышала легко и размеренно. Стоун тоже заметил ее.

— Что за черт...

И вдруг лампы замигали вновь.

На пульте вспыхнула надпись:

Аварийное изменение состояния уплотнения В—112—6886

— Господи! — сказал Стоун.

— Что это за уплотнение?

— Какая-то прокладка центрального ствола, связывающего все лаборатории. Главное — гермети...

Экран загорелся опять:

Аварийное изменение состояния уплотнений А—009—5478

В—430—0030

Н—966—6656

В немом изумлении следили они за экраном.

— Скверное дело, — сказал Стоун. — Очень скверное.

На пульте промелькнули номера еще девяти вышедших из строя прокладок.

— Просто не понимаю...

Но тут Холл воскликнул:

— Ребенок.. Ну, конечно же!..

— Что ребенок?

— И тот проклятый самолет. Все сходится...

— О чем вы?

— Ребенок совершенно здоров. Когда он плачет, он нарушает кислотно-щелочное равновесие организма. Допустим. Алкалоз не дает возможность штамму проникнуть в кровь, размножиться там и убить свою жертву...

— Ну да,— отозвался Стоун.— Вы это уже говорили...

— Но что происходит, когда ребенок умолкает?..

Стоун уставился на Холла, не находя слов.

— Ведь рано или поздно,— продолжал Холл,— ребенок должен был замолчать! Не мог же он кричать вечно... Рано или поздно он перестал орать, кислотно-щелочное равновесие пришло в норму, и он стал вновь уязвим для «Андромеды»...

— Верно.

— Но он не умер.

— Быть может, какая-нибудь быстрая форма иммунитета...

— Нет, это невероятно. Есть только два объяснения. Когда ребенок перестал кричать, то либо штамма уже не было поблизости — подул ветер, воздух очистился,— либо же этот штамм...

— Изменился,— подхватил Стоун.— Пронзошла мутация.

— Вот именно. Мутация с превращением в неинфекционную форму. Возможно, она продолжается и сейчас. Штамм уже не опасен для человека, зато пожирает резину и пластик...

— Самолет!..

Холл кивнул.

Национальным гвардейцам на земле «Андромеда» не причинила никакого вреда. А самолет погиб — потому что пластик стал расползаться у пилота на глазах...

— Стало быть, штамм теперь практически безвреден. Вот почему жива крыса...

— Вот почему жив Бертон,— добавил Холл.— Угнетенное дыхание не нужно. Бертон жив только потому, что изменилась сама «Андромеда».

— Она может измениться еще раз,— возразил Стоун.— И если большинство мутаций происходит во время деления...

Взревели сирены, и пульт оповестил красными буквами:

Герметизация нарушена полностью. Пятый уровень заражен и отсечен

— Бегом отсюда,— бросил Стоун Холлу.— Быстро! В этой лаборатории нет подстанции. Вам надо перейти в следующий сектор...

Холл не сразу понял, чего от него хотят. Он продолжал сидеть, будто прирос к креслу, но вдруг понял, сорвался с места, бросился к двери. И не успел — послышалось шипение, из стены выскользнула массивная стальная плита и, лягнув, перекрыла выход. Стоун выругался:

— Ну вот, попались. Если бомба взорвется, «Андромеду» разнесет на десятки миль вокруг. Будут тысячи мутаций, и каждая станет убивать на свой манер. Нам теперь никогда от нее не избавиться...

Бесстрастный механический голос повторил несколько раз по радио:

— Уровень отсечен. Тревога. Уровень отсечен. Тревога. Уровень отсечен...

На мгновение наступила тишина, потом донесся легкий скрип — включилась новая запись, и тихий голос мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха произнес:

— До ядерного взрыва осталось три минуты...

29

Три минуты

Опять тревожно взвыла сирена, и стрелки всех часов одновременно прыгнули на 12.00, а секундные стрелки начали отсчитывать время. Циферблаты автоматических таймеров загорелись красным светом, зеленая полоска на них точно указывала момент ядерного финала.

А голос невозмутимо повторял:

— До ядерного взрыва осталось три минуты.

— Автоматика,— сказал Стоун с тихим бешенством.— Уровень поражен, и система сработала. Надо что-то делать...

Холл держал в руке ключ и тупо смотрел на него.

— И никак нельзя добраться до подстанции?

— На этом уровне — нет. Каждый сектор изолирован от других.

— А на других уровнях, там же есть подстанции?

- Есть.
- Как добраться до них?
- Никак. Все пути отрезаны.
- А центральный ствол?

Центральный ствол пронизывал насквозь все уровни. Стоун передернул плечами:

- Предохранительные системы...

Холл припомнил, что Бертон как-то рассказывал ему о предохранительных системах центрального ствола. Теоретически, попав в центральный ствол, можно было подняться до самой поверхности. Но практически по окружности ствола были размещены лигामीновые датчики, в основном на случай, если какое-нибудь лабораторное животное вырвется на волю. По сигналу датчика в ствол подавался в виде газа лигамин — растворимое производное яда кураре. Кроме того, автоматические пистолеты стреляли дротиками, отравленными лигamiном.

Механический голос сказал:

- До взрыва осталось две минуты сорок пять секунд...

Холл уже отошел в глубину лаборатории и глядел сквозь стекло на внутреннее рабочее пространство; где-то там, еще глубже, находился центральный ствол.

- Какие у меня шансы?

- Их попросту нет, — ответил Стоун.

Холл пригнулся и вполз в туннель-шланг, ведущий к пластиковому комбинезону. Подождал, когда шланг за ним загерметизируется, потом взял нож и обрезал этот шланг, как бесполезный хвост. Вдохнул всей грудью лабораторный воздух, прохладный и свежий и насыщенный «Андромедой».

И ничего не случилось.

Стоун наблюдал за ним через стекло. Холл видел, что губы Стоуна шевелятся, но слов не слышал. Потом включились динамики:

- ...лучшая, какую мы только могли придумать.

- Что?

- Предохранительная система.

— Прямую благодарен, — ответил Холл и направился к резиновому затвору, ведущему в центральный ствол. Отверстие затвора было круглое и относительно небольшое.

— Есть единственный шанс, — сказал Стоун. — Дозы низкие, рассчитаны на десятикилограммовое животное, вроде большой обезьяны, а в вас килограммов семьдесят

или вроде того. Вы выдержите довольно значительную дозу, прежде чем...

— Прежде чем перестану дышать,— закончил за Стоуна Холл.

Жертвы кураре погибают от удушья, вызванного параличом мышц груди и диафрагмы. Холл был убежден, что это не самый приятный способ умереть.

— Пожелайте мне удачи,— сказал он.

— До взрыва осталось две минуты тридцать секунд,— молвила Глэдис Стивенс.

Холл с размаху ударил кулаком по затвору — тот рассыпался на куски — и пролез в центральный ствол.

Здесь было тихо. Ни воющих сирен, ни мигающих ламп, одна холодная, металлическая, гулкая пустота. Центральный ствол, метров десяти в диаметре, был выкрашен в практичный серый цвет; это была просто цилиндрическая шахта с кабелями и механизмами, и по стене наверх, на четвертый уровень, шли ступеньки-скобки.

— Я наблюдаю за вами по телемонитору,— донесся до Холла голос Стоуна.— Поднимайтесь быстрее. Вот-вот будет выпущен газ.

Еще один магнитофонный голос:

— Поражен центральный ствол. Всему обслуживающему персоналу немедленно покинуть опасную зону...

— Скорее! — крикнул Стоун.

Холл полез по скобкам вверх. Глянул под ноги — пола уже не было видно, его застлали клубы белого дыма.

— Пошел газ,— предупредил Стоун.— Торопитесь!..

Холл и без того торопился, перебирая руками по скобкам и тяжело дыша — от усталости и от волнения.

— Датчики засекли вас,— глухо сказал Стоун.

Сидя в лаборатории у экрана, он видел, как электрические глаза обнаружили Холла в шахте и очертили контуры его тела. Холл казался таким беззащитным, таким уязвимым... А на соседнем экране было видно, как лигamiновые пистолеты поворачиваются на своих кронштейнах, наводя на цель тонкие дула.

— Скорее!..

Тело Холла на экране было обведено красной линией на ярко-зеленом фоне. Потом на этот контур, на область шеи, наложилось прицельное перекрестье. Управляемые ЭВМ автоматы, следуя программе, выби-

ради область наиболее сильного тока крови — у большинства животных шея в этом смысле предпочтительнее синим.

А Холл все лез и лез. Для него сейчас существовали лишь расстояние и еще усталость, усталость. Он ощущал такое изнеможение, будто карабкался уже много часов, и вдруг понял, что это началось воздействие газа...

— Датчики засекли вас, — повторил Стоун, — зато вам осталось всего метров десять...

И тут Холл увидел совсем близко от себя один из датчиков. Дуло пистолета смотрело прямо на него — и вот пистолет выстрелил, выплюнув облачко голубого дыма. Что-то свистнуло мимо уха, шлепнулось в стенку и отскочило вниз.

— Промых. Лезьте дальше...

Еще один дротик разбился о стенку рядом с шеей. Холл старался карабкаться быстрее, как можно быстрее... Над собой он уже видел дверь с белыми буквами: «Четвертый уровень». Стоун был прав, действительно оставалось меньше десяти метров. Третий дротик, четвертый. Мимо. Ирония судьбы — н какую-то малую долю секунды он почувствовал раздражение: чего стоят эти дурацкие электронные системы, если не способны попасть в такую мишень...

Следующий дротик ударил Холла в плечо и с жадящей болью вонзился под кожу, потом по телу прокатилась вторая волна боли — впрыснулся яд. Холл чертыхнулся.

Стоун видел все это на своем мониторе. Затем на экране появилась бесстрастная надпись «Попадание», и изображение было повторено в записи; дротик снова летел и снова вонзался Холлу в плечо. Запись была повторена трижды...

— До взрыва осталось две минуты, — возвестил голос.

— Доза низкая, — сказал Стоун. — Лезьте дальше...

И Холл полез дальше. Он чувствовал огромную тяжесть, будто весил двести килограммов, и все-таки лез. Добрался до двери — дротик ударил в стену у самой щеки.

— Вот подлый...

— Давайте, давайте!

Дверь была герметическая, плотно притертая, на ней была ручка. Холл дернул ее — еще один дротик стукнулся в стенку.

— Вы совсем у цели, — сказал Стоун, — вы почти добрались...

До взрыва осталось девять секунд...

Ручка подавалась, дверь с шипением открылась. Он перевалялся через порог — и в этот миг дротик вонзился в ногу, и его опять захлестнула горячая волна боли. Теперь он весил уже не двести, а пятьсот килограммов. Медленно, очень медленно он протянул руку и закрыл за собой дверь.

— Вы в воздушном шлюзе — сказал Стоун. — Откройте следующую дверь.

Он потащился к внутренней двери. До нее был долгий-долгий, бесконечный путь, безнадежное расстояние. На ногах висели свинцовые колодки, ноги были каменные. Хотелось лечь и заснуть — он так устал, все тело болит. Шаг. Еще шаг. Еще...

До взрыва осталось шестьдесят секунд...

Время мчалось. Холл никак не мог понять, в чем дело: оно неслось с такой быстротой, а он двигался так медленно...

Ручка. Как во сне, пальцы сомкнулись вокруг нее и повернули...

— Боритесь с ядом, — сказал Стоун. — Вы можете можете!

Что было дальше, он почти не мог вспомнить. Ручка повернулась, и дверь открылась; он смутно увидел девушку-лаборантку — она стояла в коридоре, куда он ввалился, и смотрела на него испуганными глазами...

— Помогите, — попросил он.

Она заколебалась, глаза ее совсем округлились, и вдруг она побежала по коридору прочь. Он тупо поглядел ей вслед и свалился на пол. Подстанция была в нескольких шагах — блестящая металлическая нашивка на зеленой стене.

До взрыва осталось сорок пять секунд.

И Холл разозлился. Оттого, что этот соблазнительный женский голос был заранее записан на пленку. Оттого, что кто-то задумал всю эту серию неотвратимых грозных предупреждений. Оттого, что этот сценарий разыгрывается сейчас, как по нотам, электронной машиной вкупе со всей блестящей, безупречной лабораторной аппаратурой. Будто такова была его неминуемая участь, заранее запланированная и предначертанная.

И он разозлился.

Как он преодолел оставшиеся метры, как сумел подняться на колени и вставить ключ, он, несмотря на все

старания, вспомнить не мог. Но ясно помнил, как повернул ключ в замке и как погасла красная лампочка и вновь загорелась зеленая.

— Взрыв отменяется. Взрыв отменяется, — оповестил голос бесстрастно, будто ничего не случилось.

Холл тяжело сполз по стенке вниз, и черная мгла сомкнулась над ним,

День пятый

ПОЖАР УГАС

30

День последний

Издалека-издалека донеслись слова:

— Он приходит в себя...

— Неужели?

— Смотрите сами...

Спустя мгновение Холл закашлялся — что-то вытащили у него из горла; он еще раз кашлянул, задыхался, ловя воздух ртом, и открыл глаза.

На него тревожно смотрела женщина.

— Как вам теперь? Это проходит быстро...

Холл попытался ответить, но не смог. Он лежал неподвижно на спине и радовался тому, что дышит. Сначала дышать было трудно, но постепенно стало легче, легче, ребра вздымались и опускались уже без усилий. Он повернул голову и спросил:

— И долго я?..

— Секунд сорок, — ответила женщина. — Или около того. Сорок секунд без дыхания. Вы уже немного поспали, когда мы вас подняли, но мы вам тут же ввели трубку — и к респиратору...

— Когда это было?

— Минут двенадцать — пятнадцать назад. Лигамин — препарат кратковременного действия, но мы за вас очень беспокоились. Как вы теперь?

— Вполне.

Он оглядел комнату — это был лазарет четвертого

уровня. На дальней стене засветился экран, и на нем показалось лицо Стоуна.

— Привет,— сказал Холл.

Стоун улыбнулся:

— Поздравляю!

— Значит, бомба не того?..

— Бомба не того,— ответил Стоун.

— Это хорошо,— сказал Холл и снова закрыл глаза.

Проспал он больше часа, а когда проснулся, телеэкран был пуст. Сестра сказала, что Стоун разговаривает с базой Ванденберг.

— Случилось еще что-нибудь?

— По прогнозам «Андромеда» сейчас должна быть над Лос-Анджелесом.

— И?..

Сестра передернула плечиками.

— И ничего. Похоже, что она теперь вообще никак и ни на что не действует...

— Именно ни на что,— подтвердил Стоун позже.— По-видимому, очередная мутация породила стойкую доброкачественную форму. Мы, правда, все еще ждем сообщения о чьей-нибудь странной смерти или болезни, но прошло уже шесть часов, и с каждой минутой вероятность такого сообщения уменьшается. Мы надеемся, что в конце концов «Андромеда» вообще покинет пределы атмосферы — здесь для нее слишком много кислорода. Но, конечно, если бы в «Лесном пожаре» взорвалась бомба...

— А много тогда оставалось времени? — поинтересовался Холл.

— Когда вы повернули ключ? Около тридцати четырех секунд.

— Целая вечность,— пошутил Холл.— И волноваться не стоило.

— Ну, вам-то, может, и не стоило. А мы на пятом уровне, признаться, поволновались изрядно. Я ведь забыл вам сказать, что для улучшения взрывной характеристики за тридцать секунд до взрыва с пятого уровня откачивается весь воздух...

— Вот как,— откликнулся Холл.

— А теперь мы с вами хозяева положения. «Андромеда» у нас осталась, и мы продолжаем ее изучать. Уже начали описывать ряд мутантных форм. Довольно занятный организм, поразительно многосторонний...—

Стоун улыбнулся.— Полагаю, можно с уверенностью сказать, что «Андромеда» уйдет в верхнюю атмосферу, не причинив нам больше никаких неприятностей. Там, на поверхности, опасность миновала. Что же касается нас тут, под землей, то мы уже поняли, что происходит с этой козявкой в смысле мутаций. Это важнее всего. Что мы хоть что-то поняли...

— Поняли? — переспросил Холл.

— О да,— сказал Стоун.— Пришлось понять.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК-ТЕРМИНАЛ

Роман

Перевод А. Гриценко

6

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

Роман

Перевод В. Тальми и К. Сенина

180

Литературно-художественное издание

КРАЙТОН МАЙКЛ

Человек-терминал

Роман

Штамм «Андромеда»

Роман

Перевод с английского

Художник
Виталий Федорович Лазарев

Редактор *Л. И. Бидюк*
Художественный редактор *Л. И. Андриевский*
Технический редактор *С. Г. Орлова*
Корректор *Н. Лобода*

Слано в набор 19.04.93. Подписано к печати 20.12.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура литерат.
Печать высокая. Усл. печ. л. 20,84. Усл. кр.-отт. 22,68.
Уч.-изд. л. 23,37. Зак. 3—1047.

Издательство СП «СВЕНАС».

254119, Киев-119, ул. Дегтяревская, 38—44.

Отпечатано на Головном предприятии республиканского
производственного объединения «Полнграфкинг», 252057,
Киев, ул. Довженко, 8.

180

ШТАЙМ

роман

Перевод с английского

Владимир

Крайтон М.

К78

Человек-терминал: Роман; Штаим «Андромеда»: Роман : Пер. с англ. / Худож. В. Ф. Лазарев. — К. : Изд-во «СВЕНАС», 1994. — 416 с. : ил.

ISBN 5-85722-063-7

Первый роман известного американского фантаста поднимает проблемы моральной ответственности ученых за результаты производимых ими секретных экспериментов. Моделируется ситуация, когда объект экспериментов выходит из-под контроля. Во втором романе рисуется фантастическая, но вполне правдоподобная картина заражения нашей планеты внеземным бактериальным штаммом.

К 47030040100—000
СВЕНАС—94 Без объявл.

ББК 84.4.США

**В издательство
в нынешнем году
увидят свет!**

АВАНТЮРНАЯ ФАНТАСТИКА

**Выпуск 2.
24,75 уч.-изд. л.
84×108¹/₃₂. Переплет № 4**

*В сборник вошли произведения представителей
так называемой «новой волны»
американской фантастики.
Читатель познакомится
с не издававшимися
ранее на русском языке
повестями Энн Маккафри,
Гордона Р. Диксона, Роджера Желязны
и других, уводящими в мир
фантазии и приключений.*

АВАНТЮРНАЯ ФАНТАСТИКА

Энн Маккафри

ПОИСК

Повесть

Гордон Р. Диксон

СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ

Повесть

Роджер Желязны

КАНУН ПРАЗДНИКА РУМОКО

Повесть

Рендолл Гаррет

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВЫСШЕЙ ПРОБЫ

Повесть

Мак Рейнолда

НАЕМНИК

Повесть

Дин Маклафлин

ЯСТРЕБ СРЕДИ ВОРОБЬЕВ

Повесть

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Повесть

АВАНТЮРНАЯ ФАНТАСТИКА

Выпуск 3.

32,6 уч.-изд. л.

84×108¹/₃₂. Переплет № 4

В третьем выпуске сборника
представлены остросюжетный роман

Алана Дина Фостера,

продолжение эпопеи

Гарри Гаррисона о Джеймсе

Боливаре ди Гризе,

увлекательнейшие повести

Клиффорда Саймака и Роберта Э. Хайнлайна,

а также рассказы Роберта Р. Янга

и Фредрика Брауна.

В НАЧАЛЕ ВРЕМЕН

ВАСКОВА

ВАСКОВА

НА

В

ВАСКОВА

АВАНТЮРНАЯ ФАНТАСТИКА

Алан Дин Фостер
МУЗЫКА СМЕРТИ
Роман

Гарри Гаррисон
ТЫ НУЖЕН СТАЛЬНОЙ КРЫСЕ
Роман

Клиффорд Саймак
КИМОН
Повесть

Роберт Э. Хайнлайн
КОВЕНТРИ
Повесть

Роберт Ф. Янг
У НАЧАЛА ВРЕМЕН
Рассказ

Фредрик Браун
АРЕНА
Рассказ

Карл-Хайнц Тушель
НЕПРИМЕТНЫЙ МИСТЕР МАКХАЙН
Рассказ

*«Авантюрная фантастика» —
серия лучших произведений фантастико-
приключенческого жанра.*

Издательство СП «СВЕНАС» —

ЛЮБИТЕЛЯМ фантастики.

Читайте впервые переведенный
на русский язык захватывающий роман
«Человек-терминал», а также «историю кризиса,
одного из самых значительных в американской науке», —
«Штамм «Андромеда».

SVENAS